

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

украинского сельского населения
Западной Сибири
в конце XIX — XX веке

ЩОБ ДОЛЯ ЩАСЛИВА МЕНІ
НАГРАДИЛА НАЙЧУК ЛІМ

Барнаул • 2017

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Алтайский государственный педагогический университет»
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ
украинского сельского населения
Западной Сибири
в конце XIX — XX веке

Монография

Барнаул • 2017

УДК 39(=161.2)+94(571.1)

ББК 63.521(=411.4)-534+63.3(253.37)-21

С309

Рецензенты:

доктор исторических наук, вед. науч. сотрудник ИАЭТ СО РАН *Е. Ф. Фурсова*;

кандидат исторических наук, доцент ОмГУ им. Ф. М. Достоевского *А. А. Крих*;

кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе АлтГПУ

А. В. Контев

С309 Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX — XX веке : монография / Н. С. Грибанова, И. В. Чернова, Н. В. Люля, А. С. Свидовская. — Барнаул : АлтГПУ, 2017. — 306 с.

ISBN 978-5-88210-890-7

В монографии характеризуются динамика численности, семейная структура, семейные отношения и социокультурные практики украинского сельского населения Западной Сибири, рассматриваются изменения важнейших элементов семейного быта (жилища, одежды, пищи) и обрядов жизненного цикла (родильно-крестильного, свадебного, похоронно-поминального) на протяжении конца XIX — XX в., определяется роль семьи в трансляции этнических традиций и сохранении этнического самосознания. Книга написана на материалах, собранных авторами в ходе полевых этнографических исследований на территории Алтайского края, Омской и Новосибирской областей, а также выявленных в музейных и архивных собраниях региона.

Книга адресована этнографам, историкам, фольклористам, специалистам в области музейного дела и всем интересующимся культурой восточнославянских народов.

УДК 39(=161.2)+94(571.1)

ББК 63.521(=411.4)-534+63.3(253.37)-21

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-31-01008 а1
«Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири
в конце XIX — XX в.».*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского
фонда фундаментальных исследований по проекту № 17-01-16116.
Не подлежит продаже.*

В оформлении обложки использованы фотографии: украинский рушник (Рубцовский краеведческий музей, ОФ 20404, Алтайский край), семья Бурч, 1960 г. (музей Беленской МБОУ СОШ, НСО); девушки в украинской одежде, 1940 г. (ИКМ АлтГПУ, Алтайский край), Кондратенко Саша и Сережа, 1961 г. (музей Беленской МБОУ СОШ, НСО).

ISBN 978-5-88210-890-7

© Грибанова Н. С., Чернова И. В., Люля Н. В., Свидовская А. С., 2017

© ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет», 2017

Введение

Настоящая монография является итогом реализации проекта по изучению украинского населения Западной Сибири коллективом молодых исследователей Алтайского государственного педагогического университета и Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, осуществлявшейся при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в 2013–2015 гг.¹

Выбор в качестве объекта исследования одной из наиболее многочисленных этнических групп региона, основную часть которой составляют потомки переселенцев из юго-западных (украинских и смешанных русско-украинских) губерний России конца XIX — начала XX в., обусловлен недостаточной изученностью культурно-бытовых особенностей группы, специфики их формирования и развития.

Интерес исследователей к изучению украинского населения Западной Сибири отмечается только на рубеже XX–XXI вв. в связи с ростом внимания к проблемам формирования переселенческих групп и функционирования фольклорно-этнографических традиций восточнославянских народов в пространстве и во времени. В этот период в этнографическом изучении украинского населения Западной Сибири были обозначены отдельные направления актуальных исследований, опубликован целый ряд работ, посвященных современным этническим процессам в среде украинского населения, истории формирования и расселения, проблемам идентичности, семейной и календарной обрядности, традициям питания и пище, фольклорному и материальному наследию². Однако изучение семьи не проводилось, семейный быт рассматривался фрагментарно, без привлечения широкого круга источников. Кроме того, в современной этнологической науке процессы трансформации этнического самосознания и традиционной культуры, а также перспективы их развития обычно рассматриваются на уровне крупной общности (этнические, этнографические группы,

¹ Результаты проекта, в том числе публикации, фрагменты интервью и фотоматериалы, также представлены в сети Интернет на специально созданной странице (<http://sfrik.omskreg.ru/page.php?id=368>).

² История и этнография украинского населения Западной Сибири : Библиографический указатель (1981–2013 гг.) / сост. Н. С. Грибанова, И. В. Чернова. Барнаул : ООО «АЗБУКА», 2014. 36 с.

субэтноты), при этом за рамками остаются малые группы, и прежде всего семья. Но именно семья играет главную роль в процессах социализации и адаптации человека, в формировании и трансляции традиций, определяющих этнокультурный облик населения. Семья, с одной стороны, отражает все происходящие в обществе изменения, с другой — выступает фактором сохранения традиции, способствуя стабильности семейно-бытовой сферы, преемственности поколений. Особенно ярко это проявляется в переселенческой среде, где внутри семьи решается вопрос, на какие ценностные установки ориентироваться: сообщества «места выхода» или принимающей стороны. Исходя из этого была определена цель работы — изучение семьи, развития и трансформации семейно-бытовых традиций украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX — XX в. под воздействием социокультурных, этнических, конфессиональных и политических факторов.

Хронологические рамки исследования выбраны исходя из целей работы и охватывают период с конца XIX до конца XX в. Нижняя граница определяется началом массовых переселений украинцев на территорию Западной Сибири. В отдельных случаях результаты наблюдений, полученные в ходе этнографических экспедиций 2012–2017 гг., иллюстрируют динамику некоторых процессов и подтверждают устойчивость традиций, сдвигая верхнюю границу исследования до современности.

Рассматриваемый период условно можно разделить на три периода по характеру миграционных волн украинского населения:

- переселенческое движение конца XIX — начала XX в., связанное с протекционистской политикой государства, заинтересованного в хозяйственном освоении Сибири. Поскольку миграционные процессы начала XX в. неразрывно связаны с особенностями заселения Сибири конца XIX в., мы объединяем их в один период;

- переселения 1930–1940-х гг., связанные как с репрессивной политикой советской власти (раскулачивание, депортации), так и с поддержкой правительства в освоении неэксплуатируемых земель (1939–1942 гг.);

- освоение целинных земель в 1950-х гг., а также более поздние волны миграции украинского населения в рассматриваемые регионы, в том числе после распада СССР — из республик Средней Азии и Казахстана.

Сроки и качество хозяйственной и социокультурной адаптации семей украинских переселенцев зависели не только от времени пере-

селения на территорию Западной Сибири, но и от места водворения и формы расселения, определявших взаимоотношения с другими народами.

Территориально исследование охватывает три региона — Алтайский край, Новосибирскую и Омскую области, так как в результате переселений конца XIX — начала XX в. территории именно этих современных административных единиц стали зоной расселения основной массы украинцев в Западной Сибири. Последующие миграции не внесли значимых изменений в численность украинского сельского населения¹.

Основу источниковой базы работы составили материалы этнографических исследований участников проекта в период его реализации, с 2013 по 2015 гг. Всего было проведено 13 этнографических экспедиций в районы проживания украинского населения на территории Алтайского края (Кулундинский, Романовский, Егорьевский, Благовещенский, Рубцовский районы), Омской области (Одесский, Горьковский, Омский, Кормиловский, Большереченский, Тарский, Тюкалинский районы), Новосибирской области (Колыванский, Карасукский районы). В 2017 гг. полевые этнографические исследования были продолжены в Калачинском районе Омской области, в Родинском районе Алтайского края.

Выбор районов этнографических экспедиций был осуществлен таким образом, чтобы охватить зоны расселения украинского населения различных волн на протяжении конца XIX — XX в.: 1) компактного в степной зоне региона (южные районы Омской области, западные и северо-западные районы Алтайского края, западные и юго-западные районы Новосибирской области) — моноэтничные украинские населенные пункты, преимущественно образованные в ходе стольпинских аграрных переселений; 2) локального, где украинские населенные пункты расположены среди русских, немецких, казахских сел (степная и лесостепная зона) — преимущественно населенные пункты, образованные переселенцами конца XIX — начала XX в.; 3) дисперсного (различные районы региона) — переселения во второй половине XX в. и внутренние миграции украинского населения в села региона; 4) чересполосного, когда украинское население составляет значительную, но

¹ Коровушкин Д. Г. Трансформация численности и этнического самосознания переселенческих диаспор в Западной Сибири // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах. Вып. 2. Новосибирск, 2007. С. 42–43.

не преобладающую часть населенного пункта и соседствует при этом с другими народами (русскими, белорусами, немцами, казахами).

Полевые исследования участников проекта охватили следующие группы украинского сельского населения: 1) потомков переселенцев из юго-западных губерний России 1880-х — 1905 г.; 2) потомков переселенцев в годы Столыпинской аграрной реформы 1906–1914 гг.; 3) переселенцев в рамках плановой переселенческой политики 1939–1942 гг. и их потомков. Единичными являются интервью с вынужденными переселенцами 1930-х гг., участниками освоения целинных и залежных земель, прибывшими из Украинской ССР, переселенцами по личным обстоятельствам в 1960–1980-е гг. В работе также использованы материалы интервьюирования, проведенного с информантами другой национальности (большей частью русскими), являющимися членами семей или односельчанами украинцев.

Методика полевых исследований, используемая участниками проекта, была ориентирована на комплексное изучение истории и этнографии украинского сельского населения с использованием различных форм работы: интервьюирование потомков украинских переселенцев и представителей контактировавших с ними народов, выявление и сбор материалов в архивах сельских администраций, изучение коллекций районных, сельских и школьных музеев и центров культуры, фотосъемку сохранившихся предметов традиционной культуры и современного облика обследуемых населенных пунктов, а также фиксацию современного состояния культуры украинского населения и ознакомление с деятельностью фольклорных коллективов.

При подготовке монографии использованы также материалы этнографической экспедиции ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г. и историко-этнографических экспедиций АлтГПИУ 2008 г., 2010–2012 гг., устные источники, хранящиеся в фонде Музея археологии и этнографии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского и личных архивах авторов.

Важный источник составили вещественные материалы из собраний государственных, муниципальных и школьных музеев. В ходе исследования были изучены украинские коллекции предметов быта, одежды, декоративно-прикладного творчества, фотографий и документов 12 музеев Алтайского края, пяти — Омской области, четырех — Новосибирской области.

Основной массив архивных материалов, используемый в работе, представлен похозяйственными книгами, хранящимися в муниципальных архивах. Они содержат информацию о составе семей и хо-

зяйств. Большая часть обработанных похозяйственных книг характеризует ситуацию, сложившуюся в первой половине XX в. Кроме того, использованы данные центральных и региональных архивов, отражающие чаще всего процесс переселения и обустройства переселенцев на новых местах. Авторами указанных документов были как крестьяне, так и чиновники, что позволяет дать более глубокую характеристику процессу переселения.

Собранный таким образом массив этнографических источников отражает историю семей, семейно-бытовые традиции и традиции семейного воспитания, развитие семейной обрядности и адаптацию системы жизнеобеспечения переселенцев в конце XIX — XX в.

Однако изучение этих вопросов не представлялось возможным без рассмотрения процесса формирования украинского населения Западной Сибири и его размещения в пределах изучаемых регионов. На основе данных переписей населения прослежена динамика численности украинцев в рассматриваемых административно-территориальных единицах. Иллюстрацией является приложение, включающее картографический материал с информацией о численности украинского населения по округам, областям и районам на 1926, 1989 и 2010 гг. (карты 1–14).

Несмотря на то, что данные переписей о численности украинского населения Сибири многократно опубликованы, приведем некоторые из них. Согласно данным переписи 1897 г., украинское население Западной Сибири насчитывало 137,1 тыс. чел., что составляло 4,1% всего населения региона¹. При этом большая часть украинцев (99,3 тыс. чел.) проживала в Томской губернии² (в основном на Алтае), из них 50310 чел. — в Барнаульском округе, 19250 чел. — в Змеиногорском округе³. Украинское население Тобольской губернии составляло 37,8 тыс. чел.⁴

В 1910–1917 гг. в Западной Сибири насчитывалось 375,9 тыс. украинцев (5,7% всего населения). При этом в Томской губернии прожива-

¹ Брук С. И., Кабузан В. М. Численность и расселение украинского этноса в XVIII — начале XX в. // СЭ. 1981. № 5. С. 24.

² Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.]. Т. 3. С–Я. Новосибирск, 2009. С. 351.

³ Скубневский В. А. Население Алтая по материалам переписи 1897 г. // Компьютер и историческая демография. Барнаул, 2000. С. 41–58 [Электронный ресурс]. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/histdem/3.html> (дата обращения: 01.09.2017).

⁴ Брук С. И., Кабузан В. М. Численность и расселение украинского этноса... С. 24.

ло 308,1 тыс., в Тобольской — 67,8 тыс.¹, в Омском уезде Акмолинской обл. — 114,4 тыс. чел.²

На 1 января 1926 г. все украинское население в Сибирском крае насчитывало 827 536 чел.³ Основную его долю составляли сельские жители (797 696 чел.). Наибольший массив украинского населения зафиксирован в ходе переписи 1926 г. на востоке Кулундинской равнины, юго-западе Барабинской неизменности и юге Ишимской низменности, т. е. в западной части Алтайского края, юго-западной — Новосибирской области и южной — Омской области. На этой территории расположены районы, в каждом из которых численность украинцев превышала 10 тыс. чел.: Карасукский, Знаменский, Новоалексеевский, Хабаровский Славгородского округа, Завьяловский, Петропавловский Каменского округа, Локтевский, Пospелихинский, Рубцовский Рубцовского округа, Индерский Новосибирского округа, Купинский Барабинского округа, Павлоградский, Одесский, Калачинский, Крестинский, Борисовский Омского округа (карты 2–4, 6–8). Согласно современному административно-территориальному делению, это Бурлинский, Немецкий национальный, Хабаровский, часть Славгородского, Суетский, Рубцовский, Пospелихинский, Локтевский, Завьяловский, Романовский районы Алтайского края, Краснозерский, Доволенский, Купинский, часть Кочковского Новосибирской области, Полтавский, Одесский, Павлоградский, Шербакульский, Русско-Полянский, Нововаршавский, Черлакский, Окoneшниковский, Калачинский Омской области.

В пяти районах Сибирского края численность украинского населения превышала 20 тыс. чел.: Славгородском, Родинском, Чернокурьинском, Ключевском Славгородского округа (территориально соответствуют современным Славгородскому, Табунскому, Кулундинскому, Ключевскому, Родинскому районам Алтайского края, части Карасукского района Новосибирской области) и Полтавском Омского округа — современный Полтавский район Омской области (карты 2, 8).

В 1939 г. украинское сельское население на территории Алтайского края насчитывало 174 907 чел., Омской области — 140 106 чел., Новосибирской области — 81 249 чел.⁴ К 1959 г., согласно данным переписи, численность украинцев в сельских населенных пунктах всех трех реги-

¹ Там же.

² Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.]. Т. 3. С–Я. Новосибирск, 2009. С. 351.

³ Всесоюзная перепись населения 1926 г.: Сибирский край, Бурято-Монгольская АССР. Т. 6. М., 1928. С. 11.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М., 1992. С. 59, 63–64.

онов значительно снизилась и составила в Алтайском крае 76 585 чел., в Омской области — 89 774 чел., в Новосибирской области — 30 120 чел.¹

Статистические данные второй половины XX в. фиксируют устойчивую тенденцию к сокращению украинского сельского населения в Западной Сибири². Так, в 1989 г. в Алтайском крае сельское украинское население насчитывало всего 34 494 чел., Омской области — 39 889 чел., Новосибирской области — 11 185 чел.³ При этом районами наибольшей концентрации украинского населения оставались Павлоградский, Полтавский, Одесский, Таврический Омской области и Родинский Алтайского края (карты 9–11). Однако численность украинцев в них существенно сократилась — например, в Родинском районе (АК) с 25 326 чел. в 1926 г. до 6968 чел. в 1989 г., в Полтавском районе (Омская область) с 21 284 чел. до 7185 чел. соответственно (карты 8, 9; 2, 11). Славгородский район на момент переписи 1926 г. включал в себя современные Табунский, часть Славгородского и часть Кулундинского районов. Численность украинского населения, указанного в переписи 1989 г., в трех районах — около 7 тыс. чел., в то время как в 1926 г. она составляла 28 131 чел. (карты 8, 9). К концу XX в. наметилась тенденция концентрации украинского населения в сельских районах вокруг сто-

¹ Всесоюзная перепись населения 1959 г. Табл. 3, 4. Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566а, 1566б, 1566в [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php; http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php?reg=48; http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php?reg=47 (дата обращения: 02.09.2017).

² Всесоюзная перепись населения 1970 г. Табл. 7с. Распределение населения по национальности, родному и второму языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4014–4101 [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php?reg=47; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php?reg=48 (дата обращения: 02.09.2017); Всесоюзная перепись населения 1979 г. Табл. 9с. Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6181–6208 [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php?reg=47; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php?reg=48 (дата обращения: 02.09.2017).

³ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Табл. 9с. Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 204–232 [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (дата обращения: 02.09.2017); http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=47; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=48 (дата обращения: 02.09.2017).

личных центров трех рассматриваемых регионов — Омска, Новосибирска, Барнаула (карты 9–11).

В то же время статистические материалы свидетельствуют, что начиная со второй половины XX в. среди украинцев исследуемого региона растет численность городского населения. К 1989 г. в большинстве районов Новосибирской области доля городского украинского населения достигает 60–70%, доля сельского составляет соответственно 30–40%. Исключениями являются Карасукский район, где на 2169 чел. городского населения приходится 2067 чел. сельского, Колыванский район, где эта пропорция составляет 108/154. Схожая ситуация сложилась в Краснозерском и Ордынском районах¹.

Материалы переписи 1989 г. по Омской области и Алтайскому краю позволяют проследить динамику распределения городского и сельского населения начиная с 1959 г. Имеющиеся сведения показывают неуклонный рост городского населения на фоне сокращения общей численности украинского населения в результате внутренней миграции, в основном переезда в города и более крупные сельские населенные пункты. Так, в Омской области динамика была следующей²:

Год	Общее число украинцев	Из них горожан
1959	128 011	38 237
1970	104 614	44 061
1979	103 823	53 607
1989	104 830	64 941

В Алтайском крае соотношение сельского и городского населения на протяжении второй половины XX в. также меняется в сторону увеличения последнего. В 1959 г. городское население составляло 31,5% от общей численности украинцев в крае (11 1875 чел.), в 1970 г. — 44,0% (из 81 746 чел.), в 1979 г. — 50,3% (из 73 869 чел.), в 1989 г. — 55,05% (из 76 738 чел.)³.

¹ Распределение населения по национальности и родному языку по районам г. Новосибирска и области // Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Новосибирск, 1990.

² Изменение численности отдельных национальностей Омской области за 1959–1989 гг. // Национальный состав Омской области (по данным Всесоюзной переписи 1989 г.). Омск, 1990. С. 13–14.

³ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1959 г. Табл. 3, 4. Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д.1566а, 1566б, 1566в [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_

Материалы переписи 1989 г. также дают возможность охарактеризовать половозрастной состав украинского населения исследуемых регионов, играющий важную роль при изучении демографических процессов в семье. Половой состав сельского и городского украинского населения характеризовался преобладанием женщин: в структуре сельского населения разница между числом мужчин и женщин достигала 9,46% (мужчины составляли 45,27% от общего числа сельского населения, а женщины — 54,73%), тогда как у городского она составляла всего 2,66% (мужчины — 48,67%, женщины — 51,33%)¹.

Кроме общего соотношения полов, при изучении семьи важно также соотношение полов по различным возрастным категориям. В структуре городского населения мужчины незначительно преобладали в возрастных группах до 29 лет, в группе 30–39 лет наблюдается незначительное увеличение числа женщин, а затем в возрастных группах до 59 лет вновь преобладают мужчины. В группах от 60 лет и старше наблюдается резкое увеличение доли женщин в структуре населения. У сельского населения сложилась немного иная ситуация: мужчины преобладают в возрастных группах до 50 лет, затем наблюдается их значительное сокращение в сравнении с числом женщин². Сложившаяся ситуация была во многом обусловлена усилившимися процессами урбанизации, следствием которых стало складывание регрессивного типа возрастной структуры у сельского населения, характеризующегося высокой долей женщин в возрастных группах от 60 лет и старше. Эти обстоятельства косвенно указывают на необходимость акцентировать внимание именно на сельском населении, как основном носителе языка и культуры.

gs.php; Всесоюзная перепись населения 1970 г. Табл. 7с. Распределение населения по национальности, родному и второму языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4014–4101 [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php; Всесоюзная перепись населения 1979 г. Табл. 9с. Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6181–6208 [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php; Всесоюзная перепись населения 1989 г. Табл. 9с. Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 204–232 [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (дата обращения: 02.09.2017).

¹ Характеристика населения отдельных национальностей, проживающих на территории Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Новосибирск, 1990. С. 5, 12, 19.

² Там же.

Для раскрытия контекста формирования и развития семейной структуры и социокультурных практик были затронуты проблемы самоидентификации и самосознания украинцев Западной Сибири.

Было выявлено, что украинское сельское население региона в настоящее время употребляет одновременно два этнонима: «хохлы» и «украинцы». Название «малороссы», широко использовавшееся в конце XIX — начале XX в. в официальных документах, в отношении родителей и дедов информантами не употребляется.

В трактовках этнонимов «хохлы» и «украинцы» и особенностях их употребления обнаружена региональная специфика. Украинское население Омской области четко отграничивает себя от украинцев, проживающих на Украине («хохлы» — те, кто живет в Сибири, а «украинцы» — настоящие, живут на Украине). Это разграничение прослеживается и на уровне экзотэнонимов. В селах Алтайского края маркирующим признаком при употреблении этнонима служит не только территория проживания. Большое значение имеют также степень сохранности языка и длительность проживания в регионе. Незнание потомками украинских переселенцев современного украинского языка расценивается ими как основание считать себя «хохлами», а в совокупности с местом рождения (Сибирь, Алтай) — русскими. Кроме того, полевые исследования в Алтайском крае показали, что использование этнонимов «украинцы» и «хохлы» в XX в. имело свои особенности в районах с различным типом расселения украинцев. Потомки столыпинских переселенцев в украинских и украинско-немецких селах в зоне компактного расселения (преимущественно районах в Кулундинской степи) в качестве эндоэтнонима в повседневной жизни и в документах использовали название «украинцы». В украинско-русских и русско-украинских селах оба этнонима употреблялись, можно сказать, в равной степени. В селах с локальным расселением (например, Романовский район АК) информанты, рассказывая о своих родителях, рожденных в начале XX в., употребляли одновременно два этнонима — «украинцы» и «хохлы», поскольку первый использовался в официальных документах (переписи, похозяйственные книги), а второй — в быту. В то же время нужно отметить, что в статистических материалах XX в. (подворных и похозяйственных книгах) также отсутствует единообразие в терминологии: в подворных книгах конца 1920-х гг. для обозначения украинского населения использовались термины «малоросс» и «украинец», в похозяйственных книгах начиная с 1930-х гг. в основном встречается «украинец» («украинка»).

В русско-украинских селах отмечена тенденция к одновременному употреблению этнонимов «хохол» и «русский» в качестве самоназвания. Как правило, информанты 1970–1980-х гг. рождения отмечают, что слово «русский» характеризует их национальную принадлежность, а название «хохол» указывает на самобытность культурных традиций, которые в семьях потомков украинских переселенцев продолжают сохраняться до настоящего времени. За переселенцами из Украины второй половины XX в. устойчиво сохраняется название «украинец» в качестве и эндо- и экзоэтнонима.

Материалы опросов показали, что в обследованных районах важнейшим признаком идентификации и самоидентификации украинского сельского населения в настоящее время выступает язык. Понимание специфики этноязыковых процессов в среде изучаемого народа чрезвычайно важно для настоящего исследования, так как степень владения языком показывает, на каком языке конструируется семейная сфера, и демонстрирует уровень социокультурной адаптации переселенцев.

Информанты различают украинский язык (на основании сходства с современным литературным языком) и «хохляцкий» язык (диалектная форма, называемая диалектологами «суржик»), отличавшийся как от русского, так и от украинского языков уже у второго поколения переселенцев конца XIX — начала XX в. Было установлено, что в речи потомков переселенцев в селах компактного и локального расселения на территории Алтайского края и Новосибирской области устойчиво сохраняются фонетические особенности и отдельная лексика «хохляцкого» языка. При этом в районах компактного расселения языковые особенности сохраняются до настоящего времени в большей степени, чем в районах локального расселения, в немецко-украинских селах — в большей степени, чем в украинско-русских и русско-украинских. В селах Омской области украинский язык, привезенный в Сибирь переселенцами конца XIX — начала XX в., начинает выходить из бытового обихода с 1950–1960-х гг. В районах дисперсного проживания язык фактически не сохраняется. Согласно сведениям информантов, проживающих в селах с преимущественно русским населением, в детстве родители разговаривали с ними на русском языке и считали ненужным знание детьми родного языка. Дети и внуки плановых переселенцев 1939–1942 гг. владеют диалектной формой украинского языка и сохраняют его благодаря общению с родственниками, проживающими в Украине.

Степень сохранности украинского языка отражена в материалах переписей. Одной из последних в исследуемый период была перепись 1989 г. По ее данным, к 1989 г. в большинстве районов Алтайского края, Омской и Новосибирской областей у украинского сельского и городского населения более востребованным являлся русский язык. При этом украинский язык сохранялся лучше в среде сельского населения. Разница между городским и сельским населением по данному показателю по районам НСО составляет около 1–5%. Например, в Карасукском районе НСО число владеющих украинским языком в среде городского населения составляет 19,4%, сельского — 2,8%. Оставшаяся часть украинцев указала, что они владеют татарским и иными языками. Исключение составляет Кыштовский район НСО, где число владеющих украинским языком выше, чем указавших в качестве основного русский язык: соответственно 69,2% и 30,8% у сельского населения и 70,6% к 29,4% — у городского. Однако общее количество украинского населения в районе невелико и может свидетельствовать о локальных особенностях района¹. В Омской области, судя по данным переписи 1989 г., сложилась похожая ситуация: среди городского украинского населения украинским языком здесь владели 16 591 чел. (25,5%), среди сельского — 11 934 чел. (29,9%)².

Таким образом, украинское сельское население Западной Сибири отличается неоднородностью в темпах развития этноязыковых и этнокультурных процессов. Тем не менее исследования показывают, что у большей части представителей данной группы к настоящему времени сложились устойчивые схожие представления о критериях отнесения себя к сибирскому переселенческому сообществу (время переселения, степень владения языком, культурно-бытовые особенности). Семейно-бытовая сфера, как и культура украинского населения Западной Сибири в целом, начиная с 1920–1930-х гг. все более унифицируется под влиянием процессов адаптации и аккультурации. Однако ее конкретное наполнение и результаты трансформации представлены в научно-исследовательской литературе фрагментарно. Настоящая мо-

¹ Распределение населения по национальности и родному языку по районам г. Новосибирска и области // Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Новосибирск, 1990.

² Распределение постоянного населения районов Омской области по наиболее многочисленным национальностям и родному языку в 1989 г. // Национальный состав Омской области (по данным Всесоюзной переписи 1989 г.). Омск, 1990. С. 36.

нография, надеемся, станет еще одним шагом на пути к восполнению этого пробела.

Монография содержит три главы. Первая знакомит с особенностями формирования семей украинских переселенцев, их количественными и качественными характеристиками; вторая посвящена непосредственно семейной обрядности; в третьей раскрыты материальные аспекты семейного быта. Каждая из глав содержит иллюстрации из семейных архивов, музеев и архивов исследуемого региона.

Приложение включает фрагменты воспоминаний потомков украинских переселенцев. На первую цветную вкладку вынесены карты-схемы, отражающие расселение и динамику численности украинского населения Западной Сибири, на вторую — наиболее яркие и интересные фотографии жилища, одежды, предметов быта, выступлений фольклорных коллективов.

Для удобства читателя в книге использованы следующие обозначения иллюстративного материала: «рис.» — для фотографий в тексте, «цв. ил.» — для иллюстраций на цветной вкладке.

Слова украинского или диалектного происхождения, употребляемые информантами в обследованных районах, в тексте монографии заключены в кавычки. Цитаты приводятся с сохранением особенностей произношения.

Текст основной части монографии написан авторским коллективом в составе Н. С. Грибановой (канд. ист. наук, зав. историко-краеведческим музеем АлтГПУ), И. В. Черновой (канд. ист. наук, доцент ОмГУ им. Ф. М. Достоевского), Н. В. Люля (аспирант АлтГПУ), А. С. Свидовской (магистрант АлтГПУ), введение и заключение — Н. С. Грибановой, И. В. Черновой, карты-схемы подготовлены А. С. Свидовской. В работе также использованы полевые материалы, собранные другими участниками проекта: Е. А. Петяксиной (Прохоровой), Ю. С. Новиковой, Е. А. Коптяевой, — и опубликованные результаты исследований, полученные указанными исполнителями в процессе его реализации.

Выражаем искреннюю благодарность всем, кто оказал помощь в проведении экспедиций и сборе материала, особенно нашим собеседникам — жителям сел, поделившимся своими воспоминаниями и знаниями о традициях украинского народа, проживающего в Западной Сибири.

Семья украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX — XX веке: история, структура и социокультурные практики

1.1. История и структура семей. Внутрисемейные отношения

История формирования любой переселенческой группы тесно связана с историей семьи. При использовании социокультурного подхода исследование семьи, помимо всего прочего, позволяет выявить особенности поведения переселенцев в условиях адаптации. В рамках такого подхода актуальным является дополнение источников по истории, составу и структуре семей данными по материальной культуре: это позволяет выявить степень сохранности традиций мест выхода переселенцев, а также наличие или отсутствие заимствований под воздействием внутренних и внешних условий.

Источники показывают, что не лишенный трудностей непосредственный процесс переселения украинцев в Сибирь отразился в сознании нескольких поколений их потомков. Сюжет с переездом и адаптацией обычно выстраивается на основе воспоминаний информантов о рассказах их родственников. Повествование почти всегда начинается с переезда, независимо от его времени. Причины переезда, приводимые в воспоминаниях и документах, зависят от времени переселения. Среди основных причин аграрные переселенцы называют хозяйственную неустроенность и малоземелье в местах выхода. Применительно к периоду XIX — начала XX в. наиболее полно они отражены в делопроизводственной документации, связанной с переселенческим делом: прошениях о переселении и отчетах чиновников. Например, А. Н. Куломзин в своем отчете отмечает: «На вопрос, настойчиво задаваемый мною переселенцам о причине, движущей их на оставление родины, ответы варьировались: „от безземелья“, „жить не при чем“, „мало земли было“, „землею наголодались“,

„тесно стало“, „земли добиваться шли“, „на землю захотелось“, „под деревнями больше места было, чем под пашнями“, „кола вырубить негде“, „утеснение скотине“ и т. п.»¹.

В большей степени эти причины актуализируются потомками украинских переселенцев, являвшихся арендаторами земли в местах выхода. Часть их относилась к крестьянству, часть имела более высокое социальное происхождение. «Когда дедушка уезжал с Украины, они ехали в столыпинские времена сюда. <...> Они приехали в Омск и их распределили в Славгород. Тут же уезд был Славгородский, и они приехали в Славгород, а Славгород распределял их по участкам. Их в Благодатное привезли — ниче, пустое поле было. Вот их привезли, сказали: „Живите“. Живите, ага. Вот такие дела. <...> Да, да, на лошадях, за дорогу три раза меняли лошадей. Тогда же еще были постоянные дворы, но, говорит, мы нигде не ночевали, лошадей поменяем и дальше, лошадей поменяем и дальше. Не ночевали нигде, ни у одного хозяина. И вот доехали до Омска и тут в Омске лошадей поменяли, переночевали, и их это, три дня они там были, в Омске. Пока ж, наверное ж, документы, пока... Дедушка грамотный был, он кончил четыре класса церковно-приходской школы — считается, как институт закончил тогда, в то время. И он вел политическую работу. Против царя, наверное. Его сослать хотели... А он сбежал»².

Особенно ярко эти причины проявляются в конце XIX — начале XX в., демонстрируя устойчивость хозяйственной мотивации: «...Родители приехали из-за голода на Украине, многие односельчане переезжали в Сибирь в те времена»³. «В Чаглинку большинство приехали, когда Столыпинские реформы были, дед с отцом и переехали из-за земли»⁴. «Родители мои жили на Бугу, это на самом краю с Польшей. <...> В 1926 г. отец пошел ходоком, втроем они собрались, друзья. Доехали поездом до Омской области и пошли пешком по селам. Один остался в Павлоградке, один остался в Русской Поляне, ему понравив-

¹ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 70. Л. 98. Отчет печатный Куломзина Анатолия Николаевича Николаю II о поездке в Сибирь для ознакомления с переселенческим делом. 24.10.1896. Л. 5–5 об.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Коваленко А. И., 1940 г. р.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Усанкин С. Н., 1928 г. р.

⁴ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Какоулин И. Я., 1939 г. р.

лось, а отец добрался сюда. Новороссияновка деревушка была, дворов 40, наверное, было. Улица вот так, и она поворачивала. Его принял зажиточный крестьянин Янько, и ему так понравилось. Весной уже с семьей приехал сюда, а было уже пятеро детей у них. Две недели ехали из Украины до Омска, самому маленькому было два годика, а старшему 10 лет. Мама моя всю жизнь вспоминала, как они трудно ехали. Доехали как раз на Пасху — распутица, грязь. Доехали до Омска, они там купили пару лошадей и бричку, детей погрузили, и так они ехали до Новороссияновки. Им дали надел от Новороссияновки два километра, и дали ему 50 десятин земли, так он был на девятом небе. Там-то у него [отца], на Украине, было две десятины, а три сына, и каждому надо было отделяться. А шо дать? Этот же Янько его приютит. Мама все рассказывала: „Приехали, а там у него булки белые, я думала, они только на Пасху таких напекли... (На Украине-то только ржаной ели тогда хлеб.) Пасха прошла, смотрю, а хозяйка снова такой хлеб печет. Я у них спрашиваю: „У вас что, опять Пасха?“ Хозяйка говорит, что всегда такой хлеб печем“¹.

Некоторые информанты указывают также и на факторы, повлиявшие на выбор места переезда. Важным среди них было наличие родственников, односельчан или знакомых, уже прошедших первичный этап адаптации в сибирских условиях: «...Из-за голода все уезжали с Украины, соседи уезжали, и мать ее попросила их взять с собой, а тут уже братья жили, переехали раньше вместе с семьями...»².

В коллективной памяти переселенцев 1930–1940-х гг. причины и момент переезда отражены не столь очевидно. Информанты транслируют версии, предложенные их родителями и старшими родственниками. Большая часть воспоминаний начинается уже со времени приезда в Сибирь. «Приехали мы сюда, когда мне было пять лет. На Украине в то время был голод... Односельчане уже переезжали в Сибирь... тут можно было нормально жить, письма писали»³. Переселенцы более поздних волн слабо рефлексировали о причинах переезда, уделяя основное внимание сравнениям условий проживания на местах выхода и в Сибири.

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Желанное. Евладенко Л. М., 1928 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Зуева Е. А., 1940 г. р.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Дудук А. Р., 1930 г. р.

Однако, судя по архивным и полевым материалам, в Сибири все оказалось не так радужно: переселенцам пришлось преодолевать примерно те же самые трудности, от которых они уезжали¹. Помимо необходимости хозяйственной адаптации, у них возникала необходимость в структурировании пространства в изменившихся условиях. Эти процессы оказались тесно связаны и с формированием идентификации. Как указывают исследователи советского периода, основными агентами, участвующими в выстраивании идентификации, были государственные структуры, принимающее старожильческое сообщество и представители других переселенческих групп. Все эти процессы нашли отражение и в устных источниках. Обозначая принадлежность своих родителей, наши информанты прежде всего локализируют места выхода. Превалирование локальной идентичности вполне объяснимо, так как это наиболее простой и понятный способ структурирования нового пространства, обозначения границы между «мы» (конкретное переселенческое сообщество) и «они». Часто эта граница закреплялась не только в языке, но и в реальном географическом пространстве. Огромное количество примеров можно обнаружить, в частности, в топонимии: как в названиях населенных пунктов, так и в наименованиях краев, улиц и т. п. Причем, сформировавшись по большей части еще в XIX — начале XX в., эти единицы сохраняются и используются до сих пор: «Мы называемся Черниговской губернии, може, Полтавской, а оны не Полтавской, может, Киевской»². В советский период процесс идентификации отражался в названиях колхозов, приобретая более унифицированный характер. Например, в д. Новокиевка Кыштовского района Новосибирской области был организован колхоз «Украинка».

Кроме этнического окружения, на процесс создания семей в Сибири большое влияние оказывала и государственная политика. В имеющихся текстах особенно выделяется проблема документального оформления семейно-брачных отношений в рамках переселенческого сообщества. Как видно из материалов, переселенцы при заключении брака нередко пытались обойти формально-юридические нормы. Как указывают некоторые авторы, довольно часто, чтобы

¹ См. об этом: Бережнова М. Л. Государственная программа переселений в восточные районы СССР 1939–1942 гг.: этнографические аспекты // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4/2. С. 7–16.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2014 г.: Омская область, Горьковский район, с. Октябрьское. Кулик Е. С., 1936 г. р.

«получить льготный тариф», переселенцы умышленно убавляли возраст своих детей в учетных документах (проходных свидетельствах, посемейных списках и духовных росписях), составлявшихся с их слов, и когда те оказывались в Сибири, они не могли обвенчаться¹. Поэтому нередко малороссы, как и другие группы переселенцев, при заключении брака шли на хитрость: использовали подложные документы; в случаях, когда жены сбегали, просили выдать удостоверение о том, что они холосты, и т. п.² Нередко переезд приводил к разделению семей, особенно у тех, кто не имел достаточных средств, чтобы перевезти всю семью. Чаще всего уезжали мужчины, оставляя на родине женщин и детей.

Помимо причин и условий переезда, в полевых источниках фиксируется состав семей переселенцев. Информанты, упоминая о периоде конца XIX — первой трети XX в., обычно указывают на такие особенности, как многодетность и совместное проживание трех (редко более) поколений: «Семьи-то большие были... Приехали они туда, их не приняли, послали под Астыровку, там тоже хохлы. Хохлы же любят, чтоб камыши, крыши камышом кроют, и лоза чтоб была. Их потом под Сухое отправили, они там поселились, сразу 70 семей»³. Многие многопоколенные семьи планировали разделиться после переезда в Сибирь, но далеко не всем это удалось, в основном по экономическим причинам.

Объективность сведений, полученных от информантов, позволяют проверить статистические данные. В качестве основных источников мы привлекали данные Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. и Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг., а также материалы похозяйственных книг сельских администраций. При этом для анализа состава семей более информативны материалы переписей 1897 и 1917 гг., так как в них представлены данные обо всех членах семьи. В материалах переписи 1916 г. обозначено лишь общее число мужчин и женщин в семье, а также год, губерния выхода и время выделения самостоятельных хозяйств.

Согласно «Ведомостям земского отдела Министерства внутренних дел о движении переселенцев по Томской губернии за 1895 г.»

¹ Голошубин И. Из впечатлений сельского священника // Омские епархиальные ведомости. 1911. № 15. Отдел неофициальный. С. 26.

² Там же. С. 26–30.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2014 г.: Омская область, Горьковский район, с. Октябрьское. Кулик Е. С., 1936 г. р.

основными губерниями выхода переселенцев Томской губернии были: Полтавская (951 семейство), Черниговская (600 семейств) и Харьковская (170 семейств). К сожалению, документ не фиксирует этническую принадлежность переселенцев, однако позволяет составить представление о размерах переселений в целом. Кроме того, здесь содержится информация о финансовом состоянии переселенцев до и после переезда. Как видно из представленных данных, в основном переселялись семьи, располагающие капиталом в 50–100 рублей (около 29,4% от общего числа переселенцев в Томскую губернию); довольно значительной была доля переселенцев, имевших по 100–200 рублей (около 26,7%). На момент приезда в Томск подавляющее число переселенцев (около 57,7%) имело в своем распоряжении до 10 рублей¹. Указанная ситуация вполне объясняет широкое распространение многопоколенных семей в конце XIX в. в среде украинского населения Западной Сибири, а также подтверждает рассказы информантов о сложности адаптации в первые годы после переселения.

Материалы переписи 1917 г. по с. Ново-Троицкому Родинской волости Барнаульского уезда демонстрируют, что основными местами выхода переселенцев в начале XX в. были следующие губернии: Екатеринославская, Черниговская и Полтавская². Превалирующей формой семьи является простая (нуклеарная) семья: в населенном пункте зафиксировано 234 такие семьи, насчитывающие 1197 человек. Главой в них является старший мужчина (чаще всего отец), а в случае его отсутствия — женщина (обычно мать). Кроме того, зафиксировано два случая, когда главами семей были взрослые сыновья. Средний размер семьи варьировался от 4 до 6 человек. Источники показывают довольно высокую долю детей в составе семьи (в селе насчитывается 743 ребенка обоего пола — около 62% от всего населения). Второе место занимают неразделенные семьи, возглавляемые представителями старших поколений — обычно бабушкой или дедушкой. Таких семей зафиксировано 48, и насчитывают они 348 человек. Количественно преобладают семьи, в которых совместно с родителями проживают 1, 3 или 4 ребенка: их число составляет 17,17, 18,88 и 15,45% соответственно.

Материалы переписи 1916 г. по отдельным населенным пунктам Томской губернии свидетельствуют о том, что в структуре пересе-

¹ ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 19. Л. 2а об.

² ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 867–871.

ленцев конца XIX — начала XX в. преобладали выходцы из Черниговской, Полтавской, Курской и Киевской губерний. Время переселений разнится в зависимости от волости и состава населения. Однако в данном источнике отсутствует указание на этническую принадлежность переселенцев. В Государственном архиве Томской области сохранилась лишь часть материалов переписи 1916 г., в которых указаны этническая принадлежность главы хозяйства и состав семей. Так, в с. Ново-Никольское Тамаровской волости Мариинского уезда фиксируется 11 семей, главы которых обозначены как крестьяне-«малороссы». В основном это переселенцы из Курской губернии, переехавшие в 1889 г. Общая численность переселенцев составляет 82 человека. По составу преобладают простые (нуклеарные) семьи, возглавляемые мужчинами (54,5%). Примерно треть от общего числа — многопоколенные семьи, объединяющие 3–4 поколения. Одной из самых сложных по структуре была семья Трофима Коржова, насчитывающая 14 человек: здесь вместе с главой проживали его родители, супруга, пять сыновей, сноха, брат с тремя детьми¹.

В качестве примера сохранения многопоколенных семей можно привести д. Новорождественку современного Муромцевского района Омской области. Количественно здесь преобладают семьи, насчитывающие 6–8 человек; есть семьи, в которых числятся 15–16 человек. Около 11% составляют неразделенные семьи, вместе с которыми проживали не родственники — работники или квартиранты. Что касается числа детей, то в среднем в каждой семье проживало с родителями 2–4 ребенка². История формирования Новорождественки довольно подробно отражена в архивных материалах. Как следует из ходатайств крестьян, в числе первых поселенцев были крестьяне Киевской губернии. Кроме того, здесь оказались выходцы из Орловской и Курской губерний. Особенно интересен сюжет с заключением межгрупповых браков между представителями Курской и Киевской губерний³. Дело в том, что «куряне» были выходцами из однодворцев — особой социальной группы, представители которой на местах выхода очень негативно относились к возможностям заключения брака с «хохлами».

¹ ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 189, в деле частично отсутствует нумерация листов.

² ТФ ГАТО. Ф. И 417. Оп. 2. Д. 2456. 114 л.

³ Там же.

Обозначенные процессы (сохранение многопоколенных семей, сопряженное со стремлением к выделению из них самостоятельных домохозяйств, увеличение числа межнациональных браков, постепенное сокращение численности семей, распад части семейств из-за переезда в Сибирь) сохраняли актуальность на протяжении первой четверти XX в. Однако уже в этот период источники фиксируют сдвиги в развитии семей украинского населения в Западной Сибири. В ходе хозяйственной адаптации уже в 1908–1912 гг. начинается распад многопоколенных семей и семейные разделы, связанные также с наступлением брачного возраста в поколении детей переселенцев, привезенных в Сибирь или рожденных здесь. Этот процесс набирает обороты к первой половине 1930-х гг.

Все перечисленные трансформации отражены в материалах учета населения — в уже упомянутой переписи 1916 г., а также в подворных и похозяйственных книгах конца 1920-х — 1930-х гг. Как свидетельствуют данные похозяйственных книг, в качестве глав семей чаще начинают выступать женщины, неразделенные семьи встречаются реже. Однако по-прежнему сохраняется численное преобладание семей, насчитывающих от одного до трех детей. Это видно на примере анализа похозяйственных книг Карасукского района НСО, Одесского, Горьковского, Калачинского, Муромцевского, Тарского и Большереченского районов Омской области. Так, например, в с. Ирбизино Карасукского района (НСО) в 1936 г. численно преобладали простые двухпоколенные семьи, насчитывающие 4–6 человек: они составляли около 60% от общего числа семей. Однако наблюдается сохранение неразделенных семей, где совместно проживают три поколения: как правило, бабушки (дедушки), их дети и внуки (их число достигает 12%). Встречается несколько случаев, когда совместно проживают братья/сестры главы семьи¹. Что касается количества детей, совместно проживающих с родителями (в данном случае мы отдельно считали детей разных поколений внутри неразделенных семей), то лидирующие позиции по-прежнему занимают семьи с двумя, одним и тремя детьми: соответственно 24,2, 21,2 и 21,2%.

Аналогичная ситуация наблюдается в с. Одесское (Одесский район, Омская область) на протяжении 1938–1939 гг. Здесь также преобладают простые двухпоколенные семьи, когда совместно проживают

¹ Отдел архивной службы администрации Карасукского района НСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 4–6.

родители и несовершеннолетние дети. Их число в указанный период достигает приблизительно 67%. При этом в Одесском районе мы можем увидеть семьи, насчитывающие 6–7 человек, что чуть больше, чем в НСО. Это обусловлено большим количеством детей, что, вероятно, связано и с миграционными процессами — в похозяйственных книгах довольно много записей о выбытии и прибытии семей¹.

В д. Славгородка (Одесский район, Омская область) в 1938–1939 гг. наблюдается очень похожая ситуация — преобладание простых двухпоколенных семей, насчитывающих, однако, от 2 до 5 детей. Средняя численность семьи достигает 4–7 человек². К 1949–1951 гг. население несколько сокращается³. Большое количество детей — вообще характерный признак этого периода. У украинцев, по всей видимости, важную роль в этом сыграли два обстоятельства: полученное ими строгое воспитание, связанное с неприятием аборт, и продолжение крестьянских традиций, когда большое количество детей приравнивалось к большому числу рабочих рук.

Схожие процессы отмечались и в с. Благовещенка Калачинского района Омской области, где около 90% населения составляли украинцы. По данным похозяйственных книг 1932–1934 гг., здесь преобладали простые двухпоколенные семьи (около 73%). Большая их часть — полные семьи, где главой являлся мужчина. Также присутствуют многопоколенные семьи, в которых совместно проживают отец или мать главы семьи. Чаще всего главами таких семей становились младшие сыновья. Лишь в 4 семьях отмечено совместное проживание братьев и сестер, причем в одной из них также проживают мать и отец главы семьи. Численно преобладают семьи с 1–2 (36 семей, или 32,4%) или 4–5 детьми (33 семьи, или 29,7%)⁴. Наметившиеся изменения фиксируются в более поздних документах. Так, в похозяйственных книгах за 1935 г. видна активизация семейных разделов, что связано как с экономическими, так и с политическими факторами: многие из ранних переселенцев, рожденных в 1850–1860-х гг., к этому

¹ Архивный отдел администрации Одесского района Омской области. Ф. 8. Оп. 3. Д. 6.

² Архивный отдел администрации Одесского района Омской области. Ф. 8. Оп. 3. Д. 2. Л. 22.

³ Архивный отдел администрации Одесского района Омской области. Ф. 8. Оп. 3. Д. 67. Л. 25.

⁴ Архивный отдел администрации Калачинского района Омской области. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4. 115 л.

времени уже не в состоянии вести большое самостоятельное хозяйство и работать в колхозе. Кроме того, часть из них была выслана с семьями, попав в категорию «кулаков»¹.

Еще одной важной тенденцией, влияющей на этносоциальные характеристики украинцев, является процесс русификации, под воздействием которого украинское население со второй половины 1930-х гг. нередко записывалось в документах хозяйственного учета как «русские». Например, в уже упоминавшемся селе Благовещенка (Калачинский район, Омская область) в 1937 г. русскими стали несколько семей Анищенко². Однако, как показывают полевые материалы, такое обозначение в документах не обязательно означало полный отказ от самоидентификации людей как украинцев. Вплоть до настоящего времени часть респондентов четко идентифицирует себя в качестве украинцев, хотя в документах многие записаны русскими. В то же время русификация протекала неравномерно и не затронула население с устоявшимся самосознанием. Как правило, это отмечается в тех селах Алтайского края и Новосибирской области, где украинцы составляли основную часть населения.

С середины XX в. проявляется еще одна важная тенденция — рост числа межнациональных браков. В основном браки заключаются между представителями разных групп восточнославянского населения, но иногда фиксируются случаи браков между украинцами и, например, немцами, что приводило к размыванию этнической группы. Кроме того, закрепляется смена идентичности в среде украинского населения. Это проявляется в том, что некоторых детей в семьях начинают записывать русскими: например, в с. Ирбизино (Карасукский район, НСО) в похозяйственных книгах значится семья Ауловых, все члены которой — украинцы, а одна из дочерей — русская³.

По составу в конце 1940-х — 1950-е гг. по-прежнему преобладают простые семьи, однако сохраняется большое число семей, в том числе неполных, возглавляемых женщинами. Отмечаются в документах и многопоколенные семьи. Чаще всего женщины проживали с семьями своих взрослых детей. Иногда встречаются случаи совместно-

¹ Архивный отдел администрации Калачинского района Омской области. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4. Л. 115; Д. 6. Л. 36.

² Архивный отдел администрации Калачинского района Омской области. Ф. 135. Оп. 1. Д. 8. 139 л.

³ Отдел архивной службы администрации Карасукского района НСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 42а. Л. 18 об. — 19.

го проживания дочери, матери и снохи, например в семье Игнатовых в с. Ирбизино Карасукского района НСО¹. Подобные варианты можно объяснить послевоенными демографическими процессами. Численно преобладают семьи, имеющие по 2–3 ребенка, количество семей с 4–6 детьми сокращается, в основном вследствие семейных разделов.

В 1960-е гг. увеличивается число межнациональных браков, заключаемых между представителями разных этнических групп. В этот период сокращается количество семей, имеющих более трех детей, превалируют семьи с 1–2 детьми. Важную роль в развитии семьи сыграл политический фактор: в 1960-е гг. усиливается внутрорегиональная миграция, связанная с политикой ликвидации неперспективных населенных пунктов. Часть жителей сел уезжала в близлежащие населенные пункты, однако были и те, кто переезжал в город. Так, из д. Ясная Поляна (Калачинский район, Омская область) к 1969 г. выбыло 14 семей украинцев. География их переездов была довольно широка: из близлежащих населенных пунктов можно отметить Ивановский, Глуховский, Сорочинский и Новосветский сельские советы, г. Калачинск, из более отдаленных — Новосибирскую область, г. Судак и Фрунзенскую область (в настоящее время — Чуйская область Кыргызской Республики)².

Немного особняком стоит группа спецпереселенцев. Выделить ее довольно сложно, так как в основных документах переселенцы обычно старались записаться русскими сами либо записать русскими детей. В качестве примера можно привести семью Терлецких, где глава записан украинцем, а жена и дочь — уже русскими³. Иногда варианты идентификации были более сложными. Так сложилось, например, в семье Ивана Савича Губарева, записанного украинцем. Его жена и дети носили фамилию Словас, при этом жена и сын были записаны белорусами, а младшая дочь — уже русской⁴. Кроме того, в среде спецпереселенцев широкое распространение получили межнациональные браки, причем не только в рамках восточнославян-

¹ Отдел архивной службы администрации Карасукского района НСО. Ф 6. Оп. 3. Д. 60. Л. 24.

² Архив администрации Глуховского сельского поселения. Похозяйственные книги. 1967–1969 гг.

³ Списки репрессированных 1949–1964, 1956 гг. // Фонды Колыванского краеведческого музея. Р III. П. 56.

⁴ Там же.

ских групп. В материалах зафиксированы, например, браки между украинцем и осетинкой, украинкой и чувашом и ряд других.

Как показывает анализ похозяйственных книг одного из центров спецпереселений на территории НСО — Колыванского района, семьи спецпереселенцев были небольшими в связи с особенностями проводимой политики. Часто в состав семей входили дети и один из родителей. Кроме того, фиксируются факты, когда детей старались записать на фамилию жены. Встречаются и неразделенные семьи, например семья Крипальских, где совместно проживали глава семьи, его жена, сын, две дочери и отец¹. Материалы хозяйственного учета населения свидетельствуют также, что значительная часть спецпереселенцев разъехалась из Колыванского района (НСО) в 1955–1956 гг. География обратного движения включала Донбасс, Львовскую, Ростовскую, Винницкую и Черниговскую области, Харьков, Черновцы, Минеральные Воды и Тернополь.

Отметим важность государственной политики, которая начиная с 1930-х гг. была направлена на введение общественной (социальной) принадлежности, дополненной национальными категориями в качестве индентификаторов. Об этом свидетельствует, например, введение в похозяйственные книги граф «общественная группа», «национальность главы хозяйства» и «дата вступления в колхоз». Эти категории дополнялись профессиональной принадлежностью, которая указывалась достаточно редко. В сельском сообществе в качестве «общественной группы» указывался обычно «колхозник», а дата вступления в колхоз давала возможность понять степень лояльности человека государственной политике коллективизации. Так, например, согласно похозяйственным книгам с. Ирбизино Карасукского района НСО, время вступления в колхоз в большинстве случаев пришлось на 1930–1931 гг. Так было и в деревнях и селах упомянутых выше районов Омской области.

Однако сами информанты не связывают социальную идентичность исключительно с колхозом, а преподносят ее через историю семьи. Колхоз для них — место работы, они не называют себя колхозниками, хотя и указывают, что «работали в колхозе», «работали на разных работах в колхозе», были поярками, доярками, мужчины часто говорят «работал на тракторе», «был шофером», «работал на ферме/фирме», «был счетоводом», «работал в конторе» и т. п. Среди

¹ Архивный отдел администрации Колыванского района НСО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 25.

информантов есть и бывшие председатели сельских советов, учителя и директора школ, однако в ходе повествования они обязательно обращаются к социальному положению своих родителей; особенно часто это делают раскулаченные, спецпереселенцы и т. п.

Описывая историю колхозов как наиболее распространенный вид социальной структуры в регионе, продвигаемый государством, многие информанты транслируют личные или семейные воспоминания, отражающие конфликт интересов, прежде всего в сфере, тесно связанной с культурой жизнеобеспечения. На первом месте стоят сюжеты с конфискацией имущества, раскулачиванием, разрушением устоявшейся структуры и взаимоотношений.

В воспоминаниях о жизни украинской сельской семьи в 1940-х гг. можно увидеть еще несколько линий повествования — взаимоотношения с властью, культура жизнеобеспечения и стратегии выживания, выстраивание взаимоотношений с новыми группами — спецпереселенцами. Первые две линии тесно связаны между собой. «Классическими сюжетами» почти всех воспоминаний являются нормы сдачи продуктов государству, приблизительный рацион питания, особенности трудовых условий тех лет (преобладание женского и детского труда, плохая техническая оснащенность и т. п.) и опыт взаимоотношений с властью. При этом упоминания о колхозах, как правило, обезличены (информанты редко приводят названия колхозов, мало характеризуют конкретных представителей власти), что свидетельствует о неустойчивом характере варианта идентификации, предлагаемого государством.

Важной темой является также тема семейного досуга. Как отмечают наши информанты, ежедневно вечерние часы старались занять чем-то полезным, например рукоделием и т. п. «Мы по вечерам собирались все вместе: одна читает, другие слушают или вышивают»¹. Применительно к периоду до 1960-х гг. в воспоминаниях информантов нередко проскальзывает тема бытовой неустроенности: «Не помню, было тогда электричество или при лампе. Телевизоров точно не было»². Вообще тема освещения почему-то часто возникает применительно к довоенному и послевоенному времени. «Бликунчик — ну вот коломарчик стоит, туда наливаем, в коломарчик, этого, керосину,

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область. Шербакульский район, с. Максимовка. Дудук А. Р., 1930 г. р.

² Там же.

и трубочку, горит — и вот: „Бачишь, я не бачу так“. А шо светил? Да ни черта он не светил, а жили так, а то! А то потом начинали лампы; ну, которы богаты були, лучше жили люди — и бати, и мати у них — лампа из стекла. А уже вот у нас не було лампы из стекла, еще не купили, не за что купить стекла. Робыли в колхозе, ниче ж не получали...»¹.

Именно с послевоенным временем связано большое количество воспоминаний о выстраивании взаимоотношений внутри семьи — между родителями и детьми, между супругами и их родственниками. Женщины-информанты в основном рефлексировали по поводу своих взаимоотношений с родственниками мужа, так как примачество не было широко распространено в среде украинского населения Западной Сибири. «Свекровка юмор понимала, умелица была, огородница, и голос никогда не повышала на мене. Я с ней 18 лет прожила. Мне свекровка сказала: „Лида, як у тебя золотой характер“. А как умирала, так матери наказала меня беречь, щоб она жалела. Баба Нюра всегда за меня была, она мой ангел-хранитель»².

Кроме того, информанты отмечают существование разделения домашних обязанностей на «мужские», включавшие уход за скотом (во дворе), работу в поле, и «женские»: дом, дети, огород. «Мама была сама старша сноха. Оны были с бабою повара и пекари. Ихня обязанность была: вот оны седня печуть хлеб — булky, назавтра печуть пироги. Ежедневно была квашня: седня, значит, хлеб, завтра пироги. Вторая вот, Ефросинья була вторая, ии в детстве потаскалы кони и вырвали ногу, замуж вышла за Аксентия. Ей давали в приданное вэрстать — станок, щоб полотно... Ии обязанность була ткать полотно, тоди же рядна ткалы вси, и обшивать всю семью на швейной машинке. <...> У Егора була жена Настя, а у Александра была жена Федосья. Так вот их обязанность была доить коров, кормить свынэй, помогать по хозяйству мужикам. Оны работали на улице и с мужикамы, потому что столько скота було, столько лошадей!»³

Значительная часть воспоминаний транслируется через материальную составляющую. В частности, у тех, кто родился в 1930–1950-х гг., довольно часто встречаются воспоминания о сахаре

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Рыбалко Л. П., 1935 г. р.

³ Личный архив Свидовской А. С. Запись 2016 г. Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Меньяло Н. А., 1938 г. р.

как главной сладости. «Мы как-то самовар поставили, а сахар угольным таким был, конусом, а там килограмма два еще сахара осталось. Стали чай пить — сахару нема. „Где?“ — говорят. „Я на речку ходила, в речку макала — все сосали, и я пришла, вся родня сразу говорит, что видно, что у Нюрки все волосы в сахаре“»¹.

Отношения с детьми представлены в источниках не столь широко, основная их часть связана с социализацией и осмыслением собственного детского опыта, поэтому и охарактеризованы они в следующем разделе.

Время проведения полевых исследований и возраст информантов не позволили записать воспоминаний о единоличном хозяйствовании. Однако в проведенных интервью можно обнаружить фрагменты рассказов о доколхозном периоде, воспроизводимые со слов старших родственников информантов. Жительница с. Романово Романовского района (АК) рассказывала: «Ну надо ж куда-то разбегаться, надо нажать капитал. Жили единолично. Круглый год, як мама рассказывала, было восемь дойных коров, скико там еще телок, подтелок — та идэ в запуск, та тэлэться, то наоборот. Постоянно восемь дойных коров, представь. Двадцать две души семья собралася. <...> Представь, скоко это молока! Вот мама рассказывае, шо пододим коров, видра на коромысла с молоком, и нэсэм молоко сдавать — принималы где-то, и вот это все по копеечке складывалося. Дэ зерно было лишнее, шо семья не поедае, грузылы мужики — грузылы вот отец мой и Александр, и вэзлы в Шипунову, там была уже станция, там было Заготзерно, вот туда этот хлеб сдавали, там они получали за это деньги. Оттуда они могли везты часть денег, а могли везты, наприклад, бочонок рыбы, бочонок постного масла, хотя своя маслобойка была. Ну, это к примеру я. Обменивались. Вот они привозят, собираются садиться ужинать, и оны докладывають: „Мы во це и це купылы и во це скико мы привэзлы денег“. Этим всим командовала баба, она всегда, было, каже: „Вот таку-то сумму денег мы откладаемо, а вот эту сумму, шо там останэться, надо купить дивкам по подшалку“. А уже булы дивки — вот Александра була и у мамы була Мария, уже оны булы дивочкамы. Жинкы обносывлсы — надо им взять сатину на кофты, сатину на юбки, а остальные деньги они складывалы, и вот до определенного времени они это все со-

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Рыбалко Л. П., 1935 г. р.

быралы, и в один дэнь оны подэлылыся. Каждому купылы по хати — тоды не дома, а хаты»¹.

Самые ранние личные воспоминания касаются времени образования коммун и колхозов на территории Алтайского края, например: «Я почти родителей не знаю. У мэне батько умэр. Я его не помню, який он был, я щё маленькая была. А мать уже умэрла, дак мне семь-восемь было. Я, и сестра у меня была старшая, дак с сестрою жила. Вот. А так я их не знаю. Матерь знаю как звать, а как величать, не знаю. Помню я, было у нас двое кони, овечки были и коровы были, свиньи были, всё у нас было. Мать умерла в двадцать восьмом году. Дак ведь колхоз же начинался. Не сразу колхоз, а коммуна: забрали кони, забрали, и корову забрали, вот, а то че-то не состоялось, че-то недолго було, че-то год и год ни было, разбилась коммуна. Забрали опять до дому в кучу скотину, всё. Но начался колхоз. Мати не захотела в колхозе, не дала корову, не хотела в колхоз идти, а то они приходили уговаривали, один мужчина пришел-таки, матюга загнул, его выгнали из хаты...»²

Таким образом, использованные нами материалы государственного статистического учета населения демонстрируют изменения в структуре и численности семьи украинских переселенцев. Так, в конце XIX — начале XX в. отмечается существование многопоколенных семей, что, на наш взгляд, было связано с процессом освоения сибирских территорий. Семья украинского сельского населения в этот период насчитывает в среднем три поколения, включая, кроме прямых родственников, также и представителей боковых ветвей в системе родства — дядьев, взрослых двоюродных братьев и сестер с семьями и т. п. Более поздние материалы демонстрируют закономерные процессы семейных разделов и переход к простым семьям, которые включают два поколения родственников. Полевые материалы и опубликованные источники свидетельствуют о том, что на данном этапе традиция восстановления неразделенных семей путем подселения родственников, вывезенных из регионов выхода, не получила широкого распространения. Однако вплоть до 1960-х гг. сохраняется традиция проживания младших детей совместно с родителями, свя-

¹ Личный архив Свидовской А. С. Запись 2016 г. Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Меняйло Н. А., 1938 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

занная с системой наследования имущества. Несколько отличаются по структуре и соотношению разных форм семьи спецпереселенцев. В силу своей социально-групповой принадлежности многие из них имели «бессемейный» статус. Несмотря на преобладание простых семей, большую их часть составили семьи неполные, что может свидетельствовать о трудностях в хозяйственной и социальной адаптации. Относительно высокое число многопоколенных семей лишь подтверждает этот вывод.

Аналогичные тенденции преобладают и в развитии численности семей украинского сельского населения. Начиная с 1930-х гг. наблюдается снижение количественных показателей — так, если в конце XIX в. семьи насчитывают в среднем 6–10 человек, то к первой половине XX в. среднее количество человек в семьях украинского населения Западной Сибири составляло 4–6 человек. Взаимоотношения между членами семьи в среде сельского украинского населения Западной Сибири строились на основе приоритетной роли мужчины — отца, главы семьи. В трудовой и в досуговой сфере наблюдалось половозрастное разделение, соблюдающееся и сейчас.

1.2. Дети и семья

Жизнь ребенка неразрывно связана с семьей — микросредой, в которой он растет, воспитывается, получает ранний социальный опыт. Как видно из имеющихся материалов, в среде украинского сельского населения Западной Сибири, впрочем, как и в крестьянском социуме в целом, сформировалась дифференцированная система отношения к детям. Важное место здесь занимают традиции, связанные с социализацией детей в семье.

Основными агентами социализации были ближайшие родственники — родители и бабушки с дедушками (рис. 1). Их важная роль в воспитании отражается в воспоминаниях о ролях в семье. Главная роль, как следует из собранных полевых материалов, в семье принадлежала отцу («тато», «тятя», «батьке»): «Отец [главный в семье был], а отца как не стало — мама. Мы как слухалы [слушались] родителей тода! [Обращались]: „вы“ — мамка. [Отца] тоди звали „тятя“. „Братко“ [брата звали], хто „нянька“ [сестру]»¹. К родителям обращались на «вы». Информанты объясняют это уважительным от-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Гилев Лог. Химочкина П. А., 1932 г. р.

ношением к старшим. По словам И. Л. Аношенко, «родителей тогда только на „вы“, потому что старший считался»¹. «Нэприятно, что все сейчас „тыкают“, даже на мамку: „ты, ты“. У нас никогда на маму не говорылы „ты“»².

Согласно полевым материалам, традиция воспитания детей старшим поколением (бабушками, дедушками), характерная для восточнославянских народов, в семьях украинских переселенцев сохранялась в рассматриваемый период и приобрела особую значимость в военное время. Старики, не занятые, в отличие от родителей, в колхозных работах, являлись главными воспитателями детей, прививая им нравственные нормы, трудовые навыки и т. д.

(рис. 2, 3). Дети уважительно относились к ним, часто боялись перечить и беспрекословно выполняли возложенные на них обязанности³. П. А. Химочкина рассказывала: «Маты все в бригаде, а эта старушечка вот останется с нами. Це бабка уже старенька была, а усе за нами приглядывала»⁴.

Взгляды на воспитание детей в среде украинского сельского населения Западной Сибири формировались на основе накопленных практических навыков и религиозных воззрений (христианских и

Рис. 1. Казачка Дарья Богдан (Буйвол) с внучкой Ириной. 1968 г. Омская область, Одесский район, с. Одесское. Фонд Музея истории, культуры и быта Одесского района. Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2013 г.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Степаненко М. И., 1927 г. р.

³ Люля Н. В. Воспитание девочек в семьях украинских переселенцев Алтайского края в 1920–1940-е гг. // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. Вып. 10. Барнаул, 2015. С. 128.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Гилев Лог. Химочкина П. А., 1932 г. р.

Рис. 2. Бабушки с внуками. 1960-е гг. Омская область, Одесский район, с. Желанное. Семейный архив Л. М. Евладенко, 1928 г. р. Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2013 г.

более архаичных — языческих). Детство представлялось здесь одним из этапов жизненного пути наравне со взрослостью и старостью. У каждого периода были свои функции, а переходы между ними

Рис. 3. Бабушка с внучкой. Омская область, Шербакульский район, д. Путиловка. Семейный архив М. М. Дрык, 1930 г. р. Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2012 г.

маркировались ритуальными действиями — «обрядами перехода»¹. Критерии выделения этих этапов были весьма условны и включали в себя физиологические характеристики, готовность к выполне-

¹ Шангина И. «У кого детей много, тот не забыт у Бога» // Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2006. С. 6.

нию функций следующего периода и ряд субъективных признаков, например поведение.

Обозначенные этапы также имели внутреннее членение, отразившееся прежде всего в языке. Первые полтора-два года жизни ребенка называли младенчеством. Младенчество заканчивалось, когда, по крестьянским понятиям, ребенок «вошел в первый разум»¹, то есть научился сидеть, ходить, произносить первые осмысленные слова, есть ложкой и пить из чашки. Теперь перед ним ставилась новая задача: он должен был расти, физически крепнуть, познавать мир. Именно поэтому основное содержание детства в возрасте с двух до семи лет составляла игра. Через нее усваивались нормы и правила поведения в обществе, развивалось чувство товарищества, взаимопомощи, уважения, а также тренировались физическая сила, ловкость, быстрота, развивались различные способности, заложенные в ребенке².

Вольная жизнь детей заканчивалась в 7–8 лет, когда они вступали в пору отрочества. Новый этап отмечался иной, чем прежде, возрастной терминологией, которая определяла ребенка как существо растущее, расцветающее, однако по-прежнему сохранялись обозначения, указывающие на незрелость, неопределенность детей этого возраста — «девчата» (девочки), «хлопцы» (мальчики). Мальчики и девочки, достигшие подросткового возраста, по мнению окружающих, были готовы к восприятию всего, что положено знать взрослым людям. В период отрочества они приобретали трудовые навыки и знания, необходимые им в дальнейшей жизни. Этот процесс проходил по продуманной, отработанной многими поколениями схеме, которая соответствовала физическому и психологическому развитию ребенка. Нужно сказать, что социализация имела четкую гендерную специализацию. Традиционное деревенское воспитание детей «конструировало» социальные различия полов сызмальства³. Для мальчиков, например, изготавливали маленькие игрушечные орудия труда: грабельки, молоточки⁴.

¹ Шангина И. «У кого детей много, тот не забыт у Бога»... С. 7.

² Там же.

³ Пушкарева Н. Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье и перспективы ее ломки в условиях социальной модернизации // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Тамбов, 2002. С. 65–83.

⁴ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Зуева Е. А., 1940 г. р.

Обычно, говоря о трудовом воспитании, исследователи в первую очередь останавливаются на половозрастном разделении труда детей и подростков, обращают внимание на специфику обучения в разных возрастных группах отдельным видам работ. Первой обязанностью девочки было нянчить младших братьев и сестер, однако не всегда дети соглашались выполнять возложенные на них обязанности: «Для детей делали колыски на веревках, шоб висели и их качать можно было. Меня мама часто заставляла брата Мишу укачивать. Помню, как-то заставила его качать, я тогда маленькая была, а он все не спит и не спит. Я его тада шлеп под низ, он падал на пол деревянный и ну-у кричать. А я тогда: „Мама, мама! Он плачет, а я ничего поделатъ не могу“¹. Кроме того, в этом возрасте девочка выполняла мелкую работу по дому и хозяйству: подметала пол, носила к печке дрова, присматривала за домашней птицей и животными. «Такие, шо все невелики. За цыплятами — там квочка ходит, следим, шоб коршун не крал, а там бежим к гусям... гоняли на воду, там целый день находились. Двое погонят, одна побежит, шобы поесть, а гуси аж до вечера там, на озере, другие гонят. Детям была работа. А сейчас уже ему восемнадцать годиков, а он еще не робил, малюточкой называют. А тогда этого не было. Раз она держит хозяйство, всем работа была. Еще там малых нянчить. Няньки ж таки»². «У нас корова була, овцы булы, куры. Тода свои куры, свои квочки булы, цыплятки вот налупляться малэньки, караулишь их, чтоб коршун не украл. Выпустишь, попасэш, подивишься над ими. Водички надо налить, надо кинуть пшеничку»³.

Девочка 10–11 лет начинала осваивать полевые работы: вязала снопы, собирала оставшиеся колоски. Кроме того, в этом возрасте она уже умела прясть, шить, приучалась ткать, помогать матери в приготовлении еды для всей семьи: «Сейчас она не умиит еще прясть — кажут: „Сучи“ — эти мелкие волосинки, ну, конопля. Так прямо руками [сучили]. Они заместо одеяла были, ими укрывались. <...> А другие вяжут толстые палатки из осоки тоже веревочками,

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, д. Путиловка. Дрык М. М., 1930 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Игнатенко Е. М., 1913 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Гилев Лог. Химочкина П. А., 1932 г. р.

ее постелят вверх дном»¹. В селах Алтайского края девочек с десяти лет приобщали к более сложной работе по дому: белить дом белой глиной с улицы, мазать пол в доме специальным раствором из глины («делать доливку»), подводить плинтус раствором желтой глины. Особенно охотно информанты вспоминают о стремлении придать хате нарядный вид. Для этого брали небольшой кусочек ткани, окунали его в раствор желтой глины и делали «цветочки на плинтусах»².

В 12–13 лет девочка должна была уметь жать, молотить, полоть грядки, доить коров, готовить, стирать, ткать и вышивать. Довольно часто усвоение трудовых навыков стимулировалось примером старших братьев и сестер: «Сама, сама придумала. Сама, а то кто бы меня учил, господи! Ни матери, никто мене не учил, я самоучка. Я, еще мати жива була, а вон сестра вышивае, и мне бы вышить сорочку, уставки»³... Но мне хочется, да плачу, ну годов пять було уже. А кажет мати: „Господи! Что ты там навывшиваешь? Дайте, ну, одну [нитку]“⁴. Тогда не за что було куплять, а та [сестра] не дае мене. Мати украде нитку, чи две нитки украде, даст мене. <...> А у нас груба була, а за грубой вот такой заковелок був. Залезу в тот заковелок, сяду, а то вона отнимае у мѐне, и вот учусь, учусь вот так, вот так, не вот так надо. Вот вышила себе уставки и тоди начала вышивать уже. Тоди она не стала мене донимать»⁴. При этом в приобщении девочек к труду могли участвовать все члены семьи: «С детства, у нас дядька был, умел вышивать. Вин долго не женился, а всё то старшую сестру мою и мене... сам вышивал и нас приглашал. Показывал. Тогда хрестом вышивали, а теперь гладь это называется. Мужчины тоже вси умели вышивать и ткать»⁵. К пятнадцати годам девушка приобретала все знания, необходимые крестьянской женщине — будущей хозяйке дома⁶.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Игнатенко Е. М., 1913 г. р.

² Люля Н. В. Воспитание девочек в семьях украинских переселенцев... С. 128.

³ Прямоугольные куски холста, вшиваемые на плечах женских сорочек, обычно вышитые.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Игнатенко Е. М., 1913 г. р.

⁶ Лаврентьева Л. С. Социализация девочек в русской деревне // Мир детства. Традиционная культура народов СССР. Л., 1991. С. 34.

Мальчиков к трудовой деятельности готовили дольше, чем девочек. Мужская работа зачастую была сложнее женской и требовала большего физического напряжения. Обучение мальчиков заканчивалось обычно в 17–18 лет. Привлечение их к работе начиналось, как и девочек, в 7–8 лет. Обычно отец старался научить мальчика («хлопца») этого возраста управлять лошадью. В 9–10 лет подросток мог уже самостоятельно запрячь и распрячь лошадь, на нем лежали основные обязанности по уходу за животным; кроме того, постоянной обязанностью становилась помощь отцу в поле (чаще всего помогали боронить). «Вот уже как большенький станешь, у пригоне управляешься, корову поишь да водичку несешь. Сино, то солому надо надергать. Мальчики вот это все дэлалы», — вспоминают наши информанты¹. «Воспитывали нас строго, утром мама говорила, кому что делать: например, давала каждому свою грядку, и как хочешь. Не прополешь до вечера — получишь леща. С 10–12 лет работали на сенокосе во время школьных каникул»². Мальчики зимой участвовали в заготовке дров. В 13 лет приучались к пахоте, косьбе (рис. 4). В полном же объеме юноши («парубки») привлекались к полевым работам с 17–18 лет, исключение делали только для особо развитых физически подростков. Параллельно с этим шло обучение мальчиков ремеслу.

При формировании трудовых навыков старались учитывать возрастные особенности. Каждый получал посильную работу, которую был в состоянии выполнить: «Было, мама накажэ [бабушке], шобы диты поделалы. Тода в огороде литом прополоть и паслену ведро надо нарвать, квасоль надо убирать, коноплю убрать. Да с десяти лет [начинали работать]. Ищо малэнький, а уже лазишь, паслен заставляют рвать. <...> Тода ж кизяк [дети] собирали. Коровы наложать, вот эти кизяки насохнутъ. Мы на тачку, этих маленьких сажаем, Вальку и Витьку (младшие сестра и брат. — *Авт.*), и поихалы на стэпъ, у мэшки вот эти лэпешки насобираем. Вozyлы на топку. Привызем, насыпемъ на крышу на хату и всю зиму топим имы»³. Информанты также вспоминают, что их обязанностью в детстве было набирать травы, веток, чтобы украсить хату к Троице.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Гилев Лог. Химочкина П. А., 1932 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Кузьменко Н. П., 1942 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Гилев Лог. Химочкина П. А., 1932 г. р.

Рис. 4. «На покос». 1960-е гг. Омская область, Одесский район, с. Желанное. Семейный архив Л. М. Евладенко, 1928 г. р. Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2013 г.

Строгая регламентация хозяйственных обязанностей детей и подростков предполагала наличие наказаний, в том числе физических: «Это где-нибудь шо-нибудь не сделаешь, то сразу! Всегда, было, прут возлэ маткы лэжал. Так прутик лэжить, как че-нибудь — „А вон бачила?“ <...> Ну, если что-нибудь не послухаешь, не сделаешь, тибэ попадэ! Уже знаешь. Если прогуляешь, а тода охота же было побегать, уже чувствуешь, что скоро вэчир, а тода еще была мода — корове к вечеру надо нарвать кучу травы. Если только прогулялы, не нарвалы: эх, давай скорей, где больше той травы, давай скорей рвать!»¹

Повседневные игры мальчиков и девочек, так же как и серьезная помощь взрослым, формировали стереотипное распределение жизненных ролей. В среде украинского сельского населения, как и у большинства народов, существовало разделение игр на мальчишечьи и девичьи. В рамках традиционной культуры широкое распространение среди украинского населения Западной Сибири получили такие игры, как чехарда, «городок», «чижики», «в конового». До настоящего времени сохранилась некоторая специальная игровая терминология: «бабыцы гуляли» — вид догонялок с завязанными глазами².

¹ Там же.

² Материалы МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г. Ф. 1. П. о. 5. Л. 7 об.

После усвоения хозяйственных функций дети все более вовлекались в процесс знакомства с традиционной обрядностью. Переход в другую возрастную и социальную категорию маркировался в том числе и изменением содержания игр. Начиная с 12–15 лет, после перехода в категорию подростков, разрешалось посещать «вулицу», а также принимать активное участие в ряде праздников. «Да где знакомились, гуляли? На вулице. Танцевали там, танцы разные были: полька, краковяк, подыспанец, коробочка. Каждому танцу была своя музыка, свои особые движения. Самая распространенная была „Подгорная“. У нас даже песню пели: „Подгорная – широкая улица, по тебе никто не ходит, ни петух, ни курица. А если курица пройдет, то петух с ума сойдет“. Гулялы, это же улица»¹.

Особого упоминания заслуживает одна из самых распространенных форм досуга и общения молодых людей в сельской местности, бытовавшая вплоть до 1960-х гг., – «вечерки». В среде украинского сельского населения Омской области вечерочные посиделки нередко называли также «улицей» («вулицей»): «Улица – это если зимой собирались у кого-то, это сейчас называют „вечорки“, а у нас называлось „улица“»². Вечерочные игры в большинстве своем представляли собой инсценировки различных песен и носили групповой характер: «Подушечка», «Голуб и голубка», «А мы просо сеяли», «Бояре, вы зачем пришли»³. Основными их задачами был выбор будущего брачного партнера и обозначение симпатии к нему. В числе подобных игр в источниках также упоминаются «Сосед до соседки» или «Палач»: «Садятся парами и один без пары. Потом назначается палач, он подходит к парам, в руке ремень держит. Вот палач говорит:

- Нравится соседу соседка?
- Нравится (или там не нравится, обычно нравится).
- А отдашь?
- Отдам (если не сильно нравится) – не отдам (уж если любит, то не отдаст).
- Сколько ему?
- Там, пять горячих, или три, бывало, и до десяти доходило.

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Желанное. Евладенко Л. М., 1928 г. р.

² Там же.

³ Миненко Н. А. Вечерки. Старинные забавы русских северян // Родина. 2002. Спецвыпуск «Тропою стран полуночных». С. 100–102.

Сколько скажут, он ремнем по руке парнишке бьет. У нас бывало, Миша никому свою Марусю не отдавал, уж и рука синяя, да не отдает. Ох, чудили»¹.

«Молодежными», также входящими в «мир детства», считались рождественские колядки, щедривки (щедровки), новогодние гадания, а также цикл весенних праздников, связанных с поминальными традициями². Щедривки и колядки, по воспоминаниям информантов, исполнялись девушками и «молодицами» (молодыми женщинами): «Женщины ночью не ходят, они ходят до 12 часов ночи щедровать. Щедруют в основном девушки и молодницы. Подходят к дому, стучатся и читают: „Щедрый вечэр, добрый вечэр, добрым людям на здоровье, здравствуйте, с великим праздником — Новым годом“... Потом поют „Пролитала до виконца ластивочка, присказывала хозяйичке праздничка — Нового года. Счастья тобі, дорогая хозяйюшка“»³. Колядовать и ворожить ходили «только девчата». В имеющихся материалах сохранились тексты некоторых колядок:

«Коляд, колядницы,
Добра з маком паляница,
А без маку не така,
Дайте, бабы, табака,
А той деду — колбасу,
А то ізбу разнесу»⁴.

«Щедры, квэдры, дайтэ варэнье,
Грудя челкашка, тильке колбаска»⁵,
Мы вам курочку по снэгу пасэм»⁶.

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Желанное. Евладенко Л. М., 1928 г. р.

² Чернова И. В. Этнография детства украинского сельского населения Омского Прииртышья // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 3. С. 97.

³ Материалы МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. П. 17-1. Л. 112–114. ЭЭ 1981 г. Омская область, Павлоградский район, р. п. Павлоградка. Лесничая А. М., 1926 г. р.

⁴ Там же.

⁵ Вероятно, информант воспроизвел в измененном виде один из самых распространенных вариантов щедривки: «Щедрык-вэдрык, дайтэ варэнык, / Грудочку кашки, кильце ковбаски...».

⁶ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Желанное. Евладенко Л. М., 1928 г. р.

«Коляд, коляд, колядница,
Добра з медом паляница.
А без меда не така.
Дай-ка, дядька, пятака.
Не достать пятака.
Я б вывел быка за рога»¹.

Традиция колядок и щедровок, по свидетельствам информантов, сохранялась и в советское время. «А раньше ж, еще праздники были... еще Новый год – по-старому щедровали, щедривку делали. Колядовали под это, под Рождество. На Рождество колядовали утром, рано утром. Колядовали, колядки были. Тоже стряпали. Тоже все стряпню давали. Под Новый год щедровали, под Новый год подбежишь, о-о, зимой же, бегали, снегу много, пластаемся в снегу, и под окно: „Щедривочка щедровала, до виконца припадала, шо ты, тетка, наварила, шо ты, тетка, напекла, принеси до викна“. Все щедровали. А вынесе нам там или по бублику, или там по пирожку, ну или че там»².

Колядующих было принято благодарить. Согласно восточнославянской традиции колядовщиков вознаграждали специальной обрядовой пищей – мучными изделиями (булочками, пирогами, хлебом). В среде украинского сельского населения колядовщики требовали и получали, помимо «паляныцы» (буханки хлеба), «кишки» (домашнюю колбасу) и сало. Обычай одаривания характерен для всех восточнославянских народов: считалось, что чем богаче ты одаришь, тем больше достатка будет в новом году³.

«На Рождество колядки были, на Новый год „Мыланку“ пели:

„Мыланка ходыла, Васылька просила:
„Васылька, наш батько, пусти нас у хату.
Я жито не жала, честный крест в руках держала“.
„Радуйтеся люди, Христос вам и будет,
Столы застилайте, Богу свечу ставьте,
А нам поесть дайте.

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Котенко Н. К., 1939 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Курилко В. П., 1939 г. р.

³ Щербакова О. С. Песенный фольклор украинских переселенцев Алтая: репертуарно-методическое пособие для народно-певческих коллективов. Барнаул, 2012. С. 9.

С руками, с ногами,
Чтоб билось за нами»¹.

В числе зимних забав самыми распространенными были горки: «Зимой дети сами горки заливали. Родители никогда тут не помогали. Скажут: „Надо горку — сами заливайте“. Единственное, чем они помогали, — могли сделать санки. Санки тяжелые были, но катились хорошо. А те, у кого санок не было, делали себе ледянки. Делали их так: на дно таза укладывали солому, навоз и водой все это заливали. Когда замерзнет, лед выбивали, переворачивали и снова обливали водой. Катились они не хуже санок, только жаловались, что по па мерзнет»².

Ориентация восточнославянского населения на традиционную крестьянскую хозяйственную составляющую в первой четверти XX в. видна и в их отношении к школе как агенту социализации. Еще в первой четверти XX в. отец И. Голошубин писал, что переселенцы, особенно из Черниговской губернии, относятся к школе равнодушно, а местами даже враждебно: саботируют строительство школьных зданий, не выделяют средства на их содержание и т. п. «Вот уже семь лет школа стоит заколоченною, на это черниговцы смотрят весьма апатично и даже еще иронизируют: „Нехай наши дети будут и неграмотни, хлеб так же будут исты, как едят и грамотные“»³. Таким образом, грамотность не считалась обязательным качеством, важнее были полученные трудовые навыки.

В воспоминаниях советского периода, особенно тех, где повествуется о 1930–1960-х гг., прослеживается аналогичная тенденция. Школа в сознании информантов, непосредственных участников «мира детства», ассоциируется с ее материальной составляющей — зданием, с фигурой учителя (почти все помнят, как звали учителей, более половины информантов приводят оценочные характеристики своих учителей), а также с бытовыми трудностями довоенного и послевоенного периодов, которые влияли на процесс обучения.

В нарративе детской повседневности шире всего представлена тема недостатка обуви в многодетных семьях как основная труд-

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Котенко Н. К., 1939 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Садковская А. Т., 1934 г. р.

³ Голошубин И. Из впечатлений сельского священника // Омские епархиальные ведомости. 1911. № 16. Отдел неофициальный. С. 23–24.

ность при посещении школы. Некоторые информанты, например, не смогли окончить школу, так как «прохудились валенки, а зашить их некому»¹, «Братья ходили, одна сестра ходила, а другую мать не пустила: прясти надо, семья большая»². Жительница д. Путиловка Шербакульского района Омской области, 1930 г. р., 4 класса образования, вспоминала: «В школу мы ходили в Максимовку, в Путиловке своей не было. Обувачки в то время путевой не было, пока дойдешь до Максимовки — ноги посбиваешь, плачешь. Да и волков дюже много по пути было, скотомогильник у нас в том краю был... Две недели я в максимовскую школу походила, а потом мать сказала дома сидеть, мол, толку больше будет...»³ В ряде воспоминаний период школьного обучения ассоциируется с расставанием с семьей: «Я старшая в семье была, жили мы в маленькой деревне. С четвертого класса ушла из дома. Лошадь продуктами нагрузили — и неделю в интернате живем»⁴.

Встречаются фразы о том, что из-за постоянных хозяйственных забот «ухода за детьми не было». Приведем для примера рассказ информанта 1908 г. р. из поселка Павлоградка (Павлоградский район, Омская область): «Меня оставляли на целый день в хате одну, давали чашку молока на печи, с самого начала я эту чашку переворачивала, разливала молоко и сидела весь день голодная»⁵. Однако подобное отношение скорее можно считать данью традиции, обусловленной необходимостью освободить ребенка от опеки взрослых.

В связи с произошедшими социально-культурными изменениями трансформируется и «мир детства». Для его характеристики современные исследователи используют категорию «советское детство». В этой связи в нарративных источниках появляется новый институт, участвующий в процессе детской социализации, — колхоз (совхоз). Время организации колхозов и их активной деятельности

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Дудук А. Р., 1930 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Закладное. Опрышко Е. Е., 1917 г. р.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, д. Путиловка. Дрык М. М., 1930 г. р.

⁴ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Дудук А. Р., 1930 г. р.

⁵ Материалы МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. П. 17-1. Л. 108. ЭЭ 1981 г. Омская область, Павлоградский район, р. п. Павлоградка. Лесничая А. М., 1926 г. р.

совпало с периодом смены статуса многими информантами. Однако этот переход, воспринимавшийся ранее как органичный процесс детского развития, в советский период стал рассматриваться в качестве конфликтного, принудительного. Так, одна из жительниц с. Лукьяновка Одесского района Омской области, родившаяся в 1939 г., вспоминала: «Послевоенные мы дети, безотцовщина. Дома матери помогали, убирались, за хозяйством смотрели. А в колхозе мы были с 7–8 лет: сначала по полю ходили, колоски собирали, а потом мне группу коровок набрали, доила их»¹. Как видно из представленного отрывка, в колхозе сохранялось половозрастное разделение труда детей и подростков, однако нарушалась система обучения в разных возрастных группах отдельным видам работ. В кризисные периоды этот принцип нарушался особенно часто². «Я во втором классе пшеницу полола, то осот был, богато было его... Мы на конях пахали, солнце встает — на полосе и садится — на полосе. Шо ты пристанешь [устанешь] дюже, шо скотина пристаёт... Уставалы до изнеможения. Зимой, чтоб в бригаду не ехать, бродылы по воде, шоб заболеть»³. Помимо этого, конфликт порождал перенос трудовой составляющей «мира детства» из семьи в структуру, инициированную государством.

Однако основной новацией данного периода стала институционализация игры. В 1920–1930-е гг. появляется большое число комиссий, комитетов и институтов, которые были призваны регулировать и контролировать игровую деятельность. Игровые моменты были введены в школьную программу. Однако, несмотря на проводимые мероприятия, многие из неодобряемых игр («чижик», «ремни», «разлука», «катание яиц» на Пасху, «ножички», «бабки» и т. п.) сохранились в среде городских и сельских групп восточнославянского населения.

В этот период появляются и новые игры, которые «были связаны с современностью, с актуальными историческими событиями»⁴. Среди популярных тем — новые социальные структуры (пионербол и др.) и

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Кузельцова В. Е., 1939 г. р.

² Щеглова Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 2015. С. 23.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Сесик Д. А., 1931 г. р.

⁴ Гаврилова М. В. Трансформация традиционных русских игр в советской педагогике (1920–1930-е гг.) // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 130–175

военные события («войнушка», в ходе которой обязательно делились на «белых» и «красных», чуть позже появляются такие персонажи, как «фашисты»; «казаки-разбойники» и др.). Самой востребованной среди них стала «Зарница», основными организаторами которой были государственные образовательные и социально-культурные учреждения. Кроме того, в 1950–1960-е гг. среди школьников в городе и на селе набирает популярность тимуровское движение.

С колхозами связано возникновение новой темы, которую необходимо было осмыслить ребенку 1930–1950-х гг., — темы репрессий. Источники позволяют проанализировать лишь ретроспективную картину этих событий. К настоящему времени сложился комплекс воспоминаний о репрессиях и их влиянии на «мир детства», созданный взрослыми. Они показывают технологии преодоления кризисных ситуаций (травмы) через отрицание и/или рационализацию. Типичные сюжеты здесь связаны с повествованием о дороге на новое место, центральное место в котором занимает семья, далее следует характеристика кризисной ситуации на месте высылки (голод, смерть родственников, суровый климат и т. п.), где отсутствует персонификация окружения ребенка, и наконец — выход из кризиса и рассказ о дальнейшей, уже не детской жизни. Наиболее ярко эту структуру иллюстрируют воспоминания И. И. Ступака, собранные в рамках реализации программы «Прощение и память»¹: «Недалеко от высадки благоухала цветущая черемуха, но было не до нее. В течение двух-трех недель не менее половины лагеря вымерли от голода. Сестра-малютка умерла через неделю, а мама — спустя еще три дня. Я ел какую-то траву, листья, червячков. Было в лагере несколько мужчин-надзирателей. Следили, чтобы никто не убежал. (А куда бежать!) Они же подбирали трупы и увозили на лодке... Потом мальчишки рассказывали, что видели, как умерших бросали в овраг и присыпали землей. По лагерю бродили (ползали) пять-шесть пацанов, в их числе и я. День-два, и мы бы тоже там умерли. Но... кто-то, видимо, „сверху“ приказал подобрать оставшихся в живых детей и вывезти. Так мы оказались первыми в только что открытом детском доме. Потом уже начали сюда поступать и другие дети...»²

[Электронный ресурс]. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019online/gavrilova_m.pdf (дата обращения: 10.08.2017).

¹ Муниципальная программа «Прощение и память» реализуется на территории Каргасокского района Томской области.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакуль-

С послевоенным периодом связано появление нового фактора, играющего важную роль в «мире детства»: примерно в 1950–1960-х гг. из бытового обихода начинает уходить украинский язык, привезенный в Сибирь переселенцами второй половины XIX — начала XX в. Это означает, что «мир детства» украинского населения начинает конструироваться на русском языке. Кроме того, подобный разрыв свидетельствует об отходе от его крестьянского, традиционного варианта.

Вместе с изменением «мира детства» трансформируется и детская субкультура, что проявляется, например, в изменении места проведения коллективных игр: если раньше это была «вулиця», то теперь действия перемещаются на территорию, прилегающую к сельским клубам, т. е. происходит изменение социального пространства. Перемещается сюда и молодежь: «Кино показывали в клубе, там и плясали. Соломы накидаем на пол, гармошка, балалайка, танцуем, пляшем, аж пыль столбом»¹. Однако состав и содержание игр сохраняются. В интервью информантов, детство которых пришлось на 1930–1970-е гг., воспроизводятся правила таких игр, как «вышибалы» (в Одесском районе Омской области ее называли «коновой»), чехарда, «цепи», прятки, «чижики», жмурки («пижмурки»), «ножички», «казаки-разбойники». Практически не упоминается лапта².

В сферу игр на государственном уровне стали включаться специалисты — педагоги и психологи, основной задачей которых было обучение детей специально отобранным, полезным, «правильным» играм. В это время начинают набирать популярность спортивные игры: футбол, баскетбол, гандбол, которые существовали параллельно с лаптой и городками. (Основное отличие последних от современных игр заключается в использовании самодельного инвентаря: мячей из шерсти домашних животных, тряпичных мячиков и т. п.) Кроме того, в сборниках игр приводились иностранные игры (крикет, крокет, «бары», итальянская лапта, швейцарская лап-

ский район, с. Максимовка. Воспоминания И. И. Ступака. Предоставлены А. Н. Косовым, 1952 г. р.

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Желанное. Евладенко Л. М., 1928 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, д. Максимовка. Мозерова С. Т., 1951 г. р.; Чернявская Н. Н., 1935 г. р.; Чернявский А. А., 1938 г. р.

та и т. п.)¹. Многие из них распространились и бытовали вплоть до 1970-х гг.

Новшества были внесены и в структурные элементы игр, что было обусловлено утратой тесной связи игры с обрядовой частью культуры. Некоторые традиционные игры, наоборот, упрощаются ради большей доступности. Наиболее яркий пример — распространенная игра «красочки». Архаичный вариант этой игры имеет религиозный подтекст, так как главными действующими персонажами являются черт и ангел. Локальный вариант игры включает лишь игроков — краски, из числа которых выбираются водящий и ведущий. Религиозный подтекст остается лишь частично в игровой лексике: в процессе выбора краски водящий говорит: «Я — монах в синих штанах». Кроме того, в игру включается действие: игрок, чью краску называет водящий, должен убежать. В полевых материалах есть упоминание об игре в «куколки», правила и игровая лексика которой почти точно копируют «красочки».

Детская субкультура, помимо материальной составляющей, включает в себя и иные сферы, например фольклор. Можно сказать, что в нарративе достаточно устойчивыми остаются прежние, привычные формы идентификации и маркирования границ. Эту ситуацию хорошо иллюстрируют коллективные прозвища и присловья. В качестве основы для их формирования выбирались такие параметры, как фамилия, особенности внешнего облика, повседневные привычки, языковые отличия и т. п. Интересно, что, как и в других переселенческих группах, у украинской сельской молодежи были распространены дразнилки, характеризующие их близких соседей — русских-старожилов. Так, в д. Путиловка Шербакульского района Омской области информанты вспоминали, как в юности дразнили русских: «Я хохол, а ты кацап, я насру, а ты цап». Русские на это отвечали: «Хохлы кашу не варят, галушками заморят»². В селах Алтайского края украинские ребятишки дразнили русских старожилов так: «Сибиряк, с печки бряк, растянулся, как червяк», а русские — украинцев: «Осина — не древесина и хохол — не человек»³.

¹ Гаврилова М. В. Трансформация традиционных русских игр... С. 130–175: [Электронный ресурс]. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019online/gavrilova_m.pdf (дата обращения: 10.08.2017).

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, д. Путиловка. Дрык М. М., 1930 г. р.

³ Люля Н. В. Представления об этнокультурных особенностях русского и украин-

В приведенных присловиях нашло отражение негативное восприятие использования терминов «хохол» и «кацап» в качестве экзонимов, описанное в литературе. Например, Ф. С. Красильников в своем географическо-этнографическом очерке «Украина и украинцы», опубликованном в 1918 г., упоминал, что «название „хохол“ — слово бранное, и всякий малоросс, услышав его, ответит тоже бранью и назовет великорусса „кацапом“. Эти бранные два слова... произошли от того, что в старину все малороссы брили бороду и голову, оставляя только на макушке чуб, или хохол. Великоруссы же, наоборот, не брили не только на голове волос, но и бороды носили большие, откуда и получили прозвище „кацапов“, т. е. „козлов“»¹.

Иногда маркирование групповых границ, помимо фольклорных форм, подкреплялось физическим воздействием. Одна из жительниц г. Калачинска Омской области, рассказывая о своем детстве, проведенном в д. Драгунке Называевского района Омской области, упомянула, что «Драгунка делилась на две части — Чалдоны и Хохлы». Семья информатора жила в «Хохляндии». В школе начиная с первого класса на переменах постоянно шли бои между «чалдонами» и «хохлами»: «Как начнется перемена, кто-нибудь из мальчишек кричит: „Кто за чалдонов/хохлов — выходи!“ Особенно много драк на школьном дворе между мальчишками было зимой, тогда кидались снежками. Девочки в драках не участвовали, но приходили посмотреть и поболеть за своих»².

Важное место в детском фольклоре занимают колыбельные. Колыбельная песня (байка, от «байкать» — баюкать) — песня, которую поют младенцу, чтобы он уснул. В исследовательской литературе встречается мнение о том, что мелодия колыбельных песен на музыкальном и вербальном уровнях закрепляет определенный тип социального поведения. Так, музыкальный строй украинских колыбельных... соотносится с темой казачества и с его идеалами³. Филолога-

ского населения Алтая в конце XIX — первой половине XX в.: по материалам этнографических экспедиций / XII Гумбольдтские чтения: сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2016. С. 446.

¹ Красильников Ф. С. Украина и украинцы: географическо-этнографические очерки. М.: Лит.-изд. отд. народ. комиссариата по просвещению, 1918. С. 8.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2017 г.: Омская область, Калачинский район, г. Калачинск. Информант — русская, хохлушка, 1964 г. р., предки — переселенцы из Черниговской губернии.

³ Карабулатова И. С., Ермакова Е. Е., Зиннатулина Г. И. Территория детства как эт-

ми выделено порядка 20 основных мотивов колыбельных песен, отражающих их главные идеи — идеи сна и роста малыша. Среди них превалирует мотив изгнания вредителя (Буки, Бабая, старика, волка), который мешает ребенку заснуть или покушается на младенца и пугает его. Кроме того, колыбельные выполняют функцию идентификации, так как многие из них имеют множество локальных вариантов. К сожалению, наши информанты могут вспомнить лишь о том, что колыбельные им пели на украинском языке.

Широко распространены в детской среде были жеребьевки и считалки, поскольку важным элементом спортивных игр является конание — игровое действие, в ходе которого определяется очередность или деление участников на группы и партии, а также выявляются водящие. Выбор по жребию устанавливался разными формами, например по палке: брали палку длиной около метра или самую большую палку, которую удавалось найти, один из играющих захватывал рукой ее конец, следующий делал то же самое; кто последним накрывал конец палки, на того и выпадал жребий¹. Этот способ бытовал и у белорусов, и у украинцев в конце XIX — первой половине XX в. Широко известна жеребьевка по спичкам или соломинкам.

Детская субкультура, как уже отмечалось, тесно связана с повседневностью. В среде украинского сельского населения Западной Сибири можно выделить несколько предметов из «мира детства», характерных для разных хронологических этапов его существования. Для крестьянского мира наиболее представительным компонентом является люлька, колыбель («зыбка», «качка»), часто именуемая в источниках «колэской» или «колыской». Важной частью является одежда. Однако в полевых материалах сохранились сведения большей частью о военном и предвоенном периодах, для которых были характерны трудности в обеспечении детей одеждой: «Одежду детям сами шили, взрослое перешивали. Девочкам юбки шили, штанишак не

нолингвокультурный феномен: обряды, заговоры и колыбельные песни народов Тюменской области. Тюмень, 2005. С. 19.

¹ Голомянов А. И., Фурсова Е. Ф. Традиционные детские игры крестьян-переселенцев из Белоруссии // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры. Новосибирск, 2011. С. 92; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2017 г.: Омская область, Калачинский район, с. Глуховка. Литвинюк Л. Д., 1955 г. р.

Рис. 5. Девочка с куклой — Е. И. Евладенко, 1958 г. р. 1960-е гг. Омская область, Одесский район, с. Желанное. Семейный архив Л. М. Евладенко, 1928 г. р. Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2013 г.

було. Я даже когда взрослой была, на комбайне работала, и то штанов не было»¹.

Советское детство связано с элементами, обозначающими принадлежность к детским организациям — пионерии, комсомолу и школе, но воспоминания о них фрагментарны. Значительное внимание уделяется игрушкам. Большинство игрушек изготавливалось либо самими детьми, либо взрослыми внутри семьи. Для коллективных игр делали чаще всего мячи из шерсти. Девочки традиционно играли в куклы, а мальчики — в игры с военным содержанием: «Игрушек у нас было, шо сами сделали. Мальчики себе рогатки делали, девочкам со старых рваных вещей (кто ж нам нормальну-то ткань даст?) драли тряпки да чулки порваты наполняли»². «Куклы сами се-

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, д. Путиловка. Дрык М. М., 1930 г. р.

² Там же.

бе шили из тряпок, нормально они так выглядели. Братишка сам валенки маленькие для куколок катал...»¹

В 1970–1980-е гг. в обиход входят фабричные игрушки, о чем свидетельствуют фотографии в семейных альбомах, позволяющие реконструировать отдельные элементы детской субкультуры: школьный быт, детскую одежду и обувь, игрушки разных периодов (рис. 5). В их расшифровке вполне могут помочь музейные материалы.

Подводя итог, отметим, что в источниках фиксируется два «образа детства»: досоветский и советский. Полученная картина характеризует «конструкт» детства, выстроенный на основе воспоминаний людей зрелого и пожилого возраста о событиях из своего детства. Первый образ вписывается в рамки традиционного крестьянского сообщества и отражает его основные черты, в том числе тесную связь семьи, общины и церкви. В традиционном «мире детства» украинского сельского населения Западной Сибири важное значение имела успешность освоения трудовых навыков, закреплённая в социальной дифференциации.

С течением времени «мир детства» трансформируется в «советское детство». Нарративные источники, свидетельствующие об этом периоде, фиксируют разделение «мира детства» на две части: семейную, сохраняющую многие архаичные явления, и государственную, тяготеющую к институционализации мира детства и ассоциирующуюся с пережитой травмой. Каждый из них имеет свое вещественное и визуальное наполнение. В целом субкультура детства украинского сельского населения в конце XIX — XX в. отражала особенности его хозяйствования и переселенческий характер появления в Западной Сибири.

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Копоницкая Г. Д., 1940 г. р.

Семейная обрядность украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX — XX веке

2.1. Родильно-крестильная обрядность

В культуре восточнославянских народов родильно-крестильная обрядность является первым звеном в ряду семейных обрядов. В своей основе эта обрядность направлена на охрану беременности, жизни и здоровья роженицы и новорожденного, на признание ребенка членом семьи, общественной микросреды и христианского мира¹.

В конце XIX — начале XX в. у украинского населения Западной Сибири сохранялись основные элементы традиционной родильно-крестильной обрядности, имеющей общую для восточных славян структуру и отличающейся множеством ритуально-магических действий.

В традиционной родильно-крестильной обрядности украинского населения исследователи вслед за Д. К. Зелениным выделяют две основные группы ритуальных действий: предшествующие родам и связанные с ними, время от рождения до первой годовщины ребенка².

На протяжении всего рассматриваемого периода в семьях украинцев Западной Сибири бездетность считалась несчастьем. В связи с этим к женщине, которая готовилась стать матерью, относились с особым уважением. В первой половине XX в. украинские женщины пытались как можно дольше скрывать свое положение, опасаясь сглаза роженицы и будущего ребенка: «Раньше скрывали [беременность] месяца два, а то и дольше, сглазу боялись»³.

Для нормального протекания беременности и родов, а также наделения будущего ребенка хорошим здоровьем и положительными качествами беременная женщина обязана была соблюдать опре-

¹ Гаврилюк Н. К. Родильная обрядность // Украинцы. М., 2000. С. 308.

² Там же.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

деленные нормы поведения: не лгать, не воровать, не грубить окружающим, не бить ногами животных (кошку, собаку, свинью) и т. д.¹ Например, в Алтайском крае был записан случай, когда беременная женщина нарушала предписанные нормы и ребенок родился инвалидом: «Одна рука короче другой — Бог наказал!» По мнению односельчан, это произошло по вине матери, которая, будучи беременной, много ругалась².

Многие распространенные на территории Украины традиционные запреты для беременных женщин (ходить на похороны, видеть похоронную процессию, печь свадебный хлеб и т. д.) в памяти украинцев обследованных районов Западной Сибири не сохранились. Возможно, их утрата произошла в годы Великой Отечественной войны, когда беременные женщины работали наравне со всеми и не соблюдали никаких предписаний³.

До появления научных методов диагностики широкое распространение в среде сельского украинского населения Западной Сибири имели приметы, по которым определяли пол будущего ребенка: круглый живот — «дивчина», выпирает — «хлопец»⁴. Если «высокий» живот, то будет девочка, если «низкий» — мальчик⁵. Часто информанты вспоминали, что пол ребенка могли точно определить многие пожилые женщины: «Определяли женщины: „Ой, у тэбэ будэ хлопц!“ Или: „У тэбэ будэ дивчина!“»⁶ или «По глазам. Я сама не смогу. А вот многие женщины, может, там месяц-два, еще не заметишь по животу, а уже — „А ты беременная!“ Как-то по глазам узнают»⁷.

В связи с отсутствием средств контрацепции в конце XIX — первой половине XX в. была распространена практика прерывания беременности женщинами, имеющими уже много детей. Информанты объясняют это трудностями материального обеспечения семьи: «Де-

¹ Гаврилюк Н. К. Родильная обрядность // Украинцы. М., 2000. С. 308.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Лебяжье. Косьяненко Е. Л., 1925 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Степаненко М. И., 1927 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

⁶ Там же.

⁷ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, г. Карасук. Перепончик Т. И., 1927 г. р.

тей много было, а воспитывать не на что было. А их же растить надо. Вот потому и делали»¹. Аборты тщательно скрывали, так как это считалось позором для женщины и всех членов ее семьи: «Тайком все делали. От мужа я знаю [скрывали], а от людей тем более, чтобы люди не знали, что она беременная»². Делали аборты в домашних условиях, обращаясь за помощью к повитухам. Вмешательство было опасным для жизни: «Многие женщины умирали от этого аборта. Потому что в домашних условиях, и где там такие знания взять. Охота было помочь как бы, а не получалось. Бывало, что все хорошо обойдется, а бывало, что умирали женщины»³.

Большое количество детей в семьях украинских переселенцев обусловило и достаточно спокойное отношение к смерти новорожденных. Смерть младенцев переживалась как горе, но не как трагедия: «Я не знаю, у нас две Катьки умэрло маленькие, а я тоже родилась, Катькою называли. „Надо и ту Катькою назвать, шоб и та умэрла...“. Як богато у нас было — девятеро, так уже я, наверное, лишняя була... Две Катьки умэрло, и Гриша, и Санько були пацаны — померли. Ну, конечно, жалко було, а тоди ж яки то врачи? Таких не було, а оно чи тиф, чи, як оно называется, во то...?»⁴

В первой половине XX в. роды украинских женщин в селах Западной Сибири проходили в хате. Начало родов тщательно скрывалось, так как считалось, что чем меньше лиц знает об их наступлении, тем легче они пройдут⁵. Основным действующим лицом родильного обряда в этот период была повитуха — опытная в таких делах женщина, часто одинокая, пожилого возраста. «Бабка принимала роды. Бабка Наталья Найденова. Ну, повитуха тогда называли. Ну, вот эта баба Наталья, она у всех роды принимала»⁶. Народная терминология в отношении повитух отличалась разнообразием и первоначально зависела от мест выхода переселенцев. Так, в северных, восточных и южных областях Украины были распространены наи-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Невзгодова Е. М., 1929 г. р.

⁵ Гаврилюк Н. К. Родильная обрядность // Украинцы. М., 2000. С. 309.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, г. Карасук. Перепончик Т. И., 1927 г. р.

менования «баба», «бабушка», «бабка»; для Среднего Поднепровья были типичны производные словосочетания от слов «род», «пуп», «резать» — «пупорізка», «породиліна» и др.¹

В годы Великой Отечественной войны беременные женщины работали до наступления родов — «до последнего», и обычными были случаи рождения детей прямо во время работы в поле без помощи повитухи. Т. И. Перепончик вспоминала: «Это в войну было. Мы просо клали [копны сена]. Тетка Верка пузата была. С намы ее дочка клала и ее сын. Триста метров до соленого озера. Мы до соленого озера доходим и копны такие кладем, а тетки Верки нету. „Зинка, а дэ твоя маты?“ — „Нэ знаю, дэ-то там, за копыщою бачила!“ Идэм обратно, дошлы до бэрэга — идэ тетка Верка. Из-под копны вылазэ и пишла с намы копны ложить. Она говорит: „Щас пошли на обед“. Тетка Верка забэрае, она нижню юбку сныла, закутала ту дытину под копною, нэ мыто. И пошлы мы на обед. „А шо вы там ниситэ?“ А она показываэ. „Ленька будэ!“ Так родыла в копнэ»².

Женщины, рожавшие впервые, как правило, старались обратиться к помощи повитухи: «Была на работе в поле. На другой день стало плохо, стеснялась. Ходила, отошли воды. Пошла к бабке, она помыла руки, говорит: „Ложись!“ Привязала к койке полотенцем, чтобы я держалась за него...»³

Роль повитухи в родильном обряде восточнославянских народов к настоящему времени изучена довольно подробно, исследованы обрядовая составляющая ее деятельности, ее роль в организации пространства новорожденного, а также социальные представления о повитухах. Остановимся лишь на функциональной роли повитухи в обеспечении здоровья роженицы и новорожденного в среде украинского сельского населения. Можно сказать, что именно она была проводником новорожденного ребенка в мир людей, она же отвечала за формирование благоприятного «образа» ребенка в будущем. В имеющихся полевых материалах упоминается, например, что повитуха дает младенцу морковный сок, «чтоб желудок был крепкий», после этого она его «сповывала» — обматывала поверх пеленки ши-

¹ Гаврилюк Н. К. Картографирование явлений духовной культуры... С. 67–68.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, г. Карасук. Перепончик Т. И., 1927 г. р.

³ Материалы МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. П. 23-2. Л. 154. ЭЭ 1987 г.: Омская область, Полтавский район, с. Ольгино. Нечепоренко М. И., 1924 г. р.

роким поясом («крайкой»), «чтоб рос ровненьким»¹. Повитуху приглашали и для лечения от «сглаза». Способам избавления от этого недуга посвящен солидный комплекс материалов. Здесь отразились архаичные представления, связанные с очистительной силой воды, и женская бытовая магия.

Как только у женщины начинались роды, она отправляла кого-то из членов семьи, в этот момент находящегося в доме, за повитухой. Обычно женщины-повитухи жили в одном селе с роженицей, что сокращало сроки их прибытия и оказания необходимой помощи. Во время родов в хате, кроме роженицы и повитухи, никто не должен был присутствовать. Чтобы облегчить роды, повитуха прибегала к различным методам, например гладила по животу, при этом обязательно читала «богородичные» молитвы и соответствующие заговоры, которые должны были помочь роженице. Однако в Алтайском крае был записан рассказ, когда при родах присутствовал мужчина — брат роженицы, который читал молитвы в другой комнате, «помогая» женщине. Связано это было с особой религиозностью украинского сельского населения, так как считалось, что чтение молитв облегчает роды. «Бабка, может, и други кто. Дак хто читае. Я вот помню, моя сестра рожае, дак дядька сидел молытву читал, а родиха в другой хате была. Стал читать, и она родыть начала — молитвы тогда помогали. Без молитвы никак! Все равно помогали молитвы!»²

В обязанности повитухи также входило перерезание и завязывание пуповины, однако в исключительных случаях это делала сама роженица. Завязывалась пуповина льняной, а чаще конопляной ниткой³, часто именуемой «материнской». «Начнет хватать, пойдет роженица в сарай, вытянет ребенка за головку. Перевяжет суровой... ниткой пупок»⁴. «Повитуха завязывала. Вот раньше нитки, которые были из конопли, называли „суровые нитки“. Потому что они из коно-

¹ Материалы МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. П. 23-2. Л. 151–152, 154–156. ЭЭ 1987 г.: Омская область, Полтавский район, с. Ольгино. Нечепоренко М. И., 1924 г. р.; Нагорная У. М., 1914 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

⁴ Материалы МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. П. 23-2. Л. 159. ЭЭ 1987 г.: Омская область, Полтавский район, с. Красногорка. Курятник М. А., 1904 г. р.

пли сделаны, из травы, она как бы крепкая и не мягкая»¹. Вероятно, это связано с тем, что выращивание конопли в качестве технической культуры у украинского сельского населения являлось преобладающим. Согласно восточнославянским представлениям, использование нитки, полученной из женского (плодоносящего) растения конопли, способствовало тому, чтобы ребенок впоследствии не оказался бесплодным. Превалирование использования конопляной нитки отмечалось и на большей части территории Украины, за исключением некоторых южных областей, где повитухи применяли льняную или шелковую нитку². Остаток пуповины («пупок») с ниткой по украинской традиции сохраняли и прятали за икону, скрывая от посторонних.

Важным ритуалом родильной обрядности было обмывание новорожденного, что, согласно восточнославянской традиции, символизировало отделение ребенка от того мира, откуда он появился, создание нового человека и приобщение его к сфере культуры. Новорожденного купали в деревянном корытце с теплой водой, обтирали, заворачивали в пеленку и укладывали в колыбель (укр. *колыску*). В воде, в которой купали младенца, согласно традиции предварительно запаривали различные травы — череду, ромашку, любисток («любысток»), а также листья березы. «Корыты таки деревянны були, с дубов выдолбаны. В корыте купала. Купалы и травы кидали — череда, ромашка, любыстка»³.

Важное значение в организации пространства новорожденного играла колыбель — «первый дом» младенца. В среде украинского населения колыбель чаще всего именовали «колыской», в Новосибирской области иногда «колысанкой»⁴. «Колыску» для новорожденного изготавливали в домашних условиях из хорошо обструганных досок, по углам вбивали гвозди, привязывали к ним веревки, крепили к металлическому кольцу и вешали на матицу (рис. 6, цв. ил. 25). В отличие от люлек, бытовавших у русского населения региона, с низкими бортиками или без них, украинские «колыски» имели вид деревянного ящика с высокими стенками, у одной из которых делали срез

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

² Гаврилюк Н. К. Картографирование явлений духовной культуры... С. 69.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, г. Карасук. Перепончик Т. И., 1927 г. р.

⁴ Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев... Ч. I. Новосибирск, 2004. С. 132.

Рис. 6. «Колыска». Омская область, Горьковский район, пос. Горьковское. Экспозиция Горьковского историко-краеведческого музея. Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2014 г.

для удобства вынимания ребенка. «В колыску ребеночка этого. Така була колыска висяча. Из досщичек [делали]. На веревочках колыска весить, и эту дetyну туды. На четыре угла крепили. Провинчивали дырочки у того ящичку, а туди зачипали веревочки, их в кольцо, и вешали на матку»¹.

На дно «колыски» стелили самодельный матрац из старого полотна — изношенных мужских штанов, женской сорочки и т. п., набитый соломой, мхом или травами. Сверху «колыску» с ребенком обязательно прикрывали тканью, закрепляя ее на сходящихся к кольцу веревках, что позволяло сохранять тепло, а летом уберегало от мух. Бытование «колысок» у сельского населения отмечается вплоть до 1960-х гг., позже их заменили покупные кровати-колыбели. Изменилось и их наполнение: на смену самодельным матрацам первоначально пришли ватные матрацы; современные родители используют матрацы, вид и содержимое которых отличается разнообразием: пружинные, беспружинные (латексные, кокосовые). С исчезновением из обихода люльки был потерян и пласт обрядов и представлений, тесно связанных с ее функциями в традиционной культуре.

Неотъемлемой частью традиционной родильной обрядности, долгое время сохранявшейся в среде украинского населения Западной Сибири, были очистительные обряды. Как известно, у русского старожильского населения это было мытье роженицы в бане². У украинцев Западной Сибири роженицу «купали» в хате. В русской печи в чугунах грели воду, наливали ее в специальные большие деревянные бочки (в селах Новосибирской области и Алтайского края их называли «шапльки»)³, добавляли «разнотравье»⁴ — листья мяты, чабреца, земляники или сено, усаживали в бочку роженицу и накрывали рядом. «Были шаплькы — это бочки деревянные. Шаплык назывался. Тоди воды в печи греют в чугунах, в шаплык наливают, тра-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Степаненко М. И., 1927 г. р.

² Курсакова А. В. Обычаи и обряды, связанные с рождением детей в крестьянской семье (по материалам экспедиций в Солонешенский район) // Солонешенский район: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 282.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Степаненко М. И., 1927 г. р.; Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Степаненко М. И., 1927 г. р.

вок туды кладуть и тибе сажают»¹. Женщина должна была помыть-ся и обязательно ополоснуться (облиться) водой три раза.

В селах Новосибирской и Омской областей зафиксирована также не характерная для сибиряков традиция парить роженицу в печи: «После родов роженицу укладывали в русскую печь. Пол застилали травами... сбрызгивали кипятком и накрывали все это рядом. После этого быстро выходил послед»². Вероятно, эти действия были ориентированы на возвращение женщине физических свойств, присущих ей до родов. В целом очистительные манипуляции с травами, представляющие собой примеры контактной магии, свидетельствуют о сохранении региональных особенностей в традиционных обрядовых приемах, широко распространенных на местах выхода. Начиная с середины XX в. они сохраняются лишь в области народных представлений, исчезая из практики.

Плаценту («послед», «місце») согласно восточнославянской традиции «отправляли назад» по схеме погребального обряда — закапывали в таком месте, «чтобы никто там не ходил». И если у русского населения это, как правило, был святой (красный) угол дома, то украинцы закапывали плаценту также под сарай, плетень, зимой — в погреб³. «...Роженица... выкапывает в земляном полу, в углу хаты, топором ямку, ложит в нее завязанный в тряпочку послед, замазывает мисто землей»⁴.

Повитухи в украинских селах Западной Сибири оказывали лишь первую помощь во время и после родов, что также отличало их от русского населения, у которого была распространена традиция оказания повитухой помощи роженице по хозяйству в течение трех — десяти дней⁵. По словам информантов, деньги повитухе не платили,

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Степаненко М. И., 1927 г. р.

² Материалы МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. П. 17-1. Л. 108. ЭЭ 1981 г.: Омская область, Павлоградский район, р. п. Павлоградка. Лавриненкова П. М., 1926 г. р.

³ Материалы МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. П. 23-2. Л. 159. ЭЭ 1987 г.: Омская область, Полтавский район, с. Красногорка. Курятник М. А., 1904 г. р.; Л. 161. ЭЭ 1987 г.: Омская область, Калачинский район, д. Тургеневка. Чебаненко А. П., 1941 г. р.

⁴ Материалы МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. П. 23-2. Л. 159. ЭЭ 1987 г.: Омская область, Полтавский район, с. Красногорка. Курятник М. А., 1904 г. р.

⁵ Гаврилюк Н. К. Родильная обрядность // Украинцы. М., 2000. С. 311; Листова Т. А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX — 20-е годы XX в.) // Русские: семейные и общественный быт. М., 1989. С. 147.

часто ее благодарили продуктами: «Не... деньги не давали. Продукты в основном. Кто что мог, то и давали ей»¹.

С декабря 1922 г. декретами советской власти была введена уголовная ответственность за незаконное врачевание, это распространялось и на деятельность повитух. Женщины, продолжавшие такую практику, подвергались судебному преследованию и последующей ссылке. В то же время была разработана целая система законодательных актов, направленных на социальную охрану материнства и организацию медицинской помощи беременным: систематическое наблюдение в женских консультациях, дородовый патронаж, ранняя диагностика патологий, дородовая госпитализация беременных. С этого времени начинается постепенный процесс отхода от практики домашних родов и переход к стационарному медицинскому родовспоможению. При этом в первые годы институализации родов женщины предпочитали обращаться за помощью к «знающим» бабкам в селе. По рассказам информантов, это было связано с недоверием к молодым сельским акушеркам. Часто встречались рассказы о случаях, когда роды проходили дома в присутствии акушерки и повитухи: «И врач был, и бабку звали. Боялися. Эта молодая — ниче не знает, а та подсобит ей где»² или: «Рожали дома, звали фельдшера. Я тоже дома рожала. А зачем куда-то ходить? Мама, свекровь или еще кто-то постарше рядом, скажут, что делать, помогут»³.

Но все же с 1940-х гг. постепенно утверждается практика родов в больницах. Практически все женщины — информанты 1930-х гг. рождения и позже — указывали, что для них предпочтительнее было рожать в больнице, под присмотром медицинского персонала. Во второй половине XX в. дома или в дороге происходили, как правило, только экстренные роды. С этого времени отмечается активная трансформация или утрата важнейших составляющих традиционной родильной обрядности.

В первые дни после родов посещать роженицу и показывать ребенка посторонним людям запрещалось. Подобная традиция сохранялась вплоть до 1940-х гг. В отдельных районах Западной Сибири этот срок традиционно составлял 40 дней. Однако большинство

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Степаненко М. И., 1927 г. р.

² Там же.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Дудук А. Р., 1930 г. р.

информантов помнят запрет только в одну неделю, по прошествии которой «...показывают маленького, все на него дывылыся»¹. Объяснялось это необходимостью уберечь детей от сглаза и порчи. Физиологическое состояние женщины после родов, по мнению информантов в селах Алтайского края и Новосибирской области, накладывало запрет на ее встречи с чужими людьми (не членами семьи) — «еще слаба была»² — и тяжелую физическую работу примерно в течение месяца после родов. В это время ее называли «сырая» (НСО) или «мокрая» (АК)³. Сохранение архаических представлений о нечистоте женщины зафиксировано в Полтавском районе Омской области. По воспоминаниям информантов, в течение девяти дней роженица не могла выходить на улицу, так как «она считалась как раскрытая могила»⁴.

Женское проведение роженицы (укр. *отведки*) и празднование родин были неотъемлемыми компонентами традиций, связанных с рождением ребенка. В полевых материалах в основном фиксируется сохранение особенностей, присущих украинцам северной и Правобережной (исключая Приднепровье) Украины: посещение роженицы носит характер самостоятельной инициативы, мужчины в этом участия не принимали, оно могло быть коллективным или индивидуальным. Согласно украинской традиции к роженице не положено было приходить с пустыми руками⁵, поэтому часто приносили полотно для изготовления пеленок, хлеб и изделия из теста — вареники, блины, пироги: «Кода родит, тода блины, варэники. Больше ничего не несли»⁶. Вручение гостинцев сопровождалось различными пожеланиями роженице и младенцу.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, г. Карасук. Перепончик Т. И., 1927 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Бараненко А. М., 1918 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.; Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р., Ковтун М. И., 1917 г. р.

⁴ Материалы МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. П. 23-2. Л. 162–164. ЭЭ 1987 г.: Омская область, Полтавский район, с. Ольгино, с. Красногорка.

⁵ Гаврилюк Н. К. Родильная обрядность // Украинцы. М., 2000. С. 312.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.

Одним из наиболее важных механизмов включения новорожденного в «культуру» являлось имянаречение¹. «Ну, по-церковному [называли]. Обращались. Ну, такие имена, которые сейчас мы считаем старинными»² или «Вот до войны больше по-церковному. Пока церковь у нас была, больше по-церковному. Вот старые имена. А после войны тут уже стали называть как-то, без церкви, сами. Я сама называла в 1950–1960-е гг.»³. Часто информанты вспоминали, что имя, полученное в церкви, не нравилось его обладателю: «Да вот когда крестят, имя дают по святым. Вот як мне дали погано имя! Я его нэ любила всю жизнь! Фекла!»⁴ Согласно воспоминаниям информантов, священники давали имена только незаконнорожденным детям: «Поп имена давал только нагулянным детям»⁵. «Имя ребенку раньше давали по праздникам. Например, 7 июля – праздник Ивана Купала, 12 июля – Петров день. Детей, родившихся близко к сроку праздника святого, называли его именем»⁶. Важная роль при выборе имени ребенка отводилась крестным родителям.

В селах Новосибирской области были зафиксированы случаи, когда ребенку давали два имени: одно сразу после рождения (родители), а второе – в церкви во время крещения. М. И. Порох вспоминала: «Никак не называли [до крещения]. У нас было так, что Никола-Василь [Николай, Василий] – двойное имя было. Родители вот называли так, а в церкви его переименовали, и поэтому его звали в деревне Никола-Василь. И так много было»⁷. Распространены были и другие варианты: например, ребенка называли именем близких родственников (часто бабушек или дедушек), кроме того, ориентировались на имена, обладатели которых были красивыми, удачливыми людьми⁸. Так,

¹ Там же.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Степаненко М. И., 1927 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.

⁵ Материалы МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. П. 23-2. Л. 168. ЭЭ 1987 г.: Омская область, Полтавский район, с. Красногорка. Галинко Е. Ф., 1908 г. р.

⁶ Материалы МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. П. 17-1. Л. 74–76. ЭЭ 1981 г.: Омская область, Павлоградский район, р. п. Павлоградка. Лесничая А. М., 1926 г. р.

⁷ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Степаненко М. И., 1927 г. р.

⁸ Гаврилюк Н. К. Родильная обрядность // Украинцы. М., 2000. С. 310.

например, в похозяйственных книгах с. Белого (Карасукский район, НСО) встречается несколько семей, где дочь и мать носят одинаковые имена. Кроме того, отмечен случай, когда после смерти одного ребенка в 1930 г. родившегося в 1935 г. мальчика назвали так же — Иваном¹.

По мнению информантов, в украинском произношении, в отличие от русского, имена звучали грубо, хотя сами имена были одинаковыми: «Да одинаковые имена и у хохлов и у русских. У русских як помягше, а у нас як скажут — „Полька“, „Дунька“! У русских — Дуся, у нас — Дунька, Валька — Валя, Василий — Васыль!»²

С 20-х гг. XX в. формируется новая традиция выбора имени для ребенка. В имянаречение в советское время была вложена функция социализации нового человека, результатом которой стал процесс самостоятельного выбора имени ребенка³. Традиции давать имя новорожденному по «красным святцам», в которых имена посвящались революционным деятелям и событиям, в среде сельского украинского населения рассматриваемого региона не зафиксировано. Устойчивой традицией оставалась наречение детей именами покойных или здравствующих родственников. Со второй половины XX в. большую роль в выборе имени ребенка приобретает мода. Моду на имена создавали значимые деятели в области политики, литературы, музыки, кино и т. д., что приводило к утрате традиционных имен, распространенных среди украинцев в православной России в конце XIX — начале XX в., таких как Христинья, Дамиан, Хеврония, Матрена, Пелагея, Улита, Ульяна, Марфа, Лука, Марк, Евлампий»⁴.

Важным аспектом для украинского сельского населения Западной Сибири до 1930-х гг. была религиозная социализация ребенка, началом которой был обряд крещения. Обряд крещения мог исполняться как в церкви священником, так и, в случае необходимости, повитухой в доме. Как отмечает Т. А. Листова, ссылаясь на «Настольную книгу для священноцерковнослужителей» (Киев, 1913), «церковные правила не только не запрещали подобные действия, но и вме-

¹ Отдел архивной службы администрации Карасукского района Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3. Л. 22, 23, 66 об.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.

³ Бондаренко Е. Д. Советские сценарии имянаречения: диалог с традицией // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 168.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Толкунова А. А., 1947 г. р.

няли в обязанность священникам объяснять „всем мирянам, а особенно повивальным бабкам“, что в опасных для состояния младенца случаях они должны крестить его „путем троекратного погружения или обливания водой трижды с произнесением определенных слов“¹. В начале XX в., по сведениям И. Голошубина, в селах Омской области ребенка крестили на следующий день после рождения. «Крещение младенцев переселенцами полтавцами или черниговцами никогда не оставляется до следующего или другого дня. Случается, что священнику приходится отлучиться из прихода... редкие восприемники остаются ждать, а большинство сейчас же отправляется в другой приход, а если и там такая же история, т. е. отсутствует батюшка, то восприемники отправляются в третий, соседний приход»². Несмотря на такое активное стремление сразу же крестить новорожденных, И. Голошубин отмечает весьма распространенные факты отступления от канонических правил, в частности отсутствие крестильной рубашки, которая также символизировала переход в «крещеный мир»: «Не только тогда, т. е. 15 лет тому назад, но и поныне еще нередки случаи, когда восприемники являются с младенцем, не имея рубашки (сорочки), и все убедительно доказывают, что у них в России рубашек при крещении не требовалось... Большого труда и громадных усилий стоило мне заставить переселенцев (черниговцев) являться для крещения младенцев с рубашками, хотя и ныне еще нередки случаи, когда восприемники за неимением с собой рубашки делают подобие ее из какой-нибудь тряпки или платка, прорезав отверстие для головы»³.

Воспоминания о крещении, во многом совпадающие с данными И. Голошубина, встречаются и в полевых материалах: «Крестят ребенка на другой день после рождения. Зовут кумов, они несут ребенка в церковь. Поп от лба до макушки выстригал младенцу ножницами волосы, собирал их в кучку, обливал воском и бросал их в чан с водой»⁴. В 1920–1930-е гг. в украинских селах на территории Алтайского края была распространена традиция крещения на третий день:

¹ Листова Т. А. Русские обряды, обычаи и поверья... С. 149.

² Там же.

³ Голошубин И. Из впечатлений сельского священника // Омские епархиальные ведомости. 1911. № 12. Отдел неофициальный. С. 28.

⁴ Материалы МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. П. 23-2. Л. 161. ЭЭ 1987 г.: Омская область, Калачинский район, с. Сорочино. Гаврюк А. И., 1914 г. р.

«Ну, обязательно, чтобы на третий день крестили»¹. В отдельных случаях могли ждать, когда ребенку исполнится месяц: считалось, что к этому времени он окреп и его можно крестить в церкви.

Необходимость крестить младенцев в как можно более раннем возрасте обусловлена народными представлениями о новорожденном. Так, украинцы поселка Павлоградка Омской области обосновывали важность обряда крещения следующим образом: «Когда ребенка крестят, то вдывают в него душу... Некрещеный ребенок человеком не считался, и если он умирал до обряда крещения, то его хоронили отдельно»². Промежуток между рождением и крещением считался наиболее опасным, прежде всего потому, что некрещеный ребенок легко может быть подменен нечистой силой и, не имея божественной защиты, подвержен сглазу³. По мнению информантов из Полтавского района Омской области, «крестить ребенка следовало как можно скорее, до тех пор он считался „куском мяса“»⁴.

Для крещения ребенка выбирали крестных родителей — кумовьев, становившихся его духовными родителями, своеобразными покровителями и опекунами⁵. Между родителями ребенка и кумовьями устанавливались тесные дружеские отношения. При главенстве кумовьев проходили крестины, постриг, а также свадьба крестника. Распространенным было представление о том, что «ругаться с кумою — большой грех»⁶.

Традиция приглашения кумовьев отцом новорожденного или повитухой, распространенная на территории Украины, в селах Западной Сибири не сохранилась. Их выбор происходил по обоюдному согласию родителей. Отказывать не полагалось, так как считалось, что лицо, отказавшееся крестить ребенка, берет на себя грех. На

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.

² Материалы МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. П. 17-1. Л. 74–76. ЭЭ 1981 г.: Омская область, Павлоградский район, р. п. Павлоградка. Лесничая А. М., 1926 г. р.

³ Материалы МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. П. 23-2. Л. 161. ЭЭ 1987 г.: Омская область, Калачинский район, д. Тургеневка. Чебаненко А. П., 1941 г. р.

⁴ Материалы МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. П. 23-2. Л. 162–164. ЭЭ 1987 г.: Омская область, Полтавский район, с. Ольгино, с. Красногорка.

⁵ Гаврилюк Н. К. Родильная обрядность // Украинцы. М., 2000. С. 313.

⁶ Материалы МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. П. 17-1. Л. 74–76. ЭЭ 1981 г.: Омская область, Павлоградский район, р. п. Павлоградка. Лесничая А. М., 1926 г. р.; П. 23-2. Л. 158. ЭЭ 1987 г. Омская область, Полтавский район, с. Красногорка. Хиль А. А., 1913 г. р.

роль кумовьев часто выбирали близких родственников (сестру, брата и т. д.), а также хороших друзей, соседей. В селах Новосибирской области в крестные родители могли «напроситься»¹. М. И. Степаненко рассказывала: «А вообще ране, дедуши рассказывали, вот, например, дедушка говорил: „Це буди я крестный!“ Сами иногда напрашивались. „Вот я возьму твоего крестника на обучение“. А я знаю, Коля самый меньший родився, а Русак был конюхом. Ну, взяли его кумом. А Кохан Алексей той пока пришел, а тот уже за столом сидеть. И пока его в кумы не взяли, так и не вставал. Всяко было»². Информанты рассказывали, что кумом можно было стать и случайно: «Я хрестила своего племянника, дак старый дид там робыл при цэрквы, дак его и поставылы кумом тоди. Бэгала, бэгала на пашни [искала приглашенного кума]. Уже колхоз был, все на пашнях. Дак нема его! И поставили кумом этого диды»³.

В селах Алтайского края встречались случаи, когда выбирали только одного крестного родителя — мужчину для мальчика, женщину для девочки: «Хлопца без кума не хрестят. Як хлопец — так обязательно кум, а если дивчина, то и кума не будэ, так и похрестят»⁴.

По украинской традиции будущие крестные родители приходили на крестины с хлебом. Хлеб выполнял функцию оберега. И. Голошубин отмечал: «Всякое крещение у черниговцев и полтавцев сопровождается принесением в пользу причта печеного хлеба» (далее он именует его «паляницей») ⁵. В церковь кума брала кусок полотна, куда заворачивали младенца после крещения. Крестик давали в церкви. В селах Алтайского края информанты вспоминали, что за крещение младенца в церкви деньги не брали: «Не, не платылы сроду! Никогда не платылы! Яка копейка свичка только»⁶.

В среде украинского сельского населения Западной Сибири в церковь ребенка несли только будущие крестные родители, матери

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Степаненко М. И., 1927 г. р.

² Там же.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово, Ковтун М. И., 1917 г. р.

⁴ Там же.

⁵ Голошубин И. Из впечатлений сельского священника // Омские епархиальные ведомости. 1911. № 12. Отдел неофициальный. С. 29.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

запрещалось присутствовать при крещении. «Нет, маты не ходять. Кум, кума идэ»¹. или «Ну, хто сестра или брат — кумовья, те и несут в церкву. А мать дома будэ. Ей нельзя. Они сами понесут его»². В это время в доме родителей мать ребенка накрывала на стол. Угощали крестных родителей традиционными украинскими блюдами — борщом, варениками, киселем. «Ну, шо было. Мясо. Колбас не було. Вэнэгретов не було. Борщ, каша, кисель»³. За столом важное значение придавали словесным формулам-пожеланиям, адресованным ребенку. В них вкладывали пожелание здоровья, счастья, в будущем — трудолюбия и мастерства и т. д.

Особое значение украинское сельское население Западной Сибири придавало обрядам, совершаемым после крещения. На протяжении всего рассматриваемого периода согласно восточнославянским традициям особое значение украинцы придавали ритуальным действиям, посвященным наделению ребенка способностью ходить, «культурными» признаками пола — пострижению⁴. В семьях украинцев сохранялось представление, что стричь ребенка можно не раньше, чем через год после его рождения: «До года нельзя стричь. Никого не стрежуть. А як год исполняется, тоди обстригают совсем, чтобы волосы росли густые. Специально, як годик исполнится, так надо обязательно обстричь ребенка любого, хоть девчонка, хоть мальчик»⁵. Считалось, что если этого не сделать, то ребенок будет страдать головной болью и у него не будут расти волосы. Встречались случаи отклонения от общего правила, обусловленные необходимостью: «У кого волосы сильно в глаза, то обрезалы»⁶.

У украинского сельского населения Западной Сибири пострижение совершалось крестными родителями, что было характерно для Восточной Украины, откуда происходило большинство украинских переселенцев (Полтавская, Харьковская, Черниговская губернии). Несмотря на существование локальных различий в обряде, на большей части обозначенной территории на «местах выхода» переселенцев

¹ Там же.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.

³ Там же.

⁴ Гаврилюк Н. К. Родильная обрядность // Украинцы. М., 2000. С. 318.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, г. Карасук. Перепончик Т. И., 1927 г. р.

⁶ Там же.

важное значение в обряде пострижения играли мужчины — отец или кум (крестный отец)¹. Однако в Сибири распределение ролей в обряде изменилось: мальчика стриг крестный, девочку — крестная. Действия, как и в других обрядах, сопровождались благопожеланиями малышу. Информанты помнят запрет выбрасывать состриженные волосы и распространенное на Украине поверье, будто выброшенные волосы подбираются птицами для гнезда, отчего и возникает головная боль². Чтобы избежать негативных последствий, по традиции волосы в основном сжигали, что указывало, по мнению Н. К. Гаврилюк, на связь с культом природы³. Исключение в этом отношении составляли переселенцы с Полтавщины, так как здесь в конце XIX — начале XX в. широкое распространение получил прием безрелигиозного значения: сохранение детских волос на память⁴. Т. И. Перепончик вспоминала: «Ну, ножницами [стригли]. Ножницы таки были большие. Бараньими ножницами. А волосы надо в печке сжигать! Нельзя нигде бросать волосы. А голова, говорят, будэ болеть»⁵.

Так же внимательно следили за ростом детских ногтей. Запрещалось выкидывать состриженные или «откусанные зубами»⁶ детские ногти, чтобы ребенок себя не царапал. «Не-е... ногти детские нельзя выкидывать. Их, бывало, зубамы откусывалы. Да тоже все время подстригали, и на ножках и на ручках, чтобы он не расцарапал!»⁷

На протяжении всего рассматриваемого периода в семьях украинского сельского населения сохранялась традиция «перерезать пупок», когда ребенок делал первый шаг. Этот обряд получил распространение у многих народов (казахов, алтайцев, кабардинцев, русских, чувашей, татар и др.) и относится исследователями к числу архаичных пережитков, тесно связанных с язычеством. Семантическое содержание обряда тесно связано с восприятием «пупа» в качестве символа нити, связывающей ребенка с потусторонним миром и мешающей окончательно перейти в «мир людей». Этот образ ярче

¹ Гаврилюк Н. К. Картографирование явлений духовной культуры... С. 177–179.

² Гаврилюк Н. К. Родильная обрядность // Украинцы. М., 2000. С. 319.

³ Там же.

⁴ Гаврилюк Н. К. Картографирование явлений духовной культуры... С. 188–189.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, г. Карасук. Перепончик Т. И., 1927 г. р.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

всего прослеживается в шаманской традиции¹. В среде украинского населения Западной Сибири сохранились лишь некоторые отголоски семантического содержания и воспоминания об обрядовой практике. Мать или кто-то из близких родственников сзади быстро трижды проводил ножом, позже ножницами, между ног малыша, разрезая воображаемые пути. С. Л. Ивануха рассказывала: «Когда делает первый шаг, тогда торопились взять ножницы и как бы между ножками как бы чикнуть. Говорят „путо перерезать“. Как спутанный он был. А когда он уже первый шаг сделал, путо перерезут, он тогда вообще начнет ходить!»²

От груди ребенка обычно отнимали в возрасте двух-трех лет, и это означало его переход в новый возрастной период — от младенчества к детству³. В источниках практически не нашли отражения лекарственные средства, употребляемые для того, чтобы отучить ребенка от груди, востребованные в настоящее время. В то же время женщины вспоминают, что придумывали различные способы, чтобы ребенок отказался от груди: мазали грудь сажей, носили колючие щетки за пазухой⁴. Длительный период кормления грудью многие информанты связывали с возможностью в это время не беременеть. «Старались подольше [кормить], считали, что пока мама кормит грудью, то она не забеременеет. И подольше, до двух лет, даже и третий год пойдет, все равно кормят»⁵.

Прикорм начинали с каш, вареной толченой картошки, пережеванного хлеба с сахаром, печенья. «Ну, вот это хлеб жевали, картошку, если сварят, толченку [пюре] делают. Еще сразу приучали — жевали всё, чтобы не подавился ребенок»⁶. Перечисленные способы прикорма, как и представления о материнстве и детстве, с 1930-х гг. стали подвергаться пересмотру под воздействием государства. Имен-

¹ Нам И. В. Нить, связывающая миры (к проблеме воплощения идеи всеобщей связи в мифоритуальной традиции сибирского шаманизма) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 141–142.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

³ Гаврилюк Н. К. Родильная обрядность // Украинцы. М., 2000. С. 320.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Родинский район, с. Родино. Ломака А. Н., 1928 г. р.; Боряк Н. Н., 1933 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

⁶ Там же.

но в этот период в СССР начинает публиковаться специализированная научно-популярная литература по уходу за детьми, развиваться сеть медицинских организаций. С помощью плакатов и брошюр, издаваемых огромными тиражами, широко пропагандировались меры по профилактике детской смертности, доказывающие ошибочность народных представлений о материнстве и детстве. Однако внедряемые медицинские знания о приемах и способах ухода за детьми нередко противоречили бытовым условиям жизни сельского и городского населения. В силу этих и иных причин они начали входить в практику лишь с 1960–1970-х гг.

Украинское сельское население Западной Сибири всю первую половину XX в. сохраняло многие традиционные представления и обряды, связанные с родами и рождением ребенка. Но, как показали полевые материалы, некоторые обрядовые элементы, такие как украинская традиция помощи мужчины при родах, когда муж ложился на пол, а роженица должна была трижды переступить через него, что должно было помочь ей «разродиться», не сохранились. С 1930-х гг. участие мужчины в рассматриваемом обряде не требуется. Мужа во время родов просили покинуть хату. Также в памяти информантов из числа украинского населения не сохранились воспоминания о восточнославянском обряде «размывания рук»¹ с целью очищения повитухи и роженицы, в отличие от русских, очень хорошо воспроизводивших совершаемые действия, атрибутику и смысл обряда.

С 1920-х гг. с распространением декретов советской власти, запрещавших частную акушерскую практику, в том числе деятельность повитух, и организацией медицинской помощи беременным происходит трансформация родильного обряда: он начинает приобретать современный вид. При этом вплоть до настоящего времени сохраняется традиция определения пола будущего ребенка по внешнему виду беременной женщины, что в большей степени носит шуточный характер. «Оно и сейчас пытаются как-то определить. Еще женщина на УЗИ не ходила — ну вот уже отгадывают, но не получается. Иногда совпадает»².

До второй трети XX в. украинцы Западной Сибири считали обряд крещения ребенка обязательным. С 1930-х гг. под влиянием поли-

¹ Гаврилюк Н. К. Родильная обрядность // Украинцы. М., 2000. С. 311.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

тического фактора ситуация меняется. Полевые материалы показывают, что крещение, являясь запрещенным, сохранялось в большинстве украинских семей Западной Сибири, но форма обряда приобрела новые черты: у всего православного населения он получил название «погружение» и проходил тайно. В дом роженицы приглашали повитуху — часто одинокую женщину, знающую церковные каноны и умеющую читать богослужебные книги, которая совершала «погружение» младенца в воду, читая молитвы в присутствии крестных родителей, после чего ребенок считался крещеным¹. Крестики изготавливали самостоятельно, часто вырезая из дерева или монет.

Роль религиозного воспитания с этого времени значительно ослабевает. В семьях украинских переселенцев Западной Сибири функция религиозного воспитания негласно переходит к старшему поколению — бабушкам, которые с малых лет обучали детей молитвам, учили правильно креститься и т. п. «Спать ложились — бабушка молитву читала и нас заставляла. „Отче наш“ учили. Так и сейчас спать ложусь, обязательно перед сном прочитаю три раза»².

Традиция воспитания старшим поколением детей оказала значительное влияние на формирование религиозного мировоззрения части сельских советских детей даже в условиях атеистического общества: «Я когда-то — пообедаю — перекрестился. Спать ложился — подушку перекрестил, там сам. А потом в комсомол вступил в 52-м году — всё, никаких...»³ Многие информанты, будучи некрещеными в детском возрасте, рассказывали, что хотели бы совершить таинство крещения в настоящее время: «Я один черт некрещеный. И отец их, зять наш, тоже ходил [в церковь креститься]. Гай, дед неверующий. Умирать будет, так скажет: „Перекрестите мене!“»⁴ Информанты связывают необходимость крещения в пожилом возрасте с тем, что после смерти над некрещеным покойником нельзя совершить церковный обряд отпевания, а также с возвратом населения к православной вере после распада Советского Союза. В связи с этим во многих селах в 2000-е гг. на средства местного населения были открыты или построены церкви, часовни. «Часовенку сделали не так давно. Все ту-

¹ Люля Н. В. Воспитание девочек в семьях украинских переселенцев... С. 128.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, г. Карасук. Перепончик Т. И., 1927 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Дубровино. Ещенко А. И., 1939 г. р.

⁴ Там же.

да сходятся, как воскресенье, по праздникам. Сразу был вот дом, как заезжаешь, там церквушка была, а потом перенесли ее туда. Потом домик отдельно обделали, хорошая там была. Священник приезжает по праздникам, по большим праздникам воду крестить. Перед Пасхой крестить, кто хочет — крестится. И взрослых крестят, и детишек. Он приезжает и здесь крестит»¹.

Сохранность отдельных ритуально-магических представлений в среде украинского сельского населения Западной Сибири на протяжении рассматриваемого периода (первое пострижение, «перерезание пут» и пр.) связано с трансляцией элементов традиционной культуры прежде всего в семье, от старшего поколения к младшим. В советское время этому способствовало отсутствие у женщин возможности получить отпуск по уходу за ребенком. «А у нас был стаж. И не дай бог прервать стаж»². «Не было у нас декретных, как сейчас. Я еще, значит, работала, а меня меньше чем за неделю до родов отпустили рожать»³. Как рассказывала одна из жительниц с. Белое (НСО), ее мать практически сразу после родов вышла на работу: «Да, як... родыла, а бригадир пришел загадывать на работу ж. А она: „Я сегодня не пиду“. — „А че ты не пидэшь?“ — „А у мэнэ маленький есть“. — „...А-а, я не знал, я не знал, ну извини...“ Ну там скико днів дома побула и опять на вот таких оставляе и на работу идэ»⁴. Поэтому для ухода за маленькими детьми привлекались старшие дети или родственники, имевшие на это время. «Для детей колыски делали на веревках — и так покачаешь его. Я своего брата качала — мне пять лет було, я на пять лет его старше. Заставят мене: „Маня, покачай Мишу!“ Я его покачаю, а он „аа!“ и „аа!“. Я его бух так, а он шлеп и на пол — була ж земля. „Мама, он сам! Я ничего не сделала!“ Я его пидниму, а он опять на полу. Был спокойный такой, хороший»⁵.

Подводя итоги, отметим, что основной комплекс традиционной родильно-крестильной обрядности у украинского населения Запад-

¹ Там же.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Толкунова А. А., 1947 г. р.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Симон М. Е., 1931 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Невзгодова Е. М., 1929 г. р.

⁵ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, д. Путиловка. Дрык М. М., 1930 г. р.

ной Сибири просуществовал до 1950-х гг. Имеющиеся материалы показывают его структурно-тематическую неравномерность. Так, например, родильная обрядность в основном представлена темами о родовых и послеродовых процедурах. Источники демонстрируют существование универсальных процедур, направленных на сохранение здоровья будущей матери и плода, наличие схожих способов определения пола будущего ребенка, однако стоит отметить разницу в степени сохранности терминологии. В частности, на территории ряда районов Алтайского края и Новосибирской области фиксируется больше терминов на украинском языке, тогда как в Омской области украинское население с 1950-х гг. перешло на русский язык. Кроме того, важную роль в трансформации родильного обряда сыграла государственная политика, направленная на развитие системы здравоохранения. Государственной регламентации подверглись также обряды крещения и имянаречения. Ее итогом стал переход основных функций в данной сфере от общины и церкви к семье и специально созданным государственным структурам. Однако, несмотря на эти изменения, информация о родильно-крестильной обрядности сохраняется в памяти информантов вплоть до настоящего времени, что свидетельствует о ее важной роли в жизни исследуемого населения.

2.2. Свадебная обрядность

Свадьба украинцев, по мнению В. К. Чистова, относится к первому подтипу (трехчастная свадьба), который был распространен на украинской, белорусской и южнорусской территории¹. Традиционная украинская свадьба представляла собой своеобразное драматическое действие с играми, музыкой, танцами, песнями, приобретающее характер народного праздника. Ее специфика отражена в самом названии — «весілля»². В Западной Сибири украинские переселенцы сохранили традиционный характер свадьбы на протяжении всего изучаемого периода, а к украинскому варианту названия свадебной обрядности («весілля», «весилле»³) добавились «свальба»⁴ (АК),

¹ Чистов К. В. Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 227.

² Борисенко В. К. Свадебные обычаи и обряды // Украинцы. М., 2000. С. 291.

³ Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая: музыкально-этнографический очерк. Барнаул, 2002. С. 24.

⁴ Грибанова Н. С. Украинские переселенцы Поспелихинского района: особенно-

«веселье»¹, «весилля»² (Омская область), «свадьба»³, «женитьба»⁴ (НСО). Со второй половины XX в. наиболее употребительным в среде украинского населения стало русское литературное слово «свадьба».

В конце XIX — первой трети XX в. время свадеб у украинцев, как и у всего восточнославянского православного населения Западной Сибири, приходилось на свободный от земледельческих работ осенне-зимний период. Главным критерием в выборе даты было отсутствие поста. Запрет гулять свадьбы в дни православных постов был связан прежде всего с представлением о неизбежности наказания за нарушение церковных канонов: «Если пост — не женятся, даже не шли сватать почему-то, чего-то раньше люди боялись, что над ними сверху что-то и нужно соблюдать»⁵. В то же время имели значение и пищевые ограничения: «В пост не едят мясное, а на свадьбе стол должен ломиться от мясных блюд»⁶. По словам информантов, благоприятное время для свадеб было два раза в году: от праздника Покрова Пресвятой Богородицы (1 (14) октября) до Филиппова (Рождественского) поста (15 (28) ноября — 24 декабря (6 января), от Крещения (6 (19) января) до Масленицы: «Гуляли з осэны — до Пэлипэвкы [Филипповки]. Як Пэлипэвка [Филипповка], всё — свадьбы гулять нельзя»⁷. Гулять свадьбы запрещалось и на Пасху. Несчастливыми считались браки, заключенные в мае. Информанты говорили: «Май — будешь век маяться. В май выйди — жизни нет!»⁸. С 1940-х гг. свадеб-

сти самосознания, материальной и духовной культуры // Краеведческие записки: Вып. 8. Барнаул, 2009. С. 76.

¹ Сидорская О. Г. Свадебная обрядность украинцев Омской области (1930–2000-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2013. С. 14.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2017 г.: Омская область, Калачинский район, с. Глуховка. Литвинюк Л. Д., 1955 г. р.

³ Фурсова Е. Ф., Васеха М. В. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев... Ч. 1. С. 94.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Арендаренко Е. Я., 1937 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Котикова Н. М., 1945 г. р.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Арендаренко Е. Я., 1937 г. р.

⁷ Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев... С. 25.

⁸ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Гилев Лог. Химочкина П. А., 1932 г. р.

ный календарь в селах стал зависеть только от сезонных колхозных (совхозных) сельскохозяйственных работ. С конца 1960-х гг. и до настоящего времени свадьбы гуляют в любое время года, преимущественно в конце недели, так как у большинства сельских жителей выходные дни приходятся на субботу и воскресенье¹.

Добрачное общение украинской молодежи в селах Западной Сибири было разнообразным. До 1930-х гг. одним из основных мест знакомства и общения неженатой молодежи была церковь². Вплоть до 1950-х гг. общение украинской молодежи в селах происходило на встречах, которые называли «вечеринки», «посиделки», «досвятки» (АК)³, «шаткомы»⁴, «вечерки» (Омская область). Устраивали их девушки и парни вечерами в домах вдов или одиноких пожилых людей. У украинцев Омской области существовало четкое разделение «вечерок» на возрастные типы — «партии»: младшую (5–9 лет), среднюю (10–16 лет) и старшую (17–25 лет)⁵. Последний тип «вечерки» являлся одним из этапов подготовки к вступлению в брак. На «вечерках» девушки пряли или вышивали, демонстрируя навыки рукоделия потенциальным женихам; в ходе игр, танцев, пения песен завязывались новые знакомства. С 1950-х гг. общение молодежи происходило в специально созданном для досуга месте — сельском клубе, а также на улице, когда «гулять ходили»⁶. В селах Омской области молодежные встречи носили название «улицы» или «вулицы»⁷. В. Г. Рябушенко рассказывала: «Як же, дружили. С фермы придем, вечером идем до клуба. Плещем, частушки поем»⁸.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

² Пономарев, А. П. Брак и семья // Украинцы. М.: Наука, 2000. С. 263.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Игнатенко Е. М., 1913 г. р.

⁴ Сидорская О. Г. Свадебная обрядность украинцев Омской области... С. 14.

⁵ Там же.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р., Юрченко Л. В., 1935 г. р.; с. Кулунда. Рябушенко В. Г., 1941 г. р.; Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятково. Костюченко В. Т., 1939 г. р., Аношенко И. Л., 1931 г. р., Кононенко А. П., 1938 г. р.

⁷ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Желанное. Евладенко Л. М., 1928 г. р.

⁸ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Рябушенко В. Г., 1941 г. р.

До 1930-х гг. выбор брачных партнеров молодым людям традиционно осуществлялся их родителями. Ф. И. Заказова вспоминала: «Да вот раньше большинство — як понравится батько да матэри, хоть он любэ, не любэ... отдають. Таки понравылась родитэлям, а нэвэсти и жениху понравылось, не понравылось — жывы. А тоди редко где по любви. Всю жизнь плачут, но живэ»¹.

Жесткий диктат со стороны родителей при выборе жениха или невесты обуславливал распространение в среде украинского населения Западной Сибири с начала XX в. практики кражи невест, или браков «уводом» (у русских — «убегом»). Популярность браков «уводом» была обусловлена еще и экономическими причинами, так как не требовала организации свадебного обряда в полном объеме. Такая форма брака была распространена на территории Украины еще до XIX в. В селах изучаемого региона девушку выкрадывали, как правило, с ее согласия, хотя и против воли родителей, после чего молодые приходили к родителям невесты на «простины»². «Выходылы даже некоторые без благословения родителей. Даже бегом убегалы. Тут одни булы — ее просваталы, а она с другим дружила. Его не було, а ее за другого отдають родытелы. Она пишла по улице собирать на свадьбу — приглашать, а вин подскоче, невесту схватыл и увиз. Як убигла, так и живи. А потом приходэ к родытелям на простины и в колэни кланялысь, шоб простылысь»³.

В первой половине XX в. брачный возраст для юношей наступал с 20–22 лет, девушек — с 18 лет. Считалось, что к этому времени молодые люди достигают физиологической зрелости, необходимой для оформления семейных отношений и перехода в новый статус. После достижения 22-летнего возраста девушек называли «пророщими»⁴ (АК), «старухами», «старыми девами», «престарелыми невестами»⁵ (НСО, Омская область) и в жены брали неохотно. Следует отметить, что девушек, достигших 25-летнего возраста и отказав-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.

² Пономарев А. П. Брак и семья // Украинцы. М., 2000. С. 276.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Игнатенко Е. М., 1913 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Арендаренко Е. Я., 1937 г. р.

ших сватам несколько раз (согласно сведениям информантов, более трех), тоже замуж не брали. Е. Я. Арендаренко из с. Ирбизино (НСО) рассказывала: «Вот жила у нас женщина одна, жила с отцом. К ней пришли сватать не из нашего села. Она жениха не знала, но они домовитые, хорошие были. Она не согласилась. Он выходит из калитки, а эта калитка раньше закрывалась на каблучку — из лозы штучка, она на столбике висит. Он выходит и говорит: „Вот так закрываем на эту каблучку ворота, и больше тебя никто не возьмет замуж!“ Так она и осталась одна»¹.

Одним из главных критериев при выборе кандидатуры жениха были трудолюбие молодого человека и его способность вести хозяйство: «Ну, шоб был работающий. Ну, тик не лодырь шоб был»². Выбор будущих супругов во многом определялся стремлением родителей подыскать семью «по своему достатку»³. Неравные по экономическому благосостоянию браки в среде сельского украинского населения не одобрялись. Информанты вспоминали: «Ой, что ты! Цэ ж было, шоб богытый был жэных, чтоб нэвэсту брать богату. А с бэдной боже сохрани брать богачам, хоть она там красива в сто раз!»⁴ П. А. Химочкина вспоминала: «Если придэ жэных богатый, а невеста бэдна, так боялися отдавать. Нищи! Мы еще ниче не наготовили, вот будем ждать. Ну а жэных — мол, мы согласны взять и таку, мы все справимо! И уговаривають, уговаривають родителей. Невеста то стоить, плаче, ей охота замуж, а родители не соглашаются»⁵. Редко, но бывали случаи, когда богатый жених все же брал в жены бедную девушку⁶.

В 1910–1920-е гг. (в отдельных районах до 1940-х гг.)⁷ браки в среде украинского сельского населения были этнически однородными (выбор брачного партнера ограничивался представителями своей национальности), смешанные браки распространены не бы-

¹ Там же.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Гилев Лог. Химочкина П. А., 1932 г. р.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.

⁷ Щербакова О. С. Песенный фольклор украинских переселенцев Алтая... С. 8.

ли¹. Опрошенные женщины часто вспоминали наказания своих матерей: «Ты должна есть со своего корыта»². Это означало, что следует выходить замуж только за украинца. В селах Кулундинского района (АК) вплоть до второй половины XX в. запрещалось выходить замуж за немцев и казахов, поскольку население многих сибирских сел воспринимало первых как «фашистов» (в годы Великой Отечественной войны), а вторые принадлежали к другой религии. Н. М. Котикова (1945 г. р.) вспоминала: «„Я за фашиста [немца] замуж дите свое не отдам“, — говорили так. Это было потому... Были наболевшие души, каждая семья потеряла своих людей. А вот у казахов совсем другая вера, совсем другие манеры, у них совсем другая жизнь»³. В то же время допускалось заключение браков с русскими, так как, по мнению информантов, «русские и украинцы — это были нации переплетенные [похожие]»⁴.

К 1960-м гг. возраст, материальное положение, национальность утратили роль определяющих факторов при выборе будущих супругов. Выбор брачного партнера стал осуществляться и девушками, и парнями самостоятельно. Информанты рассказывают, что с этого времени молодые люди, как правило, знакомятся до свадьбы, какое-то время «дружат» и вступают в брак по обоюдному согласию⁵.

В структуре традиционного свадебного обряда украинцев исследователи выделяют три этапа: предсвадебный, собственно свадебный и послесвадебный, каждый из которых включает целый комплекс элементов. На протяжении всего рассматриваемого периода свадебный обряд украинского сельского населения Западной Сибири сохранял традиционную структуру.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Бараненко А. М., 1918 г. р.; Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р., Заказова Ф. И., 1917 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Котикова Н. М., 1945 г. р.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Березовка. Власенко Т. Д., 1927 г. р.; Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, пос. Борисовский. Петрухин В. И., 1938 г. р.; Костюченко В. Т., 1939 г. р.; Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Рябушенко В. Г., 1941 г. р.; с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

Предсвадебный цикл состоял из трех-четырёх встреч родителей и родственников жениха и невесты, соответствовавших до 1950-х гг. по форме и названиям традиционным украинским: «оглядины», «розглядина» (рус. смотрины), «заручины», «змовыны», «сговор»¹.

Первым функциональным этапом свадебного обряда всех восточнославянских народов, в том числе и украинцев рассматриваемого региона, было сватовство. Сватами («сватунами», «старостами», «кумовьями») по традиции были степенные женатые мужчины — друзья или братья жениха. С 1950-х гг. сватами становятся новые лица, ранее не принимавшие участия в традиционном обряде. В этой роли могли выступать братья жениха и дяди², родители жениха³, родители жениха и крестные родители⁴, соседи жениха⁵.

Внешний вид сватов и жениха до 1940-х гг. отличала нарядная традиционная украинская одежда — вышитая рубаша и повязанный на одну руку или через плечо рушник: «Жених, сватун приезжали наряженные. Ну, вот тогда рубашки были вышиты полотняны. Щасто нету таких! Полотенце так на руке повязано у сватов было»⁶. Рушник выполнял роль знака, свидетельствующего об удачном сватовстве: «Обязательно невеста повязывает сватов рушниками. Домой они возвращаются перевязанными рушниками, что означает, что невесту засватали»⁷. Согласно полевым материалам, с середины XX в. одежда сватов уже не имела ярких отличительных особенностей, сохраняла лишь один элемент — рушник, повязанный на руке или через плечо (рис. 7). На сватовство стали надевать «праздничную» одежду фабричного производства.

¹ Борисенко В. К. Семейная обрядность // Украинцы. М., 2000. С. 291; Сидорская О. Г. Свадебная обрядность украинцев Омской области... С. 14.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Титовка. Адонина А. М., 1938 г. р.; Бесчеремный С. В., 1926 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2011 г.: Алтайский край, Волчихинский район, с. Ново-Кормиха. Усикова А. А., 1929 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2011 г.: Алтайский край, Волчихинский район, с. Ново-Кормиха. Макеева В. А., 1935 г. р.; Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Дубровино. Романченко Р. В., 1935 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.; Костюченко В. Т., 1939 г. р.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Сапа П. Е., 1932 г. р.

⁷ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2017 г.: Омская область, Калачинский район, с. Глуховка. Литвинюк Л. Д., 1955 г. р.

Рис. 7. Сваты. Свадьба 1983 г. Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Семейный архив Л. А. Борисенко, 1943 г. р. Материалы ЭЭ 2014 г.

На протяжении всего рассматриваемого периода, как и в традиционном свадебном обряде, сваты брали с собой большую «хлебину» («хлэбину», «хлыбыну»), т. е. буханку хлеба, завернутую в полотенце¹, и «четверть самогона»². В Омской области и отдельных районах Алтайского края (Романовском, Родинском) продукты и алкоголь, принесенные сватами, называли «могарыч»³. С 1950-х гг. кроме хлеба и водки сваты брали с собой кусок сала, «солонину» (засоленные в банках огурцы, помидоры, капусту), а также продукты, приобретенные в магазине (например, колбасу). Все это, по словам информантов, символизировало достаток жениха. По той же причине обязательным алкогольным напитком на сватовстве с этого времени считается водка, а не самогон: «Всегда с водкою на сватовство [идут]. Всегда водка, а не самогонка. Водку с магазина брали. И вот уже когда самогонку гнали, все равно. Покудова сваты идут, то водку с магазина берут»⁴.

¹ Давиденко И. Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян. Извлечено из нынешнего народного быта и составлено Николаем Маркевичем. Киев, 1860. С. 13.

² Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая... С. 26.

³ Сидорская О. Г. Свадебная обрядность украинцев Омской области... С. 14.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Константиновка. Небылица М. А., 1938 г. р.

Когда сватали в своем селе, сваты шли до дома невесты пешком. Если невеста была из другой деревни, ехали сватать на кошке или розвальнях. Со второй половины XX в. на время сватовства стали брать в колхозе грузовую машину, а с 1970-х гг. ездили сватать на легковом автомобиле¹.

Прибыв до дома невесты, сваты осматривали двор, чтобы в нем не оказалось пустого ведра, сумки, мешка, которые означали, что будущий муж может в браке злоупотреблять алкоголем². В первой половине XX в. между сватами и родителями невесты происходил традиционный разговор, во время которого сваты, всячески расхваливая жениха, просили дать положительный ответ на заключение брака, а родители девушки, в свою очередь, отвечали, что дочь еще не готова к замужеству. И. Л. Аношенко вспоминал, как происходил разговор:

— «Мы прышли до вас в гости породниться! Шоб вы нам отдали свою дочку за нашего сына замиж. Чтоб они жили уместе дружно».

— Та [девушки] еще не созрели! Та им еще рано! Пускай пидрастут, успеют!»³

До 1960-х гг. в среде украинского сельского населения Западной Сибири бытовали различные приветствия сватов: «Ищем телочку, шоб и на молоко хороша була, и нэ вредна»⁴, «Мы вот хотим у вас товар купить, у нас купец хороший!»⁵, «Говорят, лебедь потерялась или гусыня, ищем»⁶, «У вас девка красна, у нас парень»⁷, «Можно в ваш честный дом зайти? Согласны вы принять сваточей?»⁸, «У вас

¹ Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая... С. 26.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Котикова Н. М., 1945 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятьково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.

⁴ Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая... С. 26.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Степаненко М. И., 1927 г. р.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Казанцево. Скопа Л. А., 1936 г. р.

⁷ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Бараненко М. А., 1918 г. р.; Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Арендаренко Е. Я., 1937 г. р.

⁸ Сидорская О. Г. Свадебная обрядность украинцев Омской области... С. 14.

тут телочка продается, или еще говорили: у вас тут голубка продается, мы пришли покупать»¹. Следует отметить, что в большинстве районов в речи сватов преобладал традиционный иносказательный мотив о купле-продаже телочки, что является символом семейного благополучия для украинцев. У русских чаще встречались варианты «товар — купец», «селезень — уточка»². Последние стали использоваться украинцами в тех населенных пунктах, где преобладало русское население.

В первой половине XX в. решение о вступлении в брак за девушку принимали ее родители. Если невеста устраивала сватов и родители девушки были согласны, то сваты резали «хлебину» и распивали водку (самогон); гулять в этот день не разрешалось. С 1960-х гг. решающее значение стало иметь мнение самой девушки. В Калачинском районе Омской области информанты вспоминали: «Если невеста была согласна, то она сползала с печки, разрезала принесенный свежее испеченный хлеб, клала его на рушник, это было удачным соглашением, все садились за стол, развязывали водку, ставили на стол угощения, и дальше начинался разговор о подготовке к смотринам»³.

После беседы родителей и сватов невесту выводили из другой комнаты и спрашивали ее согласие. Если девушка соглашалась выйти замуж, то распивалась «первая стопка», резались «хлебина» и сало. После этого родители невесты накрывали на стол⁴. С 1980-х гг. во время сватовства продолжает воспроизводиться традиционная беседа между сватами, но она уже носит шуточный, инсценированный характер. Согласия девушки не спрашивают, так как заранее известен ее положительный ответ. Во время сватовства на стол подавали традиционные украинские блюда, к которым во второй половине XX в. добавились также продукты, приобретенные в магазине.

Вплоть до начала 1970-х гг. в среде украинского сельского населения Западной Сибири сохранялась традиционная форма отказа сватам. Если родители были не согласны выдать дочь или сама де-

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2017 г.: Омская область, Калачинский район, с. Тургеневка. Куцевол Н. Д., 1940 г. р.

² Щербакова О. С. Песенный фольклор украинских переселенцев Алтая... С. 12.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2017 г.: Омская область, Калачинский район, с. Тургеневка. Куцевол Н. Д., 1940 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Дубровино. Романченко Р. В., 1935 г. р.; Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Велижанка. Грюнова В. М., 1950 г. р.

вушка была против, то отвечали: «Вы нам, така родня, не подходите. Мы свою дочку за вашего сына не отдамо»¹. Кроме того, в знак отказа сватам выносили тыкву (укр. *гарбуз*) или возвращали «хлебину». При этом говорили: «Нате вам вот тыкву в подарок! И боле не приходьте до нас!»² «У нас у каждого под печкой была тыква — „гарбуз“, как говорят украинцы. Мы уже знали, что сваты придут, и когда нужно было дать отрицательный ответ, невеста выкатывала ногой из под печки тыкву. Сваты вставали и уходили»³. Получить «гарбуза» («кабака») считалось позором для жениха, поэтому часто перед тем как отправиться на сватовство, «выведывали», согласна девушка или нет.

В первой половине XX в. на сватовстве день свадьбы не определяли. Это происходило через несколько дней после сватовства во время «змовын» («сговора»)⁴ или «помолвки» («запоя», «рукобитья»⁵ — в районах с преобладанием русского населения). С 1960-х гг. о дне свадьбы стали договариваться на сватовстве. Как правило, на приготовления к свадьбе отводили месяц. За это время родители молодых успевали нагнать самогона, купить самое необходимое.

Важным предсвадебным этапом в среде украинского сельского населения Западной Сибири была «вечерня», «девичий вечерышник», «вэчерка», «вечеринка» (АК)⁶, «девичник»⁷ (НСО), «вэчэра», «вичерний», «вэчерыны», «девич вечер» (Омская область)⁸.

До 1940-х гг. «вэчерка», как и у русских «девичник», длилась целый месяц. В доме невесты собирались молодежь и женщины для изготовления свадебного деревца — «гильца», венка, «квиток», подго-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушинский район, с. Зятково. Анощенко И. Л., 1931 г. р.

² Там же.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2017 г.: Омская область, Калачинский район, с. Тургеневка. Куцевол Н. Д., 1940 г. р.

⁴ Сидорская О. Г. Свадебная обрядность украинцев Омской области... С. 15.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Казанцево. Скопа Л. А., 1936 г. р.

⁶ Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая... С. 28.

⁷ Фурсова Е. Ф., Васеха М. В. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев... Ч. 1. С. 96; Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Степаненко М. И., 1927 г. р.

⁸ Сидорская О. Г. Свадебная обрядность украинцев Омской области... С. 15; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2017 г.: Омская область, Калачинский район, с. Тургеневка. Куцевол Н. Д., 1940 г. р.

товки приданого и свадебного наряда. В послевоенное время «гильце», «квитки» и т. п. сами уже не изготавливали, а приобретали за деньги у местных мастериц, в связи с чем «вэчерка» сокращается до одного дня накануне свадьбы, где приглашенные гости играли, пели свадебные песни. В с. Семеновка (Кулундинский район, АК) была записана ранее не встречавшаяся фольклористам в других регионах песня «Синяя ничь», которую исполняли девушки на «вэчерке»:

«Ой, тэмная, нэ выдная, ой, синяя ничь,
Ой, синяя ничь выбирается,
Да Нюрочка от матэньки в причь¹,
От матэньки в причь, дай серебром златы песни поеть,
Да попэреду² сокилонько посылають,
Ой, лэти, лэти, сокилонько, до свикров двэр,
До свикров двэр,
Да пэрэдай ты свикрухэньки нэзэнький поклын³,
Нэзэнький поклын,
Да нехай столы дубовые застилають,
Дворы широкие выметають,
Застилають, да нехай мэнэ молодую дожидаютъ»⁴.

Также пели частушки:

«Мы пыли, гуляли,
Молодого не видалы,
Думайтэ, гадайтэ,
Молодого нам дайтэ!»⁵

На «вэчерках» часто шутили — предлагали невесте жениха⁶: заводили старого деда в фуражке с «квиткой» и говорили, что это жених пришел в гости к невесте. Подруги девушки отвечали: «Ой, дружки, не наш жених! У нас жених красивый!» Заводят еще одного. Девушки вновь держат ответ: «Не наш жених! Сопливый дид! У нас же-

¹ В причь — к свекрови в дом.

² Попэреду — вперед.

³ Нэзэнький поклын — низкий поклон.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Рябушенко В. Г., 1941 г. р.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.

Рис. 8. «Квитка». Изготовлена из атласных лент. Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Музей Беленской МБОУ СОШ. Материалы ЭЭ 2015 г.

них красивый, кучерявый!» На третий раз уже жениха заводят и сажают рядом с невестой¹.

С середины 1960-х гг. украинские названия посиделок перед свадьбой выходят из употребления. Массовое распространение приобрело слово «девичник» — на русский манер, при этом форма осталась прежней. С этого времени «девичник» проходил за день до свадьбы.

До 1940-х гг. в последний вечер перед свадьбой по традиции было принято пришивать «квитки» — самодельные цветы из вощенной бумаги и атласной ленты (АК, Омская область). В районах Новосибирской области их изготавливали только из атласных лент (рис. 8). В Рубцовском и Романовском районах (АК) «квитки» пришивали подружки невесты на «шапки» «бояр» — друзей жениха², на головной

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Рябушенко В. Г., 1941 г. р.

² Щербакова О. С. Песенный фольклор украинских переселенцев Алтая... С. 13.

платок невесте. Невеста пришивала «квитку» жениху на фуражку и на рубаху или пиджак¹. Все действие сопровождалось пением:

«Подай, дружба, шапку,
Я прышью тобі квитку,
А я лито та й нэ гуляла,
А я лито та й не гуляла,
Барвиночок соби рвала,
Тыпэрь я гуляю,
Барвиночок пришиваю»².

или

«Я зятю квитку пришила,
Золоту иголку сломыла,
Белую ручку сколола
За своего зятя-сокола»³.

После этого девушек приглашали за столы с угощением и пели:

«Брязнули ложки, тарилки,
Брязнули ложки, тарилки,
Дайтэ нам трошки горылки.
Мы ны будымо пыты,
Тилько губы помочить»⁴.

В селах Егорьевского района (АК) вечером перед свадьбой подружки водили невесту в баню — «парили» березовым веником, украшенным красными лентами, который они приносили от жениха⁵. Этот обряд отличался от традиционного русского «банного» обряда с плачем и причитаниями своей шуточной формой⁶. В частности, подружки подпирали дверь бани, пели веселые песни. Семанти-

¹ Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая... С. 29.

² Там же.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

⁴ Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая... С. 29.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Титовка. Адасик М. И., 1924 г. р.; Калинович Т. В., 1942 г. р.; Солощенко Л. В., 1928 г. р.

⁶ Липинская В. А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII — начало XX века. М., 1996. С. 206.

ческой нагрузки «банного» обряда в ходе интервьюирования выявлено не было.

В Омской области в предсвадебный вечер подружки невесты собирались на «девич вечер»: «гладят ленты, примеряют свадебный наряд, поют песни»¹.

В среде украинского сельского населения Западной Сибири свадьбу было принято начинать согласно традиции в воскресенье, считалось, что это наиболее благоприятный день для начала важнейших дел, и длилась она 3–4, а иногда до 7 дней. С конца 1960-х гг. свадьба повсеместно сокращается до двух дней, что связано с установлением официального рабочего графика — наличием в конце недели двух выходных дней (субботы и воскресенья).

Накануне свадьбы, в субботу, готовили свадебную выпечку и приглашали гостей. Пекли «гильце» — свадебный хлеб, украшенный веточками березы, ягодами калины, лентами, бумажными цветами и т. д., или «свадебную елку»² (Рубцовский район, АК), каравай (круглый высокий хлеб), «дывни» (фигурную выпечку), «шишки» (сдобные булочки в виде шишек) и фигурки животных (Баевский район, АК)³. В Омской области шишки иногда называли калачами. Их пекли за две недели до свадьбы и использовали в качестве приглашения на свадьбу⁴.

Состав гостей и их количество на протяжении всего рассматриваемого периода определяли родители молодых — «список составляли»⁵. Приглашали гостей на свадьбу молодые отдельно друг от друга — каждый со своей стороны: жених с главным «боярином», а невеста с главной «дружкой» в сопровождении подруг⁶. После обеда подружки собирались в доме невесты, наряжали ее в свадебную одежду (вышитая рубашка, юбка, «керсетка», поясной рушник, венок) и отправлялись приглашать гостей на свадьбу. Согласно полевым

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2017 г.: Омская область, Калачинский район, с. Глуховка. Литвинюк Л. Д., 1955 г. р.

² Щербакова О. С. Песенный фольклор украинских переселенцев Алтая... С. 12.

³ Там же.

⁴ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2017 г.: Омская область, Калачинский район, с. Глуховка. Литвинюк Л. Д., 1955 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Титовка. Говорушко В. П., 1933 г. р.

⁶ Высоцкая Л. Свадебный обряд украинских переселенцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 4. Барнаул, 2001. С. 298.

материалам, в среде украинского сельского населения рассматриваемых регионов в качестве приглашения на свадьбу использовали «хлебину» (буханку хлеба) или «шишки» (наиболее распространенный вариант).

Молодые отправлялись приглашать гостей на свадьбу, как только выпечка была готова. Если шли с «шишками», то дружка завязывала их в платок «узелом»: «Старша дружка идэ — в платок завязан шишок»¹. Невеста заходила в каждый дом и приглашала хозяев на свадьбу, подавая им «шишку» и произнося при этом принятую в данном селении фразу, например: «Прошу я, батько, мати, приходьтэ до менэ на свадьбу»². Хозяева, принимая приглашение, брали «шишку». Если прийти отказывались, то «шишку» не принимали.

Когда невеста приглашала гостей с «хлебиной», то, заходя в каждую хату, подавала «хлебину» на рушнике хозяевам и произносила приглашение. Получив согласие или отказ, забирала ее обратно и отправлялась в следующий дом. Так обходили всех предполагаемых гостей. После «хлебины» оставляли в доме родителей невесты до приезда жениха и угощали этим хлебом сватов.

В с. Войково (Кулундинский район, АК) в 1960-е гг. был распространен обычай приглашения гостей на свадьбу невестой и дружкой с деревянным шестом высотой примерно полтора метра, в который вбивали несколько гвоздей и повязывали на них атласные разноцветные ленты. Количество лент зависело от количества гостей. Девушки заходили во двор, и невеста говорила: «Просит мама, прошу я, приходите на свадьбу». Если хозяева давали согласие прийти на свадьбу, то ленту снимали и забирали, если нет — ленту не брали. Так девушки обходили все дворы. Оставшиеся ленты снимали с палки и крепили к венку невесты³. Похожий обряд приглашения гостей характерен для немецкой свадьбы: девушка, приглашая гостей на свадьбу, несла жезл или посох, украшенный сверху цветами, и тот, кого приглашали, должен был завязать цветную ленту. Затем

¹ Ляшенко С. А., Щербакова О. С. Свадебная традиция в украинской переселенческой среде (по материалам экспедиции в с. Нововознесенка Славгородского района) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2001. № 4. С. 187.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Арендаренко Е. Я., 1937 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Борисенко Л. А., 1943 г. р.

по количеству лент на посохе считали приглашенных¹. В рассматриваемом селе проживало много немецких семей, депортированных в 1941 г., что, вероятно, и способствовало изменению формы украинского обряда приглашения гостей на свадьбу.

Стоит отметить, что, когда невеста шла по улице, приглашая гостей на свадьбу, она должна была обязательно поклониться всем встречным три раза, независимо от их возраста: «Пацаном был — невеста идет, выскакиваешь из-за угла, она три раза кланяется, а мать или старшие говорят: „Забеги вперед, она еще раз поклоняется!“ Вот так и бегали»². Считалось позором для девушки, если она не заходила в дом к старикам и не кланялась им в знак уважения. М. Г. Глушко рассказывала: «И не дай бог невеста в то время не придет поклониться старым людям — это такой позор, унижение! Люди могли оговорить такую невесту: „Ишь, яка гордячка — нэ прышла, нэ поклонилася! Шоб ей поделом было!“»³

С начала 1970-х гг. процесс приглашения гостей на свадьбу значительно упрощается. Молодые стали разносить пригласительные открытки, изготовленные собственноручно или приобретенные в магазине⁴ (рис. 9).

Собственно свадьба была центральным этапом обряда. Первый день свадьбы на протяжении всего рассматриваемого периода традиционно начинался с подготовки приезда жениха в дом невесты. В первой половине XX в. «старший боярин», «свашки», «молодой» собирали «свадебный поезд», который, как правило, состоял из нескольких подвод, запряженных тройками лошадей. Лошадей запрягали в ходок или кошеву, дуги украшали бумажными цветами, разноцветными атласными лентами и колокольчиками. И. Л. Аношенко вспоминал: «Вперед на лошадях приезжали, на тройке. Обязательно украшали дуги лентами, колокольчик звонкий один посередке на дуге и два маленьких сбоку. Как едут, этот колокольчик — бум-бум-бум, а эти — динь-динь-динь! Вот едут — так переливание»⁵.

¹ Смирнова Т. Б. Особенности развития обрядности в диаспоре (на примере свадебных обрядов немцев Сибири) // Известия АлтГУ. № 4/2. 2008. С. 171.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Дубровино. Ещенко А. И., 1939 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

⁴ Там же.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.

Рис. 9. Пригласительная открытка на свадьбу. 1971 г. Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Семейный архив М. Г. Глушко, 1939 г. р. Материалы ЭЭ 2014 г.

В 1950–1960-е гг. тройки лошадей сменяются новым видом транспорта — грузовыми машинами (рис. 10), с 1970-х гг. — легковыми автомобилями (рис. 11). Машины также украшали цветами, лентами, летом — зелеными ветками деревьев (березы, клена, тополя) и полевыми цветами. В с. Кулунда (Кулундинский район, АК) на кузов грузовой машины крепили дугу с колокольчиками, в кузов ставили деревянные лавки, на которые садились молодые, дружки невесты и друзья жениха¹.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Благовещенский район, с. Ягодино. Семенютина Т. М., 1931 г. р.; ИЭЭ 2011 г.: Алтайский край, Волчихинский район, с. Ново-Кормиха. Петрова Н. П., 1938 г. р.; ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Котикова Н. М., 1945 г. р.; с. Семеновка. Юрченко Л. В., 1935 г. р.

Рис. 10. Свадебная машина. 1960-е гг. Алтайский край, Благовещенский район, с. Ягодино. Семейный архив Т. М. Семенютиной, 1931 г. р. Материалы ИЭЭ 2013 г.

Традиционным этапом украинской свадьбы в Западной Сибири было венчание в церкви, устойчиво сохранявшееся до 1930-х гг.¹ После венчания жених возвращал невесту в родительский дом, чтобы потом ехать ее выкупать. В традиционной русской свадьбе венчание следовало после выкупа невесты², что органично вписывалось в контекст свадьбы. У украинского сельского населения венчание выделялось из народного обряда и было отдельным элементом. Возможно, это связано с тем, что на Украине долгое время венчание и свадьба происходили в разные дни (венчание предшествовало свадьбе). Обвенчавшись, молодые продолжали жить порознь — каждый у своих родителей — до свадьбы³. Если в своем селе церкви не было, то ехали в другое село⁴.

¹ Давиденко И. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Извлечено из нынешнего народного быта и составлено Николаем Маркевичем. Киев, 1860. С. 114.

² Липинская В. А. Старожилы и переселенцы... С. 208.

³ Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая... С. 30; Борисенко В. К. Семейная обрядность // Украинцы. М., 2000. С. 302.

⁴ Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая... С. 30.

Рис. 11. Свадебная машина. 1980-е гг. Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Семейный архив С. Л. Иванухи, 1931 г. р. Материалы ЭЭ 2015 г.

Если девушка была сиротой, то перед венчанием обязательно заезжали на кладбище. Девушка на могиле пела: «Стань, мамочко, дай порядочку у моей хаточке...»¹ и просила благословения. Жених в это время находился около кладбища и на могилу не ходил — «в карауле стоял»².

Со второй половины XX в. в систему свадебного обряда украинского сельского населения Западной Сибири вписывается регистрация брака в сельском совете, которая со временем становится обязательным этапом. Обязательная регистрация брака была введена декретом СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния»³. После принятия декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви стала формироваться новая ведомственная структура государственного уп-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Бараненко А. М., 1918 г. р.

² Там же.

³ Декрет ВЦИК и СНК о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния. 18(31) декабря 1917 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/17-12-18.htm> (дата обращения: 23.11.2016).

равления — отделы записи актов гражданского состояния. Однако информанты вспоминают, что еще в 1950–1960-е гг. регистрацию во время свадьбы считали необязательной. Чаще регистрировались после рождения первого ребенка. «У нас вот сын кода родився, мы токо тогда зарегистрировались пошли, а так живем и живем...»¹

Выкуп невесты начинался после венчания (регистрации) в полдень. К 12 часам дня за невестой ехали жених, «старший боярин» (неженатый близкий друг жениха, так как считалось, что если он будет женат, то молодые в браке долго жить не будут), «сватуны», «свашки», «святилка» (девочка — родственница жениха в возрасте от 4 до 16 лет). У «боярина» на руке был повязан рушник (с 1960-х гг. он был заменен на носовой платок), на груди пришита «квитка». «Сватуны» были повязаны рушниками через оба плеча, у «свашек» на руках тоже были платки. «Святилку» перевязывали платком². Обязательным условием составления «свадебного поезда» было нечетное количество поезжан, так как после выкупа невесты все должны быть «спаруванні» (по парам)³.

Прежде чем быть допущенными в дом, «сваты» должны были преодолеть разные препятствия. В районах Омской и Новосибирской областей на пути свадебного поезда перед воротами дома невесты устраивали преграды — «воротную»⁴, требуя выкуп.

По традиции «старший боярин» вез угощения (каравай и бутылку самогона), «свашка» — узел «шишек» для родных невесты и ее подруг: «Так она ж везэ вот такой узел! Шишки напечены. Она тогда кидает их подружкам!»⁵ Подруги невесты пели:

«Свашка-нелепашка,
Шишки не лэпила,
Дружок не водыла,

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Константиновка. Небылица М. А., 1938 г. р.

² Кривчик Ю. В., Рябчинская Н. Традиции свадебной обрядности украинских переселенцев села Романово первой половины XX века // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2009 г. Вып. 6. Барнаул, 2009. С. 116.

³ Щербакова О. С. Песенный фольклор украинских переселенцев Алтая... С. 13.

⁴ Фурсова Е. Ф., Васеха М. В. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев... Ч. 1. С. 100; Сидорская О. Г. Свадебная обрядность украинцев Омской области... С. 15.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Бараненко А. М., 1918 г. р.

А одну слэпила,
И ту сама зыила!»¹

В доме невесты все дожидались жениха. По приезде в адрес поезжан звучали корильные песни, например:

«Потише, бояри, ступайте,
Пыли не сбивайтэ,
Наша [имя невесты] пава,
Шоб пыль не припава»².

или

«Дэ боярэ забарылыся,
Дэ боярэ пробарылыся.
Чи по стэпу волочилыся,
Чи в сино косылы,
Чи хлибину просылы,
Чи соломи ночувалы,
Мыши уши побъидалы»³.

Поезжан впускали в дверь и останавливали у порога. С этого момента начиналась веселая перебранка между «свашками», «боярином», «святилкой» и подругами невесты. Для каждого участника выкупа пели корильные песни-припевки, причем в разных регионах Западной Сибири они были различными. Например, в селах Алтайского края для жениха пели:

«Шо то за ворона стоить у порога?
Цэ крыля расставила,
Рот раззявила,
Хочэ на посадку систы,
Нашу [имя девушки] съисты»⁴.

Для «святилки»:

«Святилочка ласа
Украла кусок мяса,

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Бараненко А. М., 1918 г. р.; Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая... С. 34.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Рябушенко В. Г., 1941 г. р.

³ Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая... С. 32.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Игнатенко Е. М., 1913 г. р.

На стил прихилилась,
Чуть не подавylась!»¹

Для «боярина»:

«Старший боярын патлатый,
До стола прыптый,
Гвоздочком прыбытый,
Шоб не був сердитый»².

Подружки выводили наряженную невестой девушку и требовали выкуп. Друзья жениха кидали им деньги и требовали настоящую невесту. Девушки им отвечали: «Мы не будэм пятаки брать! А просым золотого, в зятя молодого!»³ Они вновь кидали деньги и отвечали: «Зятий милой-то не дывится! Зять на милую противытсь!»⁴

В это время брат по традиции обводил невесту три раза вокруг посада, а затем усаживал ее рядом с собой. В то время, когда водят невесту, подружки поют три раза:

«Приходь, [имя невесты], до столу,
кланяйся отцу до полу.
Приходь, [имя невесты], еще ближе,
Кланяйся отцу еще ниже»⁵.

Пока пели песню, девушка кланялась родителям, а они должны были перекрестить ее — благословить на брак. Брат вел ее за стол — «на посад», а девушки пели:

«Шо брат сестру той за стил заводэ,
А сестрица упирается,
А сестрица упирается,
За братика захиляется.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Рябушенко В. Г., 1941 г. р.

² Кривчик Ю. В., Рябчинская Н. Традиции свадебной обрядности украинских переселенцев села Романово первой половины XX века // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2009 г. Вып. 6. Барнаул, 2009. С. 117.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Игнатенко Е. М., 1913 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Игнатенко Е. М., 1913 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Коваленко А. И., 1940 г. р.

За братика захиляется,
Слезоньками умывается»¹.

Невесту закрывали платком и усаживали «на посад» с младшим братом, обязательно неженатым (с 1950-х гг. — с подругой невесты). В руках он держал скалку, плетъ, палку или нож². Ждали жениха. На стол ставили «гильце», свадебный каравай с «дывнями». Начинался выкуп невесты. Брат запрашивал большую сумму денег за невесту, а сходились на нескольких копейках и рюмках самогонки (водки). За что подруги невесты укоряли брата:

«Ой, брат-брат, татарын,
Продав сэстрицю задаром,
Нэ за вэлики тысячи,
Ще й за билый калач»³.

После продажи невесты жениху «старший боярин» три раза обводил его вокруг «посада» и усаживал рядом с невестой, которая в это время была накрыта платком или цветастым полушалком. Жених снимал платок и целовал невесту. Молодым в это время пели песню, одновременно связывая их руки рушником:

«Ой, нэ сэди, [имя жениха и невесты], боком (2 р.).
Цэ ж тоби та й нэ в рок он,
Цэ ж тоби та й нарядженный,
Коло тэбэ та й посаженный.
Присунься блызэнько —
Цэ ж твое сэрдэнько»⁴.

Затем «старший боярин» или «свашка» раздавали свадебную выпечку (каравай, «шишки», «дывни») всем присутствующим на выкупе. Подруги невесты, получив угощения, расходились по домам и больше участия в свадьбе не принимали. С начала 1970-х гг. эта традиция постепенно нивелируется, и незамужним молодым девушкам разрешается гулять на свадьбе.

После завершения выкупа невесту забирали из родительского дома, выводили из-за стола и пели:

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Коваленко А. И., 1940 г. р.

² ЩербакOVA О. С. Песенный фольклор украинских переселенцев Алтая... С. 14.

³ Там же.

⁴ Там же.

«Выгрыбай, маты, жар-жар,
Колы тибэ дочку жаль-жаль,
Кидай у печь дрова,
Оставайся здорова!

Ой, кинулась маты —
Нема ей скрыни в хати,
Нема ей пэрыны,
Нема ей дэтины»¹.

В первой половине XX в. в среде украинского сельского населения Западной Сибири, согласно традиции, было принято гулять свадьбу раздельно: родственникам и гостям невесты в доме ее родителей, жениха — в его доме вместе с молодыми. В 1950–1960-е гг. этот обычай сохраняется, однако информанты связывают это не столько с традицией, сколько с незначительными размерами хат и дворов, не позволявшими разместиться всем многочисленным гостям. С 1970-х гг. свадьбы стали гулять совместно в сельских (колхозных) столовых или клубах.

После отъезда молодых в дом жениха следовал выкуп приданого невесты — «скрыни», который сопровождался различными шуточными действиями. Чаще всего требовали откупить «углы в хате», так как «скрыня» якобы не проходила через дверь. Откупались в большинстве случаев самогоном.

Когда молодые подъезжали к дому жениха, их не пускали во двор — «воротню ловят»² (лошадей за уздечки), требуя выкуп самогоном. Возле ворот разжигали костер из соломы, через который лошади должны были перепрыгнуть, и пели:

«Ой, глянь, Танечка, в виконце,
Идэ [имя жениха], як солнце,
Пид ным коничок вороненький,
Сам себе красотою черновенький»³

или

«Дороженька низом,
Дороженька низом,

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Рябушенко В. Г., 1941 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Коваленко А. И., 1940 г. р.

³ Там же.

Посыпана хмызом.
А у [имя жениха] конь вороненький,
Перескочит хмыз зелененький»¹.

В свадебном обряде украинцев считалось, что после таких магических действий молодые были защищены от нечистой силы и сглаза². На территории Западной Сибири эти действия сохранялись до 1960-х гг. лишь формально и не несли семантической нагрузки.

Родители жениха поджидали молодых на крыльце. В это время пели:

«Ой, матэнька-утка,
Повыртайся прутко,
Шо невесту везлы,
Уже сноху привезлы!»³

Когда молодые проходили по двору, их осыпали различными видами зерна — пшеницей, овсом, ячменем, которые смешивали с монетами, а с 1950-х гг. — с конфетами. Считалось, что это сулило молодой семье богатство

В послевоенное время молодых часто встречала только мать жениха с караваем в руках, жених и невеста становились перед ней на колени:

«Выйди, матенько, с хаты против нас,
Да поглянь, матенько, на всех нас.
Поглянь на своего дитяти.
Вышла матенька с хаты,
Не узнала своего дитяти,
Залилася слызамы»⁴.

Если встречали оба родителя, то отец держал икону, а мать — хлеб на рушнике. Перед молодыми стелили шубу, вывернутую мехом наружу, на которую нужно было встать на колени: «Много шерсти — много богатства будет»⁵. Невеста и жених целовали икону три

¹ Там же.

² Борисенко В. К. Семейная обрядность // Украинцы. М., 2000. С. 302.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Рябушенко В. Г., 1941 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Бараненко А. М., 1918 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

раза и, отломив по кусочку хлеба, съедали его. Отец и мать благословляли молодых и приглашали их пройти в хату за стол. Икону мать жениха передавала невесте.

С 1950-х гг. молодых в селах изучаемого региона встречают только с хлебом на рушнике. Молодые должны откусить от хлеба, который держит мать, по кусочку. Считается, кто откусит больше, тот и будет хозяином в доме. М. Г. Глушко рассказывала: «Они [родители жениха] с хлибом встречают. И вот же укусить должен же хлиба — кто бильше! И раскрываешь рот так, что аж трескается, шоб бильше укусить! Шоб хозяйкой быть»¹. После этого отец жениха приглашал молодых в дом: «Дорогие мои дети, заходите в мий дом, будьте хозяева!»² Молодые и гости рассаживались за столы, а «свашки» показывали приданое невесты. До 1930-х гг. невесту и жениха усаживали в «передний» («святой», «красный») угол — под иконы, с 1950-х гг. — по центру праздничного стола.

Начинали одаривать молодых. «Старший боярин», разрезав каравай, подавал кусок и стопку водки дарящему³. Первыми молодых одаривали отец и мать жениха, затем бабушки и дедушки, братья, сестры, дяди, тети, а уже после них — остальные гости. Родители дарили скотину (теленка, поросенка, овечку), приглашенные — всё, что могли в силу своего достатка (деньги, посуду, ткань, полотенца). При этом очень много шутили: например, в селах Алтайского края на печи и/или на потолке рисовали или писали угольком то, что дарили: «На потолках рисуют. Маже на печи — коня нарысовали, кто-то коня дарыл!»⁴ В Одесском районе Омской области также рисовали подарки на печке, при этом обязательным условием была демонстрация подарка: «Если овцу подарят, то и ее в хату тут же тащут — нате, возьмите»⁵. Этот ритуал позволял показать хозяйственные навыки

¹ Там же.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Гилев Лог. Химочкина П. А., 1932 г. р.

³ Борисенко В. К. Семейная обрядность // Украинцы. М., 2000. С. 304; Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая... С. 37.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Бараненко А. М., 1918 г. р.

⁵ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Желанное. Евладенко Л. М., 1928 г. р.

ки невесты, так как к следующему дню она должна была навести чистоту в доме¹.

С середины XX в. на украинской свадьбе в обследованных селах подарки собирают новые лица, ранее не принимавшие в этом участия: крестные родители (крестная мать невесты и крестный отец жениха), родственницы (сестра, племянница) или крестная мать со стороны невесты, подружка невесты с другом жениха. В Волчихинском и Кулундинском районах (АК) лица, собирающие подарки, в 1950–1960-е гг. обязательно надевали фартуки с большими карманами. В них складывали подаренные гостями деньги и записывали на бумаге, кто, что и сколько подарил, чтобы сообщить всем присутствующим о дарах². Возможно, данная традиция была перенята от немецкого населения, проживающего в рассматриваемых селах с 1940-х гг., поскольку известно, что у немцев в Западной Сибири был распространен обычай надевать белые фартуки женщинам, подававшим еду на свадебный стол. За проделанную работу они получали деньги, которые складывали в карманы фартука³.

Важным действием в традиционной свадьбе восточнославянских народов было изменение прически невесты и покрывание головы платком, символизирующее переход девушки в новый социальный статус — замужней женщины. В свадьбе украинского населения Западной Сибири рассматриваемого периода это был обряд «покрывания молодой», который совершался поздно вечером первого дня. Молодые сидели за столом, с двух сторон от них на лавку или на стулья вставали «свашки»: одна со стороны жениха, другая со стороны невесты. «Свашки» снимали с головы жениха шапку, с невесты — венок и надевали их на себя. Одна из «свашек» развязывала платок на руке жениха. Подав друг другу руки, они говорили: «Здравстуйте, сваха!». Обняв и поцеловав друг друга, они «зажимали» молодых, чтобы те тоже поцеловались. Натягивали над молодыми платок, пели:

«Покрывальное дытя,
Покрывальное дытя,

¹ Там же.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Котикова Н. М., 1945 г. р.; Материалы ИЭЭ 2011 г.: Алтайский край, Волчихинский район, с. Ново-Кормиха. Татьяначенко М. П., 1933 г. р.

³ Курманова С. Р. Пища в свадебной обрядности немецкого населения Западной Сибири // Омский научный вестник. № 5 (81). 2009. С. 72.

Покрыватися хоче.
Ны так покрываться,
Як поцеловаться»¹.

В районах Новосибирской области «свашки» платком закрывали жениха и невесту, а старший брат невесты в это время расплетал девушке косу и закручивал волосы в узел². На голову девушке повязывали белый платок, при этом пели:

«Шо мы схотылы,
То мы и зробылы,
С кныша — паляницю,
С дивки — молодицю»³.

В с. Семеновка (Кулундинский район, АК) старшая дружка и кто-то из близких родственниц невесты (крестная мать, тетка, сестра) становились с двух сторон от молодых, которые сидели на лавке, накрывали их полушалком или платком:

«Покрывальничка плаче,
Покриваться не хоче,
Не так покриваться,
Як поцеловаться»⁴.

Во время пения снимали венок, обводили им вокруг головы невесты три раза, при этом стукали молодых головами. Затем «свекруха» давала свой платок, который повязывали девушке узлом вперед:

«Шо схотылы,
То зробылы,
С булки — паляницю,
С дивки — молодицю»⁵.

Вплоть до 1960-х гг. обряд «покрывания молодой» сохранял свою традиционную форму и семантическое содержание.

¹ Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая... С. 38.

² Фурсова Е. Ф., Васеха М. В. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев... Ч. 1. С. 104.

³ Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая... С. 37–38; Фурсова Е. Ф., Васеха М. В. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев... Ч. 1. С. 94.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

⁵ Там же.

После обряда «покрывания» молодых провожали до постели. Традиционное украинское название обряда «комора» было зафиксировано лишь на территории Алтайского края. Такое название информанты связывают с тем, что «коморами» украинцы называли комнаты: «Тода ж хатки-коморки були!»¹ В доме жениха в отдельной комнате «свашки» стелили молодым постель. В селах Омской области молодых отправляли ночевать в другую хату — к сестре жениха или крестным родителям². Согласно традиции восточнославянских народов, невесту одевали в белую рубаху. Молодых запирали в комнате. Дверь в комнату сторожил «сватун». Он мог находиться и в самой комнате, стоя спиной к молодым: «Сторожить стоить, шоб жэных нэ набрыхал»³. Спустя некоторое время «свашки» входили в комнату и выносили на подносе рубаху невесты со следами дефлорации — доказательством целомудрия невесты⁴. М. И. Ковтун рассказывала: «Их [молодых] в комнату отвэдуть, тоди подслухивают под дверями, и тоди носят батьки и матэри белье нэвестино». Если невеста была «честной», то исполняли песни-припевки соответствующего характера:

«Пропало колечко, пропала любовь,
Лопнула цэлочка, брызнула кровь»⁵.

После этого свадьба продолжалась по традиционному сценарию.

В случае отсутствия свидетельства непорочности девушки свадьба прекращалась. В адрес невесты и ее родственников звучали оскорбительные песни и шутки. Как у украинцев, так и у русских утрата невинности до свадьбы выражалась символически⁶, и традиционно соответствующим «репрезентативом» являлось отверстие: на

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Рябушенко В. Г., 1941 г. р.

² Сидорская О. Г. Свадебная обрядность украинцев Омской области... С. 21.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.

⁴ Явнова Л. А. Символика элементов свадебного обряда русского населения Алтая второй пол. XIX — начала XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. 2000. С. 58.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.

⁶ Борисенко В. К. Семейная обрядность // Украинцы. М., 2000. С. 306; Коротков А. В., Брусник Н. Д., Бельгибаев Е. А. Традиции свадебной обрядности русского населения Алтая (по материалам Баевской этнографической экспедиции) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Вып. 7. Барнаул, 2011. С. 217; Явнова Л. А. Символика элементов свадебного обряда русского населения Алтая... С. 58.

ограду дома, где жили родители «нечестной» невесты, гости вешали ведро без дна. Девушку называли „цэбэрка“¹ (ведро). Чтобы избежать позора, жених мог отказаться от невесты. Информанты старшего поколения, рассказывая о возможном исходе ритуала в случае, если невеста окажется «нечестной», подчеркивали, что он был большой редкостью, так как «большинство девушками были, такого не было, шобы пробывали»².

Бесчестие также демонстрировали, используя символику кулинарного кода. Часто репрезентантом в таких случаях выступали блины: «Блины подали на стол, а он [жених] возьми да выкуси середку. Вроде и смех, и неудобно»³. Материалы интервьюирования дают основания считать, что к 1950-м гг. обряд уже не нес прежней символической нагрузки; его исход не влиял на отношение родителей, жениха и гостей к невесте, совершался формально.

В 1960-е гг. обряд демонстрации «честности» сохранялся как один из этапов свадьбы, но его форма изменилась: о невинности невесты гостей оповещали, вывесив на доме жениха красный флаг. Обряд носил шуточный характер: «Вишалы этот флаг. Крычать! Боярин лезет на крышу, высоко сидеть и бережэ этот флаг. Чипляются кто откуда за этот флаг — украсти, шоб выкуп требовать. Залазили на крышу — молодежь, боярин не дае, шоб флаг рвали!»⁴ В селах Егорьевского района (АК) был распространен русский обряд определения «честности» невесты, что связано с совместным проживанием украинцев и русских и преобладанием последних. Гости разбивали глиняный горшок, повязанный красным платком, который затем в знак «честности» повязывали матери девушки⁵. В 1970-х гг. этот обряд был утрачен, с этого времени на свадьбах украинцев, проживающих в селах изучаемого региона, «честность» невесты не демонстрируется.

До 1970-х гг. сохранялась традиция на утро второго дня свадьбы приносить молодым завтрак («снять»). В селах Алтайского края это

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р., Ковтун М. И, 1917 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятьково. Костюченко В. Т., 1939 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Рябушенко В. Г., 1941 г. р

⁵ Жигунова М. Красный флаг для невесты // Родина. 2004. № 9. С. 79.

делали родители невесты, в Омской, Новосибирской областях – подружки невесты. Чаще всего, по данным полевых материалов, на завтрак невесте приносили кашу и блины, вареники, «стружни». Заходя в хату, в которой ночевали молодые, пели:

«Мы были у лису [в лесу]
Да поймали лису,
Черную да чубатую,
Красивую да богатую.
Выйди, [имя девушки], из коморы,
Покажи лыченько, черны брови.
Чи тики лыченько як було,
Цэ за целу ноченьку змарнило»¹.

или

«Мы ж тэбэ, [имя девушки],
Снидать нэсимо,
Ты ж в чужой матеньки ночувала,
Она ж тэби снидать нэ давала»².

Второй день свадьбы был насыщен различными игровыми элементами. В среде украинского сельского населения Западной Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода устойчиво сохранялись «бритье», «ряжение», «сор», «хождение по воду», «катания». В этот день к назначенному времени в дом жениха начинали сходиться гости. «Старший боярин» и несколько его помощников (молдых мужчин) строго следили за тем, чтобы никто из гостей не опаздывал. Опоздавшего гостя заставляли лечь на лавку и начинали хлестать березовым веником – «парить», имитируя мытье в бане. Лицо мазали сажей, щеки – свеклой³. Заставляли пить «бобровый струй»⁴ – в самогон (водку) добавляли перец, соль или сахар.

Как только гости собирались и приходили молодые, начиналось представление с «ряжеными» (рис. 12). Отца и мать жениха

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Рябушенко В. Г., 1941 г. р.

² Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая... С. 39.

³ Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая... С. 39; Высоцкая Л. Свадебный обряд украинских переселенцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 4. Барнаул, 2001. С. 299.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Рябушенко В. Г., 1941 г. р.

Рис. 12. Ряжение родителей на свадьбе. 1991 г. Алтайский край, Романовский район, с. Гилев Лог. Семейный архив П. А. Химочкиной, 1932 г. р. Материалы ИЭЭ 2014 г.

переодевали в шуточных «жениха и невесту» и играли потешную свадьбу¹: «Сажали за стол их [родителей] наряженных. Тогда ж не было фаты — марлю яку прицеплять. Так их закрывают — целоваться заставляют»².

Ряженных родителей и крестных было принято катать (рис. 13). Для этого несколько человек впрягались в санки, тележку (зимой), старое корыто, ванну (летом), в которые усаживали родителей или крестных. Катая по улице, каждый раз пытались вывалить их на снег или в грязь, обливали водой, а молодые должны были их выкупить. М. Г. Глушко рассказывала: «Выводят их [наряженных родителей], тут мотоцикл, к примеру, с прицепом, аль корыто како, на нем дуга с колокольчиками. Садят их туда и по деревне возят и могут со всего маху перевернуть. А жених с невестой боятся и бегут рядом с бутылкой и рюмкой да с закуской, чтоб не перевернули. Тормознешь их — раз, налили, хлобысь — выпили и поехали дальше!»³ Крестную везли к ней домой, где она должна была накрыть стол. Это был откуп⁴. После этого молодая преподносила свекру, свекрови и крест-

¹ Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая... С. 39.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

⁴ Кривчик Ю. В., Рябчинская Н. Традиции свадебной обрядности украинских переселенцев... С. 121.

Рис. 13. Катание родителей на свадьбе. Русско-украинский музей с. Ирбизино, Карасукский район, Новосибирская область. Материалы ЭЭ 2015 г.

ным родителям приготовленные подарки: мужчинам — по рубахе, женщинам — по отрезу ткани.

Полевые материалы показывают, что для родителей жениха устраивали различные испытания: запирали в бане и требовали выкуп, отца жениха заставляли расколоть «колодку с сучками» затупленным топором¹ и пр.

Во второй день свадьбы устраивали испытания и для невесты — проверяли, как молодая хозяйка может вести домашние дела. В хату, где гуляли, заносили охапку соломы, разбрасывали ее на полу, перемешивая с монетами. Невесте вручали веник: она должна была собрать монеты и вымести сор из хаты, несмотря на то, что ей всячески мешали. По тому, как чисто она подметет и соберет деньги, судили о ее хозяйственности. С 1950-х гг. в ходе этого действия, называемого «сор», жених должен был собирать монеты, а невеста — подметать пол. Солому собирали в мешок и хранили до последнего дня свадьбы, чтобы сжечь в знак завершения гуляний.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

В селах Западной Сибири было распространено традиционное «хождение по воду», или «пэрви видра»¹. Невеста шла за водой с ведрами и коромыслом. Пока молодая несла воду, кто-нибудь из гостей подбирался к ней и старался вылить воду из ведер. Если это удавалось, молодая должна была вернуться и набрать воды еще раз.

В районах Омской области часто встречалась информация о том, что на второй день молодая жена выпекала блины, которые продавала гостям за свадебным столом².

Со второй половины 1960-х гг. в свадьбе украинского сельского населения Западной Сибири распространяется «воровство» невесты и ее туфли³. В помещении, где гуляли свадьбу, кто-то из гостей тайно уводил невесту и прятал ее. Когда жених обнаруживал пропажу невесты, гости предлагали ему пройти различные испытания или откупиться водкой. Аналогичные действия происходили во время «воровства» туфли невесты, только требовали выкупить туфлю. «Воровство» туфли распространилось после того, как у сельских жителей появилась возможность приобретать на свадебное торжество туфли, поскольку раньше невеста бывала обута в сапожки (летом) или валенки (зимой)⁴.

На протяжении всего рассматриваемого периода в среде украинского сельского населения Западной Сибири на третий день свадьбы было принято собирать кур по дворам приглашенных гостей: несколько человек из числа гостей наряжались «цыганами» (рис. 14) и совершали обход дворов односельчан, гулявших на свадьбе. Заходя во двор, говорили: «Мы пришли проверить ваше хозяйство»⁵, ловили кур и складывали их в мешок. Во дворе, где гуляли свадьбу, птицу резали, ошипывали, варили бульон с добавлением самодельной лапши и ставили на стол, угощая гостей. В селах Поспелихинского

¹ Сидорская О. Г. Свадебная обрядность украинцев Омской области... С. 16; Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая... С. 40; Борисенко В. К. Семейная обрядность // Украинцы. М., 2000. С. 306.

² Сидорская О. Г. Свадебная обрядность украинцев Омской области... С. 16.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2011 г.: Алтайский край, Волчихинский район, с. Ново-Кормиха. Кострыкина М. С., 1937 г. р.; Петрова Н. П., 1938 г. р.; Усикова А. А., 1929 г. р.; Макеева В. А., 1935 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Благовещенский район, с. Яготино. Шкурко А. Г., 1933 г. р.; Кошун Т. Г., 1936 г. р.; Куруленко Р. Г., 1947 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, пос. Тамбовский. Гринько В. А., 1925 г. р.

Рис. 14. Ряженные «цыгане». 1990-е гг. Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Семейный архив Л. А. Борисенко, 1943 г. р. Материалы ЭЭ 2014 г.

района (АК) кур жарили: «Курэй как насобирают! Жарют курэй. Тут и рубают у молодого, и потрошать, и жарют. Ходят, мясо такими кусками едят!»¹ Перья собирали в мешок и делали молодым подушку.

Четвертый день и два последующих воскресенья после свадьбы составляли послесвадебный этап. На четвертый день в доме жениха и невесты было принято собирать столы, мыть посуду. По словам информантов, гости могли приходиться в этот день под различными предлогами, чтобы выпить: «зубы полоскать»², «заслонки подметать»³, «стаканы мыть»⁴ (АК), «мыть лавы», «загребать ямки»⁵ (Омская область). Однако хозяева могли отказать гостям, так как свадьба закончилась: «Все уже, никаких угощений. Значит, хто придэ, посидить, посидить и уходэ. Нету ни бражки, ни самогонки»⁶.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Бараненко А. М., 1918 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Титовка. Зоткина М. Е., 1935 г. р.; Адонина А. М., 1938 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, пос. Борисовский. Петрухин В. И., 1938 г. р.; Титова З. Д., 1944 г. р.

⁵ Сидорская О. Г. Свадебная обрядность украинцев Омской области... С. 16.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

Сохранялся и традиционный завершающий этап свадебного обряда — цикл встреч родителей и родственников молодых — «поколачини»¹. Украинского названия в Западной Сибири не сохранилось. В селах Кулундинского района (АК) были зафиксированы специфические названия этого этапа свадьбы — «отводины»² (с. Семеновка), «встреченье»³ (с. Кулунда). Через неделю после свадьбы, обязательно в воскресенье, родители невесты и близкие родственники отправлялись в дом к жениху встретиться со сватами и узнать, как живут молодые: «На встреченье поедем до сватов!»⁴ С собой брали бутылку самогона (водки) и угощение: домашнюю выпечку (булочки, пироги), а с 1950-х гг. — пряники, колбасу, приобретенные в магазине. Сваты приглашали близких родственников к застолью (дядьев, теток, сестер, братьев) и накрывали на стол: «Пока эти [сваты] едут, эти готовятся. И своих приглашают брата и сестру»⁵. Угощали сватов блюдами традиционной украинской кухни — борщом, стружнями, соленым салом, а также водкой. После этого родители девушки приглашали молодых и сватов к себе в гости в следующее воскресенье и назначали время. Аналогичные действия с угощением происходили при встрече через неделю в доме родителей молодой.

Таким образом, свадебная обрядность украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX — XX в. сохраняла традиционный характер и четкую структуру.

С 1950-х гг. происходит активная трансформация свадебного обряда под влиянием политических, экономических, социокультурных факторов. При сохранении традиционной структуры и локальных вариантов названия обрядов и их содержания утрачивается исходная семантика действий, совершаемых во время свадьбы, возникают новые черты, которые постепенно приобретают устойчивый характер. Изменяется состав участников свадебного обряда. Теряет значение институт сватовства как посредника между молодыми людьми, родителями и обществом. Важную роль здесь сыграли процессы урбанизации, способствующие расширению социального про-

¹ Борисенко В. К. Семейная обрядность // Украинцы. М., 2000. С. 307.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Рябушенко В. Г., 1941 г. р.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

странства. Под их воздействием изменилась и внутрисемейная иерархия: одобрение со стороны родителей перестало быть необходимым условием для заключения брака. Кроме того, важной стороной свадебного обряда становятся государственные органы, регистрирующие браки, тем самым формально эта часть семейной обрядности выводится из ведения общины и церкви и переходит под государственный контроль. Во многом формальными участниками свадебного обряда становятся и «дружки», которых все чаще называют «свидетелями», что связано в большей степени с утратой «вечерошних» традиций.

Ко второй половине XX в. произошла унификация свадебного обряда, затронувшая также материальную составляющую (венки и ленты постепенно были заменены на фату, вышли из обихода квитки, на их место пришли бутоньерки), хотя ряд традиций сохранялся вплоть до 1980-х гг.: раздельное празднование свадьбы родственниками жениха и родственниками невесты, катание ряженных родителей, использование рушников и выпечка каравая.

Долгое время свадебный обряд украинского сельского населения Западной Сибири сохранял традиционный фольклорный репертуар. К его традиционным жанрам относятся ритуальные песни (в большей степени песни-припевки), корильные и «вэсильные» обрядовые песни. Обрядовые песни исполнялись строго на определенных этапах свадьбы — во время «вэчерки», сбора молодой, посещения кладбища (если девушка была сиротой), приглашения гостей, выкупа невесты, встречи молодых родителями жениха, «покрывания» молодой. При этом тексты песен в рамках одной традиции были распространены в локальных вариантах в каждом из рассматриваемых регионов. Высокая степень сохранности обрядовых свадебных песен украинцев в селах связана с тем, что на протяжении изучаемого периода активное участие в свадьбе принимали женщины старшей возрастной категории, которые сохраняли этнические песенные традиции и осуществляли их трансляцию в среде молодого поколения.

2.3. Похоронно-поминальная обрядность

Похоронно-поминальная обрядность и связанный с ней комплекс представлений занимает важное место в ритуально-мифологической сфере жизни восточнославянских народов в силу своей консервативности и сохранения большого количества архаических

пластов представлений о мире и места человека в нем¹. В структуру обряда исследователи включают следующие этапы: подготовительный (действия, связанные с фактом смерти и подготовкой покойника к захоронению, т. е. обряды предпохоронного цикла), похороны (непосредственно погребение), поминальный цикл (последпохоронные обряды)².

Первый этап погребальной обрядности связан с восприятием смерти и представлениями о ней. Его важной частью являлись мероприятия по подготовке к жизни в загробном мире. Как отмечают информанты, пожилые люди начинали готовиться к ней заранее. Женщины покупали церковные свечи, до 1950-х гг. шили, а позднее — приобретали погребальную одежду, обувь, иногда не только для себя, но и для членов семьи, в частности для мужа: «Обычно готовят, собирают, чтоб все уже было, ну платье там, туфли, мужской костюм»³. Некоторые заранее готовили гроб: «Кто доски, а кто и гроб, поднимали на чердак и там хранили»⁴. «Старики всегда заготавливали узелки, а прадед мой так вообще еще при жизни гроб приготовил, в кладовку поставил»⁵. Также собирали и сушили чабрец, душицу, мяту, которые были необходимы для изготовления подушки покойному.

Особое внимание уделялось подготовке погребальной одежды. Согласно восточнославянской традиции, покойного было принято облачать в новую одежду, ранее не ношенную и не соприкасавшуюся с живым телом: умерший человек лишался последних признаков принадлежности к живым. Традиционно эту одежду шили сами, исключение составлял период 1930–1940-х гг., когда, по сведениям информантов, «нищета была, хоронили в чем попало»⁶.

¹ Бузин В. С. Рождение, вступление в брак и смерть в традиционный южнорусской обрядности (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области): Материалы и исследования. СПб., 2015. С. 528.

² Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 14–15; Кремлева И. А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М., 1999. С. 518.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Осинцев В. А., 1972 г. р.

⁴ Курило А. В. Похоронная обрядность украинских переселенцев с. Романово Романовского района первой половины XX века // Материалы 51-й Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 2013. С. 54.

⁵ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Касьяненко Н. С., 1952 г. р.

⁶ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакуль-

В 20–30-х гг. XX в. мужской погребальной одеждой были белые штаны и рубаха, ноги обматывали белым коленкором¹. В случае смерти молодой незамужней девушки или неженатого парня в качестве «смертной» одежды выступала свадебная со всеми ее атрибутами (венки, квилки т. д.)². По мнению А. К. Байбурина и Г. А. Левинтона, «полнота жизненного цикла ритуалов требует в случае невыполнения одного обряда включения его в следующий за ним обряд, поэтому похороны не просто „цитируют“ свадьбу, а включают ее как обязательный компонент (более или менее полно выраженный)»³. Подобные варианты бытования отдельных элементов так называемой свадьбы мертвых, детально описанной в литературе, фиксируются не только у славянских групп, но и у российских немцев, подтверждающая тезис о переходном характере семейной обрядовой сферы⁴.

В имеющихся этнографических материалах не нашли отражения свойственные восточнославянским народам архаичные воззрения на процесс подготовки одежды для покойного: запрет завязывать узлы, обратный шов и т. п. В основном фиксируются реалии второй половины XX в., когда в качестве похоронной одежды стали использовать одежду фабричного производства. Мужчин стали хоронить в костюме, рубашке, туфлях. Типичный комплект «смертной» одежды пожилых женщин описывается так: «Черное платье, черный платок, носки, тапочки... в туфлях не хоронили, и в брюках нельзя было... как женщину-то в гроб в брюках положишь?»⁵

Некоторые информанты вспоминают о том, что для погребения нередко использовали «украинские рубахи»: «Бабушке моей было заготовлено смертное... рубаха была украинская, вышитая, крестиком

ский район, с. Максимовка. Какоулин И. Я., 1939 г. р.; Скотский Д. А., 1931 г. р.

¹ Коленкор — фабричная гладкокрашенная хлопчатобумажная ткань.

² Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.; Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Сrostы. Бехтер Л. Е., 1939 г. р.

³ Байбурин А. К., Левинтон Г. А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры (Погребальный обряд). М., 1990. С. 88. Цит. по: Смирнова Т. Б. Обычай венчания покойников у немцев Сибири // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С. 136.

⁴ Смирнова Т. Б. Обычай венчания покойников у немцев Сибири // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С. 133–144.

⁵ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Какоулин И. Я., 1939 г. р.; Скотский Д. А., 1931 г. р.; Горр Е. А., 1935 г. р.

вышитая... подушечку в гроб шили, наволочку, все тоже вручную»¹. В ходе беседы в 2010 г. М. И. Ковтун, 1917 г. р., показала участникам экспедиции приготовленную к смерти сорочку, собственноручно вышитую согласно украинской традиции.

В среде украинского населения были распространены особые приметы, по которым люди «узнавали» о своей близкой смерти или о смерти кого-либо из родственников и знакомых. В ходе полевых исследований был отмечен устойчивый характер следующих примет, предвещающих смерть: птица стучится в окно, собака яму роет, собака воет², курица поет петухом, икона упала³. Эти приметы также широко распространены и у русского населения региона. Приметы и предзнаменования о проникновении смерти в мир живых в зооморфных воплощениях (собака, синица, курицы, петух) являются традиционными для всех восточнославянских народов. Повсеместно распространены представления о воплощении смерти в образе мертвецов, приходящих во сне: «Покойник приснился, зовет с собой, если ушел, то к болезни, если нет — к смерти»⁴.

Когда в семье кто-то умирал, женщины начинали громко причитать. Чаще всего плакали и причитали близкие родственницы, но в некоторых селах вплоть до 1980-х гг. сохранялась традиция приглашать для исполнения причитаний особых плакальщиц, обычно пожилых женщин. Содержание причитаний было произвольным, чаще всего включало формулы «на кого ж ты нас покинул», «прости, что не уберегли» и т. п.⁵

Важной частью погребального обряда было приготовление умершего к похоронам. В течение двух часов после смерти тело по-

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Зуева Е. А., 1940 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Какоулин И. Я., 1939 г. р.; Скотский Д. А., 1931 г. р.; Осинцев В. А., 1972 г. р.; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Дейнега В. А., 1957 г. р.

³ РРКМ. Воспоминания Шестак П. К., 1930 г. р.; Ковтун М. И., 1917 г. р.; Катуня Л. М. 1953 г. р. Цит. по: Кривчик Ю. В., Курило А. В. Похоронная обрядность украинских переселенцев и их потомков в селе Романово в XX в. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Вып. 7. Барнаул, 2011. С. 218.

⁴ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2014 г.: Омская область, Горьковский район, с. Октябрьское. Лысенко Л. В., 1952 г. р.

⁵ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Горр Е. А., 1935 г. р.

койного не трогали. В это время в доме завешивали зеркала, а во второй половине XX в. стали закрывать и экраны телевизоров. Эти действия информанты объясняют тем, что в отражающих предметах можно увидеть покойника, который способен забрать с собой живых, так как его душа находится в доме до сорокового дня.

В с. Романово (Романовский район, АК) в ходе полевых исследований было зафиксировано сохранение распространенного в прошлом у всех восточных славян обычая вывешивать после смерти человека на окно полотенце. Сразу после того, как человек умрет, на подоконник ставили стакан с водой и на окно вешали рушник. Эти предметы предназначались для души покойного, которая «прилетает пить или умыться»¹. Воду меняли каждое утро до сорокового дня («сороковын»²), выливая ее на запад, в то место, где люди не ходили. Полотенце отдавали первому встречному.

В погребальной обрядности летских коми схожее значение имел «пажун-кошель»³, который было принято отдавать первому человеку, встретившемуся на пути похоронной процессии. Согласно одним материалам, желательно, чтобы встретившийся был одного пола с умершим, согласно другим — нужно, чтобы имя этого человека совпадало с именем умершего. В настоящее время многие перестают брать пажун-кошель: «Первому встречному дают, а некоторые еще не берут, брезгуют, еще умрут, покушают если. А некоторые берут, там все чистое, хорошее». По народным представлениям, выполнение этого элемента погребальной обрядности продиктовано стремлением живых обеспечить умершего всем, что может пригодиться для жизни на том свете, и таким образом заручиться его поддерж-

¹ Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.; Курашова Т. Е., 1926 г. р.

² РРКМ. Воспоминания Шестак П. К., 1930 г. р. Цит. по: Кривчик Ю. В., Курило А. В. Похоронная обрядность украинских переселенцев... С. 218.

³ Словом «пажун» называют мешочек с обедом, который летские коми выносят в первую очередь, перед выносом гроба на крыльцо дома в день похорон... Мешочек (кошель) специально шили вручную швом вперед иголкой (от себя), так как, по словам информантов, «покойнику назад возвращаться нельзя». <...> В него помещают тарелку, чашку, ложку, катушку ниток с иголкой, также в некоторых случаях пуговицу, полотенце, бумажные деньги, спички, из съестного кладут выпечку (чаще всего рыбник), яйцо, пачку чая, сахар, соль, бутылку спиртного (Сорвачева Ю. И. К вопросу об одном из элементов погребальной обрядности летских коми // Рябининские чтения-2007. Петрозаводск, 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/369.html> (дата обращения: 27.09.2017).

кой и помощью как будущего предка-покровителя. Вполне объясним и выбор человека, которому отдают пажун: первый встречный (незнакомый) человек воспринимался в традиционном сознании как представитель иного мира. Принимая пажун-кошель, он тем самым становился посредником между живыми и умершим, и через него пажун достигал загробного мира. Однополость и одноименность первого встречного с умершим являются свидетельством того, что он выступает в роли заместителя усопшего¹.

В настоящее время полотенце иногда снимают уже на девятый день и отдают кому-нибудь из односельчан, чтобы он поминал умершего. Очевидно, что в данном случае следует говорить об утрате представлений о первоначальном содержании ритуала.

Следующим важным ритуальным действием согласно восточнославянской традиции являлось омовение тела покойника («омовение души»). По традиции мужчину обмывали мужчины, чаще старики, женщину — женщины, преимущественно старухи. Повсеместно в среде украинского населения Западной Сибири существовал запрет на обмывание покойного родственниками, так как бытовало поверье, что в этом случае они не встретятся с ним на небе: «Обмывают чужие, своим нельзя. За то, что моют, обычно дают платки, полотенца»².

С покойного обязательно снимали все украшения (кольца, серьги и т. д.), так как боялись, что могилу после захоронения могут раскопать: «Було, откапывають золотэ. Если побачивають шо золотэ, то яму откапають и поснимають. Было, таке делали. Не кладуть ни в серьгах, ни в колечках»³. Умершего клали на пол, предварительно подстелив под него солому или какую-либо ткань. Обмывали тело покойного теплой водой с мылом. Позже все предметы, использовавшиеся при этом, уничтожались: солому сжигали, спускали по воде или бросали в ров, расческу выбрасывали или клали в гроб, горшок из-под воды разбивали и бросали на первом перекрестке. Мыло или клали в гроб, или пользовались им позже только в лечебных

¹ Сорвачева Ю. И. К вопросу об одном из элементов погребальной обрядности летских коми // Рябининские чтения-2007. Петрозаводск, 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/369.html> (дата обращения: 27.09.2017).

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Горр Е. А., 1935 г. р.; Скотский Д. А., 1931 г. р.

³ Архив ЦУИИЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

целях, воду выливали в то место, где люди обычно не ходили: «Два часа ждешь после смерти. Потом клеенку на пол стелешь, простынь снимаешь и начинаешь мыть... Теплая вода и тряпочка... я раньше думала, что покойника прям моют, оказывается, просто протирают... Воду потом выливают там, где никто не ходит, одежду покойного сжигают, а таз ошпарят кипятком да дальше используют»¹.

После обмывания и «обряжения» покойного клали на лавку в переднем углу ногами к двери, зажигали лампадку перед иконами и начинали молиться. Руки и ноги умершему связывали нитками или веревочками, которые развязывали только на кладбище и складывали в гроб: «Положили руки на груди, закрепили веревками, так же и ноги... Рот подвязывали лентой или платком под подбородком, чтобы не был открыт. Потом тело окончательно окоченеет, и выровнять уже не получится»². Нитки на теле покойного перед погребением следовало обязательно развязать, так как считалось, что иначе у покойника на том свете будут спутаны руки и ноги³. Если это забывали сделать, могилу раскапывали. М. И. Ковтун вспоминала: «У нас тут одна була, так забыли ей развязать ноги, так она приснилась: „Че вы так дэлаете, спуталы мэнэ и не распуталы!“». Так откапывали да развязывали ноги»⁴. Нитки (веревочки) могли отдать на кладбище просившим их старикам, так как считалось, что если привязать такую нитку на больное место (в основном на суставы рук и ног), то оно перестанет болеть. В настоящее время, по словам информантов, на кладбище нередко приходят чужие люди, просят у родственников умерших отдать им нитки, но используют их чаще с другой целью — для гаданий (Родинский район, АК).

В селах Алтайского края было принято класть на веки умершему медные пятаки, если глаза были открыты. Вполне возможно, что

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Горр Е. А., 1935 г. р.; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Гилякова Н. В., 1952 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Гилякова Н. В., 1952 г. р.; Петрова Н. М., 1957 г. р.

³ Гаврилюк Н. К. Поверья и обряды, связанные с наступлением смерти и подготовкой к похоронам // Украинцы. М., 2000. С. 324; Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

это было связано со своеобразным откупом от смерти, ибо считалось, что покойник высматривает кого-то из оставшихся в доме живых людей или даже животных, желая забрать их с собой. В таких случаях обычно говорили: «Смотрит — кого-нибудь насмотрит». Монеты (пятаки) оставляли в гробу¹.

Около покойного ставили на стол буханку хлеба (во второй половине XX в. — также тарелку с конфетами, печеньем, пряниками), в стакан с пшеницей ставили свечу и зажигали ее. Эта свечка должна была гореть все время, пока покойник был в доме. Когда сгорала одна, ее заменяли другой. Позже огарки свечей использовались при выносе гроба из дома.

В течение всего времени, пока покойник лежал в доме, проститься с ним приходили родственники, в том числе из других деревень, и односельчане. Для обозначения дома, в котором находится покойник, существовали особые знаки, сохраняющиеся до настоящего времени: «Крест выносили на улицу, чтоб все видели, что в доме покойник. Кто хотел зайти проститься — заходил»².

После захода солнца тело покойного накрывали с головой, а с восходом солнца открывали. В хате ночевали старушки, родственники, певчая. Вечером все садились ужинать — поминать. На стол ставили лапшу, борщ, картошку, кисель. Из столовых приборов пользовались только ложками; запрет на использование вилок, по мнению информантов, был связан с тем, что ими можно «выколоть умершему глаза», и на том свете он будет слеп³. Утром всех, кто ночевал около покойного, обязательно кормили завтраком⁴.

С момента смерти и до самых похорон над покойным читались молитвы, около него обязательно кто-нибудь находился. В это время присутствующим, согласно восточнославянской традиции, запре-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Родинский район, с. Родино. Якутка Н. Ф., 1930 г. р.

² Курило А. В. Современная похоронно-поминальная обрядность украинского населения с. Романово // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. Вып. 8. Барнаул, 2013. С. 183.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Дейнега В. А., 1957 г. р.; Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

⁴ РРКМ. Воспоминания Мельниченко Е. П., 1923 г. р. Цит. по: Кривчик Ю. В., Курило А. В. Похоронная обрядность украинских переселенцев... С. 220.

шалось спать, что было связано, по мнению А. К. Байбурина, с демонстрацией жизни в присутствии смерти¹. Ночью у гроба читались молитвы и велись разговоры-воспоминания о совместно прожитых годах. Иногда можно было рассказывать смешные истории из жизни, но смеяться не полагалось. Специально приглашенные люди, чаще женщины, читали ночью над усопшим Псалтирь, за что их одаривали: под книгу клали рубаху, отрез ткани на платье или деньги². Также в течение первого и второго дня до самого выноса пели духовные стихи:

«Вы подумайтэ, вы подумайтэ, ой,
Друзья милые.
Вы подумайтэ, ой,
Друзья милые.
Як во гроб лягты, ой,
Гроба вичного.
Як ручки сложить, ой, ручки билые.
Як глазки закрыть, ой, глазки сырые.
Отключилося, ой, все сердечное.
Унысуть мыня во чисты поля,
Загрыбуть зымлей, ой,
Прощай, свит билый.
А я бильше к вам, ой,
Бильш я нэ прыду».

* * *

«Лежу я во гробе
И не вижу свет.
Для всех солнце светит,
А для меня нет.
Святый Боже, святой, крепкий, святой бессмертный,
Помилуй, помилуй нас.
Святый Боже, святой, крепкий, святой бессмертный,
Помилуй, помилуй нас.
Выроют могилу
В уютной тишине,

¹ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 109.

² РРКМ. Воспоминания Ковтун М. И., 1917 г. р. Цит. по: Кривчик Ю. В., Курило А. В. Похоронная обрядность украинских переселенцев... С. 220.

Не плачьте, родные,
А то тяжко мне.

Святый Боже, святой, крепкий, святой бессмертный,
Помилуй, помилуй нас.

Святый Боже, святой, крепкий, святой бессмертный,
Помилуй, помилуй нас.

Не ходи, прохожий,
Не топчи мой прах,
А я уже дома,
Ты еще в гостях.

Святый Боже, святой, крепкий, святой бессмертный,
Помилуй, помилуй нас.

Святый Боже, святой, крепкий, святой бессмертный,
Помилуй, помилуй нас.

Спи, ты наш любимый,
Непробудным сном.
Ты к нам не вернешься,
Мы к тебе придем.

Святый Боже, святой, крепкий, святой бессмертный,
Помилуй, помилуй нас.

Святый Боже, святой, крепкий, святой бессмертный,
Помилуй, помилуй нас.

Лежу я во гробе
И не вижу свет.
Обычай готовый —
Идти на тот свет.

Святый Боже, святой, крепкий, святой бессмертный,
Помилуй, помилуй нас.

Святый Боже, святой, крепкий, святой бессмертный,
Помилуй, помилуй нас»¹.

* * *

«Вставайте, мертвы души,
Господь судить будэ.
Недолго судыть будэ —
За час, за минути.

¹ РРКМ. Воспоминания Шестак П. К., 1930 г. р. Цит. по: Кривчик Ю. В., Курило А. В. Похоронная обрядность украинских переселенцев... С. 220–221.

Правыдны души, становтэсь управо,
А грешные души, становтэсь уливо.
Шо правые души стоять да спивають,
А левые души плачуть да рыдають».

* * *

«Ой вы, голуби, ой вы, билые.
Мы не голуби, мы не билые.
Мы ангелы-хранители-покровители.
Вы покройте меня, душу грешную.
Не покроем тебя, душа грешная,
Ты на свете жила, тело тешила.
Полытила душа на восток солнца,
А там краи позакрываны.
Полытила душа на запад солнца,
А там пыкла позабываны.
Полытила душа до своего тельца:
«Ай, тело, мое тело белое, шо ж ты мыни да наделало,
Тоби, тело, в зымли приты, а мини на ответ иты»¹.

В погребальном обряде регламентировался и выбор дня похорон. Хоронили на второй, реже на третий день. Считалось, что покойник обязательно должен переночевать в доме. Однако информанты вспоминают, что еще до 30–40-х гг. XX в. бывали случаи, когда человека, умершего до полудня, хоронили в тот же день. Нередко причинами ранних похорон могли быть погодные условия.

Утром на второй день, когда открывали покойного, его лицо вытирали влажной тряпочкой, как будто умывали. В гроб тело перекладывали только перед выносом. Гроб (укр. *труну*) делали из сосновых досок. Во всех исследуемых районах фиксируется запрет делать его из осины. Стружку, оставшуюся от изготовления, клали на дно гроба. «Труну» всегда делали в соответствии с ростом умершего: считалось, что покойник кого-нибудь заберет, если гроб будет больше. Внутренняя отделка гроба в традиционной культуре также регламентировалась. В полевых материалах не встретилось упоминаний об архаичной восточнославянской традиции обивать гроб изнутри «намиткой», «перемиткой» или полотном от тонкой рубахи². Во

¹ РРКМ. Воспоминания Ковтун М. И. 1917 г. р. Цит. по: Кривчик Ю. В., Курило А. В. Похоронная обрядность украинских переселенцев... С. 222.

² Лысенко О. В. Ткань. Ритуал. Человек. Традиции ткачества славян Восточной Европы. СПб., 1992. С. 23.

второй половине XX в. в селах Западной Сибири гробы повсеместно стали обивать ситцем или сатином. Если умирал старый человек, использовали черную ткань с белой окантовкой, на крышку нашивали белый крест. Для молодого гроб обивали красным ситцем или сатином с белой зубчатой окантовкой и нашивали черный крест. Внутри гроба на стружку стелили белую фабричную ткань. Подушку делали из белой наволочки с двумя нашитыми крестами из черной ткани, набивли заготовленными заранее травами (чабрецом, душицей, мятой), луговым сеном или древесной стружкой.

До первой трети XX в. было принято прикрывать покойника в гробу холстом; позднее, как свидетельствуют фотоматериалы и полевые источники, для этой цели стали использовать фабричные ткани. В селах Омской области «рукописание» — бумажку с текстом молитвы, служившую «пропуском» на тот свет — не вкладывали в руки покойного, как было принято у русских, а старались положить под подушечку, подкладываемую под его голову. Украинское население Алтайского края клало ее под правую руку вместе с монетами (мелочью), завязанными в носовой платочек. По словам информантов, «человек будет себе место откупать»¹. На лоб покойнику клали венчик из бумаги или ткани со словами молитв или изображением ангелов. И венчик, и рукописание приобретали в церкви². Некоторым покойникам в гроб клали предметы их занятий или увлечений: «Курил он, муж мой, я ему пачку сигарет, зажигалку, платок в гроб положила, а часы хотела положить — сказали, не надо»³.

День погребения был особенно насыщен обрядовыми действиями. До 1930-х гг. покойного обязательно отпевали в церкви (при наличии ее в населенном пункте) или приглашали батюшку в хату: «Як цэрква була, так покойника везуть в цэркву — отпивае батюшка там. И на кладбище батюшка, было, идэ с покойником»⁴. Затем вплоть до 1990-х гг. отпевание не проводилось. Немаловажную роль в этом сыграла государственная политика, в частности циркуляр НКВД № 341

¹ Кривчик Ю. В., Курило А. В. Похоронная обрядность украинских переселенцев... С. 219.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Дейнега В. А., 1957 г. р.; Гилякова Н. В., 1952 г. р.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Горр Е. А., 1935 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

«Об ответственности служителей культов за совершение религиозных обрядов до регистрации соответствующих событий в органах ЗАГС» от 14 октября 1929 г., устанавливающий уголовную ответственность для церковнослужителей за совершение обрядов погребения в случаях, если они выдают справки, регистрируют события и т. п. После распада СССР, по словам информантов, население постепенно стало возвращаться к вере, строить в селах моленные дома, церкви, что привело к возвращению ритуала отпевания покойного: «А теперь хто хоче, так до дома забирае, отпевает сейчас»¹.

Перед выносом гроба собирались родственники, чтобы проститься с покойным. Все вставали у гроба, образуя условный коридор, брали в руки свечки (в том числе огарки свечей) – «проводники», зажигали их и передавали из рук в руки. Затем проводники тушили и клали в верхний угол гроба². Хлеб, стакан с пшеницей, позже конфеты с печеньем, которые стояли рядом с покойным, выносили из дома. На крышку гроба клали полотенце, на него ставили буханку хлеба и везли на кладбище (рис. 15). После похорон хлеб разламывали и вместе с конфетами и печеньем раздавали присутствовавшим на похоронах.

Выносили покойника из дома обязательно ногами вперед: по мнению информантов, после этого он не найдет дорогу домой и не будет беспокоить живых. После выноса гроба брали стакан с зерном, в котором стояла свеча, и рассыпали зерно по дороге на кладбище³, вслед покойному во дворе на дорожку и на стоящих людей⁴. Также бытовало поверье (по все видимости, отголосок архаических магических обереговых действий), что если выбросить это зерно на хозяйственный двор на съедение курам, то они будут лучше расти⁵.

Во многих селах сохранялся обычай не подметать полы, пока умерший находился в доме, иначе можно было «вымести» кого-нибудь из живущих родственников. Когда покойного выносили, следом

¹ Там же.

² Кривчик Ю. В., Курило А. В. Похоронная обрядность украинских переселенцев... С. 223.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Зуева Е. А., 1940 г. р.

⁴ Кривчик Ю. В., Курило А. В. Похоронная обрядность украинских переселенцев... С. 223.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Родинский район, с. Родино. Якутка Н. Ф., 1930 г. р.

Рис. 15. Похороны семилетней девочки. 1961 г. Алтайский край, Романовский район, с. Романово. РРКМ. Материалы ИЭЭ 2010 г.

за ним плотно прикрывали дверь в дом, ворота, калитку. В доме следовало сразу помыть пол. В селах Новосибирской области (Здвинский, Карасукский районы) в среде как русского, так и украинского населения был распространен следующий обычай: после выноса покойника из дома родственница умершего передавала через гроб живую курицу «старейшей старушке» или вдове, которая должна была молиться о душе умершего. Женщина, получившая курицу через гроб, обязательно должна была проводить покойного до кладбища, иначе, согласно восточнославянским представлениям, могло произойти несчастье — покойник «перетащит на тот свет» всю скотину или «уведет» кого-нибудь из семьи женщины¹.

Гроб обычно выносили из дома на руках, а до кладбища везли на санях, телегах, ходках: «Носили на руках. А тоди ходки были, да кони булы, дак везуть далэко. А если близко, дак так несут на руках. Было кого несут на руках — меняются. Одни пронесли, други»².

¹ Голубкова О. В., Будаева С. В., Крикау Л. В. Локальная традиция погребального обряда славянского населения юга Западной Сибири в XVII–XX вв.: к вопросу типологии // Научный диалог. Вып. 1. 2017. С. 132–133.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

В некоторых селах информанты припоминают, что ходки обязательно застилали ряднами или половиками, а затем на них ставили гроб¹. Родственники покойного шли рядом. Впереди похоронной процессии несли крест. Если умерший — мужчина, крест перевязывали полотенцем, если женщина — полотенцем или платком². Было принято останавливаться на поворотах и немного постоять, затем продолжать движение. С 70-х гг. XX в. стали возить на машинах, при этом появилось правило занавешивать окна в машине, «чтобы дорогу покойник не видел». Если везли на грузовой машине, кузов застилали половиками или коврами, ставили гроб, близкие родственники садились рядом. Здесь же в кузове ставили крест, который держал мужчина, один из участников похоронной процессии. Впереди машины несли венки. Венок брали два человека, правой и левой рукой, а свободные руки им перевязывали носовыми платками узлом к телу. При этом информанты подчеркивают, что «раньше раздавали платки, руки не перевязывали, венков не было и цветы на покойного не клали»³.

В силу того, что украинские переселенцы прибывали в Сибирь в основном в рамках поздней волны, важной проблемой для них на новом месте стала именно организация кладбищ. В период конца XIX — начала XX в. кладбища в основном организовывались самовольно. Этот факт не остался без внимания со стороны местного причта. Так, И. Голошубин отмечает, что в ряде населенных пунктов Омского Прииртышья, например в поселках Царские Колодцы (нынешнее село Черниговка Кормиловского района Омской области), Новоселье и Станкеевском кладбища были организованы самовольно и умерших первое время хоронили без соблюдения церковных требований: «Через несколько месяцев число погребенных без чина отпевания, без венчиков и молитв в поселке Царские Колодцы достигло уже более 20 человек»⁴. Причем эта ситуация, как следует из повествования, была обусловлена государственной политикой в переселенческих районах Сибири, а не связана с деятельностью старо-

¹ Там же.

² Кривчик Ю. В., Курило А. В. Похоронная обрядность украинских переселенцев... С. 223.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

⁴ Голошубин И. Из впечатлений сельского священника // Омские епархиальные ведомости. 1911. № 14. Отдел неофициальный. С. 17–21.

Рис. 16. Фрагмент семейного участка на кладбище. Омская область, Горьковский район, д. Новооболонь. Семья Дьяченко. Материалы ЭЭ 2014 г.

жилов, которые, как известно, нередко запрещали переселенцам погребение покойных на старожильческих кладбищах.

На кладбище, расположенном обычно недалеко от селения, хоронить старались по принципу поселения (родственников или выходцев из одних мест — со своими, вместе лиц одной национальности) или вероисповедания. Традиционно выбор места для захоронения зависел от нескольких факторов, главным образом от близости могил родственников и наличия свободного пространства. В исключительных случаях даже отсутствие свободного места не останавливало родственников, и покойного могли «подхоранивать» либо с нарушением границ участка, либо поверх другой могилы. В результате на многих кладбищах можно увидеть так называемые семейные участки, где хоронили представителей трех-четырех родственных семей (рис. 16). Например, в с. Максимовка Шербакульского района Омской области в 2010 г. было организовано новое кладбище, так как в границах старого стало не хватать места для погребений, да и его граница очень плотно подошла к жилым домам, оказавшись практически рядом с огородами. Однако, по словам информантов, «местные все еще продолжают там хоронить... Вот не-

давно мальчика хоронили, трагически погибшего, на старом, рядом с родственниками»¹.

Как следует из имеющихся материалов, внутренняя организация кладбищ нередко отражает этногрупповую специфику населенных пунктов. Например, там, где совместно проживают старожилы и переселенцы или несколько групп переселенцев, на кладбище нередко выделяются «углы» для каждой из групп. Большинство надписей на надмогильных сооружениях выполнено на русском языке, что подтверждает интегрированность переселенцев в русскоязычное сообщество. Кроме крестов, на которые нередко повязаны полотенца, иногда вышитые, на кладбищах исследуемых нами населенных пунктов широко распространены пирамиды, сваренные из металлического прута, а также плиты и памятники из камня. На ряде могил деревянные кресты и каменные памятники соседствуют друг с другом, демонстрируя симбиоз традиционных норм и современных унифицированных правил и традиций обустройства могилы ухода за ними.

Могилу полагалось копать перед самыми похоронами. В селах рассматриваемого региона среди украинского населения согласно восточнославянской традиции строго соблюдался запрет копать могилу близким родственникам. Для этого приглашали нескольких мужчин, которых называли «копачами». Родственники покойного везли копачам завтрак (обед) и каждому по полотенцу.

В настоящее время организацию похорон часто стараются доверить специализированным службам по вопросам похоронного дела, особенно в населенных пунктах, расположенных близко к райцентрам и городам. Диапазон их деятельности довольно широк и часто регламентируется местными законодательными актами. В Омской области, например, в перечень ритуальных услуг включены: прием заказов на организацию похорон (в том числе услуги приемщиков заказов на организацию похорон); захоронение и перезахоронение; транспортировка тел (останков) умерших (погибших); изготовление гробов; санитарная и косметическая обработка тел; бальзамирование; изготовление и установка надмогильных сооружений; надписи на памятниках и изготовление фотокерамических изделий; производство иных предметов похоронного ритуала; уход за местами по-

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Нозин К. Н., 1961 г. р.

гребения и отдельными захоронениями¹. Указывают на это обстоятельство и информанты: «Раньше гробы сами делали, на кирпичном заводе столярка была, там и делали. А в 1980-е все развалили. Теперь вот у нас в селе магазин есть, где памятники продают. Выбор там небольшой, но цены невысокие»². Распространение практики обращения в ритуальные службы свидетельствует об унифицировании погребального обряда.

После прощания на кладбище гроб закрывали, заколачивали гвоздями по углам. В это время на кладбище, по словам информантов, поднимался вой — близкие родственники начинали громко плакать. Гроб было принято опускать в могилу на полотенцах, которые затем бросали в могилу или разрывали на части и отдавали тем, кто копал могилу, нес гроб и венки³. В послевоенное время, как отмечают информанты, на рушниках гробы опускали редко, обычно использовала веревки: «Ну и тоди у кого рушники, у кого на веревках спускали. Так хто побогаче жил, так у того рушники наготовлены»⁴. Все участники похорон, после того как гроб был опущен, бросали в могилу по горсти земли и монеты, необходимые покойному, с точки зрения информантов, для откупа места.

В некоторых селах полотенце или платок, которым был перевязан крест, снимали сразу после похорон и отдавали кому-нибудь из присутствующих (с. Романово, Романовский район, АК), в других оставляли на кресте (с. Ирбизино, Карасукский район, НСО). В этих действиях отличий от русского населения Алтайского края не прослеживается⁵. Очевидно, что эти правила погребальной обрядности восточнославянского населения региона в XX в. носили локальный характер.

¹ О погребении и похоронном деле на территории Омской области (с изменениями на 4 февраля 2004 г.): Закон Омской области от 22 декабря 2004 г. № 604-ОЗ; утратил силу с 1 января 2005 г.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф.М. Достоевского 2014 г.: Омская область, Горьковский район, с. Октябрьское. Лысенко Л. В., 1952 г. р.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Зуева Е. А., 1940 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

⁵ Грибанова Н. С. Полотенце в культуре русского сельского населения Алтая в конце XIX — начале XXI века. Барнаул, 2013. С. 113–117.

В отношении людей, умерших неестественной смертью (самоубийцы, утопленники), традиционный похоронный ритуал соблюдался не полностью. Такое отношение к людям, погибшим по своей воле (вине) или по воле случая, основано на христианских предписаниях. Самым распространенным было мнение о том, что самоубийц не полагается хоронить на кладбище: «Тех, кто умер не своей смертью, хоронили в углу, не на кладбище»¹.

Важной составляющей погребально-поминальной обрядности была система защитных мер, направленная на то, чтобы избавиться от посещений умершего в ходе проведения погребального обряда и после него. Этот комплекс имел множество схожих элементов у русского и у украинского населения. Так, сразу же после подъема гроба при его выносе родственники садились на табуретку или лавку, где лежал покойник, чтобы потом не тосковать по нему. С той же целью рекомендовалось потрогать («пощупать») ноги покойника: «Кто боялся, держался за гроб, но лучше все же пощупать ноги было»². «У меня мать когда умерла... на кладбище кто-то за шиворот земли горсть насыпал. Я обернулся — бабушка стоит из деревни, улыбается: это, говорит, чтобы ты не боялся»³. По мнению Л. М. Катуня, чтобы не бояться умершего, надо было взяться за его руку или ногу, подержаться за печку, посмотреть в ее устье⁴.

Приглашать на поминальный обед (ужин) после похорон не было принято, прийти мог любой желающий. Так как традиционно поминками обычно назывались действия, приуроченные к 9-му и 40-му дням, то точнее будет сказать, что в день похорон в доме умершего устраивался обед. Обилие крепких напитков в этот день считалось неуместным, однако некоторые информанты говорили, что «женщин можно поминать красным вином, это считается признаком богатых похорон»⁵. Украинское население обследованных районов Омской области обязательными ритуальными блюдами на обеде в день по-

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Зуева Е. А., 1940 г. р.

² Там же.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Зуев А. И., 1938 г. р.

⁴ РРКМ. Воспоминания Катуня Л. М., 1953 г. р. Цит. по: Кривчик Ю. В., Курило А. В. Похоронная обрядность украинских переселенцев... С. 218.

⁵ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Скотский Д. А., 1931 г. р.

хорон называет кутью, борщ, украинскую капусту, а также «гуляш — кто чем богат»¹. В украинских селах Алтайского края блюдами поминальной трапезы считали канун, борщ, капустняк, лапшу, картофель, кашу, компот; последним подавался кисель.

Кутью (канун) традиционно готовили из отваренных цельных зерен пшеницы с добавлением меда, а с 1950-х гг. — из риса и изюма. Канун следовало взять ложкой три раза в самом начале трапезы. В настоящее время в ряде районов Алтайского края (Родинском, Романовском) поминающим полагается первым съесть вареное куриное яйцо².

Особенностью поминальной трапезы, характерной для всех восточнославянских народов, являлось представление об участии в ней самого умершего, поэтому во время поминального обеда за столом для него оставляли свободное место, клали ложку и ломоть хлеба, отливали часть напитка.

Поминовение по усопшим родственникам справляли на 9, 20 и 40-й дни, в годовщину и в праздники. Во многих селах Алтайского края украинцы, так же как и русские, поминали умершего еще и через полгода и в день рождения покойного. На третий день родственники шли на кладбище, а затем устраивали поминальный обед. На девятый день, как правило, собирались самые близкие, а «поминание» (конфеты, печенье, пряники, стружки) разносили по соседям, друзьям. Поминки на сороковой день, или, как говорили украинцы, на «сороковыну», проходили день в день (в полгода или в год можно помянуть на день или два раньше, но ни в коем случае не позже). На «сороковыны» собирали всех родственников, приглашали соседей, друзей. Сначала ходили на кладбище, носили с собой «поминание», которое раздавали людям и раскладывали на могилы. По возвращении домой садились за столы и поминали покойного за обедом. Блюдами поминальной трапезы были борщ, лапша, картофель, каша, блины, компот, последним подавался кисель. На сороковой день после смерти с окна убирали стакан с водой, а полотенце отдавали первому встречному (соседу, прохожему)³.

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Зуева Е. А., 1940 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Родинский район, с. Родино. Якутка Н. Ф., 1930 г. р.

³ Курило А. В. Современная похоронно-поминальная обрядность украинского населения... С. 182.

У украинцев сохранялись общие православные традиции помянуть умерших в так называемые «родительские дни», а также на Пасху. В первый день Пасхи во многих селах ходили на кладбище «похристосоваться с умершими родителями», приносили яйца, пироги, сладости. В селах Омской области (Большереченского района) в среде украинского сельского населения распространен обычай катать яйца на Родительский день и на Троицу на предполагаемом месте потерянных или разрушенных от времени могил — кладут яйцо на землю и катают его ладонью по кругу, читая при этом молитвы, после чего яйцо оставляют на этом месте¹. В другие поминальные дни также обязательно посещали могилы родственников, принося с собой еду, вино, чтобы пригласить усопшего на ритуальную трапезу².

В литературе имеются упоминания о погребальных обычаях, распространенных только у малороссов. Так, обязательным было требование дважды позвонить в колокол: в момент заявления священнику о смерти и во время несения умершего на кладбище³. Незвестным для священников из Сибири оказался и обычай совершать «отправу» на сороковой день. Вот как его описывает И. Голошубин: «В известный день приносят в церковь печеный хлеб, кувшин квасу и „хустку“ (платок. — *Авт.*) или полотенце. Батюшка отворяет царские врата, стелет в них принесенный холст, отламывает часть хлеба, мочит его в квасе и по окончании панихиды раздает это молящимся»⁴. Кроме этого, как свидетельствуют работы священников, у переселенцев-малороссов была распространена довольно архаичная традиция «запечатывания умерших», состоявшая в том, что батюшка лопатой ставил кресты на всех четырех сторонах могилы. «Этот обычай должен был исполняться священником в момент погребения, а если погребение было без священника, то он „печатает“ уже в другое, удобное для него время»⁵.

¹ Бережнова М. Л. К вопросу о генезисе погребального обряда русских сибиряков // Сибирский сборник-1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2. СПб., 2009. С. 31.

² Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев... Ч. 1. Новосибирск, 2004. С. 59.

³ Голошубин И. Из впечатлений сельского священника // Омские епархиальные ведомости. 1911. № 14. Отдел неофициальный. С. 32.

⁴ Там же. С. 35.

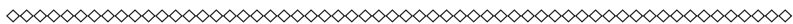
⁵ Там же. С. 36–37.

Таким образом, имеющиеся материалы свидетельствуют о сохранении у украинцев ряда традиций, характерных для всех групп восточнославянского населения Западной Сибири: наличия «семейных мест» для погребения, девятиый и сороковой поминальные дни, ряд универсальных запретов (самый распространенный — не переходить дорогу похоронной процессии) и др. Кроме того, сохраняются отдельные элементы обрядности, имеющие параллели в культурах других народов: использование свадебной одежды для погребения незамужних девушек (девочек), обряд отдавать рушник первому встречному и т. п.

Отличия фиксируются в некоторых населенных пунктах и касаются степени сохранности фольклора (на территории Омской области традиция голошения на похоронах исчезла, тогда как в некоторых районах Новосибирской области и Алтайского края участники фольклорных коллективов еще могут воспроизвести некоторые элементы причитаний) и отдельных традиций погребения: в частности, в Одесском, Шербакульском и Горьковском районах Омской области, а также в Карасукском районе Новосибирской области украинское население часто повязывает полотенце на кресты или памятники. В качестве отличительной черты можно отметить и наличие традиционных блюд на поминках. Однако в целом похоронно-поминальная обрядность украинского сельского населения Западной Сибири начиная с 1980-х гг. стремится к унификации, чему способствуют государственная политика и экономические факторы: регламентация выделения мест на кладбищах, активная деятельность ритуальных бюро, охватывающая почти все этапы погребальной обрядности, расширение количества видов и форм надгробных сооружений и т. п.

Система жизнеобеспечения украинской семьи в сельских населенных пунктах Западной Сибири (конец XIX — XX век)

3.1. Жилище

Переселяясь в конце XIX — начале XX в. в составе различных миграционных волн на территорию Западной Сибири, выходцы из юго-западных губерний России оказывались в новых климатических условиях и экономических реалиях. Однако возможность выбора на начальном этапе места поселения в районах со сходными природно-географическими условиями позволяла переселенцам применить имеющийся у них хозяйственный и культурный опыт, в том числе в строительстве и обустройстве жилых помещений, что являлось важным условием успешной адаптации.

На территории Черниговской, Полтавской, Харьковской и других юго-западных губерний России, откуда было родом большинство украинских переселенцев, были распространены различные по материалу и технике строительства типы жилища: деревянные рубленые, деревянные в закладку, плетеные, камышовые, глинобитные хаты¹.

В населенных пунктах Западной Сибири выбор материала для жилища и соответственно техника его строительства были обусловлены в первую очередь природными условиями нового места жительства и финансовыми возможностями семей переселенцев. Для иллюстрации описанной ситуации нами были привлечены архивные материалы из фондов Переселенческого управления Министерства земледелия. Строения, возведенные переселенцами, были обозначены в одном из описаний переселенческого участка «Чаганаксайский», расположенного в Кокчетавском уезде Акмолинской

¹ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник: очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. М., 1956. Ч. II. С. 83.

Рис. 17. Украинская хата. Омская область, Одесский район, с. Одесское. Фонд архивного отдела администрации Одесского района. Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2013 г.

области: «К 12 августа 1899 года из 150 найденных здесь семейств 124 семьи имели на участке 41 бревенчатую избу, 34 избы плетневых, 46 изб из пластов, 14 бревенчатых амбаров, 98 амбаров и сараев из плетня, 9 бревенчатых бань и 20 огороженных гумн»¹.

В обследованных районах вплоть до последней четверти XX в. самым распространенным было глинобитное жилище, называемое потомками украинских переселенцев хатой. В селах, где украинцы соседствовали с потомками южнорусских переселенцев, распространено название «изба». Применительно к срубному жилищу употребляются слова «дом» и «изба», так как в представлениях украинского населения они ассоциируются с деревянным (срубным) сооружением. Видимым различием между домом и хатой выступали не только материал, но и размеры. Дом — традиционно высокая постройка, в отличие от глинобитных и саманных хат, которые выглядят приземистее (рис. 17). В статистических материалах переписчики также не всегда четко разграничивали «хату» и «избу». В похозяйственных книгах 1930–1940-х гг. нередко указаны избы из самана или из глины.

¹ РГИА Ф. 391. Оп. 2. Д. 672. Л. 18 об.

Кроме того, в ходе полевых исследований в среде сельского украинского населения изучаемого региона было выявлено множество вариантов названий жилых построек в зависимости от материала и техники строительства. Так, жилища, построенные с использованием пластов дерна, украинское население называет «пластяными», «пластянками» (с. Зятьково, Панкрушихинский район, АК), «пластянушками» (с. Белое, Карасукский район, НСО), «пластенами» (с. Семеновка, Славгородский район, АК), «землянками» (с. Титовка, Егорьевский район; с. Константиновка, Кулундинский район, АК), «землянушками» (с. Кулунда, с. Семеновка, Кулундинский район, АК), «с пластив» (с. Дубровино, Романовский район, АК), «дерновками» (с. Лукьяновка, Одесский район, Омская область). Хаты, построенные в литой технике, называли «литухами» (с. Зятьково, с. Луковка, Панкрушихинский район; пос. Гавриловский, Пospelихинский район, АК), «топтанками» (с. Дубровино, Романовский район, АК), «топтанушками» (с. Хлопуново, Шипуновский район, АК), «лёпками», «ліпками» (с. Сидоровка, Романовский район, АК), «літыми» (с. Романово, Романовский район, АК), «набивными» (с. Ново-Петровка, Кулундинский район, АК). Постройки из сырцовых кирпичей, изготовленных вручную из смеси глины и соломы, называют «саманными» (с. Зятьково, Панкрушихинский район; с. Украинка, Мамонтовский район; с. Златополь, Кулундинский район; с. Яготино, с. Орлеан, Благовещенский район, АК; с. Белое, с. Ирбизино, Карасукский район, НСО).

В ходе интервьюирования выяснилось, что названия техник строительства в среде украинского населения отличаются от принятого в научной литературе разделения глинобитной техники на саманную и литую. Саманом в некоторых селах (с. Зятьково, Панкрушихинский район; с. Титовка, Егорьевский район; с. Дубровино, Романовский район, АК; с. Лукьяновка, Одесский район; с. Глуховка, Калачинский район, Омская область, и др.) называют смесь глины с соломой, из которой не только делали кирпич, но и возводили литые стены: «Сначала были эти саманухи — мы их называли — литые такие глиняные хатенки...»¹ «...Дома на улицах саманные стояли: четыре дома — перекресток, четыре дома — перекресток. Саманные дома так делают: кладут доски, заливают потом глину жидкую и кладут солому, а бабы в сапогах топчут ее, и потом дочки приминают,

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Дубровино. Ещенко А. И., 1939 г. р.

Рис. 18. Село Ирбизино. 1960 г. Новосибирская область, Карасукский район. Семейный архив М. В. Сергиенко, 1937 г. р. Материалы ЭЭ 2015 г.

и так выливали дома»¹ (рис. 18). В научной литературе, как известно, саманом принято называть глиняный сырцовый кирпич с примесью мелко нарубленной соломы².

По прибытии на место водворения украинские переселенцы возводили временное жилище. Причем термин «временное» означал не столько то, что дом временно использовался как жилое помещение, сколько непрочность и недолговечность сооружения. О нескольких видах временных жилищ упоминает А. Н. Куломзин, которому удалось наблюдать переселенческие поселки на территории Западной Сибири, основанные в 1890-е гг.: «При водворении на участках новоселы обыкновенно принимаются за сооружение жилищ. На первое время они довольствуются шалашами, а затем строят или дерновые землянки, или деревянные избы, или, наконец, саманные. Впрочем, саманные постройки встречаются у них относительно редко, так как большинство переселенцев относится к ним с недоверием и не уме-

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Рыбалко Л. П., 1935 г. р.

² Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 93.

ет взяться за приготовление саманного кирпича...»¹ В его отчете есть и описания отдельных населенных пунктов: «...Большой в 500 душ поселок херсонцев, довольно зажиточных [Георгиевский, Ишимский уезд]. Основан 23.04 этого года. Хаты в полной постройке, большею частью мазанки; пока живут в шалашах...»². Однако наиболее распространенными были постройки (землянки, хаты), возведенные с использованием пластов почвы — дерна, жердей, камыша: «...Дорогой туда проехали на поселок Богдановичи (по имени губернатора), где видели усадьбы людей, прибывших три недели тому назад. Это сложенные из дерна хаты — впредь до выстройки домов — очень оригинально. Издали я думал, что это обгорелые дома. <...> В одном поселке, Ново-Троицком, населенном полтавцами, мы застали весьма сносную обстановку, хотя много еще землянок»³.

Землянка представляла собой яму, вырытую в земле, глубиной 1–1,5 м, с надстройкой из дерновых пластов (верхнего слоя почвы, нарезанного квадратами шириной примерно 40–50 см). Для хаты углубление в земле не делали, только снимали верхний слой почвы. Жители с. Семеновка (Славгородский район, АК), образованного столыпинскими переселенцами (в том числе и украинскими) в 1908 г., вспоминали, что для строительства хат нарезали ленты из дерна длиной 1–1,5 м, толщиной в 20–25 см, шириной 20–30 см; стены клали в два ряда шириной до 1 м, плотно укладывая пласты друг на друга и смазывая их глиной⁴. Дерн для подобных построек требовался крепкий, с большим количеством толстых спутанных корней злаковых растений. Пласты старались резать в местах, где была влажная почва: «Почва идет — ложбины, где ручьи протекают, там находят ровное место... Вырубаеть, кругом ходишь, вот такой вот пласт берешь»⁵.

Крыши возводились практически плоскими на один или два ската и состояли из жердей, хвороста, камыша и дерна. Снаружи и внутри стены землянок и хат «из дэрти»⁶ обмазывали и белили глиной.

¹ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 70. Л. 56.

² РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 201. Л. 11.

³ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 201. Л. 9–9 об.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 5. Оп. 4а. История конференций. Д. 6. Л. 10.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Малая Шелковка. Кирикилица П. И., 1934 г. р.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Константиновка. Небылица М. А., 1938 г. р.

В Омской области использовалась схожая технология: «Мы в землянке жили, да и сейчас некоторые живут. Это дом земляной. Стены там делали из дерна — пласта земли, сверху крышу ложили. <...> Дерьн-то раньше пахали, ведь ни шифера, ни толи, ни рубероида не было. Вот и застилали этим пластом крышу»¹. «Копали дерн плугом, слоями его вытаскивали, вывозили его на тележке руками. Дерьн — это вся земля, которую не пашут. На дерн балки ставили, а на них крышу ложили... Все промежутки замазывались глиной с кизяком. Внутри „под досточку“ мазали и белили. Гладко-гладко получалось. „Под досточку“ — это на досточку намазывали и ей водили»². «Крышу пластами делали: сначала матку — это толстая такая балка, поверх нее — „слыжи“ (это жерди тонкие, без веток), потом — „чащѹ“, а уж после на целине пашут дерн, поверху на него „беляк“ (белую глину). Хаты эти по сто лет стояли»³.

Доступность материала и быстрота строительства сделали такую технику самой распространенной на всей территории Западной Сибири среди переселенцев разных волн, в том числе и украинцев, имеющих трудное материальное положение⁴. По воспоминаниям информантов, семья с тремя взрослыми людьми и двумя подростками строила подобное жилье за полторы-две недели.

Влияние таких жилищ на здоровье и психику переселенцев часто фиксировалось врачами Омского переселенческого пункта: «Окна величиной в $\frac{3}{4}$ аршина на $\frac{1}{2}$ аршина со стеклами. Печи русские, глинобитные, обширные. Почти в каждой землянке расстояние между печкой и передней стеной занято нарами — общей постелью. Под нарами зимой обитают куры. Сырость в землянке ужасная»⁵. Кроме того, сырые земляные стены были почти непроницаемы для воздуха.

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Дудук А. Р., 1930 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Симон М. Е., 1931 г. р.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2014 г.: Омская область, Горьковский район, с. Октябрьское. Кулик Е. С., 1936 г. р.

⁴ Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев... Ч. 2. С. 6; Липин А. М. Украинские переселенческие поселки на Алтае (конец 80-х — начало 90-х гг. XIX в.) // Краеведческие записки. Вып. 3. Барнаул, 1999. С. 144.

⁵ Жилища переселенцев безлесной части Сибири и Степного края. Изд-е Переселенческого управления. СПб., 1902. С. 8.

Тем не менее в степных и лесостепных районах Алтайского края, Омской и Новосибирской областей землянки и хаты из пластов дерна использовались в качестве жилых помещений вплоть до 1930-х, а местами — до 1950-х гг. (Егорьевский, Славгородский, Кулундинский районы, АК; Карасукский район, НСО; Шербакульский район, Омская область). «Сосед был, так он совсем жил — землянку выкопал и в землянке жил, потому что тогда время такое было — ни денег, ни одеть и ни обуть, ниче не было»¹, или «У нас... землянка сохранилась, он до сих пор в ней живет. Так он говорит: „Я один раз в день зимой печку топлю и дома хожу в одной майке — жарко. Зато летом, в жару, прохладно“»². Подтверждают это и архивные документы, в основном похозяйственные книги сельских советов. Но поскольку они составлялись через 20–30 лет после массовой волны переселений конца XIX — начала XX в., информация о пластанках и землянках и степени их распространения на территории Омской области отличается неоднородностью. Иногда переписчики обозначали их как «землянки», но чаще называли «избами» («избушками»), указывая при этом, что основной материал — «земля» или «пласты». В с. Благовещенка Калачинского района Омской области в 1928–1931 гг. было 13 изб, 4 сарая, 4 бани, 3 хлева. Также земляными были кладовая, скотская изба, навес³. Такие постройки встречаются либо в недавно выделившихся хозяйствах, где возраст главы семьи не превышает 25–28 лет, либо у столыпинских переселенцев, испытывающих материальные трудности.

Источники позволяют установить и размеры жилищ и хозяйственных строений. Чаще всего встречаются «избы» площадью 50–70 м², но были случаи и больших по размеру помещений. Так, землянка в 168 м² была в 1928 г. у жителя с. Благовещенка Калачинского района Омской области Григория Трифоновича Герасименко⁴. В более поздних материалах постройки по основным строительным материалам дифференцированы реже, поэтому вычленить землянки и пластанки становится сложнее. В 1970–1980-е гг. довольно ча-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Титовка. Говорушко В. П., 1933 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Дудук А. Р., 1930 г. р.

³ Архивный отдел администрации Калачинского района Омской области. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1. Л. 147.

⁴ Там же. Л. 4 об. — 5.

сто в разряд землянок попадали ветхие саманные дома. В д. Путиловка Шербакульского района Омской области, по данным похозяйственной книги, в 1980–1982 гг. было четыре таких дома, обозначенных как «ветхие землянки», построенных из самана и покрытых «глиной»¹. Подобная нечеткая дифференциация строительных техник могла быть следствием их частичной утраты и выхода из обихода.

С самого начала освоения Западной Сибири украинское население применяло различные варианты строительства жилья и хозяйственных построек в каркасной технике, известной у всех восточнославянских народов. При плетневой (турлучной, местн. «тыновой») технике довольно легкий каркас из близко поставленных стоек, скрепленных несколькими рядами горизонтальных жердей, вертикально заплетался прутьями, лозой, хворостом, а затем обмазывался сверху толстым слоем смеси глины с соломой (рис. 19). В украинских и русско-украинских селах Панкрушихинского района (пос. Борисовский, пос. Лебедиха), где большинство населения составляли столыпинские переселенцы, хаты-«плетенки» строили и в 1950-е гг.: «Вот [мужики] поедут в лес, там нарубят тонких жердей, приезжают до дому, распределяют, какую плетенку нам ставить, там на четыре метра, а ширина там три метра... Столбы забивают. Поставили эти столбы, а потом жерди, и плотно-плотно их прибивают к столбам к этим, и получается стена. И мы ее мазали целое лето. Несколько раз. Мы, наверное, шесть раз, шестой раз мы ее уже побелили. <...> Бабы только мажут, щикатурят. <...> Щикатурим на несколько раз, четыре, это точно, раза, толсто-толсто. И снаружи, и вовнутрь делаем. Пять раз помажем: глина, полова и вода, а пятый раз — уже глина с конским навозом, уже щикатурим под побелку — ну шоб она ровненька была, чтобы не было щелей»². В Омской области каркасная техника чаще использовалась при строительстве хозяйственных помещений. По данным похозяйственной книги, в с. Благовещенка Калачинского района Омской области в 1928–1931 гг. было распростра-

¹ Архив администрации Максимовского сельского поселения Шербакульского района Омской области. Д. 284.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Панкрушихинский район, пос. Борисовский. Прочуханова Н. Г., 1932 г. р.; Свидовская А. С. Адаптация украинских столыпинских переселенцев на Алтае (по материалам полевых этнографических исследований 2011–2015 гг.) // Материалы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых «Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей». Чита, 2016. С. 269.

Рис. 19. Фрагмент стены хаты. Турлучная техника. Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятьково. Материалы ИЭЭ 2012 г.

нено два вида построек: «плетеные» и «турлучные». В первой группе преобладали такие сооружения, как хлев (56 упоминаний), пригон (19), навес (16), сарай (11), клуня (5), свинарник (5), амбар (3), конюшня, курятник, дровник и дом (по одному случаю). Похожая ситуация сложилась и с турлучной техникой: также чаще всего ее применяли для строительства хлевов (63), амбаров (31), домов (30), сараев (23) и бань (10). Встречалась она и в описаниях таких построек, как заводи (5 раз), навесы (4 раза), избы (5 раз) и «скотские избы» (7 раз). Перечисленные сооружения, как правило, снабжались соломенной или пластыной крышей¹.

Настолько четкое разделение строительных техник свидетельствует, с одной стороны, о квалификации переписчика, а с другой — о существовании разграничений между ними в среде местного украинского населения. Турлучная и плетеная технологии были востре-

¹ Архивный отдел администрации Калачинского района Омской области. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1. Л. 147.

Рис. 20. Хата украинских первопоселенцев. Саманная техника. Фонд Музея истории, культуры и быта Одесского района Омской области. Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2013 г.

бованы у хозяев среднего возраста (30–50 лет), имеющих крепкое личное подсобное хозяйство.

Наибольшее распространение у украинских переселенцев Западной Сибири получили различные варианты глинобитной техники строительства жилища, при которой применялась «клеякая» глина без примеси песка, называемая «рыжей», «красной», «рудой», «коричневой» и расположенная под верхним, тонким в степной зоне региона, слоем почвы. Об этом свидетельствуют многочисленные глинобитные постройки, сохранившиеся в обследованных селах, письменные источники и воспоминания информантов. Так, жители с. Луковка (Панкрушихинский район, АК) вспоминают, что впервые увиденные украинскими переселенцами бревенчатые дома чалдонов вызвали несказанное удивление: «Люди живут в дровах — а мы под шнурочек!»¹

В селах современной Омской области вплоть до середины XX в. наиболее распространенным типом жилища были саманные хаты — одно- или двухкамерные строения из сырцовых (необожженных) кирпичей, скрепленных раствором глины (рис. 20). Из самана сооружали не только жилые дома, но и общественные постройки: «Клуб саманный, до войны начали строить, до 200 человек вмещал в себя;

¹ Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев... Ч. 2. С. 6.

сцена была, скамейки»¹. Распространение саманной техники в западных районах Алтайского края, по мнению информантов, связано с влиянием традиций не только немцев-переселенцев конца XIX — начала XX в., но и украинского населения: «Украинцы к саману вообще приспособленные были»² (цв. ил. 17, 26). Например, в Благовещенский район строительство из саманных кирпичей принесли столыпинские переселенцы, в частности основавшие с. Орлеан³. В центральной и юго-западной части Алтайского края саманные дома получили распространение с первыми партиями раскулаченных крестьян с Украины в 1930-е гг.⁴

Распространение саманного строительства в Западной Сибири с приходом переселенцев из южных губерний связывал и статс-секретарь А. Н. Куломзин в своем отчете о поездке в Сибирь в 1896 г.: «Распространение среди переселенцев саманных построек в возможно широких размерах представляется крайне желательным. В настоящее время жители многих поселков стремятся к возведению подобных строений, но начинания их во многих случаях кончаются неудачей, ввиду неумения их взяться за дело, так как с приготовлением саманного кирпича знакомы лишь выходцы из южных губерний»⁵.

Саманный кирпич обладал хорошими теплоизоляционными свойствами, очень важными в сибирских условиях, и был доступным и пожаростойчивым материалом, на что обращали внимание не только переселенцы, но и представители сибирской администрации. Об этом свидетельствует обнаруженный в материалах РГИА «Расчет на постройку саманного дома о двух комнатах, кры-

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Рыбалко Л. П., 1935 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Титовка. Калинович Т. В., 1942 г. р.

³ Щеглова Т. К. Использование глины, соломы, чащи, камыша, колья и других природных материалов в обустройстве сельской усадьбы и быта семьи в послевоенной деревне Алтая (1940–1950-е гг.) на лесостепных и степных территориях // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2013 г. Вып. 9. Павлодар, 2014. С. 266.

⁴ Щеглова Т. К. Переселенческое жилище на Алтае в первой половине XX века: типология, строительный материал и строительные традиции (по полевым материалам 1991–2006 гг.) // Алтайская деревня в первой половине XX века. Барнаул, 2007. С. 159.

⁵ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 46. Л. 48 — 48 об.

того соломою, моченой в растворе глины, площадью жилого помещения 98 кв. аршин», составленный крестьянским начальником IV участка Каинского уезда Томской губернии 11.04.1899. В документе приведен перечень материалов с указанием их количества и цен, а также содержится расчет стоимости работы на возведение указанной постройки. Например, цена 1000 шт. саманных кирпичей составляла по смете 10 рублей, тогда как одно березовое бревно «восемь аршин в длину и четыре-пять вершков толщиной стоило 50 копеек». Кроме того, в сопровождающей записке указывалось: «Постройка средней крестьянской девятиаршинной избы из саманного кирпича обойдется в 30–40 рублей, помимо заготовления необходимого лесного материала на балки, стропилы, косяки и двери, и оконные рамы. Постройка школы по плану саманной школы в поселке Князевский Тюкалинского округа обойдется в 140–150 рублей. Глина для выделки кирпича есть вблизи всех поселков, мастеров, которые могли бы изготовлять саманные кирпичи, а также возводить правильно постройки, также можно найти в достаточном числе»¹.

Саманные кирпичи делали вручную. Иногда, чтобы ускорить процесс, объединялись несколько семей² или собирали помочи³. За селом выбирали ровное место с тонким слоем дерна. ДERN снимали по кругу большого диаметра, перекапывали глину, добавляли в нее солому, воду, в некоторых случаях — жидкий навоз. Затем активно перемешивали полученную смесь ногами или с помощью лошадей: «Выкапывали яму, а этот черный верхний слой снимали на бока, а там уже рыжая глина идет или коричневая, и вот накопают прямо лопатой, наливают туда воды, коней загоняют и месют; а вот яма, а посередке ее оставляют островок, чтоб стоял человек, этих коней гонял. И вот месют, месют, и когда размешается глина, солому туда мелку или полову кидают и опять конями месют, и это смешается густое такое... Потом вилами оттуда выкидывают и носят»⁴. Затем с помощью специальных деревянных форм-станков собственного изготовления из полученной массы формировали кирпичи: «Формы

¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 46. Л. 83 об., 93.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Треус Т. Н., 1937 г. р.; Симон М. Е., 1931 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятково. Анощенко И. Л., 1931 г. р.

Рис. 21. Саманные кирпичи. Алтайский край, Поспелихинский район, с. Николаевка. Материалы ИЭЭ 2008 г.

были большущие. <...> Из досточек делали. Были и по два, и по одному кирпичику. Вот закладывают и натаптывают, и потом эту форму так сбивают, а этот саман остается, он высыхает»¹. «...Саманы на станках делали: были станки на один, два, четыре и шесть кирпичей. На шесть — самые требуемые были...»². «Ящики эти деревянные были, без дна. Кто как хотел, так и колотил, у каждого своя форма была. В эти формы бросать раствор нужно было, а не намазывать. Одну форму можно на несколько кирпичей использовать»³ (рис. 21).

В изготовлении самана часто принимали участие все члены семьи: подростки перемешивали раствор в ямах, мужчины заполняли специальные деревянные формы, женщины досточками тщательно утрамбовывали и разравнивали материал в форме, а потом быстро снимали форму за ручки. Чтобы раствор хорошо отставал, фор-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Треус Т. Н., 1937 г. р.; Симон М. Е., 1931 г. р.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Паршуткина А. Н., 1937 г. р.

му каждый раз споласкивали в воде¹. Для печных труб из такой же смеси делали кольца: «Кирпича не было, навели глину, месили сами — саман делали. Труб тоже нету — мать делала вот такие кольца как труба, сушила»². Саман сушили на месте изготовления около недели. За это время его несколько раз переворачивали, затем выкладывали в форме хорошо продуваемых ветром пирамид и после высыхания перевозили к месту строительства. В связи с этим информанты указывают на сезонный характер саманного строительства: «Такие дома нужно весной делать, чтобы до лета на солнце все хорошо высохло»³.

Стены возводили из самана в технике кладки, скрепляя ряды кирпичей раствором глины. Швы тщательно затирали на три раза глиной с добавлением навоза и мелкой соломы. Окон делали много, но небольших по размерам. Крышу изготавливали из камыша или соломы, пол был «земляной» (глиняный). По традиции внутри и снаружи хату белили белой глиной⁴ (рис. 22).

По данным похозяйственных книг, у украинского населения Одесского, Шербакульского и Калачинского районов Омской области с 1930-х по 1980-е гг. саманные дома составляли около половины всех жилых и хозяйственных строений. В с. Бреусовка Одесского района Омской области в 1928–1935 гг. переписчик зафиксировал 33 избы из самана и только одну деревянную. Кроме того, на подворьях у украинцев, жителей данного села, им были отмечены 42 саманных сарая и 3 амбара из самана. Деревянными были лишь риги, предназначенные для окончательной просушки и обмолота снопов⁵. Необходимость избежать сырости и конструктивные особенности риги не позволяли делать ее из глины или самана.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 5. Оп. 4а. История конференций. Д. 6. Новоселова В. С. Техника жилищного строительства украинцев с. Семеновка Славгородского района в I половине XX в. Л. 11, 12.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Панкрушихинский район, с. Зыково. Валуйских Д. Г., 1929 г. р.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Паршуткина А. Н., 1937 г. р.

⁴ Люля Н. В. Сохранность семейно-бытовых традиций в среде украинских переселенцев Алтая в 1910–1940-е годы // Международный продовольственный форум «Сибирское поле: от освоения целины до продовольственной безопасности страны». Барнаул, 2014. С. 213.

⁵ Архивный отдел администрации Одесского района Омской области. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1. 121 л.

Рис. 22. Кладка стены дома из саманного кирпича. Алтайский край, Благовещенский район, с. Яготино. Материалы ИЭЭ 2013 г.

Для обозначения саманных домов и построек в похозяйственных книгах мог использоваться также термин «торфяные», реже — «глиняные». В с. Благовещенка Калачинского района Омской области, по данным похозяйственной книги за 1928–1931 гг., было 35 саманных домов и 6 изб из самана, а также большое количество разнообразных хозяйственных построек: 52 хлева, 28 амбаров, 21 сарай, по 10 навесов, конюшен и кладовых, 5 завозов (в данном случае, судя по всему, имелось в виду пристроенное к амбару крытое помещение для телег и саней), 4 бани, 3 клуны, 2 свинарника и по одному дровнику, овчарне, погребу, кошаре и кузнице¹. В 1920–1940-е гг. крыши саманных построек чаще всего были покрыты дерном или соломой. Однако к 1970–1980-м гг. большая их часть уже была покрыта шифером. Например, по данным похозяйственных книг за 1980–1982 гг., в д. Путиловка и д. Елизаветинка Шербакульского района Омской области был 71 саманный дом с шиферной крышей, оставшаяся часть жило-

¹ Архивный отдел администрации Калачинского района Омской области. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1. 147 л.

го фонда приходилась на так называемые «колхозные квартиры», то есть кирпичные или блочные дома на два хозяина¹.

В ходе полевых исследований в некоторых селах Западной Сибири (Романовский, Пospелихинский, Кулундинский районы, АК; Карасукский район, НСО; Калачинский район Омской области) было зафиксировано сохранение до 1940-х гг. вальковой техники глинобитного строительства, традиционной для мест выхода украинских переселенцев. При этом стены выкладывали из вальков — сформированных руками из смеси глины с песком или мякиной комков цилиндрической формы длиной около 40 см. «Вальками выкладывали. Вальковали. Руками месили. <...> Бачила, что месили, вальковали. Ряд провалькують или два, она и сохне, она и сохне. С песком мешали. Солому не добавляли. Мусор, половку добавляли — это с пшеницы-то. Половку тильки добавляли»². Такой способ, безусловно, более трудоемок и длителен: «Замес конем сделают, валькуют и кладут в ряд, он сохнет неделю. На следующую неделю — еще ряд. И так месяц делают или все лето»³.

Самой распространенной техникой строительства глинобитного жилища вплоть до 1960-х гг. у украинского населения степных районов Новосибирской области и Алтайского края являлась литая: возведение стен из смеси глины и соломы с использованием временного деревянного каркаса-опалубки (рис. 23). Такой способ постройки был самым приемлемым в условиях рассматриваемого периода — наименее затратным и трудоемким и наиболее быстрым. По словам информантов, строительство литых домов занимало от одного дня (Романовский, Егорьевский, Пospелихинский районы АК) до нескольких недель (Карасукский район, НСО; Кулундинский, Панкрушихинский районы, АК) — значительно меньше, чем саманных и вальковых.

В ходе полевых исследований записаны многочисленные рассказы информантов о литье хат в 50–60-е гг. XX в., позволяющие реконструировать процесс строительства. «Лили» хаты летом в сухую и жаркую погоду. Наиболее подходящим временем начала строительства был выходной день: «Как выходной який в воскресенье,

¹ Там же.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Пospелихинский район, с. Березовка. Власенко Т. Д., 1927 г. р.

Рис. 23. Глинобитная хата 1950-х гг. постройки. Алтайский край, Романовский район, с. Дубровино. Материалы ИЭЭ 2010 г.

так обязательно где-то стройка открывается»¹. Чтобы «слить» дом за один день, нужно было 30–50 человек, поэтому «собирали помощь» («помочь») — звали родственников, знакомых, соседей. На строительство приглашали просто: «Топтать саман (хату) я приглашаю. Придешь?»² Информанты отмечают, что народ в то время был дружный, отказывать было не принято, а иногда приходили и без приглашения: «У нас вот як начнут тут, на нашей, примерно, улице, делают, тут вся улица и придет. Все идут просто»³. «Помогали нам соседи, родня, просто знакомые»⁴.

Традиции коллективной взаимопомощи проявлялись в отсутствие вознаграждения или платы за работу: «Не платили никому, зна-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Романово. Корецкий М. А., 1930 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Дубровино. Калашник И. Ф., 1929 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Романово. Корецкий М. А., 1930 г. р.

⁴ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Симон М. Е., 1931 г. р.

ли, что нам помогут и мы поможем»¹. При этом работавших на строительстве дома было принято кормить три раза в день. Завтрак и обед были легкими, за столы не садились, а перекусывали на ходу. Вечером устраивали коллективный ужин в честь постройки дома: «...В обед так покушали — и опять работать, а ужин потом до песен»². «Вечером хозяин сходит в магазин, возьмет бочкового вина — выпьют, покушают с помощниками — и по домам»³. «Редко водку пили раньше. Сразу бурду просто делали, и всё. Дрожжи, вода и сахар — и в теплое место, оно перебурлило все. Если жарко летом, то дней восемь — все и готово. В саманухе за день делались стены, и тогда три-четыре фляги — это пили после работы. Отмечали, о-о-о! Хозяина в грязи выкупают, в той глине, всего»⁴.

Приготовлением пищи для строителей дома занималась хозяйка. Ей помогали два-три человека — «там может кака девчущка, или старушка, или инвалид такой, шо, ну, не может там работать»⁵.

Возводили литые хаты, как правило, без фундамента — снимали первый слой почвы толщиной около 50 см, «...чтоб на рыжую землю, так сказать, [ставить] — ...там она как-то вся уже тверже, крепче»⁶. Первым этапом строительства была установка опалубки («обшивки»⁷, «формы»⁸) для будущих стен дома. Для этого по периметру будущей постройки в два ряда на расстоянии около 30 см друг от друга (толщина стены) вкапывали нетолстые столбы длиной не менее высоты будущего дома. С внутренней стороны столбов закрепляли доски таким образом, чтобы образовалась форма для заливки: «Потом сюда меж этих досок — солома, глина. Как натопта-

¹ Там же.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Романово. Рева В. Д., 1940 г. р.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Симон М. Е., 1931 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Закладное. Скубко Л. Н., 1936 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Романово. Корецкий М. А., 1930 г. р.

⁶ Там же.

⁷ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Дубровино. Ильяшенко М. П., 1935 г. р.

⁸ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Романово. Рева В. Д., 1940 г. р.

ли полные, то берем, подымаем уже эти доски выше»¹. Иногда каркас для заливки делали постоянным, в этом случае к столбам прибывали жерди².

Размер хаты зачастую зависел от размера досок для опалубки, которые могли передавать «из рук в руки»³. Самые распространенные размеры хат в 1950-е гг. — 8×4 м. Перегородку, разделявшую внутреннее помещение на две комнаты, могли «лить» из глины вместе с внешними стенами или устанавливать дощатую уже после их высыхания.

Материалом для строительства служила также повсеместно имевшаяся в изобилии в степных районах красная (рыжая) глина. Ее копали возле реки, пруда или использовали оставшуюся после строительства колодца, погреба: «Красная глина местная была: кто погреб себе копал, кто колодец — по-разному было» (с. Романово, Романовский район, АК)⁴; «А у нас тут глины много возле речки, и погреба же копали. Специального места не было. Глина вся красного цвета» (с. Дубровино, Романовский район, АК)⁵. Но чаще всего глину копали непосредственно около места строительства — во дворе будущего дома. М. А. Корецкий это объяснил экономией средств и сил: «Ну а на чем возить? Тогда ж техники не было, а самосвалы никто не видал даже. Всё вручную, всё вручную»⁶.

Для подготовки глиняной массы снимали дерн и верхний слой земли, глину перекапывали, добавляли в нее воду, привозимую на телегах и бричках в деревянных бочках к месту строительства из сельского пруда или реки. Двое-трое мужчин перемешивали

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Романово. Корецкий М. А., 1930 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2014 г.: Омская область, Горьковский район, с. Октябрьское. Кулик Е. С., 1936 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Дубровино. Гиливеря Д. П., 1939 г. р.; Калашник И. Ф., 1929 г. р.; Щеглова Т. К. Использование глины, соломы, щаци, камыша, кольев и других природных материалов в обустройстве сельской усадьбы... С. 263.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Романово. Рева В. Д., 1940 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Дубровино. Калашник И. Ф., 1929 г. р.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Романово. Корецкий М. А., 1930 г. р.

вали («расколачивали»¹) воду и глину до консистенции «сметаны»² или «как на оладьи»³ специальной «болтушкой»⁴ (другое название — «мотовыло»⁵), представлявшими собой доску шириной 25–30 см с длинной ручкой («держак»). Для строительства одной хаты приходилось копать две-три ямы, которые впоследствии хозяева дома постепенно засыпали мусором или золой.

Процесс литья стен чаще всего проходил следующим образом: в опалубку укладывали слой соломы по всему периметру, проливали его раствором глины с водой, а затем женщины и подростки утаптывали эту смесь ногами. Однако в некоторых селах (с. Дубровино, Романовский район; с. Титовка, с. Лебяжье, Егорьевский район; с. Ново-Петровка, Кулундинский район, АК) глину с соломой замешивали в яме и уже готовый раствор заливали в опалубку и утаптывали. Н. Г. Сиденко, 1937 г. р., так описывает процесс строительства литой хаты в 1950-е гг.: «Глину замесили жидкую, а потом туда насыпают („трусют“) солому — и пошли ногами месить, потом становишься на солому, а она проваливается, вот так по колено в глине, как месиво. Потом руками вот так набирали [глину], или лопатой, или вилами. И вилами берешь, только концы были не острые, а такие... с шишечками и толстые такие. А то были сделаны специально вилы, они не те длинные, что мы копним солому, а это вот как для глины брались, небольшие были, и ими удобно брать, клали [глину вилами] на носилки и ходили вываливали»⁶.

По словам П. И. Кирикилицы, готовую смесь глины и соломы не утаптывали вовсе (с. Сросты, Егорьевский район, АК). В опалубку высотой 0,5 м накладывали с помощью вил смесь глины и соломы, поднимали через два дня, когда подсохнет, и повторяли заново, пока не сделают стены нужной высоты: «А в конце, покамест [стены] сделают, они становятся вот такие [широкие] снизу, ведь низ

¹ Там же.

² Там же.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Лобанова В. И., 1939 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Корецкий М. А., 1930 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Лобанова В. И., 1939 г. р.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Сиденко Н. Г., 1937 г. р.

она [глина] давит, глина расходится. Топорами обрубают ее. <...> Топтать не надо. Она сырая, тяжелая, вилами бросают — она опалубку разжимает»¹.

Схожая технология строительства литых домов сохранялась до первой половины XX в. у украинцев Омской области: «Глину берут, значит, и красну можно, и желту, солому к ней добавляют. Лошадь потом это топчет, глину эту берут и закладывают между жердей, забивают ее, а потом начинают эту глину с внутренней стороны приглаживать, костяшками пальцев пристукивать, чтобы на глине как будто рубцы оставались. По-хохлацки это называется „кулачить“. „Кулачат“, чтобы второй слой держался на этой глине. После того как „покулачили“, надо „шпаровать“. Шпаровать — это второй раз глину толстым слоем накладывали и разглаживали. Потом третий слой, чтобы было ровно гладить и белить»².

Количество и размер окон зависели от желания хозяина. Для них во время литья стен «замечали» место, вставляя две сбитые под прямым углом доски. Образовавшийся проем после просушки расширяли до нужных размеров пилой или топором. Таким же способом оставляли место под двери. В селах Дубровино и Сидоровка (Романовский район, АК) при литье было принято сразу вставлять четырехугольный каркас по размеру будущего окна: «С досок сбивали, топчут, а потом поставили этот четырехугольничек, и глиной не заполняется»³.

Для просушки дома требовалось два-три месяца, после чего приступали к возведению крыши, укладке пола, установке окон и дверей. Для них использовалось дерево, приобрести которое в рассматриваемый период было трудно. Лес «доставали... кто как придумает»⁴. Случалось, что стены дома стояли несколько лет из-за отсутствия возможности приобрести необходимый материал.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Малая Шелковка. Кирикилица П. И., 1934 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2014 г.: Омская область, Горьковский район, с. Октябрьское, Кулик Е. С., 1936 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Сидоровка. Гавриленко Е. Д., 1927 г. р.; Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Дубровино. Калашник И. Ф., 1929 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Корецкий М. А., 1930 г. р.

Пол в глинобитной хате в зависимости от достатка хозяина был деревянным или «земляным» (глиняным). Доски для деревянного пола закрепляли на лаги — бревна или брусья, уложенные прямо на землю; для земляного пола насыпали и утрамбовывали влажную глину высотой около 25 см деревянными «трамбовками»: «Земляной пол делали — ...рыжую глину засыпают туда и... вот так вбивают и вбивают... немножко влажную»¹. После этого пол смазывали раствором глины с водой и коровьим навозом — «делали доливку». «Полов не было, доливкой звали. Как хату выльют, у середке помажут, а потом так землей — красной глыной засыплють, а потом мешаниной глины с соломой увальковываешь на четверть, приглаживаешь. Она высохнет. А потом мисишь глыну с конским назьмом и тоненько смазываешь пальца на три, и она сохнет. А когда уже жили — тогда разболтаешь, как сметану, коровское... [навоз] и тряпкой [смазывай], и все. Это в субботу обязательно»². «Пол глиняный был у нас: двое сенцев. Вымажут пол коровьим говном, беляка [белой глины] немного добавляют и мажут. Хочешь — травки нарви, постелешь, она па-а-хнет. Дня два полежит травка, и потом убираешь»³.

Регулярное промазывание пола смесью глины и навоза позволяло поддерживать в жилище приемлемые санитарно-гигиенические условия, что было довольно сложно из-за малых размеров жилища, больших семей и содержания зимой в хатах птицы, молодняка домашнего скота и даже коров⁴. «Под печью место было — пидпрыпище. Там зимою кур мы держали... Тамочко делали из палычок [палочек] таку [загородку], и то куры — каждая просовывалася, а туточко корм стоял, просовывалася и клевала вона... С палычок делали — из ракыты, из стеблей лозы»⁵. «Куры же под печкой были... потому что мороз, замерзало все. Корову в хату заводили доить. <...> Но зато весело. Чуть свет петух кукурекует. Все! Печку мать вытапливает, открывает, а они поют. <...> Поросят держали под печкою. Овеч-

¹ Там же.

² Архив ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, пос. Гавриловский. Игнатенко Н. Е., 1930 г. р.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2014 г.: Омская область, Горьковский район, с. Октябрьское. Кулик Е. С., 1936 г. р.

⁴ Марзеев А. Н. Жилища и санитарный быт сельского населения Украины. Харьков, 1927. С. 106.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Степаненко М. И., 1927 г. р.

ки были в хате привязанные, теленок, привязанный в уголку вот так вот. Черепушка для этого — оправляются же, как не успел, так на пол — мать уже подтирает. Продержали, тепло пошло мало-мало, в марте уже — на улицу, в пригон. И в войну так было, и после¹.

В хатах с деревянным полом копали погреб, служивший для хранения продуктов и для вентиляции. Дощатый пол даже в жилище зажиточных крестьян встречался редко, да и то только в районах, богатых лесом. Кроме того, его наличие в 1920–1930-е гг. было веским основанием для доноса соседей и раскулачивания.

Небольшие окна глинобитных хат снаружи традиционно оформлялись наличниками со ставнями: «Делали ставни, закрывали и даже в середке штырьки, заштопоряли гвоздичком или чем, ну, для того, чтобы никто не разбил окно, не залез в избу, ну вот как от воров вроде»² (цв. ил. 17). Однако в послевоенное десятилетие не все могли позволить себе изготовление ставень или наличников: «Ну, это как у хозяина достача какая есть. Кто делал наличники, кто глиной делает»³. «Сделать глиной» означало обвести оконный проем полосой желтой глины по белой стене.

Вокруг дома для утепления пола возводили завалинку (укр. *призбу*) шириной около 40 см: «С кирпича с такого, с каких-то отходов, кто из самана такие нарежет и сделает, и засыпает»⁴. На ней собирались на вечерние посиделки и пели песни. «А на улице призбочку сделаешь — люди приходят, садятся»⁵.

О времени распространения вариантов глинобитной техники в обследованных селах и причинах их выбора украинскими переселенцами мнения информантов расходятся. Так, отмечено, что в Поспелихинском районе (АК) до 1930-х гг. хаты чаще лили, нежели строили из вальков и саманных кирпичей. Жительница с. Ирбизино (Карасукский район, НСО) Е. Н. Харченко считает, что литые дома — самые старые в селе, и позволить их себе могли только «бога-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Сидоровка. Иващенко И. И., 1936 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Корецкий М. А., 1930 г. р.

⁴ Там же.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, пос. Гавриловский. Артюхова А. А., 1926 г. р.

тые»: «Они крепкие, литые... У такого — простенького человека — литый не будэ»¹.

«Ренессанс» традиционного глинобитного строительства в рассматриваемом регионе приходится на 1950–1960-е гг. Во-первых, к этому времени обветшало жилье, построенное в довоенный период, во-вторых, образовалось много молодых семей, нуждающихся в собственных домах. Практичность, быстрота строительства и дешевизна материала позволили многим потомкам украинских переселенцев обеспечить свои семьи новым жильем². Кроме частного строительства, на территории Омской области развернулось активное колхозное строительство жилищ из саманных кирпичей. В с. Лукьяновка Одесского района Омской области, по воспоминаниям информантов, была сформирована бригада, которая занималась производством самана и строительством жилья. Сначала дом складывали мужчины, потом начиналась женская работа: обмазывание стен глиной, побелка и снаружи, и внутри³.

В районах, где имелись водоемы с зарослями камыша, население, в том числе и украинцы, до 1960-х гг. строило «камышитовые» дома, используя каркасную технику: «Он [дом] и сухой был всегда, ниче не цвело в доме никогда»⁴. К тому же, по мнению информантов, в стене образовывалась воздушная подушка: «Она же все греет. Почему камышитовые дома самые дешевые и самые теплые? А потому, что там воздух между ними, как в окнах»⁵. Техника строительства жилищ из камыша получила распространение в Западной Сибири еще в первой половине XX в., а постройки из этого материала, возведенные в послевоенное время, во многих степных селах остаются жилыми до сих пор (рис. 24).

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, с. Ирбизино. Харченко Е. Н., 1924 г. р.

² Свидовская А. С. Строительство глинобитного жилища потомками украинских переселенцев Романовского района в 1950–1960-е годы (по полевым материалам 2010, 2014 гг.) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2014 г. Вып. 10. Барнаул, 2015. С. 168.

³ Новикова Ю. С., Чернова И. В. Материальная культура украинского населения Омского Прииртышья (по материалам этнографических экспедиций 2011–2013) // Культурологические исследования в Сибири. 2013. № 2 (41).

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район с. Ирбизино. Ушакова В. Ф., 1936 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, г. Карасук. Шуст В. Н., 1931 г. р.

Рис. 24. «Камышитовые» колхозные дома. Алтайский край, Романовский район, с. Дубровино. Материалы ИЭЭ 2010 г.

Технику возведения «камышитовых» домов подробно описывают потомки украинских переселенцев – жители Курасукского (НСО) и Панкрушихинского (АК) районов, фрагментарные сведения об этом содержатся в интервью, проведенных на территории Омской области. Камыш заготавливали вручную зимой или поздней осенью «в лягах» или на озерах. Летом начиналось само строительство: по периметру будущего дома вкапывали деревянные столбы. «Тогда не было цемента, чтобы фундамент залить какой-то, так закапывали столбы, где будут двери и прочее все. Вот такие столбы круглые, ну, диаметром 10–15 см. А потом где будут окошки – там столбики эти закапываешь»¹. Затем делали обрешетку – горизонтально набивали жерди (рейки) с внутренней стороны хаты, ставили камыш, связанный пучками, вертикально и забивали с внешней стороны.

Для дражирования² стен в связи с отсутствием древесины использовали лозу. Стены обмазывали несколько раз раствором глины, сначала с соломой, потом с «половой» (мякиной), чтобы было ровнее.

Интересно, что технику, подобную возведению стен камышитового дома, в селах Карасукского района НСО (с. Ирбизино) использовали даже при сооружении трубы на крыше хаты: «Тогда и трубы были мазанные такие... Делали столбчики четырехугольные, а потом тут поперечины прибивались и обивалось камышом, и опять же так же мазали, в середине и сверху... обмазывали»³.

¹ Там же.

² Дранка – тонкая деревянная планка для обивки стен и потолка под штукатурку.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Харченко Е. Н., 1924 г. р.

В 1950–1960 гг. в озерной зоне Алтайского края было организовано массовое колхозное и совхозное строительство жилья из камыша. Для этого создавались предприятия по производству камышитовых щитов (Романовский район, АК) или бригады для заготовки камыша с использованием техники (Волчихинский район, АК). Технология возведения стен отличалась от традиционной только тем, что использовали готовые камышовые щиты, обшивали каркас длинной тонкой рейкой и штукатурили¹. Такие дома часто строили двухквартирными, крыли шифером (рис. 24). В Омской области подобные дома не пользовались популярностью, хотя в некоторых районах были построены как раз в рамках колхозного и совхозного строительства. «Камышовые дома» делают из плит-обвязок — это доски, между которыми заливают смесь из камыша и стружки... Закладывали стенки с камышом, перемешивали его с цементом и песком, выкладывали в специальные корыта. Дома-то вообще холодные, но дешево².

Несмотря на неизбежность «осибириячивания», украинские переселенцы конца XIX — начала XX в. долгое время сохраняли привычный для себя традиционный уклад семейной, хозяйственной и общественной жизни, свои этнокультурные особенности. Но там, где была возможность приобрести строительный лес, украинцы довольно быстро воспринимали приемы строительства бревенчатого жилья. Так, в приборовой и лесостепной зонах Алтайского края (Панкрушихинский, Егорьевский, Волчихинский, Романовский районы) украинские переселенцы уже в начале XX в. строили деревянные срубные дома. У украинского населения северных районов лесостепной и южнотаврической зоны Омской области были широко распространены также рубленые просторные двухкамерные пятистенники с деревянным полом. В таких домах были большие оконные проемы с резными ставнями, стропильная четырехскатная крыша, покрытая тесом³.

¹ Щеглова Т. К. Адаптационные возможности крестьянской переселенческой культуры в селах западного степного и лесостепного Алтая: традиции и новации в 1930–1950-е гг.: на примере каркасного жилища // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул, 2013. С. 68.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Бережная Е. Ф., 1926 г. р.

³ Новикова Ю. С. Строительство и архитектура украинских переселенцев Омского Прииртышья // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект. Владивосток, 2013. С. 339.

В похозяйственных книгах деревянные жилища встречаются начиная с конца 1920-х гг., но количество их в этот период было небольшим. Оценивались деревянные и бревенчатые дома и избы всегда высоко, особенно ценными были бревенчатые жилища: так, величина страховой оценки избы в 32 м², по данным похозяйственных книг 1928–1929 гг., составляла 172 рубля¹. Однако чаще всего из дерева в этот период строили хозяйственные постройки, предназначенные для складирования инвентаря, а также для хранения и переработки сельскохозяйственных продуктов, — риги и амбары. В с. Благовещенка Калачинского района Омской области переписчиком были зафиксированы также две ветряные деревянные мельницы².

Но особенно активизировалось строительство срубного жилища украинским населением в 1950–1960-е гг., после образования лесхозов, продававших лес для строительства³, и совхозов, выдававших заработную плату наличными деньгами. Но и деревянную украинскую хату, по словам информантов, отличали стены, обмазанные и выбеленные глиной, побеленная печь. «Украинцы всегда аккуратнее были, свои дома обмазывали, да и еще белили. А русские дом строят и бревна голые оставляют»⁴. «Все были беленые раньше хаты, все было белое. Вот украинские когда показывают хаты, так и делали раньше»⁵.

Опрошенное в ходе полевых исследований украинское население степных и лесостепных районов подчеркивало такие положительные свойства глинобитного жилища, как особый («легкий») воздух, комфортная температура в зимнее и летнее время («тепло зимой, прохладно летом»), дешевизна, однако лучшими в сибирских усло-

¹ Архивный отдел администрации Калачинского района Омской области. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1. Л. 54 об. — 55.

² Там же.

³ Люля Н. В., Дивнич С. Е., Мананникова П. Е. Украинские переселенцы Егорьевского района Алтайского края (по полевым материалам исследований в с. Сросты и с. Титовка) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2013 г. Вып. 9. Павлодар, 2014. С. 170–171.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Мясенко И. К., 1937 г. р. Цит. по: Прохорова Е. А. Сохранность этнической культуры украинского населения Романовского района Алтайского края в XX веке (по полевым материалам 2010 и 2013 гг.) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2013 г. Вып. 9. Павлодар, 2014. С. 213.

⁵ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2014 г.: Омская область, Горьковский район, с. Октябрьское. Кулик Е. С., 1936 г. р.

виях признавало деревянные дома. Многие информанты объясняли широкую распространенность глинобитного жилища во второй половине XX в. нехваткой строительного леса или денег на его приобретение: «Ну если у нас есть возможность, может, мы из дерева сделаем, а нет — значит, льем из глины с соломой вот этот саман, кто как мог»¹. «Дома раньше в Демьяновке были глиняные, редко когда рубленые. Леса не было, вот пни там, чащоба. Строго раньше было на счет леса. Потом начали привозить из других деревень дома рубленые, на полозьях таскать»².

Крыши домов в селах Западной Сибири стали крыть шифером или кровельным железом в 1950–1970-е гг. До этого украинское население использовало те же материалы, что и для укладки стен, — дерн, солому, камыш, глину, нестройовой лес. Для глинобитных хат и хозяйственных построек традиционно использовали солому или, если поблизости были озера, камыш, причем информанты указывают, что камышовые крыши были более долговечными³.

Техника укладки камыша и соломы была сходной. Солому и камыш укладывали связанными в пучки⁴ («острижки»⁵, «снопы»⁶) рядами снизу вверх. Солому использовали пшеничную, длинную. М. И. Сайкина вспоминала, что после раскулачивания питались зерном, которое оставалось в снопах на крыше: «Пригоны крыты соломой булы — снопы с пшеницы косылы и вязалы снопы и колоски там, а тоды, як раскулачили, ходили мы и питалыся этим — крышей их-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Титовка. Калинович Т. В., 1942 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2014 г.: Омская область, Горьковский район, с. Октябрьское. Кулик Е. С., 1936 г. р.

³ Щеглова Т. К. Переселенческое жилище на Алтае в первой половине XX века: типология, строительный материал и строительные традиции (по полевым материалам 1991–2006 гг.) // Алтайская деревня в первой половине XX века. Барнаул, 2007. С. 160.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Арендаренко Е. Я., 1937 г. р.; Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Константиновка. Котикова Н. М., 1945 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Романово. Корецкий М. А., 1930 г. р.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Сидоровка. Сайкина М. И., 1924 г. р.; Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Харченко Е. Н., 1924 г. р.; Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятьково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.

Рис. 25. Литая хата с камышовой крышей 1950-х гг. постройки. Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Материалы ЭЭ 2015 г.

ней. Снопам укладаны и глыной свэрху заливалы, и таки крепки. Ото таки богати булы люды. Снопам укладуть, а потом глиной заливают их, а там тоди як стали раскулачивать, о то ж стали бросать»¹.

Камыш для кровли жали серпами, связывали в снопы, привозили домой и сушили во дворе, расставив рядами: «У нас отец был мастер по этому делу. Накосят, снопы свяжут, привезут. Выбирали камыш, который помельче, чтоб не большой, а такой молодняк, потому что он не сильно высокий и не толстый»². Укладывать камыш непосредственно на крыше приглашали мастера, поскольку при некачественной работе крыша могла протекать: «Крыша обрешечена, все сделана... стропильная. Яму выкопают, воды и глины намешают, эти снопы туда, в воду, обмакнут, пропитывают этой глиной и деревянные такие вилы... И подают сюда, на крышу, а там сидит мужик — и пошел: и кладут, кладут вот так вот друг на друга, чтобы когда вода будет течь, то она вся стекла. <...> Начинаешь, корни кладешь вниз и пошел, пошел, пошел доверху... Под корень крыта крыша. Глина как присохнет, так и не оторвешь»³ (рис. 25).

В некоторых селах крыли крышу соломой «под грабли» (пос. Лебедиха, пос. Черкасский Панкрушихинский район; с. Романово Рома-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Сидоровка. Сайкина М. И., 1924 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятыково. Трухачева Т. Е., 1939 г. р.

³ Там же.

новский район, АК): «Ну вот граблями принимают [на крыше] и кладет, кладет, кладет, граблями берет ее и прижимает, прижимает аккуратно, так и получается красиво и ровно»¹; «...Соломой крыли толщиной полметра, так укрывали, под грабли, что вот любой дождь и оно стекало, как с шифера»².

Кроме того, переселенцы в селах Алтайского края укрывали крыши «внатруску» — насыпали ровным слоем и утаптывали. Потомки переселенцев рассказывали: «Солому начинаешь прям из-под низу класть. Кладешь ее широко, толсто. Ходишь по ней и кроешь, кроешь, утаптываешь кругом»³. Для усиления прочности и непромокаемости крышу обязательно поливали жидкой глиной⁴. Если слои не проливали глиной, то их фиксировали рейками⁵ (рис. 26). В 1930–1940-е гг. солому редко поливали глиной, так как, по словам информантов, такие крыши могли понадобиться в качестве запаса корма для скота весной или в случае недостатка кормов⁶.

В 1950–1960-е гг. солома все еще оставалась распространенным материалом для кровли, но ее укладывали снопами около 30 см в обхвате уже на стропильную конструкцию из березы, осины, реже сосны. Первый ряд привязывали к обрешетке травой. Его делали из камышовых снопов — «острижек», более прочных и длинных. Иногда для прочности соломенную крышу, как и ранее, обливали глиной⁷.

¹ Там же.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.

³ Бабичева Е. А., 1919 г. р., с. Хлопуново, Шипуновский район, Алтайский край. Цит. по: Щеглова Т. К. Переселенческое жилище на Алтае в первой половине XX века: типология, строительный материал и строительные традиции (по полевым материалам 1991–2006 гг.) // Алтайская деревня в первой половине XX века. Барнаул, 2007. С. 160.

⁴ Щеглова Т. К. Переселенческое жилище на Алтае в первой половине XX века: типология, строительный материал и строительные традиции (по полевым материалам 1991–2006 гг.) // Алтайская деревня в первой половине XX века. Барнаул, 2007. С. 160.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Невзгодова Е. М., 1929 г. р.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятково. Трухачева Т. Е., 1939 г. р.; пос. Борисовский. Прохуханова Н. Г., 1932 г. р.; Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Корецкий М. А., 1930 г. р.; с. Сидоровка. Петечел Л. К., 1940 г. р.

⁷ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Корецкий М. А., 1930 г. р.

Рис. 26. Встреча солдата. Фото у глинобитной хаты. 6 апреля 1956 г. Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Семейный архив М. И. Степаненко, 1927 г. р. Материалы ЭЭ 2015 г.

Земляные хаты накрывали пластами дерна, иногда смазывая его смесью глины и соломы, чтобы не протекало. По воспоминаниям С. В. Бесчеремного, на земляную крышу рассыпали просо, чтобы она дольше служила: «Землей засыпали, а потом просо было, и посыпали просто, и потом она росла и срасталась, чтоб дождь не размачивал»¹. В конце 1940-х гг. в с. Кулунда (Кулундинский район, АК) и с. Семёновка (Славгородский район, АК) еще сохранялись мазанные глиной крыши. Они были пологими, на один или два ската. Хаты, обмазанные глиной («мазанки», как называли их в селе), с крышами из глины, были непривычны для приезжих: «Мы ж жили — тайга рядом, а тут приехали — одни степи, и даже крыш нету. Не было крыш на домах. Мы идем с вокзала с матерью, я говорю: „Тут че, пожар, что ли, был?“ А она говорит: „Да нет, тут так строят“. Мне ж интересно было»². Эту особенность подметил и А. Н. Куломзин во время уже упоминавшегося путешествия по Сибири: «...Вообрази, когда я въе-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Титовка. Бесчеремный С. В., 1926 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Станкевич Т. М., 1938 г. р.

Рис. 27. Саманная хата. Первая половина XX в. Алтайский край, Благовещенский район, с. Ягодино. Фонд школьного музея. Материалы ИЭЭ 2013 г.

хал в первую деревню, то подумал, что она разорена, — вся почти без крыш. Потом увидел, что таков обычай — крыши в подражание киргизам плоские. Так безопаснее — меньше горят. Потом здесь большие ветра»¹ (рис. 27).

В конце XIX — 60-х гг. XX в. планировка глинобитного жилища украинского населения на территории Западной Сибири оставалась традиционной. Хаты состояли большей частью из двух жилых помещений: «хаты» и «дальней хаты» (АК, НСО) — или передней (здесь располагалась горница или кухня) и зала² (Омская область) с литыми, плетеными или тесовыми сенями, часть которых, как правило, была отделена перегородкой, использовалась для хранения утвари, продуктов и называлась «кладова» или «чулан». В зимнее время для хранения дров и другого топлива для печи к сеням пристраивали «ка-трагу» (навес), представлявшую собой сооружение в виде шалаша из жердей, покрытых соломой (с. Ирбизино, Карасукский район, НСО)³.

«Земляной» пол в глинобитных и плетеных хатах каждую субботу и особенно к праздникам «поновляли» — делали «долывку», растирая по его поверхности рукой или тряпкой раствор глины с водой и

¹ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 201. Л. 11.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Мозерова С. Т., 1951 г. р.; Зуева Е. А., 1940 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Стасевский В. П., 1957 г. р.

коровьим навозом («коровяком»). Иногда тем же раствором подводили плинтуса. Для поддержания пола в чистоте на зиму специально заготавливали глину: «Глину заготавливали на зиму... пид забором где-нибудь высыпять, а тоди наковыряють»¹.

Летом на полу рассыпали («трусіли») пахучую свежую траву (мяту, чабрец и др.), а зимой — солому, «потому что встанешь на доливку — и ноги мерзнуть, и по соломе ходишь... Убирают ее и печку вытопят, и другой заносят»². Особенно тщательно убирали и украшали хату перед Троицей: «На Троицу приберешь, побелишь, штор не было, с газетки я, было, навыврезаю из газеты шторы, [пол] смажешь, пойдешь травы нарвешь, зеленой, пахучей, затрусишь, веток наломаешь всяких и в хате натыкаешь. Ой, зайдешь, пахнет — красота!»³ В районах Омской области подобная картина наблюдалась и в будни: «В кухне — стол, лавки... Шторы делали из газет, позже шторы были выбитые на машинках... На Троицу траву косили и стелили на пол, березу тоже стелили»⁴. Со временем для украшения хаты к празднику стали использовать не только березу, но и тополь, клен.

В 1950-е гг. традиция еженедельного посыпания пола травами и соломой исчезает, оставаясь частью только праздничного убранства. В. В. Сизова, 1954 г. р., рассказала, что в детстве на Троицу спали на полу, посыпанном травами: «На Троицу рвали траву — чабрец, богородскую, всякую, посыпали, и бабуля стелила потом на травку такие редюшки, и спали так. Это так на Украине, она говорила, что с самого детства так спали на Троицу»⁵.

Отличительной особенностью украинского срубного жилища, как и изб южнорусских переселенцев, были обмазанные глиной снаружи пазы бревен или все бревно целиком, нередко беленые. Сруб-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Степаненко М. И., 1927 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Харченко Е. Н., 1924 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Дубровино. Ярошенко Н. И., 1935 г. р.; Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, пос. Гавриловский. Артюхова А. А., 1926 г. р.; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Зуева Е. А., 1940 г. р.

⁴ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Зуева Е. А., 1940 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Сизова В. В., 1954 г. р.

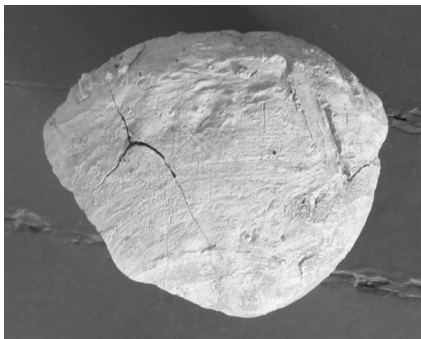

Рис. 28. «Голова» белой глины. Новосибирская область, Карасукский район, с Белое. Музей Беленской МБОУ СОШ. Материалы ЭЭ 2015 г.

ные украинские «хаты», как правило, имели деревянные полы, изнутри были непременно заштукатурены и побелены. Жительница с. Романово (Романовский район, АК) М. И. Ковтун, 1917 г. р., подчеркивала это отличие украинских переселенцев от южнорусских, которых в селе называли кацапами: «У нас мазали, а вот не знаю, шо за люди булы, кацапы яки-то булы.... у них не мазали було... они говорили: „Ты туды его леп, а оно оттуда — шлеп“»¹.

Снаружи стены хаты белили каждый раз после обильных дождей, внутри — к наиболее значимым религиозным праздникам, обязательно к Рождеству, Пасхе, Троице. Постепенно утвердилось правило белить и к советским праздникам (7 Ноября, Новый год и т. д.). Вплоть до недавнего времени многие украинские женщины предпочитали белить белой глиной. По их словам, по извести «белить тяжело». В каждом районе существовали известные всем глинища — места, где копали белую глину². За ней женщины специально ездили группами (в тяжелые годы — на быках, коровах) или покупали у особо предприимчивых односельчан, заготавливавших глину комочками и продававших по окрестным селам. Каждая уважающая себя хозяйка имела «про запас» на чердаке скатанные в шары высушенные комочки («головы») белой глины (рис. 28). Ее использовали в течение года не только для побелки стен, но и для еженедельного «подбеливания» печи. Это правило, по словам информантов, также отличало их от русских старожил.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Дудук А. Р., 1930 г. р.; Чернявская Н. Н., 1935 г. р.

По воспоминаниям информантов, в 1950–1960-е гг. еще сохранялась традиция расписывать стены, печь, потолок хаты. Обычным способом в украинских селах Кулундинского, Пospelихинского районов Алтайского края, Одесского района Омской области в этот период являлось нанесение изображений с помощью традиционных природных красителей — цветной глины и сока растений (например, лопуха)¹; применяли также «синьку» — краситель фабричного производства, применяемый обычно для подкрашивания извести при побелке. В качестве штампа использовали разрезанную пополам картофелину, на срезе которой ножом вырезали контур цветка: «Разрезали наполовину картошку, вырезали на ней цветок, макали в синьку и оставляли отпечаток на печи. Кто умел рисовать — рисовали петухов»². «Стояла так печь и отсюда топилась, я вот побелю ее, глина белая была... Подбелю и потом вот так картошку прорежу цветочком и вот сделаю глину с коровяком и цветочки на печке сделаю... — ну вот где печку топишь, а тут вокруг цветы сделаю»³.

Очень популярным в 1950-е гг. стала имитация настенных ковров с помощью того же приема нанесения рисунка: «Ковры делали около койки. Наводили эту глину, яичко туды, маленько сыворотки разболтаешь и щеточкой, что щас белим, подведешь, смажешь, а потом рисуешь: с лопуха зеленый цвет, с белой глины цветы. У картошечки вырежешь так, такие вот цветочки, и мажешь — тут зелененький, середочку беленькой»⁴. Иногда для нанесения рисунка использовали простую ткань: «А потом берешь тряпочку круглую побольше, макаешь в желтую глину и вот так — раз, потом промежут — раз, и оно как цветочки получается»⁵.

В глинобитных и деревянных «хатах» украинских переселенцев обязательно имелась русская духовая печь — «пичь», сложенная преимущественно из сырцового кирпича. В ходе полевых исследований были записаны единичные воспоминания о возведении украинским

¹ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 391.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Шеленберг Г. П., 1929 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Курилко В. П., 1939 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Пospelихинский район, пос. Гавриловский. Игнатенко Н. Е., 1930 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

Рис. 29. Форма для изготовления кирпича. Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. КРКМ 275. Материалы ЭЭ 2014 г.

населением глинобитных печей — «по-сибирски»¹, распространенных в среде русского населения региона (с. Зятьково, Панкрушихинский район; с. Малая Шелковка, Егорьевский район, АК)². Кирпичи для печей до 1960-х гг. во многих обследованных селах украинцы делали сами, используя специальные деревянные формы — «станки» в виде рамы с ручкой и, как правило, двумя ячейками. По форме такие станки были сходны со станками для изготовления кизяка, но имели дощатое дно (рис. 29). «Кирпич делали в формах, где-то 12 сантиметров ширина и где-то на 30. Эти были с дном, только чуть-чуть заметный покатик был... Круто замесют глину, прям в ямах топтали... делали из глинистого песка. Сняли два слоя и черную землю, теперь глину сняли, и вот это уже остается — уже глинястый песок. Мы копали лопатой, копаем и заливаем воду. Вот ряд прокопали — налили, теперь опять ряд прокопали, опять налили, на штык лопаты, а потом месим ногами. Промесили хорошо, чтоб была тверда, такая тугая глина, комки прям аж лепили с нее, и набиваешь в эту форму. Вот набили эту форму, потом берется такая деревянная рейка. Этой рейкой деревянной так раз — верх снимаешь и идешь, чтоб ровная была площадка, и на этой площадке вываливаешь, и сохнет. Это мы уже делали. По два кирпича были формы. И длинная она была такая, ну где-то, наверное, сантиметров 60. И берешь, несешь — тяжелые были! Девчонкой я с мамой делала. Раз — перевернул, поднял, вывалил, и несколько рядом. Форму водой смачивали. Где-то 360 кир-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, г. Карасук. Перепончик Т. И., 1927 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зыково. Валуйских Д. Г., 1929 г. р.; ИЭЭ 2013: Алтайский край, Егорьевский район, с. Малая Шелковка. Кирикилица П. И., 1934 г. р.

пичей надо было, чтобы печку сложить. Я замуж выходила — это в 1958 году делала. Вышла замуж и строились, [кирпич] не обжигали, прям таким же сырцом выкладывали, только ставили на ребро, не плашмя, а на ребро... ну чтоб тепло было — печка быстрее нагревалась. В один кирпич делали. Мазали [печь] глиной и белили¹. «Делали кирпич, сырец его называли: глину, и воду, и навоз заливали в форму и сушили»². В селах Панкрушихинского района (АК) строили печи, используя одновременно сырцовый и самостоятельно обожженный кирпич: «Печь в доме обязательно делали, кирпич выжигали, сами выжигали, вот с красной глины, а вот еще с сырца, вот если его не выжигали, то называли его „сырец“. Так вот стены выкладывали из сырца, а уже сам под, ну вот эту дугу, — из красного кирпича, делали такие дуги из железа — одна, две, три, и вот так клали кирпич — раз, раз, чтоб получилось кольцом»³.

Печь ставили на землю в хатах и с глинобитным, и с деревянным полом: «На полу ее нельзя ставить, потому что пол туда-сюда может, а там выкапывали до твердого, и ставили — кирпич выкладывали»⁴. Располагаться «пичь» могла слева, как на Украине⁵, справа от входа в ближайшем углу устьем ко входу (украинско-белорусский план) или в дальнем от входа углу устьем к противоположной стене (западный южнорусский план)⁶.

Русское население обследованных сел часто отмечает особенно большие размеры печей в украинских хатах: «Хохляцкие печи были большие, в печах они стряпали хлеб большой...»⁷ Другой особенностью было убранство печей — наличие занавесок над устьем и «под пичью» или дверцы, закрывающей устье, а также занавески, закрывающей дымоход.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Сиденко Н. Г., 1937 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Зуева Е. А., 1940 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.

⁴ Там же.

⁵ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 230.

⁶ Традиционное жилище народов России: XIX — начало XX в. М., 1997. С. 38.

⁷ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Луковка. Моковозова Г. Г., 1939 г. р.

В пространстве под печкой («под пичью») в первой половине XX в. повсеместно в селах Западной Сибири украинские переселенцы в зимнее время держали кур.

С середины XX в. в украинских хатах обязательно возводили грубки («грубы»), пристроенные вдоль длинной стороны печи или отдельно стоящие в «дальней хате», часто топкой выходящие в «первую хату». Между «грубой» и стеной, как правило, оставляли небольшое (около 80–100 см) пространство, называемое «заковелок».

По воспоминаниям информантов, в хате между боковой стеной печи и дальней от входа стеной на уровне лавок устраивался широкий деревянный настил для спанья — «пол», «полик», «пил». Часто его делали съёмным, расстилая доски на деревянные чурки или специально сделанные «kozy» только на ночь: «А потом на козлах полки делали. В хату заносят, досок наложат — вот тебе и кровать. Соломенный матрас — это вся кровать»¹. «А еще ставили полики — между печкой в горнице и русской печью. Стелили на полики матрасы из соломы»². В некоторых семьях были и деревянные кровати, их устанавливали в дальней хате.

Для хранения одежды в украинских семьях имелись большие деревянные ящики (укр. *скрыня*; рис. 30; цв. ил. 18): «Нижнее белье складывалы... скрыня була. Делалы самы из лесу да куплялы... Бул ящичек, туды ленты клалы, — прискрынок»³. Повседневную одежду вешали на гвозди, вбитые в стену хаты, или на шесток, который располагался над поликом: «И вот над этим поликом висела вот такая длинная — шесток, куда вешали одежду, рубашки — на всю длину, под потолок, на крючках так, и вложена деревянная палка»⁴.

Центральным местом в хате был «святой угол». В жилищах с двумя комнатами — хатой и дальней хатой — иконы были в обеих. В первой из них под «святым углом» стоял стол, а место соединения лавок, идущих за ним вдоль стен, называли «покуть». В «святом

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятково. Трухачева Т. Е., 1939 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Зуева Е. А., 1940 г. р.; Шеленберг Г. П., 1929 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Карасукский район, с. Белое. Степаненко М. И., 1927 г. р.; Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Гилев Лог. Химочкина П. А., 1932 г. р.; Буценко Е. Ф., 1934 г. р.; Адлер М. Е., 1946 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

Рис. 30. Скрыня-стол. Алтайский край, Романовский район, пос. Тамбовский. Семейный архив У. П. Тарабарка, 1929 г. р. Материалы ИЭЭ 2010 г.

углу» «дальней хаты» часто размещали две полочки — «божнички» для икон — одна под другой. В «святом углу» вешали также зеркала, картины религиозного содержания, лампадки, ставили веточки вербы. Сегодня в домах информантов можно видеть также отрывные календари, салфетки, фотографии детей, даже вырезки понравившихся иллюстраций из журналов (рис. 31).

Устойчивой в среде потомков украинских переселенцев является традиция убранства икон в «святом углу». Как и русское население, они вешали на иконы белые льняные или конопляные домотканые вышитые рушники. Для украинцев было типично расправлять концы рушников с помощью деревянного прута (веточки), закрепляя его с изнаночной или лицевой стороны поперек полотна. «На самые иконы надевался рушник, но он, рушник, обязательно надевался, а тут шоб он развернутый был: вставляешь палочки, натягуешь, иначе он же сомнется»¹. Этот способ фиксируется и у русского переселенческого населения в некоторых районах Алтайского края (Новичихинский, Усть-Калманский районы).

Украинские традиции проявляются и в орнаментации полотенец. Традиционные белые рушники украинских переселенцев в селах Западной Сибири отличаются многоярусной орнаментальной композицией, вышитой на основном полотне в техниках простой и двойной крест по счету нитей холста красной и черной хлопчатобумажной нитью — «бумагой», или «заполочью». Характерным ор-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Сизова В. В, 1954 г. р.

Рис. 31. «Святой угол» в украинской хате. Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Материалы ИЭЭ 2010 г.

наментом украинской вышивки являются растительные мотивы — ягоды, цветы роз, лилий, фуксий, изображенные в реалистичной манере в виде кустов, мелких и крупных бордюров. При этом наиболее крупный бордюр располагается, как правило, в нижней части, меньший по ширине — в верхней (цв. ил. 19). Встречается изображение «вазона» в центре верхнего или среднего бордюра, ряда птиц (петухов или пав) в качестве завершения композиции. На украинских полотенцах, как и на русских, часто вышиты монограммы, полные женские имена, тексты пословиц, поговорок, пожеланий (цв. ил. 20).

Традиционным для украинского населения и распространенным в первой половине XX в. способом убранства «святого угла» являлось обрамление икон «божниками» — белыми льняными или конопляными домоткаными полотенцами, отличающимися от обычных рушников меньшей шириной (около 20–25 см) и расположением вышивки не только на концах, но и по одной из длинных сторон полотна (цв. ил. 21). В ходе полевых исследований были выявлены также «божни-

Рис. 32. Убранство «святого угла» в хате Т. Д. Власенко, 1927 г. р. Алтайский край, Поспелихинский район, с. Березовка. Материалы ИЭЭ 2008 г.

ки», изготовленные аналогично тканым красно-белым «королевским» рушникам (цв. ил. 22–23).

В ходе полевых исследований в хатах потомков украинских переселенцев удалось увидеть на иконах занавески или шторы в виде трех полотнищ обычно фабричной ткани: двух расположенных вертикально, одной поверх них горизонтально; занавески, скроенные или сшитые в виде буквы «П» («штаны Божьи») из цветной фабричной ткани или вышитые по белой ткани цветными нитками; полотенца из фабричной полотенежной ткани, чаще вафельной с набивным рисунком (рис. 31–32). Аналогичные способы убранства «святого угла» встречаются также, хотя и значительно реже, в домах русского сельского населения Алтайского края, обычно у потомков южнорусских переселенцев.

Неотъемлемым элементом убранства украинской хаты являлись фотографии близких родственников — «портреты», как правило, заключенные в одну большую раму под стекло. Во многих семьях они сохраняются до настоящего времени (рис. 33). По сведениям информантов, на них вешали рушники перед большими христи-

Рис. 33. Фотографии в украинской хате. Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Материалы ИЭЭ 2008 г.

анскими праздниками — Рождеством, Пасхой, Троицей. В некоторых семьях рушники не снимали и в будни. Сегодня вышитые полотенца мы видим на портретах в тех семьях, где женщины занимаются рукоделием — вышивкой, вязанием кружева.

Еще одним способом убранства «хаты» в дни православных праздников были «королевские» (цв. ил. 23) и белые вышитые рушники (цв. ил. 19–20), развешанные на вбитые в стены деревянные колышки.

Таким образом, традиционными приемами убранства «хаты» украинских переселенцев и их потомков в селах Западной Сибири в будни являлись чисто выбеленные стены и печь, свежевымазанный красной глиной «земляной» или чисто вымытый деревянный пол, рушник или «божник» на иконе в «святом углу», а также лавки, нередко покрытые самоткаными «покрывальцами». В праздник они дополнялись посыпанными по полу душистыми травами или соломой, развешанными на стенах, зеркалах и портретах рушниками.

Во второй половине XX в. в декор интерьера украинской хаты в селах Западной Сибири входят вышитые и связанные крючком сал-

фетки, скатерти, подзоры, наволочки, шторы и занавески. Тонкая фабричная ткань белого цвета (бязь), яркие нитки мулине придавали этим изделиям большую декоративность по сравнению с традиционными рушниками и «божниками», что соответствовало основной цели их использования. Этот вид украинской хаты зафиксирован исследователями, запечатлен простыми обывателями на фотографиях и нередко воспринимается сегодня как отличительный этнический признак¹ (цв. ил. 25).

Таким образом, в развитии жилища украинского населения Западной Сибири выделяется несколько важных этапов. В конце XIX — начале XX в. украинским переселенцам, основную массу которых составляло крестьянство, пришлось приспосабливаться к специфике местных природно-климатических условий и, исходя из них, использовать местные ресурсы для возведения жилищ и хозяйственных построек. Поскольку большая часть переселенцев осела в степных и лесостепных районах, использование технологий глинобитного строительства стало одним из важных элементов их адаптации в новых условиях. Достоинства традиций домостроения, транслируемых украинскими переселенцами на территории Западной Сибири, неоднократно высоко оценивались сибирской администрацией.

Советский период был связан с насильственными крестьянскими переселениями и также потребовал усилий по адаптации в новых условиях. Как правило, насильно переселяемые крестьяне водворялись на территории, которые очень сильно отличались от мест их прежнего проживания. Именно поэтому первоначально возводимые жилища имели мало характерных особенностей. Большинство респондентов жалуется на отсутствие достаточного количества леса, пригодного для возведения домов, что связано с условиями безлесной степи². Строго регламентировался и размер усадеб, что, естественно, сказывалось на внешнем виде жилищ и других построек. Как правило, строили, копируя возведенные местным населением конструкции, и довольно редко пытались приспособить принятые на родине схемы к новым условиям. Основным принципом, которым руководствовались переселенцы при возведении строений, была вынуж-

¹ Грибанова Н. С. Традиции повседневного и праздничного убранства украинской хаты в селах Алтайского края // Международный продовольственный форум «Сибирское поле: от освоения целины до продовольственной безопасности страны». Барнаул, 2014. С. 211.

² Материалы МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г. Ф. 1. П. о. 3. Л. 3 об.

жденная экономия на всем — от размеров до материалов. Как и на предыдущем этапе, наиболее популярным видом жилища были землянки, утратившие в силу обстоятельств свой временный характер, а также саманные дома.

Имеющиеся источники свидетельствуют, что в 1920–1950-х гг. у украинского сельского населения юга Западной Сибири были востребованы разнообразные строительные технологии: возведение построек из дерна, глинобитная и турлучная технологии, саманное строительство, литые и камышитовые дома, чуть позже распространяется практика строительства срубных жилищ. Начиная с 1930-х гг., помимо личных жилых и хозяйственных построек, появляется общественный, «колхозный» жилой фонд. В похозяйственных книгах этого и более поздних периодов появляются термины «аренда» и «квартира». Кроме того, состав и количество хозяйственных построек, упоминаемых в источниках, показывают, что на протяжении всего рассматриваемого времени у украинцев было распространено комплексное личное подсобное хозяйство, где сочетались животноводство и земледелие. На это указывает присутствие на подворье большого количества помещений как для содержания скота, так и для хранения и переработки сельскохозяйственной продукции. Четко этот комплекс вычленяется на материалах конца XIX — начала XX в. и 1920–1950-х гг., хуже — в другие периоды.

Начиная с 1950-х гг. в домостроении начинают применяться новые материалы, активно внедряемые и в практику сельского строительства.

3.2. Одежда

Традиционный народный костюм признан исследователями одним из устойчивых маркеров этносов и этнокультурных групп. Вместе с тем одежда, как и другие материальные компоненты народной культуры, непосредственно зависящие от природно-географической среды и экономических условий, отражает процессы адаптации народа к происходящим изменениям.

Изменения традиционного костюма украинского населения юго-западных губерний России начались в XIX в. в связи с развитием мануфактурного и промышленного производства, распространением городской моды. Однако принесенные в Сибирь украинцами варианты народной украинской одежды еще во многом сохраняли традиционность и значительно отличались не только от костюма

русского старожильского населения, но и от локальных вариантов одежды «российских» переселенцев. Некоторые отличия отчетливо сохранились в памяти информантов 1920–1940-х гг. рождения. Так, русские женщины чаще всего вспоминают, что на кофтах переселенок из Полтавской и Харьковской губерний передняя полочка и рукава были расшиты, а мужскую одежду выделял пояс с красивыми махрами¹. Потомки украинских переселенцев подтверждают это: «Бабка всегда в расшитой кофте была»². Информанты подчеркивают, что украинцам было свойственно украшение одежды вышивкой: «Вышивали „хохлы“ у мужиков рубахи крестиком — цветочки, пестушки разные — красными, синими нитками»³. И. Л. Аношенко вспоминает, что украинские женщины отличались от русских не только по орнаментации одежды, но и по ее типу: «Юбки до щиколотки да кофты носили, а вот русские — как-то платья»⁴.

Исследования показывают, что женский костюм украинских переселенцев в сельских населенных пунктах Западной Сибири сохранялся в качестве повседневной и праздничной одежды до 1930-х гг., свадебной — вплоть до 1970-х гг.⁵

Мужской традиционный украинский костюм значительно раньше подвергся упрощению и утрате этнических черт под влиянием целого комплекса факторов. При этом дольше всего сохранялся его основной элемент — вышитая по вороту, груди и манжетам рубаха. Украинские мужские рубахи, как и женские, называли «сорочками». «Вышивку на груди называли по-русски столбиками или по-украински мэрэжечками»⁶. Как отмечает Е. Ф. Фурсова, у украинцев Сибири не сохранились традиционные мужские сорочки туникообразно-

¹ Прохорова Е. А. Этническая идентификация потомков украинских переселенцев в селах Панкрушихинского района // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011–2012 гг. Вып. 8. Барнаул, 2013. С. 220–221.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Урываево. Давыденко Н. Д., 1940 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Урываево. Семенов П. Н., 1931 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.

⁵ Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX — первой трети XX века (по материалам Новосибирской области). Ч. 1. Новосибирск, 2004. С. 25; Сидорская О. Г. Свадебная обрядность... С. 24–25; Щербакова О. С. Песенный фольклор украинских переселенцев Алтая... С. 7.

⁶ Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских на-

го или поликового покроя. Этот вид одежды был выявлен этнографом в ходе полевых исследований лишь в Куйбышевском районе Новосибирской области¹.

Во многих семьях украинского населения Западной Сибири долгие годы бережно хранились отдельные элементы традиционного костюма. Украинский национальный костюм служил ценным подарком родственникам, проживающих в Украине. Однако основным репрезентантом этнической традиции украинских переселенцев являются музейные собрания одежды.

В ходе изучения музейных собраний региона элементы народного костюма украинского населения были выявлены в 16 музеях Алтайского края (Алтайском государственном краеведческом музее, историко-краеведческом музее АлтГПУ, Волчихинском районном краеведческом музее, Романовском районном краеведческом музее, Кулундинском районном краеведческом музее, Алейском историко-краеведческом музее, Хабаровском историко-краеведческом музее, Славгородском городском краеведческом музее, Топчихинском краеведческом музее, школьном музее с. Сидоровка Романовского района, музее с. Солоновка Волчихинского района), Новосибирской области (Карасукском краеведческом музее, музее Беленской МБОУ СОШ, Русско-украинском музее с. Ирбизино), Омской области (Омском государственном историко-краеведческом музее, Исилькульском историко-краеведческом музее).

Широко представлен в коллекциях музеев региона главный образующий элемент традиционного женского костюма — длинная рубаха, по-украински «сорочка». В музейных собраниях представлены сорочки конца XIX — первой трети XX в., сшитые из беленого льняного полотна и конопляного холста домашнего ткачества простого полотняного переплетения.

Наиболее распространенным типом рубахи у украинцев Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. была рубаха с прямоугольными вставками полотна на плечах — поликами, пришитыми по утку. Такие сорочки, вероятно, были принесены в Сибирь выходцами из восточных и северных районов Украины (Полесья, Полтавщины, Ки-

родов юга Западной Сибири (конец XIX — первая треть XX века). Новосибирск, 2015. С. 263.

¹ Там же. С. 261.

евщины, Харьковщины, Волини)¹, распространились повсеместно в районах расселения украинских переселенцев и сохранились во всех вышеуказанных музейных собраниях Алтайского края, Омской и Новосибирской областей (цв. ил. 1). Этот тип рубахи был также широко распространен в центральных и северных русских губерниях, на большей части Белоруссии и считается исследователями одним из древнейших у всех восточнославянских народов².

Сорочки (4 шт.) с цельнокроеным рукавом (со слитными поликами) представлены в собрании музея Беленской МБОУ СОШ Карасукского района Новосибирской области (цв. ил. 2). По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи в 1917 г. в с. Беленском Черно-Курьинской волости проживали в основном переселенцы из Полтавской губернии³. Однако отсутствие сведений об авторе (и/или дарителе) рубах не позволяет однозначно отнести их к полтавской традиции. К тому же в собрании музея соседнего села Ирбизино, где основное население — также полтавские переселенцы, имеются исключительно сорочки с поликами.

В собрании Алтайского государственного краеведческого музея представлена украинская женская рубаха на кокетке (АГКМ ОФ 17331/2 В-7521), изготовленная в 1920–1930-е гг. в с. Староглушенка Заринского района Алтайского края (цв. ил. 3). Рубаха сшита из белой ткани фабричного производства (верхняя часть) и льняного полотна домашнего ткачества (нижняя часть). Рукава рубахи заужены к запястью, без ластовицы. Горловина оформлена вышитой планкой и воротником-стойкой по типу мужских рубах. Вышивкой украшена также кокетка вдоль соединительных швов с рукавами и спинкой. Сорочка с кокеткой 1920-х гг. изготовления имеется также в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГКМ 9916/1). Возможно, данный вид кроя был принесен в Сибирь переселенцами, поскольку, по мнению исследователей, рубахи с кокеткой широко распространились в конце XIX — начале XX в. в западных губерниях России, на Украине, Белоруссии, Прибалтике под влиянием городской моды⁴. Оформление горловины воротником-стойкой и планкой характерно для женских рубах из фондов ОГКМ (10536/2,

¹ Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционной бытовой культуры. М., 1988. С. 139.

² Там же.

³ ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1124–1125.

⁴ Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье... М., 1988. С. 152.

10990/5, 10990/4), изготовленных в первой половине XX в. на Волынщине (Северо-Западная Украина, современная Ровенская область)¹.

Отличительной особенностью украинских женских сорочек рассматриваемого региона является использование трех полотен для стана: передняя полочка и спинка включают по одному цельному полотну и по половине третьего. Это соответствует традиционному крою украинских женских рубах². По данным Е. Ф. Фурсовой, во всех сорочках из собрания Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) третье полотно вшито с левой стороны, частично приходится и на полочку, и на спинку³. В обследованных нами собраниях музеев в равном количестве представлены сорочки, у которых третье полотнище вшито как слева, так и справа. При этом ширина сорочки составляет 70–77 см. Чтобы увеличить ширину шага при ходьбе, полотна стана могли соединять внизу через вязаное игольное кружево. С распространением фабричной ткани большей ширины (80 см), чем домотканое полотно (у украинских переселенцев — 45–53 см), необходимость использования третьего полотна исчезла — полочку и спинку стали шить из двух цельных полотен.

Рукава всех рассматриваемых украинских женских сорочек — в одно полотно шириной 22–33 см. В Сибири в изучаемое время практически не встречалось широких украинских «в полторы полки» (полотна) рукавов⁴. Все рубахи имеют квадратные (6,5–12 × 6,5–12 см) ластовицы. Горловина чаще всего оформлена обтачкой (ш. 1 см), в редких случаях — воротником-стойкой⁵ шириной не более 2 см (АГКМ ОФ 17769/1 В-8047), застегивается на пуговицы или завязывается тесемкой (цв. ил. 4).

Основываясь на материалах Новосибирской области, Е. Ф. Фурсова пришла к выводу, что поликовые сорочки украинских переселенков отличаются от рубах аналогичного покроя местного старожильского населения рядом признаков: а) стан не разделен на две части, а является цельным («додільна сорочка»), что обусловлено ношением распашной или глухой поясной одежды; б) присутствуют объемные, прямого кроя (не кошенные) рукава, собранные у запястья на

¹ Материальная культура украинцев в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея: каталог. Омск, 2004. С. 67–68.

² Чижилова Л. Н. Русско-украинское пограничье... С. 140.

³ Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры... Ч. 2. С. 13.

⁴ Там же, с. 14.

⁵ Там же, с. 19.

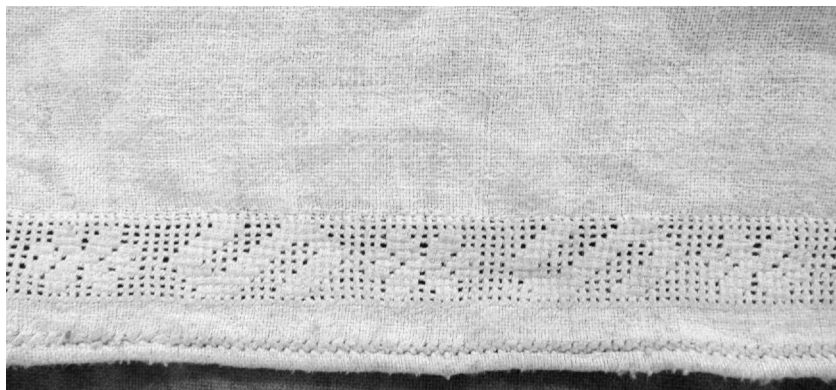

Рис. 34. Вышивка женской сорочки по подолу мережкой и белой строчкой. Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. КРКМ 230. Материалы ЭЭ 2014 г.

манжету-обшивку; в) «уставки» и рукава украшаются вышивками растительного орнамента; низ подола, рукавов подчеркнут мережкой¹. Кроме того, на сибирские земли была перенесена традиция, бытовавшая вплоть до 1930-х гг., собирать внизу рукава сборки, а в месте соединения с поликами-«уставками» — «пухлики», или «пухли»² (цв. ил. 5, 6). Те же особенности характерны и для сорочек со слитными поликами из с. Белое Карасукского района НСО. Исключение составляет лишь отсутствие «пухлей». Мережка на сгибе обтачки по низу рукава имеется только на одной рубашке в дополнение к вышивке крестом по всей полосе обтачки. Рукава трех сорочек собраны в боры на запястьях и оформлены обтачкой шириной 1 см без орнамента.

Женские рубахи украинских переселенков Западной Сибири богато украшались вышивкой в месте соединения полика и рукава (по «оплечью»), на поликах, воротниках-обшивках, манжетах, нижней части подола, выступающей из-под юбки, по всему полю рукава (цв. ил. 5, 6). Вышивка на сорочках выполнена преимущественно в техниках «простой мелкий крест» (на рукавах, по «оплечью», поликах, манжетах, по низу подола), «набор» (на вороте, манжетах), «мережка» (по низу подола), белая строчка (по «оплечью», по низу подола). Преоб-

¹ Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев... Ч. 2. С. 20.

² Там же, с. 14.

Рис. 35. Вышивка женской сорочки по подолу счетной гладью. Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Центр украинской культуры. Материалы ИЭЭ 2014 г.

ладание вышивки крестом в орнаментации сорочек украинских переселенцев, очевидно, было обусловлено выходом из употребления узорного ткачества¹ и значительной популярностью красно-черных растительных узоров в украинских губерниях уже к моменту переселения украинцев в Сибирь в конце XIX — начале XX в.²

Одной из отличительных особенностей украинских женских сорочек является использование вязанного иглой кружева для соединения деталей, в том числе и основных полотнищ в нижней части рубахи. Подол обычно подчеркнут мережкой в виде одного или двух рядов узоров по разреженной ткани (рис. 34), полосы черно-красной вышивки крестом, белой глади (рис. 35). Очень редки рубахи традиционного покроя, расшитые гладью, подобно сорочке со слитными поликами из Ордынского краеведческого музея³ и двум поликовым рубахам из фондов Алтайского государственного краеведческого музея (ОФ 17769/1 В-8047, ОФ 19224 В-11309). Одна из них вышита в

¹ Фурсова Е. Ф. Этническая конверсация в традиционной культуре украинских переселенцев Западной Сибири (по материалам народной одежды) // *Славяне в сибирском сообществе*. Новосибирск, 2006. С. 23.

² Кара-Васильева Т. В. *Вышивка* // *Украинцы*. М., 2000. С. 489.

³ Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. *Очерки традиционной культуры украинских переселенцев...* Ч. 2. С. 15.

Рис. 36. Рубаха женская праздничная, вышитая белой счетной гладью. Начало XX в. Черниговская губерния, Каменская слобода. АГКМ ОФ 17769/1 В-8047

начале XX в. счетной гладью белыми льняными нитками домашнего прядения переселенкой из Каменской слободы Черниговской губернии (рис. 36). Вторая также вышита счетной гладью в Черниговской губернии в конце XIX — начале XX в. красной и черной «заполочью».

По мнению Е. Ф. Фурсовой, для наиболее ранних по изготовлению украинских сорочек характерно поперечное расположение орнамента на плечах с сочетанием тканья и вышивки. Так, на сорочках из Болотнинского краеведческого музея (НСО) вышивка расположена вверху и внизу (на манжетах) рукавов, а тканые геометрические

узоры — по поликам¹. Все сорочки, выявленные нами в музейных собраниях региона, орнаментированы только вышивкой.

В вышивке сорочек преобладают растительные мотивы в виде цветов, бутонов, листьев, ягод. Украинских рубаш с архаичными для восточных славян геометрическими узорами или геометризованными изображениями человеческих фигурок, растений в Западной Сибири почти не встречается².

Материалом для вышивки сорочек в конце XIX — начале XX в. служили преимущественно черные и красные хлопчатобумажные нитки, называвшиеся «запольшь». Реже использовали синие нитки в сочетании с красными. Мережку выполняли белеными льняными или конопляными, реже хлопчатобумажными нитками. В единичных случаях встречается орнаментация рубаш черными нитками (музей ИАЭТ СО РАН № 239/2³, музей Беленской МБОУ СОШ б/н), черными с незначительным включением красных ниток (КРКМ № 230).

В 1950-е гг. в среде украинского населения Западной Сибири получают широкое распространение короткие сорочки («блужки») из белой хлопчатобумажной ткани фабричного производства с выточками или складками от плеча, с короткими (три четверти) или длинными втачными рукавами либо рукавами типа «реглан». Вырез горловины и разрез спереди часто обвязывали крючком. Вышивка на таких блужках располагалась на груди вдоль или вокруг разреза, по полю рукава или на оплечье. Вышивали преимущественно цветными нитками мулине цветочный орнамент в техниках «простой крест» или «двойной крест», «лицевая гладь» (цв. ил. 7). Носили блужки в праздничные дни. Многие фольклорные и творческие коллективы используют их до настоящего времени в составе своих сценических костюмов (цв. ил. 28).

Вторым элементом женского костюма украинских переселенцев в Западной Сибири являлась юбка из клетчатой или в вертикальную полоску шерстяной ткани домашнего производства, фабричного сатина, шерсти, коленкора различных цветов. «Булы розовые юбки, если розова — голубой отделкой, и красны юбки булы, и зелены юбки, ну всяки-всяки! Як оденеть, дак глянешь, вот так красива

¹ Там же.

² Там же.

³ Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев... Ч. 2. С. 15.

девица!»¹ Долгое время носили и юбки из конопляного холста, окрашенного в черный, зеленый или оранжевый цвет покупными красителями. В с. Родино (Родинский район, АК) информанты вспоминали, что в 1930–1940-е гг. были трудности с приобретением специальной краски, и холстяные юбки окрашивали золой или соком трав.

В ходе полевых исследований 1990-х гг. О. С. Щербаковой удалось записать воспоминания о том, что в некоторых селах Алтайского края в начале XX в. носили плахту или понёву², однако в музейных собраниях они не сохранились. По мнению Е. Ф. Фурсовой, украинская поясная распашная одежда («запаски», «плахты», «дерги») в крае распространения не получила, поскольку украинки не решались носить привезенную старинную одежду, вызывающую неподдельный интерес и ироническое отношение со стороны местного русского населения.

Из привезенных в Сибирь юбок более старинными следует считать сбористые юбки из 4, 6 и более полотен. Похожие процессы наблюдались и в приграничных регионах на местах выхода переселенцев. В Воронежской губернии, как отмечает Л. Н. Чижикова, «в украинских слободах, где в XIX в. интенсивно развивались ремесла и мелкие промышленные предприятия, значительно раньше, чем во многих русских селах, началось разрушение традиционных форм одежды и появление черт костюма, более свойственного в это время городскому. Национальная женская украинская одежда в конце XIX — начале XX в. все чаще заменялась рубахой на кокетке, кофтой, юбкой и поясом из фабричных тканей...»³ Процесс вхождения городского костюма в крестьянский быт иллюстрирует также описание крестьянина С. Т. Семенова, опубликованное в журнале «Русская мысль» в 1902 г.: «Самотканки вытеснялись ситцем. Зипуны и кафтаны заменялись кофтами и пиджаками». Мужчины надевали поддевки, пиджаки, штаны не «набойчатые», а суконные и бумажные. Молодые люди ходили в пиджаках, подпоясывая брюки ремнями с пряжками. В прошлое уходили традиционные женские головные уборы. Сельские девушки ходили с непокрытой головой, украшая ее искусственными цветами, накидывая платок на плечи. Деревенские модницы

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

² Ляшенко С. А., Фомин В. Е., Щербакова О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая: музыкально-этнографический очерк. Барнаул, 2002. С. 16.

³ Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье... С. 141.

носили приталенные кофточки, „польты“, шубки. Обзавелись зонтиками и калошами. Последние стали „писком“ деревенской моды. Их носили больше для украшения, так как надевали в тридцатиградусную жару, идя в церковь»¹.

В 1930-е гг. получили распространение раскошенные книзу юбки, у которых боров у пояса стало меньше². Традиционно юбка на поясе собиралась на «вздержку» и завязывалась, однако среди сохранившихся образцов, изготовленных в 1920–1970-е гг., есть юбки и на резинке, и на поясе с застежкой на пуговицу. Жительница с. Константиновка (Кулундинский район, АК) Т. Я. Путенева (Крупянко), 1929 г. р., отчетливо помнит особенности юбок у мамы и бабушки: «Юбки шили тоди они. Если она уже женщина... сзади трошки длиннее, така сборочка. <...> Бабушка две-три юбки носила – таки длинные! И хвартук обязательно. У каждой юбки карманы. Приходила с Веселенького – 10 км с палкой. Зимой придя, юбка забродится по снегу. Юбки скиня, нижняя остается, вишаеть сушить – и на пичь отогреться. А мы с сестрой ради – бабушка пришла сказки нам рассказывать!»³

Представляется, что ни по покрою, ни по материалу юбки украинских женщин в селах Западной Сибири не имели особых отличий от юбок «российских» переселенков, поэтому сохранившиеся в музейных собраниях экземпляры, не имеющие четких указаний на этническую принадлежность автора (владелицы), невозможно однозначно атрибутировать. Из выявленных в музеях юбок украинскими в учетной документации названы следующие: клетчатая из шести полос шерстяной домотканины (Топчихинский район, АК; ТКМ ОФ 947), синяя с тремя нашивными белыми лентами из хлопчатобумажной фабричной ткани 1930-х гг. изготовления (цв. ил. 8; Заринский район, АК; АГКМ ОФ 15550/4 В-3200), синяя из хлопчатобумажной фабричной ткани 1920-х гг. (цв. ил. 9; Родинский район АК; АГКМ ОФ 15524/7 В-3126), черная с тканым узором в виде цветов из фабричной синте-

¹ Высоцкий В. В. Этнокультурное развитие украинского населения Воронежской губернии в период с 1861 по 1925 год // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 3. С. 4.

² Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев... Ч. 2. С. 20.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Константиновка. Путенева Т. Я., 1929 г. р.

тической ткани (Полтавский район, Омская область; МАЭ ОмГУ 58-6)¹, черная из фабричной ткани 1950-х гг. (Полтавский район, Омская область; ОГКМ 12367/3), из фабричной ткани темно-синего цвета с орнаментом в виде мелких разноцветных горошин и купоном в виде белых полос и зигзагов, красных волнистых линий по низу подола 1970-х гг. (Шербакульский район, Омская область; ОГКМ 13688/6).

Согласно полевым материалам, в первой половине XX в. украинское название юбки «спідниця» широко использовалось переселенцами в районах компактного расселения украинцев в степной части Алтайского края (Романовский, Кулундинский, Благовещенский районы). По сведениям Е. Ф. Фурсовой, в селах Новосибирской области полтавские переселенцы называли юбку «спидныцей», переселенки из Западной Украины — «сподницей»², в каталогах ОмГУ и МАЭ ОмГУ также в качестве «национального» названия, зафиксированного собирателем, для всех трех предметов указано слово «спидниця(а)». Однако жительницы с. Романово (Романовский район, АК), делившие в начале XX в. на полтавскую и черниговскую части, вспоминали, что в их селе переселенцы из Черниговской губернии носили «спидныцу», а из Полтавской — «юбку»³. При этом под «спидныцей» понимают расклешенную юбку длиной до щиколотки, которая всегда была расшита богаче, чем юбки переселенок из Полтавской губернии⁴.

Еще одним элементом поясной женской одежды украинских переселенцев был передник, надеваемый поверх юбки. По воспоминаниям потомков переселенцев, передник был обязательным элементом одежды замужних женщин, девушки передников не носили. В селах изучаемого региона украинцы называли передники «хвартуками» и различали будничные из темной ткани, защищавшие рубашку и юбку от загрязнения, и праздничные, украшавшие костюм. «На будний день — темный хвартук, на входной — светлый. Гляну в окно: о, баба Параська иде, белый фартук. Кажу: „Мам, а який сьогодні праздник?“ — „А шо, ты не знаешь? Сегодня... такой-то праздник“.

¹ Жигунова М. А. Культура восточных славян в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского. Омск, 2009. С. 191.

² Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры... С. 17, 21.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

⁴ Прохорова Е. А. Сохранность этнической культуры украинского населения... С. 213.

Уже бабки собираются, уже белые фартуки, семечки полный карман, у каку-то хату»¹.

Короткие домотканые передники были известны у украинцев и белорусов. Исследователи считают их дальнейшей стадией развития старинной несшитой поясной одежды типа запаски². Четыре таких передника, хранящихся в собрании ОГКМ, были приобретены сотрудниками музея в одной семье и изготовлены из домашнего льняного полотна в первой четверти XX в. в Ровенской области (согласно современному административному делению Республики Украина). Подол одного фартука украшен тканым узором — полосками черного и красного цвета. Это один из ранних приемов украшения одежды, который позднее полностью заменила вышивка. На вышитых передниках — сочетание растительного и геометрического орнамента, использованы черные и красные нитки³. Передник-«запаска» из темно-зеленого кашемира со скромной вышивкой по подолу и завязкам был выявлен Е. Ф. Фурсовой в ходе полевых исследований в Куйбышевском районе НСО⁴.

Короткие передники из фабричных тканей широко распространились в русских и украинских селах в конце XIX — начале XX в., их называли преимущественно «фартуками» и носили с юбками из фабричных тканей. Передники украинских переселенков, имеющиеся в музейных коллекциях, большей частью изготовлены во второй половине XX в. из белой фабричной ткани и вышиты крестом, лицевой гладью цветными нитками мулине (ОГКМ 12922/2) или сшиты из орнаментированных концов белых рушников (цв. ил. 10). Аналогичные фартуки входят в состав сценических костюмов современных фольклорных коллективов (цв. ил. 11).

Обязательным элементом традиционного женского костюма в районах выхода большинства украинских переселенцев (восточные и центральные районы Украины) в конце XIX — начале XX в. являлась приталенная безрукавка — «кeрсетка», «кэрсетка», «гарсетик» (укр. *kіr-setka*) из домотканой или фабричной ткани⁵. «Кeрсетка» состоит из

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Константиновка. Путенева Т. Я., 1929 г. р.

² Чижилова Л. Н. Русско-украинское пограничье... С. 180.

³ Назарцева Т. М. Одежда украинцев в этнографической коллекции ОГИК музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2005. № 11.

⁴ Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры... С. 20–21.

⁵ Чижилова Л. Н. Украинцы. Историко-этнографический очерк традиционно-бы-

облегающего грудь лифа и расширяющейся от талии нижней части, расклешенной, со вставленными клиньями («вусами»). В Западной Сибири, как и в украинских губерниях, «керсетки» шили из фабричных тканей — ситца, сатина, атласа, сукна, плиса, передние полы и низ часто украшали орнаментом из нашитого шнура, тесьмы, полосок бархата (цв. ил. 12). Имеются воспоминания информантов о том, что «керсетки» привозили с Украины. В литературе отмечается, что в зависимости от мест выхода переселенцев в покрое, длине и оформлении «керсеток» могли проявляться региональные различия. Так, в полтавском традиционном женском костюме «керсетка» была достаточно длинной (до колен и ниже). Шилась она в основном из фабричных темных или ярких, однотонных или узорчатых тканей в мелкий цветочный рисунок. Полтавские «керсетки» кроились с завышенной талией, обозначенной сзади, а спереди имели расклешенный вид без акцента на талии. Оформлялись аппликацией и обшивками из плиса или другой ткани темного цвета. В качестве декора широко использовались зубчики, а также растительные и цветочные мотивы. Растительный орнамент обычно располагали на груди и в нижнем углу правой полы, иногда украшали линию талии на спинке. Как отмечала Т. В. Кара-Васильева, в отношении декорирования «керсеток» «типичной для Полтавщины является одноцветная композиция растительного орнамента под названием „левадка“»¹. Кроме того, в оформлении «керсеток» могли также использовать вышивку преимущественно белыми, красными и зелеными нитками. Позже, с распространением швейных машин, «керсетки» стали украшать изящной вышивкой, выполненной машинной строчкой.

Черниговская «керсетка» была короче полтавской. Во второй половине XIX в. их шили из белого домотканого сукна с поперечными карманами с правой стороны. Позже широко использовали фабричную материю. На севере Черниговщины были распространены достаточно короткие «керсетки», примерно до середины бедер, с многочисленными швами и сборками на спине. Кроились они расширенными от линии талии, что визуально делило силуэт на две равные

товой культуры // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. IX. Кн. I. М., 1992. С. 83.

¹ Кара-Васильева Т. В. Полтавская народная вышивка. Киев: Наукова думка, 1983. 134 с. Цит. по: Стрельцова И. В. Женские безрукавки-кисетки в украинском народном костюме в Приморье: традиции и современность // Россия и АТР. 2014. № 4 (86). С. 231.

части. Для оформления могли использовать декоративную, как правило машинную, стежку. Обязательным элементом был косой карманчик с правой стороны, украшенный аппликацией¹.

«Керсетки» Киевщины по длине соответствовали черниговским. Их кроили с завышенной линией талии, плотно облегающими верхнюю часть корпуса, с большим количеством глубоких встречных складок. Первоначально они шились из домотканого белого, серого или темно-красного сукна. С распространением фабричной ткани стали использовать шерстяную, шелковую или хлопчатобумажную материи преимущественно красного цвета, хотя присутствовали и другие цвета. В киевских «керсетках» богато оформлялся нижний угол правой полы, так называемый «нарижник»².

В ходе исследования было выявлено четыре «керсетки» традиционного кроя: в коллекции Омского государственного краеведческого музея (ОГКМ 9894/3), Романовского районного краеведческого музея Алтайского края (РРКМ ОФ 20), в собрании костюмов фольклорного ансамбля «Узорье» Алтайского государственного института культуры (г. Барнаул), у жительницы с. Яготино Благовещенского района Алтайского края (цв. ил. 13). Все «керсетки» изготовлены в начале XX в. из ткани фабричного производства темного (серого, черного) цвета на подкладке из светлой хлопчатобумажной ткани в клетку или в полоску. В качестве украшения использованы полосы черного бархата (РРКМ ОФ 20, с. Яготино, АК), отстрочка на швейной машинке (РРКМ ОФ 20).

Информанты 1920–1930-х гг. рождения вспоминают, что их матери поверх сорочек вместо «керсетки» носили кофты («кохты»), сшитые из фабричных тканей (ситца, сатина) с застежкой спереди на пуговицы («повычки»)³. Кофта в комплексе с юбкой из покупных тканей и коротким передником широко распространяется под влиянием города еще в местах выхода переселенцев в конце XIX — начале XX в. сначала в качестве праздничной, а позже и повседневной одежды⁴. Аналогичный процесс происходил и в сибирской деревне у разных этнокультурных групп населения, включая украинских переселенцев.

¹ Стрельцова И. В. Женские безрукавки-кирсетки в украинском народном костюме в Приморье: традиции и современность // Россия и АТР. 2014. № 4 (86). С. 231.

² Там же.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Константиновка. Путенева Т. Я., 1929 г. р.

⁴ Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье... С. 183.

В среде украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. сохранялись различия в прическах девушек и замужних женщин, свойственные всем восточнославянским народам. Украинские девушки носили волосы открытыми, заплетая одну, реже две косы, спускающиеся на спину. Замужние украинские женщины закручивали волосы на затылке в узел («шишку», «кудельку»), в отличие от русских, которые носили две косы, уложенные вокруг головы.

Головные уборы женщин — платки, шали, косынки фабричного производства — представлены в музейных собраниях единичными экземплярами и не имеют этнической специфики. Украинские переселенки носили хлопчатобумажные, кашемировые, шелковые платки, повязывая их концами впереди под подбородком. По данным Е. Ф. Фурсовой, в начале XX в. получил распространение способ подвязывания платка на затылке с выпуском вперед бахромы¹. Традиционно определявшие социально-семейный статус женщины шапообразные головные уборы у украинцев Западной Сибири, по-видимому, не получили широкого распространения и в музейных собраниях не представлены. В Новосибирском государственном краеведческом музее хранятся лишь мягкие женские уборы — «очипки», назначение которых — укрывать собранные в узел волосы². Согласно полевым материалам О. С. Щербаковой, замужние переселенки могли вовсе обходиться без головного убора, уложив волосы короной и украсив голову косынкой или наколкой³. Девушки по праздникам носили ленты, одна из которых повязывалась вокруг головы, другие подвязывались к ней и перебрасывались через плечи — по три-пять с каждой стороны. Ленты вплетали и в косу. В селах Омской области информанты вспоминают, что перед свадьбой невесте заплетали две косы, но не обычным плетением в три пряди, а каждую — в восемь прядей⁴.

¹ Фурсова Е. Ф. Этническая конверсация в традиционной культуре украинских переселенцев Западной Сибири (по материалам народной одежды) // Славяне в сибирском сообществе. Новосибирск, 2006. С. 27.

² Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев... Ч. 2. С. 24.

³ Щербакова О. С. Песенный фольклор украинских переселенцев Алтая... С. 8.

⁴ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2017 г.: Омская область, Калачинский район, с. Глуховка. Литвинюк Л. Д., 1955 г. р.

Рис. 37. Девушки в украинских костюмах. Начало XX в. Алтайский край. ИКМ АлтГПУ НВФ 410/1.

Выразительным дополнением к нарядному женскому костюму служили съёмные украшения в виде бус («намысто», «монисто»), серег, перстней; некоторые из них хранятся сегодня в музейных собраниях. Особенно популярными у украинских женщин были разноцветные бусы. Их носили одновременно по несколько штук, не только в праздники, но в будни (рис. 37).

В суровом климате Сибири многое из традиционной верхней одежды украинцев оказалось непригодным. Так, из многочисленных вариантов женской верхней одежды, бытовавших на Украине, в Западной Сибири сохранялась лишь распашная приталенная со сборами «свита» («свитка»). Е. Ф. Фурсова подробно описала покрой свитки из Тогучинского района НСО¹. Сходный с ней образец, следует отметить, единственный в музейных собраниях Алтайского края, хранится в Романовском районном краеведческом музее под названием «свитка з усами» (рис. 38). Свитка сшита из хлопчатобумажной ткани фабричного производства черного цвета с рельефным рисунком. Стан скроен из составной спинки и двух полок.

¹ Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры... С. 26.

Рис. 38. Свитка. Начало XX в. Алтайский край, Романовский район, с. Романо-во. РРКМ 20. Материалы ИЭЭ 2010 г.

Спинка имеет центральный и два рельефных шва, переходящих от талии в три бантовые складки. Рукава втачные, широкие, заканчиваются отворотами. Воротник отложной. Застежка слева направо потайная на пять пуговиц и металлический крючок на стойке воротника. Карманы прорезные. Свита стеганая на вате. Подклад на спинке и рукавах — конопляный холст, окрашенный в синий цвет. Рукава, карманы и воротник оформлены отстрочкой на швейной машине.

Одна из жительниц с. Желанное Одесского района Омской области вспоминала, что ее мама, переселенка из Каменец-Подольской области привезла «с Украины» свитку длиной примерно до колен,

тканую «с такой толстой шерсти. По ем вышито было, и это мама сама вышивала: и внизу, и где застегивается»¹.

Мужская одежда в коллекциях музеев Западной Сибири представлена преимущественно рубашами (укр. *сорочки*). В конце XIX — начале XX в. их шили из отбеленных льняных или конопляных холстов, недорогих покупных хлопчатобумажных и шелковых тканей. От рубаш старожильского населения они отличались более широкой вышитой манишкой, обязательной орнаментацией воротника, низа рукавов. Вышивка выполнялась в технике простой крест красными и черными нитками, с 1930-х гг. — часто цветными нитками. Конструкция рубаш украинских переселенцев трансформировалась в сторону распространенных среди местного населения более современных для того времени рубаш с плечевыми швами. Известных из научной литературы туникообразных и поликовых рубаш в местной украинской среде практически не сохранилось. Исключение составляет льняная сорочка из Куйбышевского района НСО с поликами, пришитыми по утку. Она имеет такие характерные украинские элементы, как разрез-застежка по центру, отложной воротник².

В музейных собраниях Алтайского края хранятся мужские сорочки прямого покроя с плечевыми швами, подкроенными проймами, рукавами с манжетами или без них, узким или широким воротником-стойкой и двумя видами оформления разреза-застежки: вышивкой вокруг прямого разреза, оформленного узкой планкой (цв. ил. 14) и вышивкой по широкой планке, расположенной посередине груди, с застежкой, смещенной влево (цв. ил. 15). В коллекции АГКМ имеются две нетипичные для региона мужские сорочки: одна — из фабричной белой хлопчатобумажной ткани на кокетке (Заринский район, АК; ОФ 17331/1 В-7520), другая — из фабричной белой хлопчатобумажной ткани с планкой, застегивающейся на пуговицы, и отложным воротником (1920–1930-е гг., Черкасская область, УССР; АГКМ ОФ 15879/2 В-3856).

Самый ранний образец в собрании ОГКМ изготовлен в 1930-е гг. на территории Западной Украины. Рубаша из домотканого полотна, с подкроенными плечами и ластовицами. Рукав цельнокроеный,

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская области, Одесский район, с. Желанное. Евладенко Л. М., 1928 г. р.

² Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев... Ч. 2. С. 10–11.

с манжетой. Вышивка плотная, двухцветная, выполнена крестом черными и красными нитками. Рисунок сочетает растительные и геометрические мотивы и покрывает воротник, грудь и манжеты. Остальные четыре рубахи были сшиты в семьях депортированных украинцев в середине 1950-х гг. Для их изготовления использованы фабричные ткани. В крое присутствуют традиционные элементы, ворот, грудная планка и манжеты декорированы вышивкой¹.

По полевым материалам известно, что мужчины-переселенцы в селах Западной Сибири носили штаны с узким шагом («порты») и широкие («шаровары»). «Отец — хохол, разговаривал как хохол. Штаны широкие [носил], черные или коричневые из льна, ленты красные боку»². Однако в музейных коллекциях они выявлены не были.

Межсезонной мужской одеждой, привезенной в Сибирь и бывавшей некоторое время, были «кобэныки» («кобыняки»), изготовленные из овечьей шкуры. В послевоенное время украинские переселенцы заменили этот вид одежды тулупом, который изготавливали похожим способом из выделанной в домашних условиях овечьей шкуры. В зимнее время украинцы, как и местное старожильское население, носили сибирский вариант шубы — кожух, который представлял собой меховую одежду, сшитую мехом внутрь и окрашенную дубовой корой или черными покупными красками³.

Украинские переселенцы в конце XIX — начале XX в. носили пояса, сотканые в домашних условиях из хлопчатобумажных, льняных, шерстяных ниток домашнего или фабричного производства. «Ткалы таки здоровы пояса. Подвязывалы в холода, греют они. Шубы, було, подвяжутся, подвязывалыся этими поясами. А из Украины были красные пояса, чисто красные пояса, еще с китицами [кисточками] из Украины привозыли. ...Така богата китица... Бабки вот так подвяжут, и китицы сзади, и иде в церкву, и сзади красивы таки!»⁴ Для верхней одежды использовали пояса шириной 15–30 см («опояски»). Поверх рубахи навывпуск мужчины носили кожаные ремни (рис. 39)

¹ Назарцева Т. М. Одежда украинцев в этнографической коллекции...

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушинский район, пос. Борисовский. Кабаненко Н. М., 1929 г. р.

³ Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов... С. 264.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

Рис. 39. Л. М. Дзюба. Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда.
КРКМ. Материалы ЭЭ 2014 г.

или тканые пояса: «Есть и мужики подвязывались поясами, ну, шириной в два пальца, вот подвязывались»¹.

Согласно мнению Е. Ф. Фурсовой, преобладающим видом повседневной обуви в среде украинского населения рассматриваемого региона были сапоги-чоботы². Подобное наименование закрепилось и в украинском фольклоре. Информанты вспоминают, что на свадьбах до 1980-х гг. исполняли народную песню «Чоботы»³. В качестве летней обуви вплоть до 1930-х гг. носили «постолы» и «черевики», которые сохранились в настоящее время лишь в музейных коллекциях. В большинстве своем украинское сельское население рассматриваемого региона в межсезонье и летом вплоть до 1950-х гг. массово носило «обутки», или «ботинки». Под «обутками» («ботинками»), согласно полевым материалам, в русско-украинских селах понималась обувь, изготовленная в домашних условиях из шкур крупного рогатого скота: «...Со скотской. Вот телят-то, коров забивают, вот эту кожу, шкуру, выделывали и с нее шили»⁴. В селах с преобладанием украинцев обутками называли всю обувь.

Следует отметить, что в крупных населенных пунктах в 1920-е гг. происходит образование артелей разной направленности (сапожной, пимокатной), в связи с чем массовое распространение получает такая обувь, как сапоги, ботинки (детские, взрослые) и т. д. Для детей местные сельские мастера изготавливали из кожи сандалии с застежкой⁵.

В селах Омской области этого периода в «Списках населенных пунктов» зафиксированы кустари — сапожники, овчинники, портные, пимокаты. Размеры доходов этих мастеров косвенно свидетельствуют о том, что их изделия были востребованы, а также о том, что для многих данные промыслы были основным средством заработка⁶.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Ковтун М. И., 1917 г. р.

² Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда... С. 264.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2017 г.: Омская область, Калачинский район с. Глуховка. Литвинюк Л. Д., 1955 г.

⁴ Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Сидоровка. Кравченко О. И., 1937 г. р.

⁵ Там же.

⁶ Архивный отдел администрации Калачинского района Омской области. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. 113 л.

Особый интерес представляет свадебная одежда украинского населения Западной Сибири, поскольку долгое время в ее составе сохранялись элементы, вышедшие из употребления в качестве повседневной и праздничной одежды. Исследования показали, что традиционный украинский комплекс женского свадебного костюма состоял из вышитой рубахи («сорочки»), юбки («спидныци»), безрукавки («керсетки»), поясного рушника, венка в летнее время, венка и шали зимой. Если свадьба праздновалась в теплое время года, то девушка была обута в сапоги, а с 1950-х гг. — в туфли, если зимой — то в валенки. Костюм жениха состоял из вышитой рубахи, штанов, пояса, фуражки с нашитой квилткой, сапог (во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. были распространены кирзовые сапоги), а с 1960-х гг. — ботинок.

Женские и мужские свадебные сорочки, согласно материалам интервьюирования и фотодокументам, аналогичны экземплярам, сохранившимся в музейных собраниях. Их явным отличием являлось качественное полотно (тонкой выработки, хорошо отбеленное, домашнего производства или фабричное) и обильная черно-красная вышивка.

Свадебные юбки в селах Алтайского края шили из домотканого полотна, а с 1930-х гг. — из темной (черной, коричневой) фабричной ткани. Юбка была на 2–3 см ниже колена, из-под нее примерно на 2 см обязательно должен был выступать вышитый край сорочки.

«Керсетки» в качестве элемента свадебного костюма использовали в селах Алтайского края вплоть до 1950-х гг. По воспоминаниям информантов, сами их уже не шили, а надевали привезенные с территории Украины только на свадьбу¹.

Одним из наиболее распространенных видов нагрудного украшения невесты в среде украинского населения Алтайского края было «намысто» — бусы, практически закрывающие грудь, состоящие из нескольких отдельных нитей, на которые нанизаны искусственные камни разных цветов (красного, белого, бирюзового и т. д.). Считалось, чем больше «намысто», тем лучше².

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Благовещенский район, с. Яготино. Семенютина Т. М., 1931 г. р.

² Кривчик Ю. В., Рябчинская Н. Традиции свадебной обрядности украинских переселенцев села Романово первой половины XX века // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2009 г. Вып. 6. Барнаул, 2009. С. 115.

Рис. 40. Молодые с друзьями. Алтайский край. ИКМ АлтГПУ ОФ 1093/8.

В наряде невесты у украинских переселенцев Западной Сибири фартук заменялся длинным полотенцем (рушником), который повязывали на талии, опуская и расправляя спереди длинные концы, украшенные вышивкой или узорным ткачеством (рис. 40). В селах Алтайского края вплоть до 1950-х гг. для этого предпочитали использовать «кролевецкие» рушники, привезенные с Украины. Их название связано с кустарным производством с середины XIX в. в пос. Кролевец Черкасской области Украины. Во многих селах Алтайского края информанты помнят это название рушников (Благовещенский, Романовский, Рубцовский и другие районы), однако встречается и измененный вариант — «королевские» (Кулундинский, Пospелихинский, Романовский районы). «Кролевецкие» рушники ткали в переборной технике, что давало ткачу возможность свободно располагать на белом фоне красный узор с любыми геометризованными мотивами (цв. ил. 16). Для них характерны строгая симметрия и четко вы-

раженная ось в композиции узора, мотивы «древа», орла¹. Если не было «королевского» рушника, в качестве поясного могли использовать белые, но обязательно богато вышитые. Ф. И. Заказова вспоминала: «Раньше были королевские, а потом стали вышивать. С Украины [привозили]. Там Украина была побогаче. Кому... с Украины присылали»². Тканые и вышитые рушники передавали по наследству от матери к дочери и использовали исключительно в обрядовых и декоративных целях. Коллекции украинских вышитых рушников имеются практически в каждом музее региона, в отдельных музеях они насчитывают несколько десятков предметов³.

Одним из главных традиционных атрибутов невесты был свадебный головной убор — венок, который устойчиво сохранялся вплоть до начала 1960-х гг. В ходе работы с полевыми материалами было зафиксировано несколько вариантов использования свадебного головного убора девушки: накануне свадьбы, во время приглашения гостей на свадьбу и в первый день свадьбы.

Традиция изготовления венка подружками невесты во время «вечерки» была зафиксирована только в селах Панкрушихинского района Алтайского края⁴. Обычно венки покупали у женщин пожилого возраста, которые изготавливали их на заказ за определенную сумму: «Тут у нас женщина жила одна, старая уже, и делала венки. Делала из воска. Цветы прям делала из бумаги. Продавали раньше. Она делала, мы заказывали уже»⁵. Реже венки изготавливали в летнее время из полевых цветов: «Венок был из живых цветов сплетён, вроде короны»⁶. В Калачинском районе Омской области есть упомина-

¹ Грибанова Н. С. Полотенца русских, украинцев и белорусов Алтая конца XIX — первой четверти XX в. // Полотенца восточнославянских народов (русских, украинцев, белорусов). Из собраний музеев Алтайского края. Барнаул, 2013. С. 12.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.

³ Полотенца восточнославянских народов (русских, украинцев, белорусов). Из собраний музеев Алтайского края. Барнаул, 2013. 44 с.; Грибанова Н. С., Мамонтова О. С. Этнографическая коллекция «Украинцы» Алтайского краеведческого музея // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 9. Барнаул, 2015. С. 256–271; Материальная культура украинцев в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея: каталог. Омск, 2004. 143 с.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятьково. Анощенко И. Л., 1931 г. р.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ния о том, что во время аналога «вечерки» («девич-вечера») — «подружки невесты гладили ленты для венка и помогали невесте примерять свадебный наряд». Венки с лентами невеста и дружка надевали и тогда, когда ходили приглашать гостей на свадьбу»¹.

В среде украинского сельского населения Алтайского края были распространены одноярусные или двухъярусные венки из одной оборки с лентами (рис. 41). Свадебный венок представлял собой сложную конструкцию, его основу составлял каркас из проволоки, обернутый тканью: «С проволоки сплетался каркас венка, а тогда она на проволоку все делала»². Для изготовления цветов-«квиток»³ на венок использовали цветную обычную или гофрированную бумагу. В селах Кулундинского, Романовского, Благовещенского, Панкрушихинского районов Алтайского края и Шербакульского района Омской области изготовленные бумажные цветы обмакивали в расплавленный воск, что делало головной убор более прочным: «Делали такие белые цветочки, их воском обливали, делая венок, к нему цепляли ленты, это сейчас же фата, а вообще ленты были»⁴. Воск для изготовления свадебных венков использовали также и немецкие переселенцы, часто проживающие в одном или соседних населенных пунктах с украинским населением.

«Квитки» в селах Алтайского края, как показывают собранные материалы, располагали последовательно в один или несколько рядов, смешивая с маленькими цветочками или конусообразно — от маленьких по краям к более крупным к центру. А. И. Коваленко вспоминала: «Одна тут делала, у нее были крупные, крупноватые цветы. А вот моя тетка делала в несколько рядов»⁵. Пространство между «квитками» заполняли мелкими украшениями в форме капель — «шишечками»⁶, изготовленными из мелкой бумаги или воска, зафик-

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2017 г.: Омская область, Калачинский район, с. Глуховка. Литвинюк Л. Д., 1955 г.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Коваленко А. И., 1940 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.

⁴ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Терех В. П., 1948 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Коваленко А. И., 1940 г. р.

⁶ Там же.

Рис. 41. Молодые. Свадьба 1955 г. Алтайский край, Кулундинский район.
КРКМ 253. Материалы ЭЭ 2014 г.

сированными на проволоке (Благовещенский, Кулундинский районы, АК): «Вот цветы были и шишечки все были восковые белые, а тут слегка розовые. Красиво было»¹.

В с. Кулунда (Кулундинский район, АК) венки украшали крупой — пшеном и манкой, которую обмакивали в воск и крепили к проволоке: «...Свечкамы всегда воняло в доме. Она ж их топила, и пшено, манная крупа — все в работу шло. И пшено, пшено, она его обливала, оно засыхало, а потом она... растапливала свечки и туда макала, шоб держалось, а манкой посыпала»².

Затылок невесты традиционно закрывали атласные ленты, которым придавалось большое значение. Ленты были разного цвета — зеленые, красные, розовые, синие — и разной длины. Лент желтого цвета к венку не крепили: считалось, что это к разлуке³. Количество лент составляло от 30 до 100, в зависимости от материального состояния семьи. Ленты покупали, передавали друг другу, а также привозили с Украины. И. Л. Аношенко вспоминал: «Обязательно всякие ленты были... Лент тогда много было. Вот эти тряпошники ездили — называли „тряпошники“, они глину возили белую. И едет по улице: „Кому глины, кому белой!“ Вот эти тряпошники возили, продавали ленты. Тряпки сдавали, куфайку рвану, штаны рваные. Тряпок принесут — он лент им, сколько надо — два метра, три метра. И вот он так их отматывает и отрезает»⁴. С 1950-х гг. атласные ленты стали продавать в местных магазинах.

В селах Омской области вместо лент могли использовать марлю, из которой изготавливали фату: «Платье мне шили в Шербакуле, там же я венок покупала, из воска. К нему цепляли фату из марли, марля накрахмаленная была», — вспоминала одна из наших респондентов⁵.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Благовещенский район, с. Ягодино. Семенютина Т. М., 1931 г. р., Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Борисенко Л. А., 1943 г. р.; с. Константиновка. Небылица М. А., 1938 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Коваленко А. И., 1940 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Коваленко А. И., 1940 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятьково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.

⁵ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, д. Путиловка. Демченко Е. И., 1935 г. р.

В селах изучаемого региона бытовала традиция после свадьбы сохранять венок. Его помещали под стекло к иконе, которую ставили в «святой угол»: «Тода после свадьбы венок ставили в икону. Обязательно вставляли в икону»¹. В ходе полевых исследований венок под стеклом в иконе удалось зафиксировать в с. Сидоровка Романовского района Алтайского края², в Русско-украинском музее с. Ирбизино Карасукского района Новосибирской области и в Музее истории, культуры и быта Одесского района Омской области (цв. ил. 24). Передавать венок запрещалось, так как считалось, что девушка, которая его отдала, в браке счастлива не будет³. В 1950-е гг. эта традиция была утрачена, в первую очередь из-за того, что изготовление традиционного свадебного венка стало редкостью, и девушки после свадьбы передавали его молодым невестам, выходящим замуж: «Здесь одна тетка жила, она делала специально венки с воску. А потом она умерла, и венки взять негде стало, вот я свой отдала. Он так по деревне и ходил, а потом я не помню, у кого остался»⁴.

В 1950–1960-е гг. улучшение материального состояния сельского населения, а также появление в магазинах широкого ассортимента тканей и моделей женских платьев и мужской одежды фабричного производства привели к новациям в свадебном костюме украинского населения в селах Западной Сибири. Промышленный способ производства одежды вытеснил кустарный, что стало причиной отказа от традиционного свадебного костюма невесты и жениха. Сохранение этнических традиций проявлялось в использовании некоторых элементов свадебных костюмов: например, венка с лентами у невесты, «квитки» у жениха.

В 1950-е гг. невеста надевала новое, приобретенное в магазине или сшитое на заказ платье из светлого ситца – голубого, розового, желтого, и венок с белой фатой: «У меня было платье. По-моему, голубое было, в клеточку, ну не белое. Фата была белая и с цветами была, и ленты были. Ну, фата. Венок с этих цветов»⁵ (рис. 42);

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Коваленко А. И., 1940 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Сидоровка. Кульша А. Ф., 1939 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятьково. Костюченко В. Т., 1939 г. р.

⁵ Там же.

Рис. 42. Свадебное фото молодых. 1960-е гг. Алтайский край, Кулундинский район, с. Константиновка. Семейный архив М. А. Небылицы, 1938 г. р. Материалы ЭЭ 2014 г.

Рис. 43. Свадебное фото молодых. 1960-е гг. Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Семейный архив Л. А. Борисенко, 1943 г. р. Материалы ЭЭ 2014 г.

«На свадьбу старались надевать светлые платья; таких красивых, как сейчас, платьев не было»¹.

С 1960-х гг. намечается тенденция к переходу к так называемому общеевропейскому типу свадебного костюма — белому платью, что связано с усовершенствованием моделирования одежды, ростом промышленного производства, освоением синтетических тканей, а самое главное — с началом активного развития советской свадебной индустрии² (рис. 43).

Свадебный мужской костюм в 1950–1960-е гг. включал в себя светлую рубашку и костюм темного цвета (черного, синего, коричневого) — брюки и пиджак из ткани фабричного производства, также сшитого на заказ или приобретенного в магазине: «Ну как обыкновенно в костюм — рубашка, брюки. Ну как сказать, сорт этого материала, ну фабричный... обыкновенный мужской костюм»³.

В семейных архивах украинского населения обследованных сел сохранилось много фотографий, позволяющих увидеть костюм жениха и невесты, обязательные атрибуты свадебного обряда, а комментарии информантов делают визуальную картину полной. Одежду невесты и жениха на одной из фотографий, сделанной зимой 1962 г. в с. Максимовка Шербакульского района Омской области, информант описала так: «Я одета в платье, пошитое моими подругами: белый материал, а на нем много разноцветных цветов, „ляпистое“, короче. На голове у меня венок с разных цветов с лентами, много их было. Я этот венок у женщины покупала одной, она как-то из воска выплавляла цветочки, вставляла в них проволоку и приделывала к веночку. Жених одет в костюм черный, в белой рубашке, а на груди цветок. Зима была, так он тоже „из воску“ был»⁴.

Таким образом, женский и мужской костюм украинских переселенцев Западной Сибири вплоть до 1930-х гг. в основном сохранял

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Зайцева Н. К., 1940 г. р.

² Щербий Г. С. Пути развития украинского костюма в XX в. // Украинцы. М., 2000. С. 223–225; Шаповалова Я. А. Советская свадебная обрядность в 1950–1980-х гг.: традиции и новации // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 354–359.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г. Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятково. Костюченко В. Т., 1939 г. р.

⁴ Материалы ЭЭ ОмГУ, 2012, П. о. 13, л. 6. Цит. по: Чернова И. В. Отражение семейной обрядности украинцев Омского Прииртышья в визуальных материалах // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. Омск, 2013. С. 332.

крой и специфику отделки яркой и обильной вышивкой привезенных из мест выхода форм одежды. Изменение костюма украинского населения в сторону нивелировки этнической специфики активизируется с 1930-х гг. под влиянием моды на городские фасоны, а с развитием легкой промышленности и улучшением материального положения сельского населения после тяжелых военных и послевоенных лет одежда фабричного производства полностью вытесняет традиционные формы повседневного, праздничного и свадебного костюма. Однако и сегодня, как свидетельствуют материалы интервьюирования, одежда наряду с языком и пищей является важнейшим признаком при идентификации и самоидентификации отдельного человека и группы в целом. Проявление этого можно наблюдать при проведении различных мероприятий, направленных на презентацию и популяризацию народной культуры. Как правило, участники стремятся продемонстрировать прежде всего народный костюм, традиционную кухню, изделия декоративно-прикладного искусства и фольклорные произведения. Фольклорные и творческие коллективы, транслирующие этнические традиции на широкую аудиторию, все чаще стремятся к аутентичному исполнению костюмов вместо распространенных ранее сценических форм. Музейные собрания одежды дают возможность реконструировать костюмы украинского населения Западной Сибири, а воспоминания потомков украинских переселенцев и семейные архивы фотографий — выявить специфику их бытования.

3.3. Пища

Пища является неотъемлемой частью традиционно-бытовой культуры народов. К системе питания этнографы относят набор основных продуктов, употребляемых в пищу, и типы блюд, приготовляемых из них, наличие характерных дополнительных компонентов типа приправ и специй, способы обработки продуктов и приготовления блюд, пищевые ограничения и предпочтения, правила поведения, связанные с приготовлением и приемом пищи¹. Пищевые предпочтения и традиции питания формируются прежде всего в семье и являются весьма консервативной частью культуры. Изменения в системе питания происходят медленнее, чем в других сферах материальной культуры (например, жилище и одежда), поэтому в ней со-

¹ Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии / отв. ред. Арутюнов С. А. М., 1981. С. 4.

храняется довольно много локальных культурных традиций и этнодифференцирующих черт.

Система питания украинского населения юго-западных губерний России (позже Украины) соответствовала традициям восточнославянских народов, обусловленным направлением хозяйственной деятельности (земледельцы) и сформированным под влиянием природно-географических условий и контактов с соседними народами. После переселения в конце XIX — начале XX в. в Западную Сибирь, значительно отличавшуюся по природно-климатическим условиям от регионов прежнего проживания¹, происходили адаптация хозяйственных занятий украинского населения, изменение набора культивируемых ими растений. Это неизбежно повлекло за собой и определенные изменения в традиционной системе питания, состоявшей в преимущественном потреблении растительной пищи и отличавшейся преобладанием мучных и крупяных блюд с овощными и фруктовыми добавками².

Основными возделываемыми культурами в хозяйствах украинского населения изучаемых регионов Западной Сибири, согласно данным переписи 1917 г., были яровая пшеница, ячмень, овес, просо, бахчи, картофель, лен, конопля и подсолнечник³. Состав культур варьировался. Так, например, в Томской губернии основными высеваемыми культурами, обозначенными в материалах переписи 1916 г., были злаки: овес, озимая рожь, яровая пшеница, в меньшей степени — ячмень. Занятая ими площадь составляла от 0,5 до 12 га, за исключением ячменя, высеваемого на площади от 0,1 до 4 га⁴. Кроме того, украинское население выращивало гречиху, горох, картофель и ряд технических культур: лен, подсолнечник, коноплю⁵. В похозяйственных и подворных книгах 1920–1930-х гг. выявлена неравномерность фиксации сведений о высеваемых культурах. В некоторых населенных пунктах, например в д. Благовещенка Калачинского района Омской области, в 1927–1929 гг. переписчик подробно фиксировал состав сельскохозяйственных культур. Согласно этим данным, украинское население здесь выращивало зерновые (яровую пшеницу, овес,

¹ Украинский народ в его прошлом и настоящем. Петроград, 1916. С. 368.

² Артюх Л. Ф. Народная кулинария // Украинцы. М., 2000. С. 242.

³ ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 402.

⁴ ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 189.

⁵ Там же.

ячмень и рожь), овощи (картофель), а также лен¹. В 1930-е гг. из состава растений, культивируемых в личных хозяйствах, почти полностью исчезают зерновые. В пос. Кукарка Карасукского района Новосибирской области в 1936 г. украинское население на своих огородах выращивало тыквы, арбузы, коноплю, овощи, картофель и дыни². В похозяйственной книге 1936 г. с. Ирбизино того же района в подворных карточках украинцев указаны горох, конопля, подсолнухи, картофель и овощи. В одном из хозяйств кроме обозначенных культур были зафиксированы фасоль, дыни и арбузы. Кроме того, украинцы здесь выращивали табак³. Согласно данным похозяйственных книг, с 1930-х гг. в ряде населенных пунктов к числу возделываемых культур добавляется рыжик. Например, в д. Благовещенка Калачинского района Омской области в 1938–1939 гг. его посевы имелись у пятой части всех хозяйств украинского населения и составляли от 0,02 до 0,10 га. В схожих объемах высевался и подсолнечник, тогда как посеvy конопли составляли около 0,01 га, что может косвенно свидетельствовать о востребованности этих культур. Однако вполне возможно, что часть технических видов выращивалась в рамках планового задания для сдачи в колхоз, а не для личного потребления⁴. Со второй половины 1940-х — 1950-х гг. в некоторых хозяйствах начинают выращивать кукурузу («пшинка», «пшинычка»). В большинстве похозяйственных книг более поздних периодов у украинского сельского населения отмечены лишь картофель и овощи, что, возможно, было связано с унификацией личных приусадебных хозяйств.

Набор овощных культур включал в себя капусту, «буряки» (свеклу), «огирки» (огурцы), «квасолу» (фасоль), «цыбулю» (лук), «часнык» (чеснок), «гарбузы» (тыквы), «кабаки»⁵, «кавуны» (арбузы), «моркву» (морковь), картофель, помидоры (с конца 1930-х гг.)⁶. Интересно, что

¹ Архивный отдел администрации Калачинского района Омской области. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1. Л. 147.

² Отдел архивной службы администрации Карасукского района НСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 8. Л. 32.

³ Отдел архивной службы администрации Карасукского района НСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 5. Л. 52; Д. 6. Л. 24.

⁴ Архивный отдел администрации Калачинского района Омской области. Ф. 135. Оп. 1. Д. 14. Л. 100.

⁵ «Кабаками» в Романовском районе называли тыквы.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятьково. Анощенко И. Л., 1931 г. р.; с. Зятьково. Кононенко А. П., 1938 г. р.; пос. Борисовский. Титов Ю. Ф., 1937 г. р.; Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский

во всех исследуемых регионах Западной Сибири традиционные украинские названия овощей повсеместно использовались в речи до начала 1960-х гг. и лишь позже преобладающими становятся русские.

Овощи всегда выращивали на приусадебном участке возле дома — «огородчике» (или «горидчике»¹), помидоры — в «рассаdнике» (позже в парнике), огурцы — в «огуречнике»². «Рассаdник» и «огуречник» устраивали одинаково: на участок земли размером примерно 3×3 м ранней весной выкладывали навоз, чтобы он «парился»³, отогревая застывшую землю. После этого участок перекапывали, делали лунки и сеяли семена помидоров и огурцов, затем накрывали плотной тканью, которую с конца XX в. сменила полиэтиленовая пленка. Это позволяло сократить сроки созревания плодов и получить урожай в условиях Западной Сибири: «В них раньше все высевало»⁴. В ряде южных районов Омской области огурцы выращивали на высокой гряде из смеси навоза и земли, которую также называли «огуречник»⁵. «Огородчик» представлял собой значительную часть приусадебного участка, где выращивали капусту, свеклу, морковь и другие овощи⁶. Картофель, горох, кукурузу, арбузы, тыкву сажали на «огороде», расположенном, как правило, за хозяйственными постройками для содержания скота («пригонами»). По словам информантов, площадь «огорода» составляла от 5 до 30 соток.

Огороды вплоть до 1950-х гг. отделялись друг от друга канавами, в отдельных районах их загораживали сухой полынью и подсолнухом: «Городили всем: и полынь ломали, и с подсолхуха же делали... ставишь подряд вот так вот, а потом где проволокою, где жесь ка-

край, Кулундинский район, с. Кулунда. Котикова Н. М., 1945 г. р.; с. Константиновка. Небылица М. А., 1938 г. р.; Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Гилев Лог. Химочкина П. А., 1932 г. р.

¹ Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 5. Оп. 4а. Д. 3. Бодряго Ю. Традиции в питании жителей с. Романово Романовского района в первой половине XX в. Романово, 2008. Л. 21.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.

³ Там же.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.; Кононенко А. П., 1938 г. р.

⁵ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Какоулин И. Я., 1939 г. р.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Благовещенский район, с. Яготино. Шкурко А. Г., 1933 г. р.

кая там есть, связывают»¹. Повсеместно огораживать деревянными заборами (штакетником, оградой из строганных досок и т. п.) огороды стали со второй половины XX в.

Большое значение в хозяйстве сельского украинского населения в конце XIX — первой половине XX в. имели технические культуры — конопля и лен, дававшие волокно, техническое и пищевое масло: «Конопля сеяли много, сотки две. Специально оставляли место в конце огорода, за картошкой. Целое производство у нас было»². Растительное масло из конопля, льна, рыжика и подсолнечника отжимали на механических маслобойках: «Маслобойки были. Вот коноплю сеяли, раньше это самый главный продукт был. Вот его везут на эту маслобойку, там его выжмут, жмых заберут скотине. Да мы и сами его грызли, а масло — заправлять (блюда)»³. В с. Родино Родинского района (АК) масло, называемое «макухой», отжимали из мака и хранили в стеклянных бутылках — «четверях». Жмых, остававшийся после переработки мака, ели с сахаром⁴. Со второй половины XX в. с увеличением колхозных посевов подсолнечника в рационе питания населения Западной Сибири, в том числе и украинцев, начинает преобладать подсолнечное масло.

Традиционное для украинцев садоводство не получило в Западной Сибири распространения в силу особенностей ландшафта (значительная часть украинцев проживает в степной зоне) и холодного климата⁵. Т. М. Семенютина сожалела: «Привыкли-то на Украине к ягодам, а тут яки ягоды»⁶. В Омской области до сих пор встреча-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Константиновка. Небылица М. А., 1938 г. р. Цит. по: Свидовская А. С. Сельская усадьба украинских переселенцев в Алтайском крае в 1930–1950-е годы // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии: материалы LVII РАЭСК. Сургут; Новосибирск, 2017. С. 388.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Садковская А. Т., 1934 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, пос. Борисовский. Титов Ю. Ф., 1937 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Родинский район, с. Родино. Якутка Н. Ф., 1930 г. р.

⁵ Артюх Л. Ф. Народная кулинария // Украинцы. М., 2000. С. 242.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Благовещенский район, с. Яготино. Семенютина Т. М., 1931 г. р.

ются хозяйства с похожими на традиционные садами перед домом, но растут в них чаще всего только яблони и местные сорта вишни¹.

Невозможность выращивать привычные ягоды и фрукты способствовала развитию традиций собирательства. Особенно востребованным оно было в кризисный период второй половины 1930-х — 1940-е гг.: «Есть было нечего, в основном ели траву (чаще всего упоминаются аир, крапива, борщевик, лебеда. — *Авт.*), грибы, ягоды...»². Собирали плоды шиповника («шипшина»³), «дички» (яблоки-ранетки с дикорастущих деревьев), полевую клубнику, ягоды и листья красной («порички»⁴) и черной смородины, малины, «богородскую траву» (чабрец), мяту, Melissa, щавель, дикий лук⁵. Очень популярной ягодой в Западной Сибири стал паслен, который на Украине не было принято собирать. Н. М. Котикова рассказывала: «Он [паслен] сам рос как сорняк, а уже привыкли есть его (здесь), а на Украине мы и не ели его. Там называли „бздник“. Ну, это что ты — чтобы паслен есть! А тут, в Сибири, паслен жрут»⁶. Т. М. Семенютина вспоминала: «Ягоды мало было, так паслен собирали. Его сеять-то не надо, сам растёт. Прoderгаешь почаще меж картошкой, и всё»⁷.

Сбор ягод и трав был чаще всего обязанностью детей. П. А. Химочкина рассказывала: «Как только начинает месяц — за ягодами! Та собирались все гурьбой. Пишли все ребятишки у стэпы! Да ягоды яки булы — веткамы висять, да красны яки! Ведро нарвешь — мало, давай еще помаленьку! Домой идэшь едва живий»⁸.

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Котенко Н. К., 1939 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Донцевич А. И., 1946 г. р.; Терех В. П., 1948 г. р.; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Симон М. Е., 1931 г. р.; Котенко Н. К., 1939 г. р.; Сухомлин Е. Г., 1936 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 5. Оп. 4а. Д. 3.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Константиновка. Путенева Т. Я., 1929 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Котикова Н. М., 1945 г. р.

⁶ Там же.

⁷ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Благовещенский район, с. Яготино. Семенютина Т. М., 1931 г. р.

⁸ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Гилев Лог. Химочкина П. А., 1932 г. р.

Ягоды (смородину, паслен, клубнику и др.) сушили на зиму россыпью или лепешками в русской печи. Лепешки делали из размятой ягоды, иногда с добавлением муки. Зимой сушеные ягоды использовали для пирогов, кулаги, пареной тыквы, киселя и т. п. Ягодные лепешки были излюбленным лакомством детей.

Собранные листья и травы засушивали на печи или на улице в солнечные жаркие дни, собирали в большие мешки, сшитые из холста или фабричной ткани, которые хранили в темном сухом месте. С. Л. Ивануха вспоминала: «Да везде сушили. В основном вот на печке, где грелись. Печка была, а там, где дымоход выходил, там кирпичом было закрыто. Там расстилали какую тряпку, ну что-нибудь, и эти листочки расстилали. Потом они высохнут, и собирали в мешочки какие-нибудь, из тряпки сшитые. Ну, где-нибудь складывали, чтобы они не мешали»⁹.

Основу рациона питания украинцев составляли блюда из круп и муки. Переработка большого количества зерна на муку и крупу в степных районах Западной Сибири осуществлялась на ветряных или механических мельницах, в лесостепных и горных — на водяных. С 1950-х гг. мельницы в колхозах повсеместно работали от электрического тока. В то же время в семьях украинского сельского населения до середины XX в. сохранялась традиция очистки небольших объемов зерна от оболочки для приготовления круп в домашних условиях. Особенно востребованным этот способ стал в годы Великой Отечественной войны.

Вероятно, первые переселенцы в селах Западной Сибири очищали зерно при помощи ножных ступ, как это было принято на территории Украины¹⁰. Подтверждением этому служит деревянная ножная ступа, сохранившаяся в краеведческом музее г. Карасука (НСО) (рис. 44). А. И. Коваленко (1940 г. р.) вспоминала, как детьми они толкли просо в такой ступе: «Была большая ступа, на всю хату была. Залазишь на тот станок, это, надавливаешь, как на качели. Там такой пестик. Толчем, пока ж просо обрушится»¹¹. Пшеницу для приготовления традиционного блюда — кутьи («кути») очищали в небольших чугунных ступках: «Заносят пшеницу, подсушат ее маленько —

⁹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

¹⁰ Артюх А. Л. Народная кулинария // Украинцы. М., 2000. С. 243.

¹¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Коваленко А. И., 1940 г. р.

Рис. 44. Деревянная ножная ступа. Новосибирская область, г. Карасук. Карасукский краеведческий музей. Материалы ЭЭ 2015 г.

в лист да на комень, подсохнет — в ступку, и толкут, чтоб верхняя кожура облезла. Не толкется — пересушилося зерно — щас бабушка маленько туда водички. Натолкут — в лист и на печку, чтоб высохло. А тада уж кутю варят»¹.

Со второй трети XX в., согласно устным источникам, в семьях украинского сельского населения чаще использовали крупорушки². Ю. Ф. Титов рассказывал: «У нас вот така крупорушка была: ее крутишь, крутишь, и там сыпется мука»³. В семьях с небольшим достатком использовали в основном деревянные крупорушки; люди «побогаче»⁴ имели каменные или железные: «Каменные, те лучше. Деревянные, те хуже мололи, потому что они легче, а те — они прям

¹ Там же.

² Архив ЦУИИЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район. пос. Борисовский. Титов Ю. Ф., 1937 г. р.

³ Там же.

⁴ Архив ЦУИИЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Константиновка. Небылица М. А., 1938 г. р.

мелят, разминают прям, муку делают»¹. В с. Константиновка Кулундинского района (АК) был записан способ изготовления деревянной крупорушки: «Были деревянные, как чурка. На них, на нижний [круг], набивали из чугуна [кусочки]. Чугун бьют на кусочки и вот это набивают кругом. Верхний чистый. И вот этот круг по тому трет, вот где это железо, и вот это мука мелется. Там сделают отверстие, оно туда сыпется»². При этом для получения небольшого количества мелко-дробных круп и муки грубого помола, по словам информантов, приходилось затрачивать огромные усилия: «Вот всю ночь [мелешь] на этой крупорушке»³.

Крупы использовали для приготовления каш и супов. Каша варили в основном из пшена и пшеницы. Со второй половины XX в. в рацион добавились гречневая, кукурузная и рисовая каши. По консистенции каши были густые и жидкие. Для густых каш крупы и воды брали примерно в такой пропорции: гречихи — 1:2, пшена — 1:2,5, пшеницы — 1:3 и т. п. Для повышения калорийности и улучшения вкуса кашу готовили на молоке или сыворотке. Прежде чем ставить в печь, ее солили. Несмотря на простоту блюда, некоторые украинские женщины имели свои секреты приготовления каш, которые передали внукам: «Я ж када уже замуж собралася, она [бабушка] кажа: „Айда, внучка, я тебя научу, як правильно кашу варить“. Пшеничную — на молоке. Кажа: „Не вари на води. Вона не добрая, ее никто не будэ исти“. Переберем, три раза промоет ее в решетце, оставит, щоб стекла вода. Молоко закипит — она туда спускает пшено. Пшено сварилось до полуготовности, она масло перетопит аж докрасна, в кашу выливает. Разбивает три яйца, взбивает их с молочком и эту кашу заправляет яйцом. За уши не оттянешь!»⁴ Густую («крутую») кашу заправляли жиром, маслом, молоком и запивали простоквашей⁵. «Крутая» каша — повседневное обеденное блюдо, ее редко варили на завтрак и ужин. Жидкую кашу варили для детей. Пшенная или кукурузная каша входила в состав обрядовой и праздничной пищи.

¹ Там же.

² Там же.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, пос. Борисовский. Титов Ю. Ф., 1937 г. р.; Титова З. Д., 1944 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Коваленко А. И., 1940 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятьково. Кононенко А. П., 1938 г. р.

Кулеш в Западной Сибири готовили из пшена и картофеля так же, как в конце XIX в. это делали жители украинских и южнорусских губерний. Промытое пшено заливали кипящей водой, для вкуса добавляли одну-две картофелины, соль. «Кулеш делали, Это из пшена. Промывают пшено. Вода закипает. Потом картошку почистят, покрошат и бросают в кипяток. Потом пшено вместе с картошкой, оно прокипит — вот это и кулеш»¹. Иногда кулеш заправляли перемолотым салом с луком и чесноком. Готовым кулеш считался тогда, когда пшено полностью разваривалось и образовывалась кашеобразная масса.

В селах Кулундинского района (АК) из пшенной крупы украинцы готовили «накотку». Рецепт этого блюда, по словам информантов, украинское население заимствовало у депортированных немцев. Пшено хорошо промывали в холодной воде и рассыпали на столе, чтобы оно просохло. Кипятили коровье молоко, добавляли в него куриное яйцо, соль и взбивали. Просохшее пшено «сбрызгивали»² полученной смесью, посыпали пшеничной мукой и катали ладонями по столу, пока зерна не достигали размеров горошины. После этого оставляли хорошо просохнуть. Затем «накатанное пшено»³ засыпали в чугунок, заливали водой или молоком, добавляли, сахар и ставили в печь. Когда пшено распаривалось, «накотку» можно было употреблять в пищу. «Это напарится — полный чугунок делают! Да так вкусно было тогда!»⁴ В с. Семеновка Кулундинского района (АК) «накотку» часто готовили на украинские свадьбы. С 1970-х гг. это блюдо выходит из употребления.

В первой половине XX в. в семьях украинцев Западной Сибири готовили традиционное блюдо из муки — «затирку» (рис. 45). Согласно полевым материалам, его особенно часто употребляли в пищу в годы Великой Отечественной войны благодаря минимуму ингредиентов и простоте рецепта. Крутое подсоленное тесто из пшеничной муки с добавлением яиц и молока растирали между ладоней, пока не образовывались шарики размером с горошину или фасоль: «Правой рукой замешиваю, и оно как бы кружленькие такие делаются,

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

³ Там же.

⁴ Там же.

Рис. 45. «Затирка». Приготовила М. И. Юхина (д. Палухина), 1927 г. р., русская (предки из «России»). Алтайский край, Краснощековский район, с. Засурья. Материалы ИЭЭ 2015 г.

шарички. Мелкие, кругленькие шарички»¹. Их варили в кипятке или молоке, иногда с добавлением картофеля, зажаренных лука и мор-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

кови. «Затирка» считалась готовой, когда тесто всплывало. Ели ее с маслом, жиром. По воспоминаниям информантов, к концу XX в. «затирку» сохранили в своем рационе только пожилые украинцы.

Важнейшей составляющей пищевого рациона украинского сельского населения Западной Сибири был хлеб из ржаной, ржаной с добавлением пшеничной или пшеничной муки. Хлеба употребляли всегда много, с ним ели практически все блюда, в летнее время — свежие овощи (огурцы и помидоры). Во многих украинских семьях вплоть до конца XX в. сохранялся традиционный рецепт приготовления хлеба на закваске или «квашенке»¹. При этом использовали самодельные дрожжи, а не кусок теста, оставшегося с последней выпечки². «Хлеб заварной стряпали. Это теперь дрожжи в магазине, а то дрожжи свои варили и хлеб пекли заварной. Опару заваривали — муку кипятком, и она остывает. Дрожжи намочат; к обеду запускают опару: льют туда дрожжи. Эта опара ходит до вечера. Несколько раз перемешаешь. Выливаешь в квашню вечером уже — учиняют дежу — добавляют муки и воды в ту опару, и бродит до утра. Закрывают, чтобы не остыла, и на припечку. А утром часа в четыре-пять встают и начинают месить. Ночью еще несколько раз перемешаешь эту опару»³.

Дрожжи на территории исследуемого региона повсеместно варили из хмеля вплоть до 1970-х гг., а местами и позже: «Хмель растет, вот шишечек нарвешь этих»⁴. В полевых материалах зафиксирована детальная рецептура их приготовления: «Шишки хмеля хорошо промывали, заливали водой и кипятили — „пропаривали“»⁵. Полученный отвар процеживали и добавляли в него немного муки, «квасники»⁶, отруби, сахар, накрывали крышкой и оставляли на ночь: «И вот оно тогда там „работает“»⁷. На следующий день смесь хорошо перемешивали, подсыпали еще отруби, растирали руками полученную смесь

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, пос. Борисовский. Титова З. Д., 1944 г. р.

² Артюх Л. Ф. Народная кулинария // Украинцы. М., 2000. С. 248.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Коваленко А. И. 1940 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, пос. Борисовский. Титова З. Д., 1944 г. р.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Рис. 46. Е. Д. Гавриленко, 1927 г. р. Алтайский край, Романовский район, с. Сидоровка. Материалы ИЭЭ 2010 г.

до состояния крошки, которую рассыпали на столе и сушили до готовности: «Вот такие колобочки рассыпают на скатерть или стол, они постепенно высыхают, и делаются дрожжи. Вот как нюхнешь — аж в нос ударяет, так пахли!»¹ (рис. 46).

Пекли хлеб в хорошо раскаленной печи. Для предохранения нижней корки от золы и улучшения вкуса выкатанное тесто выкладывали на капустные листья. Булки («хлибыны», «хлэбыны», «хлыбыны», «хлебины») получались большие — по 2–3 кг². По мнению информантов, украинцы в Сибири научили печь хлеб русских крестьян-старожилов: «Чалдоны ничё не умели делать. Даже хлеб не умели стряпать как положено. Они так замесят и сразу выкатывают булочки,

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушинский район, с. Зятьково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.

² Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 5. Оп. 4а. Д. 3. Бодряго Ю. Традиции в питании жителей с. Романово Романовского района в первой половине XX в. Романово, 2008. Л. 11.

водичкой примазывают и в печку сажают. Получается, как в магазине ржаной щас. А мама целый день с тем хлебом. Вытащит такие булочки! С печки нельзя вытянуть — высокий такой. <...> Придавишь булку, а она пошла наверх!»¹ В некоторых семьях хлеб выпекали в виде калачей, которые зимой хранили в сенах на морозе подвешенными связками². С 1950-х гг. для выпекания хлеба стали массово использовать металлические формы. В конце XX в. хлеб уже редко пекли сами, преимущественно приобретали в магазинах или сельских хлебопекарнях.

Во время приготовления хлеба хозяйка часто пекла булочки-пампушки. Из кислого хлебного теста скатывали маленькие шарики, которые плотно укладывали на противень («лист») и, смазав их растительным маслом или взбитым яйцом, отправляли в печь. Готовые пампушки разламывали, чтобы отделить друг от друга, складывали в высокую миску и поливали смесью растертого чеснока, соли и растительного масла. Такие пампушки ели с борщом или другими супами. Некоторые информанты вспоминают пампушки с маком как самое любимое детское лакомство. В этом случае выпеченные пампушки макали, когда ели, в смесь распаренного в горячей воде и растертого мака и сахара³. В селах Западной Сибири пампушки пекли только из пшеничной или ржаной муки, рецепт распространенных на Украине гречневых наши информанты не сохранили.

Традиционные для кухни всех восточнославянских народов пироги украинцы пекли в русской печи (позже — в духовом шкафу) или жарили на плите с использованием топленого свиного жира или растительного масла. Изначально пироги выпекали из того же дрожжевого теста, что и хлеб. Позже стали заводить для них тесто отдельно. Отличало украинские пироги большое разнообразие начинок: растертый с сырыми яйцами творог, жареная квашеная или свежая капуста, вареная растертая фасоль или горох, вареный толченый картофель, гречневая каша или мука со шкварками, печеная тыква с калиной, паслен, земляника, морковь, свекла, вареное рубле-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Коваленко А. И., 1940 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Сидоровка. Воробьева С. Н., 1973 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Сидоровка. Воробьева С. Н., 1973 г. р.; с. Романово. Юхно Т. В., 1939 г. р.

ное и поджаренное с луком мясо, зеленый лук с вареными яйцами, жаренные с луком грибы. С. Л. Ивануха рассказывала: «И с земляникой, и с пасленом. Пироги и со свеклой, и с морковкой. С изюмом, уже пошел изюм. С капустой пирожки. Еще с мукой пирожки. Вот муки сыпешь на сковородку... Нет, сразу выжарки ложили на сковородку — это когда вот свиное сало делают, а остаются выжарки. Вот эти выжарки брали на сковородку, подогревали, насыпали на сковородку муку и пережаривали. Она как коричневая делается, мука, она как бы склеивается. Потом в пирожки накладываем, заклеиваем и печем пирожки»¹. Пироги получались очень сытными и были отличным дополнением к супам и кашам.

По праздникам в семьях украинского сельского населения Западной Сибири было принято готовить хворост. Традиционного названия этого блюда — «вергуны» — наши информанты не сохранили. Тесто для хвороста раскатывали в тонкий корж, резали на прямоугольники или ромбы, в которых делали внутренний надрез. Заготовку выворачивали внутрь надреза один или два раза и жарили в кипящем масле до золотистого цвета.

На протяжении всего рассматриваемого периода популярными у украинского населения были традиционные блюда из пресного теста: галушки, клецки, «ушки», вареники. Для галушек тесто замешивали на воде или сыворотке с яйцом. Считалось, если тесто завести на яйцах, то галушки обязательно «вкуснее будут»². Тесто раскатывали скалкой, чтобы толщина лепешки была 1–1,5 см, резали полосками шириной 2–3 см, затем отщипывали от каждой небольшие кусочки и бросали в подсоленный кипяток (кипящее молоко, мясной или овощной бульон). Такие галушки называли «щипанками»³, «щипаными галушками» (НСО, Омская область) или «рванцами»⁴ (АК). Если кусочки от теста не отрывали, а отрезали ножом, выходили

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Котикова Н. М., 1945 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, г. Карасук. Перепончик Т. И., 1927 г. р.; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Кочанова Н. Ф., 1957 г. р.; Поливикова В. Г., 1950 г. р.; Донцевич А. И., 1946 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.

«резанные галушки»¹. Во второй половине XX в. в бульон стали добавлять картофель, жаренный на масле или свином сале лук с морковью, что не было характерно для украинской традиции. И. Л. Анощенко вспоминал рецепт приготовления таких галушек: «Обязательно галушки делали. Кипяченая вода. Лук зажаривали — пережаривали на сковороде, в воду вываливали. Галушки скидывали. Вот галушки едят и прихлебывают! Кто и картошку ложил»². Галушки готовили почти каждый день, преимущественно на ужин. Это блюдо было легким в приготовлении и очень питательным.

Клецки украинцы готовили аналогично галушкам, но в пресное тесто сразу подмешивали мятый вареный картофель или свежий кисломолочный сыр. Затем катали руками шарики из полученного теста и варили их в кипятке, пока они не всплывали. Ели клецки горячими со сметаной, жареным луком, шкварками, сливочным маслом. Украинцы Новосибирской области из пресного теста также делали «ушки», которые жарили в глубоких сковородах с добавлением растительного масла³.

Одним из любимых и доступных блюд в семьях украинского населения были и остаются вареники: «Корова была, творог был, значит, вареники были...»⁴ В качестве начинки использовали «сыр» (творог), жареную капусту, вареную толченую картошку, мак, калину, паслен и другие ягоды, яблоки, вареную фасоль, гороховое пюре, пшенную или гречневую кашу и даже муку. В селах Алтайского края особенно любимы были вареники «с сыром» (творогом)⁵, картофелем, картофелем со шкварками, пасленом, ягодами (в основном полевой клубникой): «Как только ягоды пойдут, так за клубникой на вареники»⁶. С созданием колхозных садов в 1950-е гг. в качестве начинки для вареников стали использовать ягоды малины, вишни, смородины и т. д. К концу XX в. вареники стали делать с нехарактерной для традиционной украинской кулинарии начинкой — сырым

¹ Там же.

² Там же.

³ Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры... С. 68.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятьково. Кононенко А. П., 1938 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, пос. Борисовский. Титов Ю. Ф., 1937 г. р.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Степаненко М. И., 1927 г. р.

Рис. 47. Половник. Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Музей Беленской МБОУ СОШ. Материалы ЭЭ 2015 г.

тертым картофелем, который солят, отжимают и добавляют мелко нарезанный лук. Информанты утверждают, что позаимствовали этот рецепт у русского населения¹.

Пресное тесто для вареников замешивали на сыворотке или воде (иногда с добавлением небольшого количества молока или сметаны) с яйцом, давали ему отстояться и, раскатав в руках жгут теста диаметром 2–3 см, резали его на мелкие куски. Каждый кусок обваливали в муке и раскатывали лепешки («варенцы»)², которые потом начиняли. Варили вареники в крутом кипятке, вынимали половником (рис. 47), складывали в горшок и заливали в зависимости от начинки и желания маслом, сметаной или пережаренным на сковороде свежим (несоленным) свиным салом с луком: «Хоть постным [подсолнечным] маслом маслят, хто как любит. Вот тетя Таня не любит с постным маслом, а я люблю. Мы тогда со сливочным маслом ели, кто со сметаной»³. Если в конце XIX в. вареники были преимущественно украшением воскресного и праздничного стола украинского крестьянина, то в Западной Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода, за исключением тяжелых военных и послевоенных лет, вареники являлись повседневным блюдом и употреблялись в пищу практически ежедневно во время обеда или ужина. Вареники входили также в состав обрядовых трапез (свадьба, крестины, поминки). Так, варениками, символизировавшими продолжение рода⁴,

¹ Там же.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушинский район, с. Зятьково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.

³ Там же.

⁴ Артюх Л. Ф. Народная кулинария // Украинцы. М., 2000. С. 247.

обязательно угощали молодых на второй день свадьбы. На Масленицу наряду с блинами готовили вареники с творогом, смазанные сметаной (цв. ил. 29).

В условиях Западной Сибири украинские переселенцы традиционно разнообразили мучной рацион за счет овощных блюд. Наиболее распространенными были блюда из картофеля. Его жарили, пекли или варили, делали из тертого картофеля оладьи («драники»), картофельные запеканки. Согласно полевым материалам, в украинских семьях часто готовили оладьи — «драники» — из тертого сырого картофеля с добавлением муки или картофельного крахмала, соли, яйца, иногда тертой сырой луковицы: «Обчистят картошку, потом на терку, потом маленько добавляють соли, муки и размешивають. Наливають хто сала свиного, хто масла и туда дольками наливають»¹. До появления в магазинах терок их изготавливали самостоятельно. Основой служил небольшой металлический лист, на котором гвоздями по всей площади пробивали отверстия (рис. 48). Иногда в «драники» клали начинку: сыр с сырым яйцом или рубленое мясо (вареное или сырое), поджаренные на масле с луком грибы или просто жареный лук. И. Л. Аношенко вспоминал, что для приготовления «драников» была специальная украинская ложка — «ополоник»: «Деревянная ложка большая, покрашена, и цветочки нарисованы»². «Драники» предпочитали есть на завтрак или ужин со сметаной, которую могли также смешивать с жареными луком и грибами и заправлять поджаренной мукой.

Запеченную («пареную») тыкву («гарбуз») в семьях украинского населения употребляли в пищу почти круглый год благодаря возможности длительного хранения. Тыкву «парили» в печи разными способами: разрезав на две части, иногда сделав при этом надрезы до кожуры или разрезав на куски: «Тыкву садили, гарбузы назывались. И пекли их в печке. Какие же они были вкусные! Нарезет мать их дольками, как вот арбузы, и в печку, после того как хлеб спечется. Они там красной корочкой берутся, запеченные, как наши жареные куры. Вот так вкусно было!»³ «Бабушка в основном любила: пополам разрежет ее, выберет все из тыквы, насыпет туда паслену,

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушинский район, с. Зятково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.

² Там же.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Котикова Н. М., 1945 г. р.

Рис. 48. П. С. Онофрей, 1931 г. р. с теркой («тыртушкой») собственного изготовления (в левой руке). Алтайский край, Родинский район, с. Родино. Материалы ЭЭ 2017 г.

ягод желтых (физалис. — *Авт.*), морковки натрет, сверху кладет другую половинку тыквы — это в печку. А потом как вытянет! Мама дорогая! Ложками едим. Обьеденье! Такая вкуснятина!»¹ С появлением электрических и газовых плит тыкву стали «парить» в кастрюле, нарезав на мелкие кусочки и посыпав сахаром². Часто варили тыквенную («гарбузяну»³) кашу: пшено смешивали с тыквой в равном соотношении и запекали в печи.

Белокочанную капусту использовали в свежем и квашеном виде для приготовления различных блюд. Так, у украинцев Омской области и Алтайского края популярным блюдом был «капустняк». Рецепт его приготовления очень прост: в мясной бульон добавляли квашеную капусту и промытое пшено и ставили в чугуне тушиться в печь. Часто «капустняк» готовили на свадебный стол, так как считалось, что капуста, имея большое количество листьев, скрепляет семью⁴. В населенных пунктах Омской области получила распространение и так называемая «капуста с пшеном» или «хохляцкая капуста», которую, по словам информантов, «готовили в основном зимой»⁵. «Хохляцкая капуста тут местная. Квашеную капусту надо пропустить через мясорубку. В кастрюлю закладываем свинину пожирнее, туда добавляем горсти 2–3 пшена, штуки 3–4 средние картошки. Картошку, как разварится, надо помять. Ну и теперь приготовить поджарку: на любом жире пожарить лук, добавить побольше муки, томата. В капусту положить пшено вареное и то, что получилось из картошки, мяса и поджарки. Ну и всё»⁶. Аналогично приготовленное блюдо в с. Кайлы Мошковского района (НСО) называли «капуста хохлацка». Вначале варили мясо с картофелем, который по готовности вытаскивали и толкли. Дополнительно сыпали в эту похлебку пшено. Когда пшено и мясо были готовы, бросали «толченку» и сеченую свежую капусту⁷.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Коваленко А. И. 1940 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Котикова Н. М., 1945 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 5. Оп. 4а. Д. 3. Бодряго Ю. Традиции в питании жителей с. Романово Романовского района в первой половине XX в. Романово, 2008. Л. 14.

⁴ Сидорская О. Г. Свадебная обрядность украинцев Омской области... С. 28.

⁵ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, д. Путиловка. Демченко Е. И., 1935 г. р.

⁶ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Чернявская Н. Н., 1935 г. р.

⁷ Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры... С. 69.

Для длительного хранения овощей прибегали к солению или квашению. На протяжении долгого времени украинское сельское население Западной Сибири хранило соленья в больших деревянных емкостях — бочках или кадушках. Особо ценились кадушки из дубовой древесины, которые, по словам информантов, были привезены с территории Украины¹. Использование стеклянных банок для засолки началось лишь с 1970-х гг.²

В бочках солили капусту, огурцы, помидоры. «Вот капусту шинкуют, перетирают. Морковку перетерли, посыпали морковкой. Высыпали ведро капусты, положили ряд мытых помидор, засыпали этой же капустой, расправили, ложут ряд огурцов — вот так, пока не закончится бочка»³. Между слоями овощей обязательно сыпали «жменю»⁴ (горсть) соли. А. Н. Усенко вспомнил похожий рецепт засолки овощей: «...Банок не было, солили в бочках, специальные бочки были. Солили так: слой капусты и огурцов друг на друга и листьев для запаха. Бочку кольцом закрывали сверху, камень на крышку мужики ложили. Огурцы отдельно не солили, делали их с капустой, яблоками, листьями»⁵.

Распространенной на всей исследуемой территории была заготовка «пилюски»⁶ (или «пелюстки»⁷). Для ее приготовления капусту не натирали на терке, а разрезали на куски: «Вот капусту пополам разрезаешь, называется пилюска»⁸. Ряд информантов конкретизиро-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Юрченко Л. В., 1935 г. р.; Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Титовка. Бесчеремный С. В., 1926 г. р.; с. Лебяжье. Косьяненко Е. Л., 1925 г. р.; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Усенко А. Н., 1929 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Котенко Н. К., 1939 г. р.; Сухомлин Е. Г., 1936 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

⁴ Там же.

⁵ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Усенко А. Н., 1929 г. р.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Гилев Лог. Химочкина П. А., 1932 г. р.

⁷ Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 5. Оп. 4а. Д. 3. Бодряго Ю. Традиции в питании жителей с. Романово Романовского района в первой половине XX в. Романово, 2008. Л. 13.

⁸ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятьково. Кононенко А. П., 1938 г. р.

вал размер кусков: «Мелкую капусту надо было разрезать пополам»¹. В Романовском районе (АК) «пелюсткой» называли порезанную на крупные куски капусту и засоленную в бочке вместе с мелко шинкованной капустой и огурцами². Наполненную бочку закрывали деревянной крышкой — «гнетом»³, чтобы не образовывалась плесень, и сверху придавливали камнями. К концу XX в. овощи стали солить в алюминиевых бочках и трехлитровых стеклянных банках: «Родители живы были, в деревянных бочках все солили. А тут как стеклянные банки пошли, все в трехлитровых засаливаю»⁴. Капусту смешивали с морковью, огурцы — с помидорами, реже овощи солили отдельно.

Одним из традиционных украинских блюд, своего рода символом украинской кулинарии⁵, был и остается борщ. Согласно полевым материалам, наиболее часто в семьях украинцев варили красный борщ (в с. Максимовка Шербакульского района Омской области его называли «буряк»). Основой традиционного борща служил «бурячный»⁶ (свекольный) квас⁷: «Раньше борщ на квасе делали»⁸. По воспоминаниям информантов, «квасили буряк на новолунье»⁹. Считалось, что приготовленный в это время свекольный квас — самый вкусный: «Если завтра будэ новолунье, то буряк обязательно квасили. Чистим вот этот буряк, в банку накладаем, чистой теплой водой заливаем, и стоять, пока начнэ бродить. Кисленький! С его

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Котенко Н. К., 1939 г. р.

² Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 5. Оп. 4а. Д. 3. Бодряго Ю. Традиции в питании жителей с. Романово Романовского района в первой половине XX в. Романово, 2008. Л. 13.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зяньково. Кононенко А. П., 1938 г. р.; Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зяньково. Кононенко А. П., 1938 г. р.

⁵ Артюх Л. Ф. Народная кулинария // Украинцы. М., 2000. С. 250.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Гилев Лог. Химочкина П. А., 1932 г. р.

⁷ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Терех В. П., 1948 г. р.; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Симон М. Е., 1931 г. р.

⁸ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зяньково. Кононенко А. П., 1938 г. р.

⁹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Степаненко М. И., 1927 г. р.

борщ варить»¹. С 1970-х гг. с квасить свеклу перестали, вместо этого в борщ для придания «кислинки»² стали добавлять разведенную водой пакетированную лимонную кислоту, но свекла по-прежнему оставалась главным ингредиентом борща: «Обязательно буряк, без него вообще никак, вот это и есть основа борща»³. Вторым обязательным компонентом украинского борща информанты в селах Омской области и Алтайского края называют сало. Его варят, пережаривают на сковороде для получения «шкварок» или толкут в ступе с чесноком (с. Максимовка Шербакульского района Омской области)⁴ и потом добавляют в борщ: «У русских-то как борщ — на косточке, у нас нет — обязательно шматок сала должен быть сварен»⁵. В борщ также кладут картофель, капусту, морковь, помидоры, лук, красную фасоль: «Если постный борщ, то с квасоли вообще вкусно»⁶. Украинский борщ, по мнению информантов, отличался от русских щей особой густотой («что ложка стояла») и наваристостью.

Традиционно борщ, как и большую часть блюд, томили в печи. С массовым появлением в селах газовых и электрических плит (значительная часть информантов называет 1960-е гг.) рецепт приготовления борща изменился: «Тогда все в печи делали, а вот потом плиты пошли»⁷. На сковороде стали делать «зажарку»⁸ — на подсолнечном масле или свином сале пережаривали мелко нарезанный лук, тертую морковь и свеклу с добавлением томатной пасты, которая

¹ Там же.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятково. Кононенко А. П., 1938 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Скрипка И. И., 1978 г. р.

⁴ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Терех В. П., 1948 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Скрипка И. И., 1978 г. р.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Титовка. Солощенко Л. В., 1928 г. р.

⁷ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

⁸ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Донцевич А. И., 1946 г. р.; Терех В. П., 1948 г. р.; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Котенко Н. К., 1939 г. р.; Сухомлин Е. Г., 1936 г. р.

заменила помидоры. Для вкуса в готовый борщ добавляли сыворотку или масленку (жидкость, которая оставалась после изготовления сыра и масла), особенно часто забеливали сметаной: «В основном борщи со сметаной ели»¹. Красный борщ широко употребляли не только как повседневное обеденное блюдо, но и на Рождество, свадьбы, крестины, поминки.

Реже готовили другую разновидность борща — щавелевый (зеленый, или весенний). Варили такой борщ без добавления свеклы со щавелем и с молодой свекольной ботвой: «Вот борщ варили со свекольных листьев, щавеля»². В 1940-е гг. его готовили с крапивой, лебедой и другой зеленью.

В с. Лукьяновка Одесского района Омской области украинское сельское население называло все супы, которые готовило, включая борщ, по-русски — «щи», вне зависимости от рецептуры. В селах Алтайского края (Кулундинский, Романовский районы) информанты хорошо помнят суп-«кандёр», напоминающий по входящим в его состав ингредиентам украинский кулеш. В бульон добавляли картофель, морковь, капусту, лук и обязательно пшено: «Мама еще варила суп-кандёр. Как борщ, только туда добавляли пшено. Картошка когда уже сварится, добавляли туда пшено»³. В Родинском районе (АК) подобное блюдо информанты называют «кандёр» или «степная каша»⁴. Оно отличается способом как приготовления, так и употребления в пищу. В кипящую воду добавляли кусочки соленого сала, предварительно очищенного и помытого в холодной воде, нарезанный картофель и пшено. Когда ингредиенты сварятся, сливают бульон — «сурпу» (шурпу) в отдельную посуду, а оставшуюся массу разминают до кашеобразного состояния. Употребляется в пищу растолченная каша и «вприхлебку бульон»⁵.

Второй по значимости составляющей в хозяйствах украинского населения в селах Западной Сибири было животноводство. Ка-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Степаненко М. И., 1927 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Константиновка. Небылица М. А., 1938 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Котикова Н. М., 1945 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Родинский район, с. Родино. Якутка Н. Ф., 1930 г. р.

⁵ Там же.

ждая семья сама обеспечивала себя мясом и молочными продуктами благодаря содержанию домашнего скота (коров, «свинэй» (свиней), овец) и птицы (кур, уток, гусей, со второй половины XX в. — индоуток). Однако в советский период их количество регламентировалось. Так, согласно Уставу 1935 г. каждый колхозный двор мог иметь «в личном пользовании корову, до двух голов молодняка рогатого скота, одну свиноматку с приплодом или, если правление колхоза найдет необходимым, две свиноматки с приплодом, до 10 овец и коз вместе, неограниченное количество птицы и кроликов и до 20 ульев. Каждый колхозный двор в земледельческих районах с развитым животноводством может иметь в личном пользовании 2–3 коровы и, кроме того, молодняк, от 2 до 3»¹. В годы Великой Отечественной войны согласно советскому законодательству продукты животноводства и растениеводства сдавались для государственных нужд. Таким образом, в силу проводимой государством политики подсобное хозяйство в 1930–1940-е гг. не могло полностью обеспечивать семью необходимыми продуктами, что сказывалось на рационе питания сельского населения. Выход из этой ситуации крестьяне находили в обходе закона — например, преуменьшая количество скота при учетных мероприятиях или практикуя нелегальный забой скота ночью: «Одну свинью держишь — полторы шкуры сдай, поэтому и резали тайно поросят в лесу»². В одной из похозяйственных книг с. Лукьяновка Одесского района Омской области за 1936 г. было обнаружено девять расписок следующего содержания: «Мы, нижеподписавшиеся, получили уведомление Лукьяновского сельсовета № ____ от «__» г. обязуемся при забое свиней снимать с них шкуры»³.

В среде украинцев как на территории Украины, так и в Западной Сибири наиболее ценным с точки зрения питательности считалась свинина (мясо, сало и т. д.)⁴. В хозяйствах украинского населения обследованных районов, по сведениям информантов, до

¹ Безнин М. А. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда, 2001. С. 23.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Зайцева Н. К., 1940 г. р.

³ Архивный отдел администрации Одесского района Омской области. Ф. 9. Оп. 1. Д. 6.

⁴ Артюх Л. Ф. Народная кулинария // Украинцы. М., 2000. С. 244; Ефремова Ю. Н. Традиции забоя скота в пищевой культуре украинцев Омского Прииртышья // Традиционная культура: научный альманах. 2012. № 2. С. 72.

1970-х гг. держали в основном 1–2 свиней, что было связано со сложностью обеспечения их кормами: «Тогда много не держали, нечем было кормить»¹. Позднее количество свиней во многом зависело от материальных возможностей хозяев.

В селах Западной Сибири вплоть до 1970-х гг. было принято забивать скот осенью после установления морозов, позволяющих хранить мясо длительное время в сенах или кладовой. Свиней кололи в конце ноября — начале декабря. Это было сугубо мужское занятие, женщины только грели воду, чтобы мыть тушу. Если в семье не было мужчин, то их нанимали, а за проделанную работу платили деньги или отдавали часть свежего мяса или сала. Забив свинью, тушу «смалили» — удаляли с кожи щетину. До появления паяльных ламп это делали традиционным способом, обкладывая соломой и поджигая. После этого обмывали и повторяли еще раз до полного выгорания щетины².

Украинское сельское население обследованных районов традиционно употребляло в пищу практически всю свиную тушу. Мясо солили редко, в основном варили или жарили. Его рубили на куски, складывали в деревянный ящик, стоявший в неотапливаемых кладовой или сенах, для того чтобы «как есть варить, оно уже готовое было — кусочки были нарублены»³.

Из свиного мяса в западносибирских селах часто готовили традиционное украинское блюдо — голубцы. Для их приготовления пшено слегка приваривали, смешивали с поджаренным луком, свиными шкварками, добавляли специй и начиняли этой смесью запаренные свежие или моченые капустные листья. Весной капусту заменяли молодой ботвой красной свеклы. Затем голубцы слегка поджаривали на сковороде, складывали в чугунок, заливали водой пополам с квасом или бульоном, сваренным на костях или мясе, добавляли сметану и ставили в хорошо вытопленную печь. Голубцы считались готовыми через 30–40 минут. Со второй половины XX в. голубцы начиняют рисово-мясной смесью и тушат, добавляя вместо кваса томатный сок, соус или пасту⁴.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Котикова Н. М., 1945 г. р.

Свиное сало украинцы всегда в большом количестве солили и широко использовали для приготовления различных блюд. Самым вкусным считалось сало со спины животного: «Ну, то, что на спине, оно там самое толстое и вкусное»¹. Разрезав сало на небольшие куски до шкуры, которую оставляли целой, его обильно солили, складывали в деревянные ящики и хранили в погребе. В районах Омской области сало предварительно заворачивали в хлопковую ткань, что позволяло хранить его в ящиках более длительное время². Примерно с 1970-х гг. сало стали солить в стеклянных банках, а соль смешивать с чесноком, что отличалось от традиционного украинского рецепта приготовления соленого сала. В Шербакульском районе Омской области сало с чесноком стали называть «рубелем»³. Сало ели с хлебом, огурцами и чесноком на полдник, с картошкой или кашей на завтрак и ужин, его поджаривали и добавляли в жидкие блюда, например в борщ, кулеш. На жареном сале готовили яичницу. Шкварки из свежего (несоленого) сала придавали особый привкус кашам, галушкам, вареникам, блинам и т. д.

Из сала, снятого с живота свиньи, готовили рулет. Для этого верхний тонкий слой сала с мясом на шкуре разрезали на полоски, засыпали их смесью перца, соли, чеснока, скручивали в рулет, связывали самодельными нитками из конопли, которые называли «дратвой»⁴. Рулет оставляли просолиться один-два дня, после чего запекали в печи 30–40 минут. «Он прожаривался. И вкуснятина была!»⁵.

Тщательно обработанные кишки и свиной желудок («шлунок»⁶, «кэндюх»⁷) также шли на приготовление традиционных блюд. Из ки-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

² Ефремова Ю. Н. Традиции забоя скота в пищевой культуре украинцев Омского Прииртышья // Традиционная культура: научный альманах. 2012. № 2. С. 72.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Кочанова Н. Ф., 1957 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

⁵ Там же.

⁶ Ефремова Ю. Н. Традиции забоя скота в пищевой культуре украинцев... С. 75; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Усенко А. Н., 1929 г. р.

⁷ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Титовка. Говорушко В. П., 1933 г. р.; Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.; Матери-

шок небольшого размера («только такие, средненькие, сильно толстые не брали»¹) делали домашнюю колбасу — «кровянку»². Для этого кишки замачивали в растворе соли, затем скоблили ножом, тщательно промывали и наполняли смесью из обжаренной муки, крови, соли. Затем завязывали с двух сторон, укладывали на сковороду и отправляли жариться в печь: «Вот это кровянка, она очень вкусная получалась!»³ Свиной желудок традиционно начиняли смесью из нарубленных кусочков мяса и сала, соли, перца, чеснока, зашивали дратвой и запекали в печи до готовности. В с. Романово (Романовский район, АК) это блюдо называли «ковбык»⁴. К концу XX в. с появлением на прилавках магазинов колбасы и увеличением покупательной способности сельского населения «кэндюх» и «кровянка» выходят из употребления, готовить их продолжают только пожилые украинцы. В с. Ирбизино Карасукского района (НСО) был записан современный рецепт приготовления «кровянки» без использования кишок: «Сейчас кровь тоже жарим. На сковородке. Если вот режут свинью, то выбирают кружечкой кровь. Принесут эту кровь, мы размешиваем ее и добавляем манки туда, яйцо, немножко молока, перчику немножко. На сковородке сало уже поджарится, и выливаем. Она жидкая, а когда сжарится — такая густая делается. Тоже вкусное, но такое своеобразное блюдо»⁵.

Из свиной головы и ног на протяжении всего рассматриваемого периода традиционно варили холодец («захолод»⁶). Когда разделяли свиную тушу, голову и ноги замачивали в теплой воде и тщательно мыли, очищали ножом, после чего складывали в чугунок, заливали водой и отправляли вариться в печь примерно на пять часов. Обязательно нужно «залить водой, чтобы она [вода] как бы чуть на пальчик скрыла кости. Вот если больше налить, тогда он [холодец] плохо

алы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Усенко А. Н., 1929 г. р.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 5. Оп. 4а. Д. 3. Бодряго Ю. Традиции в питании жителей с. Романово Романовского района в первой половине XX в. Романово, 2008. Л. 14.

⁵ Там же.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Сизова В. В., 1954 г. р.

застынет»¹. После этого мясо отделяли от костей, мелко резали, солили, добавляли перец и заливали бульоном из чугуна. После того как все «застынет»², холодец можно употреблять в пищу. Позже его стали варить в больших кастрюлях на электрической или газовой плите, сохраняя при этом традиционный способ приготовления блюда.

В конце XIX — XX в. в каждом хозяйстве украинцев Западной Сибири, за редким исключением, держали коров, поэтому молоко и молочные продукты — «сыр» (творог), сливочное масло, сметана — всегда были в рационе. Для приготовления сметаны и творога молоко отстаивали не менее трех дней, после чего верхний жирный слой молока — сметану («вершок») снимали, а простоквашу томили в печи до готовности творога. Затем его отбрасывали на сито, а оставшуюся жидкость (сыворотку) сливали и впоследствии использовали для выпечки. Сметаной в некоторых селах называли варенец. Для его приготовления свежее молоко томили в печи, пока сверху не образовывалась румяная корочка, остужали до комнатной температуры и заквашивали («подкладывали») «вершком». Через сутки варенец был готов³.

Согласно полевым материалам, сливочное масло традиционно сбивали вручную. Для этого «вершок» собирали в глиняный горшок и ставили в печь томиться. Затем остужали, аккуратно прокалывали образовавшийся сверху жирный слой и сливали жидкость, оставшуюся массу мешали ложкой или «веселкой» до готовности масла. В Кулундинском районе (АК) после расселения депортированных в 1941 г. немцев украинцы стали сбивать масло в немецких маслобойках. «Мы до них и не делали так. А как немцев привезли, они много с собой чего навезли, и маслобойки эти. Так им есть нечего, они и меняли. А потом у нас все так стали масло делать»⁴. Распространение

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область Шербакульский район с. Максимовка. Форот Т. М., 1941 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 5. Оп. 4а. Д. 3. Бодряго Ю. Традиции в питании жителей с. Романово Романовского района в первой половине XX в. Романово, 2008. Л. 16.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Юрченко Л. В., 1935 г. р.

сепараторов в селах рассматриваемого региона информанты также связывают с немецким населением¹. Аналогичная ситуация наблюдалась и в южных районах Омской области, где немецкое и украинское население проживало чересполосно.

Популярным блюдом был кисель: «белый»², сваренный на молоке, или «черный»³ — на воде с добавлением ягод: «Кисель делали с тех ягод, которые собирали и сушили: с вишни, яблочки маленькие»⁴. Приготовление киселя по традиционному украинскому рецепту из овсяных зерен с добавлением кусков хлеба зафиксировано не было. Информантам известен только способ приготовления киселя на основе крахмала, который в первой половине XX в., а в некоторых семьях и позже, делали из картофеля в домашних условиях⁵. Крахмал разводили в небольшом количестве холодной воды, затем выливали в кипящую воду с добавлением ягод или молока. Когда жидкость сгущалась, кисель был готов. Молочный кисель могли готовить как сладким, так и соленым. Наиболее вкусным считался густой кисель. С появлением в продаже крахмала и готовых пакетированных смесей для киселя способ приготовления этого блюда значительно упростился. Молочный кисель в семьях украинского населения вплоть до конца XX в. готовили представительницы старшего поколения. С. Н. Воробьева, 1973 г. р., рассказывала: «У него [молочного киселя] своеобразный вкус, к этому надо с детства приучать. Ребенок мой точно такое не ел бы. А я в своем детстве ела у бабы Кати, ну и мама такое варила, но чаще — у бабы Кати»⁶.

Из напитков наибольшее предпочтение отдавалось коровьему молоку, квасу, «узвару» (компоту) и чаю. Информанты вспоминали, что часто пили сырое коровье молоко, особенно любили охлажден-

¹ Щеглова Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири... С. 44–45.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Константиновка. Небылица М. А., 1938 г. р.

³ Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры... С. 68.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Константиновка. Небылица М. А., 1938 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Котикова Н. М., 1945 г. р.; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Терех В. П., 1948 г. р.; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Котенко Н. К., 1939 г. р.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Сидоровка. Воробьева С. Н., 1973 г. р.

Рис. 49. Крынка. Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Музей Беленской МБОУ СОШ. Материалы ЭЭ 2015 г.

ное: «Украинцы молока крынку обузуют через верх, и все!»¹ (рис. 49).

На протяжении всего рассматриваемого периода популярностью пользовался хлебный квас, приготовленный по украинской традиции из ржаного хлеба. Из ржаной муки делали небольшие лепешки, которые называли «квасцы»², их ставили в печь после того, как выпекали хлеб, и очень сильно поджаривали, «чтобы они аж почернели»³. Добавляли «квасцы» (один-два) в кипяченую воду и ставили в темное прохладное место на несколько дней. От «квасцов» вода приобретала яркий красно-оранжевый цвет, что, по мнению информантов, являлось показателем хорошего кваса. С появлением в магазинах готовой смеси для приготовления

кваса лишь украинцы старшего поколения хранили традиционный способ его приготовления. Пили квас ежедневно, особенно летом в жаркую погоду, так как он хорошо утолял жажду.

Из свежих (летом) и сушеных (осенью, зимой, весной) ягод в семьях украинцев Западной Сибири варили «узвар»⁴ (компот). По мне-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятьково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятьково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.; пос. Борисовский. Титова З. Д., 1944 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятьково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Зайцева Н. К., 1940 г. р.

нию А. И. Коваленко, название «узвар» напиток получил потому, что варили его на соке красной свеклы, которую для этого «упаривали три дня»: «Буряки режем дня три — помогаем бабушке. Это ж в чугуна бабушка и в печку. Она [свекла] ж сок даст, эту свеклу выбирают, завтра туда же режем свеклу и опять — в печку. Еще добавится сок, назавтра — еще. Оно тогда такое сладкое! Вытащит бабушка с пачки, свеклу выберет — и нам на печку: „Ишьти, диты!“, а туда все ягоды добавляет, компот варит»¹.

Большей части опрошенных известен более простой способ приготовления «узвара»: сушеные на печи или солнце ягоды заливали кипятком и парили в печи. Затем напиток давали время настояться, процеживали и пили. Отваренные ягоды ели. Позже стали добавлять сахар: «В кипятке ягоды покипят, а потом сахар закладывали туда. И потом он [компот] настаивался и очень вкусный был!»² «Узвар» ставили на стол в кувшине, а ягоды выкладывали в такую посуду, чтобы их было удобно брать. В ходе полевой работы удалось обнаружить красивый глазурованный кувшин для «узвара» у информанта с. Лебяжье Егорьевского района Алтайского края (цв. ил. 27). Со второй половины XX в. компот из ягод стали заготавливать на зиму в стеклянных банках объемом два-три литра: «Ну, тогда как-то в банках компот не закручивали, это потом уже стали закручивать. Это сейчас уже в банках»³. Варить компот стали также из приобретенной в магазине фруктовой смеси (в основном из яблок), и от традиционной заготовки ягод многие отказались.

Чай в семьях украинского сельского населения Западной Сибири пили редко. Это было связано с несколькими причинами. Во-первых, на территории Украины чай проникает в крестьянский быт лишь со второй половины XIX в. с развитием торговли⁴. Во-вторых, продажа чая, особенно в новооснованных районах Западной Сибири, долгое время не была массово распространена: «А тогда не было

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Коваленко А. И., 1940 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Константиновка. Небылица М. А., 1938 г. р.

⁴ Артюх Л. Ф. Повседневная, праздничная, обрядовая еда и напитки (система питания украинцев) // Украинская народная кулинария: историко-этнографические достижения. 1977. № 3. С. 123–141.

этого чая, и как-то не заведено этот чай пить»¹. Опрошенные часто вспоминали, что употребление чая первоначально было распространено только в семьях русских старожилов: «Они больше, сибиряки, на чаё»². Украинцы вместо него пили заваренную траву зверобоя, душицы, чабреца, мяты, листья и цветы земляники, листья вишни, малины, смородины и т. д. В течение XX в. чаепитие очень широко распространилось в сельской среде, стало повседневным явлением, в том числе и в семьях украинского населения. С 1960-х гг. чай появляется на прилавках магазинов: «В пакетиках чая сроду не было! Покупали. Он был толстым таким слоем из косточек. Назывался он „фруктовый чай“. Вот которые сушат фрукты там, например вишню, яблоню, и там косточки эти. Вот его разломаешь, и вот можно было его жевать. Он как халва, только он сделан для чая. Там могли добавить вишневые листочки, малиновые»³. Позже распространяется готовый пакетированный черный чай. При этом украинское население сохранило традицию сбора листьев мяты, чабреца, черной смородины, ягод шиповника и употребления напитка из них вплоть до настоящего времени.

Способ приготовления кофе украинцы переняли у депортированного в 1941 г. немецкого населения. Зерна ячменя пережаривали в печи, мололи на крупорушке, готовый порошок заливали горячей кипяченой водой и давали настояться несколько минут. Ю. Ф. Титов рассказывал: «А вот в Скотовадском [название поселка] немцы приучили кофе пить. Тогда и не было кофе, мы только чай знали. А они ячмень пережигали и делали кофе»⁴. К концу XX в. употребление кофе становится обыденным в связи с наличием его в сельских магазинах.

Из алкогольных напитков украинское сельское население Западной Сибири употребляло «брагу», самогон, водку и наливки из ягод. По словам информантов, «пить некогда было тогда, работали все; на праздники, и то так только [мало]»⁵. Распространенным спиртным

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Титовка. Бесчеремный С. В., 1926 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Котикова Н. М., 1945 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, пос. Борисовский. Титов Ю. Ф., 1937 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Пан-

напитком у украинского сельского населения рассматриваемого региона была основа для русской традиционной водки — «брага». Ее делали из пророщенных зерен ржи, реже пшеницы, и красной свеклы («буряка»). Зерна проращивали, закладывали в большие деревянные, позже металлические, бочки, добавляли свеклу или сахар и ставили киснуть, затем отстаивали и употребляли. Информанты вспоминают, что «брагу с буряка» стали делать примерно с 1960-х гг.¹: «Колхозы тогда сеять стали, ну это уже когда свекла пошла»². Т. И. Перепончик рассказывала, как брагу готовили из замерзших арбузов и дынь: «Брагу делали. Не было с чего делать брагу, а нам охота погулять! В колхозе арбузы уродились, а там клуб недоделан был, там арбузы и дыни позмерзлы. Так мы сторожа подговорили и приволокли целую телегу этих арбузов. Во флягу надушим [надавим] соку и дрожжей туда. Во получается! Тоди гуляем!»³

При наличии специального аппарата из браги «гнали» самогон⁴. Информанты рассказывали: «Бражка и самогонка — не одно и то же. Самогонка есть самогонка. А бражку заводят для самогонки, потом уже на самогонном аппарате делают самогонку»⁵. Водку приобретали в магазине. Традиционное название «горилка» в речи украинского населения Западной Сибири не использовалось.

С развитием колхозного садоводства (с 1950-х гг.) украинцы Западной Сибири стали делать слабоалкогольные напитки домашнего приготовления из разных ягод — традиционные наливки⁶. Спелые ягоды вишни, смородины, малины, крыжовника насыпали в бутылки или банки, присыпали небольшим количеством сахара. Ягоды пуска-

крушихинский район, пос. Борисовский. Петрухин В. И., 1938 г. р.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, пос. Борисовский. Титов Ю. Ф., 1937 г. р.; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Поливикова В. Г., 1950 г. р.; Терех В. П., 1948 г. р.; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Котенко Н. К., 1939 г. р.; Сухомлин Е. Г., 1936 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, пос. Борисовский. Титов Ю. Ф., 1937 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, г. Карасук. Перепончик Т. И., 1927 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Ивануха С. Л., 1935 г. р.

⁵ Там же.

⁶ Артюх Л. Ф. Народная кулинария // Украинцы. М., 2000. С. 251.

ли сок, сахар растворялся. Наливки ставили в теплое темное место и давали побродить в течение двух-трех недель, затем жидкость сливали. В зависимости от исходного продукта наливки назывались соответственно «вишневка», «малиновка» и т. д. Эти напитки остаются популярными и сегодня.

Особое место в системе питания занимает обрядовая пища. Народная обрядовая еда — не только средство удовлетворения жизненной потребности человека, но и важная форма социального общения, традиционная общественная ценность, которая несет символическую нагрузку¹.

Важнейшим атрибутом украинских семейных обрядов в селах Западной Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода традиционно оставался хлеб. Особенно широко он использовался в украинской свадьбе и являлся ее отличительной особенностью. До 1970-х гг. в западносибирских селах сохранялась традиция выпечки различных видов свадебного хлеба (каравай, «шишки», «лежень») замужними женщинами, живущими с мужьями в мире и согласии. Это сулило молодым счастливый брак. Обычно приглашали восемьдесят человек, поскольку «выпечки-то много, они все выпекали на свадьбу»². «В пятницу перед свадьбой в доме невесты собираются соседки — печь каравай. Каждая должна принести с собой вклад в каравай (муку, яйца, сахар, масло), кто что сможет. Каравай — это большой пирог из сдобного теста»³. В некоторых селах каравай по традиции пекли тетка или крестная жениха или невесты. Специфического названия «каравайницы» украинское сельское население изучаемого региона не сохранило, так же как и магических действий, сопровождаемых обрядовыми песнями и ритуальным танцем «по солнцу»⁴. На территории Украины с приготовлением караваев было связано много верований и примет: если каравай испекся с трещиной посредине, то это предвещало молодой паре развод или разлуку, а пригоревший — сердитый нрав одного из супругов. В ходе полевых исследований воспоминаний об этом записать не удалось.

¹ Там же. С. 254.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.; с. Кулунда. Рябушенко В. Г., 1941 г. р.

³ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2017 г.: Омская область, Калачинский район, с. Глуховка. Литвинюк Л. Д., 1955 г. р.

⁴ Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов: Избранные труды. М., 1996. С. 298.

Повсеместно в обследованных селах украинцы сохраняли традицию украшения свадебного каравая. До 1950-х гг. для этого использовали калину, считавшуюся символом счастья, цветы из красных ниток мулине¹, позже — цветы, птички, «шишки» из теста. В Калачинском районе Омской области каравай украшали «листочками, цветочками, птичками из теста, в центре — два голубя, сделанные из теста. Все украшение вместе с караваем запекается в печи»². В селах Романовского района (АК) каравай пекли из кислого теста (иногда с добавлением изюма) и украшали аналогично пасхальному куличу («паске»). Крест-накрест укладывали надрезанные с двух сторон полоски теста («делаешь перекрестье»), в месте их соединения по центру каравая ставили «шишку» (полоску теста, надрезанную с одной стороны и скатанную в валик) и крепили ее веточкой вербы, хранившейся с Вербного воскресенья, или спичкой. Украшенную часть каравая смазывали яйцом. После выпечки украшение дополняли бумажными цветами³. В селах Кулундинского района (АК) каравай украшали «каравайными палочками»⁴: на деревянные палочки по всей длине накручивали «каравайное» тесто и запекали в печи, а по достижении готовности «палочки втыкали по всему караваю»⁵. В центр каравая обязательно ставили солонку с солью. По способу изготовления такой каравай напоминает один из видов украинского (Кубань) «дывня» — круглый хлеб, в который по краю вставляли три обвитые тестом веточки, а по периметру опоясывали косичкой из теста⁶. Однако информанты не используют названия «дывень», а называют такой хлеб караваем. Традиция опоясывать каравай по кругу венком из листьев сохранилась в Омской области: «На готовый выпеченный каравай укладывают кругом венок из листьев барвинка и искусственных цветов, а в центре — букет из ржаных коло-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Бараненко А. М., 1918 г. р.

² Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2017 г.: Омская область, Калачинский район, с. Глуховка. Литвинюк Л. Д., 1955 г. р.

³ Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Сидоровка. Кравченко О. И., 1937 г. р.; Кулыша А. Ф., 1939 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

⁵ Там же.

⁶ Финько О. С. Концепт «хлеб» в традиционном свадебном обряде Кубани (на материале станицы Черноерковской) // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2011. № 3. С. 86–89.

сков. Все это символизирует богатство в семье»¹. К концу XX в. каравай уже редко пекли дома, преимущественно его стали заказывать в сельских хлебопекарнях.

Для украинских свадеб в селах Западной Сибири по традиции пекли много булочек («шишек»²), которые до 1960-х гг. молодые использовали для приглашения гостей. С появлением в 1970-х гг. приглачительных открыток «шишки» стали подавать на стол как угощение. Булочки выпекали из каравайного теста. На территории Омской области О. Г. Сидорской было выявлено три способа изготовления «шишки»: «шишка-вырезочка» — раскатывали жгут теста, скручивали в рулет и объединяли еще одним жгутом теста, при этом края не надрезали; «шишка-цветочек» — из теста раскатывали лепешку, резали на узкие дольки, не прорезая середину, и сворачивали в «цветочек», закрепляя жгутом из теста; «шишка с махрушкой» — жгут из теста надрезали с одной из сторон по диагонали в четырех местах, один из получившихся сегментов надрезали еще несколько раз и делали из него так называемую «махрушку», которую помещали в центр «шишки»³. В селах Алтайского края и Новосибирской области «шишки» делали так: раскатывали тесто, разрезали на небольшие ленты, надрезали их по краям и скатывали: «Таку раскатают ленточку, тоди ее так порэжутъ и скрутят, как шишка получается»⁴.

Традиция изготовления и использования в качестве приглашения на свадьбу выпечки в форме «шишек», по мнению Л. Войтюк, происходит от обряда, когда на ворота дома, где проходила свадьба, вешалась «гилка» (ветка сосны, ели), и гости должны были ее чем-то украсить: повязать ленточку, повесить шишку. Когда гости расходились, каждый должен был забрать с собой одну из шишек. Чем меньше шишек оставалось, тем дольше должны были прожить молодые⁵. Л. Войтюк отмечает, что сосна в народных верованиях украинцев

¹ Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2017 г.: Омская область Калачинский район с. Глуховка. Литвинюк Л. Д., 1955 г. р.

² Архив ЛИК АлтГПА. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Дубровино. Ещенко А. И., 1939 г. р.; Романченко Р. В., 1935 г. р.; Высоцкая Л. Свадебный обряд украинских переселенцев... С. 297–299.

³ Сидорская О. Г. Свадебная обрядность украинцев Омской области... С. 27.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Заказова Ф. И., 1917 г. р.

⁵ Войтюк Л. Каравайный обряд в Полесье // Народное творчество и этнография. 2004. № 3. С. 76–82.

Рис. 50. Молодые с «гильцем». 31 декабря 1955 г. Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Музей Беленской МБОУ СОШ. Материалы ЭЭ 2015 г.

была символом жизненной силы, плодovitости и при этом служила оберегом от нечистой силы. Со временем семантическая нагрузка сосновой шишки, вероятно, была перенесена на булочку-«шишку»¹. Семантическая нагрузка шишки как оберега в имеющихся материалах интервьюирования не просматривается.

Также в некоторых селах Омской области на украинскую свадьбу выпекали традиционный круглый хлеб, который называли «лежень» и использовали для установки веток свадебного деревца-«гильца»² (рис. 50). «Лежень» в пищу не употребляли, а чаще всего

¹ Там же.

²Ефремова Ю. Н. Пища в свадебной обрядности украинцев Омского Прииртышья XX века // Омский научный вестник. № 4 (111). С. 39.

после окончания свадьбы скармливали курам, так как булка оставалась в многочисленных ямках от веточек «гильца».

Повсеместно в изучаемом регионе на третий день свадьбы готовили мясо кур, которых «воровали» (собирали) по дворам приглашенных на свадьбу гостей ряженные «цыгане». Распространенным свадебным блюдом был суп из куриного мяса с добавлением лука, соли, перца, домашней лапши, редко картофеля. В среде украинского сельского населения Алтайского края во второй половине XX в. было распространено также употребление жареного мяса: «Третий день куры. Курэй собирають. Курэй как насобирають — жарють курэй»¹.

В селах Западной Сибири украинское население вплоть до конца XX в. сохраняло традицию приготовления на Пасху обрядового хлеба, который повсеместно называли «паска». Пекли «паски» из кислого, как обычный хлеб, или сдобного теста. Сдобное тесто на яйцах, масле, сметане, масле, сахаре хорошо вымешивали и ставили в теплое место «подходить». Смазав формы для выпечки, вкладывали туда тесто, следя, чтобы оно занимало не больше $\frac{2}{3}$ сосуда. Верх «пасхи» украшали «дробиночками» (разрезанными с двух сторон полосками теста), «шишками», птичками и крестами из теста, смазывали яйцом или только желтком и оставляли «подходить» еще раз. После этого с большой осторожностью его ставили в хорошо нагретую печь².

До настоящего времени в украинских семьях готовят кутю («кутю») как традиционное ритуальное поминальное кушанье и рождественское блюдо («богатую кутю»³). До середины XX в. «кутю» («голодную кутю»⁴) варили также на Крещение и Троицу⁵. Традиционно кутю готовили из пшеницы. Очищенные зерна пшеницы варили до готовности, охлаждали, поливали «узваром», медом или слабым сахарным сиропом. В селах Новосибирской области добавляли

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Бараненко А. М., 1918 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Курилко В. П., 1939 г. р.; с. Семеновка. Сизова В. В., 1954 г. р.; Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Бодряго Н. А., 1966 г. р.; с. Сидоровка. Петечел Л. К., 1940 г. р.

³ Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И. Очерки традиционной культуры... С. 68.

⁴ Там же.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Коваленко А. И., 1940 г. р.

мак¹. Во второй половине XX в. вместо пшеницы стали использовать перловую крупу или рис, добавлять распаренный изюм. Информанты рассказывали: «Кутья — это самое пѣрвое блюдо!»² С него начинают рождественский ужин, поминальный обед после захоронения, на девять и сорок дней, а также на годовщины после смерти³. Каждый присутствующий на поминальной трапезе обязательно должен съесть три ложки «кутьи» и сказать: «Царство небесное, пусть земля будет пухом»⁴. Во время Рождества считалось, что если первым блюдом съесть кутью, то человек будет жить во здравии и благополучии весь наступающий год⁵. В некоторых селах Алтайского края кутью варят только накануне Рождества, а для поминального обеда готовят «канун». В с. Сидоровка Романовского района (АК) кутья в настоящее время представляет собой отварную перловую крупу, залитую «узваром» (компотом из сухофруктов или высушенных ягод), а канун — отварной рис с добавлением меда⁶. В с. Романово Романовского района (АК) канун готовят из риса с изюмом⁷, а в с. Родино Родинского района (АК) — из накрошенной мелкими кусочками буханки хлеба с водой и сахаром или медом⁸.

Режим питания на протяжении всего рассматриваемого периода зависел от трудового распорядка крестьянской семьи. Зимой питание было трехразовым, а весной, летом и осенью, когда шли поле-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, г. Карасук. Перепончик Т. И., 1927 г. р.

² Там же.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, г. Карасук. Перепончик Т. И., 1927 г. р.; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2012 г.: Омская область, Шербакульский район, с. Максимовка. Терех В. П., 1948 г. р.; Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2013 г.: Омская область, Одесский район, с. Лукьяновка. Котенко Н. К., 1939 г. р.; Сухомлин Е. Г., 1936 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, г. Карасук. Перепончик Т. И., 1927 г. р.

⁵ Кривчик Ю. В., Адарич О. Е. Традиционные календарные праздники украинских переселенцев и их потомков в селе Романово Романовского района в первой половине XX в.: святочный цикл // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011–2012 гг. Вып. 8. Барнаул, 2013. С. 166.

⁶ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Сидоровка. Кулыша А. Ф., 1939 г. р.

⁷ Курило А. В. Современная похоронно-поминальная обрядность украинского населения... С. 184.

⁸ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Родинский район, с. Родино. Коржова У. Ф., 1922 г. р.

вые работы, требовавшие удлинения рабочего дня, — четырехразовым. Название времени приема пищи было общим для всех украинцев Западной Сибири: «снидать»¹ (завтракать), «обедня», «обид» (обед), «полудник» (полдник), «вечеря»² (ужин). Пищу готовили в русской печи, которую топили дважды в день — утром и вечером. На завтрак готовили горячую плотную пищу — кашу, «яешню»³ (омлет), вареный картофель и т. д. Обед был очень калорийным. «Полудновали» примерно в четыре часа дня салом, овощами, варениками. Ужинали в позднее время — в 11 часов, горячей пищей.

За столом собирались всей семьей. Вплоть до 1950-х гг. ели из одной посуды — чугуна или миски — деревянными ложками (рис. 51): «В чугунах тогда готовили, ведь ничего не было, ни казанов, ни кастрюль. Вот этот полный чугуняку на стол поставят и едят все. Да так вкусно было тогда!»⁴ С улучшением материального положения сельских жителей, которое основная часть опрошенных относит к началу 1950-х гг., в домах появилась металлическая и стеклянная посуда (ложки, тарелки, кастрюли, стаканы и т. д.).

Долгое время в семьях сохранялась традиция начинать прием пищи с разрешения хозяина дома — чаще отца или деда, в годы войны — бабушки или матери. Ели без лишнего шума и разговоров. Детям запрещалось смеяться и шалить за столом, за непослушание их могли наказать. К концу XX в. традиционный режим питания украинским сельским населением соблюдаться практически перестал: «Кто когда есть захотел, тот тогда и садится за стол, не ждет никого»⁵. Связано это было с изменением трудового распорядка сельских жителей и различиями в нормировании рабочего времени у членов семей.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятьково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.; Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Титовка. Бесчеремный С. В., 1926 г. р.; Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Благовещенский район, с. Яготино. Кошун Т. Г., 1936 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Лебяжье. Косьяненко Е. Л., 1925 г. р.

³ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятьково. Аношенко И. Л., 1931 г. р.

⁴ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко М. Г., 1939 г. р.

⁵ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Арендаренко Е. Я., 1937 г. р.

Рис. 51. Деревянные ложки. Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Музей Беленской МБОУ СОШ. Материалы ЭЭ 2015 г.

Таким образом, в конце XIX — XX в. украинское сельское население Западной Сибири сохраняло в основе повседневного рациона и обрядовой пищи блюда и напитки традиционной украинской кухни. Сохранению традиционной системы питания украинского сельского населения Западной Сибири в значительной мере способствовала семья. Вкусовые предпочтения формировались в семье, рецепты приготовления излюбленных блюд передавались из поколения в поколение¹. «Борщ мать любила, я любил материн борщ. Она сама с Украины. И украинский борщ варила, он мне нравился. Мы так его и делаем, как она»². Как показывают полевые материалы, информанты, рожденные в 1930–1940-е гг., хорошо помнят традиционные рецепты украинских блюд и продолжают их готовить. Возможно, это связано с тем, что их воспитанием занималось старшее поколение (бабушки, дедушки), передавая им опыт ведения домашнего хозяйства. Со второй половины XX в. источники информации о способах и технологии приготовления блюд расширяются: издаются кулинарные сборники, в печатных СМИ появляются специальные «кулинарные» рубрики, роль семьи в трансляции этнических традиций, в том числе традиций питания, значительно ослабевает.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Котикова Н. М., 1945 г. р.; Коваленко А. И., 1940 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятьково. Кононенко А. П., 1938 г. р.

В то же время система питания украинского населения Западной Сибири на протяжении всего изучаемого периода менялась в ходе адаптации к природной среде, под влиянием иноэтнического окружения и социокультурных факторов. Влияние природно-климатических условий на систему и характер питания первых переселенцев выразилось в сокращении доли овощей и фруктов. Известно, что в конце XIX — начале XX в. стремление украинцев выращивать привычные культуры не имело успеха. Всходы погибали из-за поздних заморозков: «Раз картошку посадили, а она помэрзла вся, и есть нечего»¹. Однако уже ко второму десятилетию XX в. украинское население научилось выращивать в сибирских условиях фасоль, кукурузу, бахчевые культуры.

Пришлось отказаться переселенцам и от характерных для территории Украины садов и палисадников (за исключением отдельных районов Омской области), в которых выращивали фрукты и ягоды. В связи с этим украинцы вернулись к традиционному собирательству. Вишня, сливы, груши были заменены местными яблочками-дичками, ягодами полевой клубники, паслена, дикой смородины, которые использовали в свежем виде и в большом количестве заготавливали на зиму².

Способы приготовления блюд были идентичны традиционным вплоть до 1960-х гг. Начавшееся затем активное изменение рецептуры блюд выражалось в замене отдельных ингредиентов покупными продуктами и полуфабрикатами, а также изменении способа приготовления (вместо томления в печи — варка и жарка на газовых или электрических плитах).

Особенности расселения украинцев в Западной Сибири способствовали их тесному взаимодействию с другими народами (русскими, немцами, казахами, латышами, белорусами), что, безусловно, разнообразило кухню украинского населения. Анализ полевых материалов показал, что в большинстве своем украинцы заимствовали способы приготовления блюд и напитков из немецкой кухни (сепарирование сметаны, «накотка», кофе из пережаренного ячменя, суп-лапша и т. д.), реже из русской (вареники с сырым тертым карто-

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Гилев. Лог. Химочкина П. А., 1932 г. р.

² Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Котикова Н. М., 1945 г. р.

фелем, пельмени, чай, брага). Вероятно, это можно объяснить тем, что украинцы в силу особенностей расселения чаще соседствовали с южнорусскими переселенцами, чем с русскими старожилами, а традиции питания переселенцев с юга России и юго-востока Украины имели много общего. В 1990-е гг. с появлением в селах региона переселенцев из Средней Азии и Кавказа популярными у украинцев становятся манты, бешбармак, плов, шашлык, беляши и др. Нередко рецептура понравившихся блюд других народов адаптировалась с учетом собственных вкусовых предпочтений, а названия давались по аналогии с привычными блюдами. Так, в с. Сидоровка Романовского района (АК) в семьях украинского населения в настоящее время готовят, помимо традиционных украинских галушек, еще «немецкие галушки» (клецки с квашеной капустой или штрудли с картофелем и мясом) и «чеченские галушки» (жизиг-галнаш)¹.

Со второй половины XX в. система питания украинского сельского населения, так же как и другие сферы этнической культуры, постепенно изменяется в сторону унификации, что обусловлено, в частности, появлением новой техники, используемой хозяйками, обилием в продаже продуктов питания, полуфабрикатов и готовых блюд, широкой доступностью самых разнообразных рецептов и т. п. Однако полевые исследования показали, что для украинского сельского населения пища до настоящего времени остается важнейшим маркером и для самоидентификации в иноэтничном окружении, и для презентации культурных традиций своего народа.

¹ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Сидоровка. Воробьева С. Н., 1973 г. р.

Заключение

Проведенное исследование показало, что семейно-бытовая культура, принесенная украинскими переселенцами конца XIX — начала XX в. в Западную Сибирь, во многом сохраняла традиционность и отличалась от культуры русских старожилов и народов-переселенцев. Как и у всех народов региона, активное изменение традиционных форм и внедрение новаций началось с 1930-х гг. под влиянием социоэкономических и политических факторов. Между тем устойчивость традиционных форм в различных сферах культуры украинских переселенцев на протяжении XX в. была различной.

Изменения, произошедшие в структуре и численности семьи украинских переселенцев, демонстрируют материалы государственного статистического учета населения. Так, в конце XIX — начале XX в. отмечается сохранение сложных семей, что было обусловлено необходимостью объединения сил и ресурсов в процессе освоения новых территорий и адаптации к условиям Сибири. Многопоколенные семьи украинского сельского населения в этот период отличаются сложной структурой, включая, кроме прямых родственников, также и представителей боковых ветвей в системе родства — дядьев, взрослых двоюродных братьев и сестер с семьями и т. п. Однако практически сразу после переезда в Сибирь начинаются закономерные процессы семейных разделов и переход к простым семьям, которые включают два поколения родственников. Вплоть до 1960-х гг. сохраняется традиция проживания с родителями младших детей (неразделенные семьи), связанная с системой наследования имущества.

Сложившаяся система взаимоотношений внутри семьи у украинского сельского населения Западной Сибири характеризуется сохранением патриархальных традиций и существованием четкой половозрастной дифференциации.

На характеристики семьи большое влияние оказывает государственная политика. Начавшаяся коллективизация, например, способствовала сокращению среднего размера семей и усилению семейных разделов, так как крупные неразделенные семьи часто оказывались в категории «кулаков» и «середняков».

Начиная с 1930-х гг. наблюдается снижение количественных показателей: так, если в конце XIX в. семьи насчитывают в среднем 6–10 человек, то к первой половине XX в. — 4–6 человек.

Более поздний процесс урбанизации привел к перераспределению населения внутри регионов, что повлекло за собой трансформацию половозрастной структуры в среде украинского сельского населения Западной Сибири. По материалам переписей второй половины XX в. наблюдается сокращение числа молодежи в селах и, как следствие, — изменение социокультурных характеристик. Так, если в конце XIX — первой четверти XX в. отношения, связанные со сферой воспитания и внутрисемейным бытом, у украинского сельского населения Западной Сибири демонстрировали ориентацию на религиозные и хозяйственные ценности, то в более поздний период они включали и идеи, формулируемые новой системой воспитания и образования: национальной или общеобразовательной советской школой, детскими садами и т. п. К 1930-м гг. на их основе сформировался концепт «советского детства».

Все это способствует выходу из обихода украинского языка, традиционных форм детского фольклора (исключение здесь составляют колыбельные и сказки), традиционных форм игровой культуры (выходят из обихода игры, связанные с календарной обрядностью). Однако имеющиеся материалы демонстрируют разную степень интенсивности данных процессов: так, на территории Алтайского края и Новосибирской области они протекают медленнее, тогда как в Омской области их завершение приходится на 1970–1980 гг. Несмотря на упомянутые изменения, важной чертой остается почитание старших членов семьи, поддержание отношений с родственниками.

Семейная обрядность украинского сельского населения Западной Сибири рассматриваемого периода представляет собой сложный комплекс, включающий как традиционные составляющие, свойственные всем восточнославянским народам и специфические для изучаемой группы, так и множественные напластования, возникающие под влиянием разного рода факторов в процессе общественного развития. Изучение родильно-крестильной, свадебной и похоронно-поминальной обрядности украинского сельского населения, преимущественно на основе материалов интервьюирования, позволило частично реконструировать ее традиционную составляющую и в полной мере рассмотреть начиная с 1930-х гг. При этом наиболее весомый массив источников получен по свадебному обря-

ду, сохранявшему свою этническую специфику в регионе вплоть до 1970-х гг.

Исследование показало, что свадьба украинского сельского населения Западной Сибири в первой половине XX в. сохраняла основные традиционные этапы, специфические украинские названия, форму и содержание: выбор брачного партнера, несколько встреч, не носивших обрядового характера, — «оглядины», «заручины», обрядовые встречи — сватовство, «вэчерку», подготовку свадебного поезда в доме жениха, встречу поезда у дома невесты, венчание (до 1930-х гг.), выкуп невесты, встречу молодых в доме родителей жениха, посад молодых, дары, покрывание молодой, обряд «комора», демонстрацию «честности» невесты, обряд «сниданье», «бритье» опоздавших гостей, «сор», «ряжение» и «катания» родителей, сбор кур, приготовление супа или лапши с курицей. При этом в рассматриваемых регионах выявлены специфические названия обрядов.

С 1950-х гг. возникают новые черты, ранее не характерные для традиционного обряда: регистрация брака, выкуп приданого несколько раз (в доме невесты и в доме жениха), воровство невесты и ее туфли, проведение свадеб во время постов, выбор брачного партнера молодыми людьми по взаимной симпатии, приглашение гостей пригласительными открытками и т. д. В ходе полевых исследований определено, какое влияние на изменение традиционного предсвадебного этапа оказали другие этнические группы — русские (помолвка, запой, рукобитье, девичник, приглашение гостей с караваем), немцы (например, приглашение гостей с деревянным посохом) и др.

Изменяется и материальная составляющая обрядности, что ярче всего видно на примере пищи и одежды. Причинами этих трансформаций, помимо этнокультурных взаимосвязей, стали процессы урбанизации, способствующие унификации свадебных обрядов по городскому образцу, а также изменение коммуникативной составляющей: сельская молодежь теперь не была ограничена рамками определенных «брачных кругов», требующих привлечения посредников из числа старших родственников.

Схожие процессы наблюдались и в сфере родильно-крестильной обрядности. Основной комплекс традиционной родильно-крестильной обрядности у украинского сельского населения Западной Сибири просуществовал до 1950-х гг. При анализе полевого материала отмечена его структурно-тематическая неравномерность. В частности, родильная обрядность в основном представлена темами о дородо-

вых и послеродовых процедурах. Источники демонстрируют существование универсальных процедур, направленных на сохранение здоровья будущей матери и плода, наличие схожих способов определения пола будущего ребенка. Как и в других сферах культуры, на территории ряда районов Алтайского края и Новосибирской области фиксируется больше терминов на украинском языке, чем в Омской области. Важную роль в трансформации родильного обряда сыграла государственная политика, направленная на развитие системы здравоохранения. Однако, несмотря на произошедшие изменения, информация о родильно-крестильной обрядности сохраняется в памяти информантов до сих пор, что свидетельствует о ее важной роли в жизни исследуемого населения.

На похоронно-поминальную обрядность украинцев, как и на остальные сферы семейной обрядности, первоначально большое влияние оказал процесс переселения в Сибирь. Поскольку основная масса украинского сельского населения оказалась в Сибири в период массовых переселений, важной проблемой, как следует из имеющихся материалов, стала организация кладбищ. Большая часть кладбищ в переселенческих населенных пунктах была организована самовольно, без фиксации со стороны церкви и государства.

В среде украинского сельского населения Западной Сибири сохраняются традиции, характерные для всех групп славянского населения региона. Однако практически везде наблюдается две тенденции: сохранение фольклорных форм на украинском языке и одновременно — использование русского языка в материальных элементах. Здесь обнаруживаются параллели между погребальной и свадебной обрядностью: застольные свадебные песни и элементы причетов воспроизводятся на украинском языке, а надписи на надмогильных сооружениях — на русском. Кроме того, в качестве отличительной черты можно отметить наличие традиционных блюд на поминках. В целом похоронно-поминальная обрядность с конца XX в. стремится к унификации, в том числе в силу экономических факторов: сейчас в этой сфере активно работают ритуальные бюро, услуги которых затрагивают все ее аспекты.

На протяжении XIX–XX вв. в среде украинцев Западной Сибири наблюдалось и изменение основных элементов системы жизнеобеспечения: хозяйства, жилищ, комплекса одежды и системы питания.

В ходе исследования удалось выделить несколько важных этапов в развитии жилища украинского населения Западной Сибири. На

начальном этапе в конце XIX — начале XX в. украинским переселенцам, основную массу которых составляло крестьянство, пришлось подстраиваться под специфику местных природно-климатических условий и, исходя из них, использовать местные ресурсы для возведения жилищ и хозяйственных построек. Основные районы первоначального расселения украинского сельского населения были расположены в основном в степных и лесостепных районах. Нехватка леса в сочетании с устойчивыми традициями глинобитного строительства (саманное, литое) стала одним из важных элементов адаптации в новых условиях. Успешность адаптации и достоинства домостроительных технологий, использованных украинскими переселенцами на территории Западной Сибири и основанных на использовании прежде всего глины и соломы, неоднократно высоко оценивались сибирской администрацией и предлагались к распространению.

Следующий этап был связан с насильственными крестьянскими переселениями и также потребовал усилий по адаптации в новых условиях. Начиная с 1930-х гг. главную роль в выборе типа жилища и технологии его строительства стала играть экономия ресурсов и соответствие государственным нормам. Усиливается взаимообмен между местным населением и переселенцами. Популярным типом жилища остается землянка, превратившаяся в вид постоянного жилья. Распространению землянок и саманных хат в этот период способствовали и социальные факторы: это было время активизации семейных разделов, что делало востребованными недорогие и быстро возводимые типы жилищ, при этом сохраняли значение и такие архаичные элементы, как помочи.

Этап 1950–1960-х гг. в рассматриваемом регионе был отмечен своеобразным «ренессансом» традиционного глинобитного и каркасного строительства в связи с длительным перерывом в строительстве жилья в военные и послевоенные годы и образованием молодых семей, нуждающихся в собственных домах. Практичность, быстрота строительства и доступность традиционных природных материалов позволили многим потомкам украинских переселенцев обеспечить свои семьи новым жильем. С 1950-х гг. в домостроении начинают применяться новые материалы, активно внедряемые и в практику сельского строительства. Эта тенденция сохраняется до настоящего времени.

Начиная с 1970-х гг. в строительстве жилищ также намечается тенденция к унификации, что выражается в широком распростра-

нении «колхозных» и «совхозных» домов на двух хозяев, расширении площадей жилища и подворья. Однако некоторые устойчивые традиционные элементы, связанные с внутренним убранством хаты, планировкой и расположением хозяйственных построек, сохраняются до настоящего времени.

Природно-климатические условия Западной Сибири оказали значительное влияние и на систему и характер питания украинского сельского населения. В частности, переселенцам пришлось отказаться от выращивания фруктов и от характерных для территории Украины садов и палисадников (за исключением отдельных районов Омской области). Для замены фруктов ягодами-дикоросами украинцы вернулись к собирательству, широко практикуемому населением Западной Сибири. Однако в своей основе система питания украинских переселенцев оставалась традиционной вплоть до 1960-х гг. (за исключением периода Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления), а в дальнейшем претерпевала изменения, но не утратила своей специфики.

На протяжении всего рассматриваемого периода украинцы Западной Сибири употребляли в пищу преимущественно блюда и напитки традиционной кухни: каши, кулеш, кисели, драники, галушки, вареники, клецки, борщ, «узвар» и т. д. Сохранялись и обрядовые блюда — каравай, «шишки», «кутья», «паска», «канун» и др. Способы приготовления блюд были идентичны традиционным также до 1960-х гг., что было во многом обусловлено семейными традициями. Позже, с активным развитием пищевой промышленности, происходит замена отдельных традиционных ингредиентов на приобретенные в магазинах.

Изменению вкусовых предпочтений украинского сельского населения способствовали контакты с другими этносами. В большинстве своем украинцы заимствовали способы приготовления блюд и напитков немецкой кухни, реже — русской. Значительно активнее в селах региона русское сельское население перенимало рецептуру приготовления блюд украинской кухни.

Региональные различия в питании украинского населения были выявлены в названиях, наборе распространенных блюд и рецептуре некоторых из них. При этом в обследованных селах Алтайского края и Новосибирской области отмечается лучшая сохранность украинских наименований ингредиентов для приготовления блюд и

огородных культур, что обусловлено спецификой расселения (компактное или локальное).

Важной частью системы жизнеобеспечения является одежда. Принесенные украинскими переселенцами конца XIX — начала XX в. в Сибирь варианты народного костюма во многом сохраняли традиционность и значительно отличались не только от костюма русского старожильского населения, но и от локальных вариантов одежды «российских» переселенцев.

Полевые исследования показали, что во многих семьях украинского населения Западной Сибири долгие годы бережно хранились отдельные элементы традиционного костюма. Национальный костюм служил ценным подарком родственникам, проживающих в Украине. Однако основным репрезентантом этнической традиции украинских переселенцев являются музейные собрания одежды. В ходе обследования музейных собраний региона элементы народного костюма украинского населения были выявлены в 16 музеях. Их изучение с привлечением опубликованных материалов и данных интервьюирования показало, что женский костюм украинских переселенцев в сельских населенных пунктах Западной Сибири, состоявший из вышитой рубахи («сорочки»), юбки, безрукавки («керсетки»), передника («хвартука»), платка (вероятно, «очипка»), сохранялся в повседневном быту и в качестве праздничной одежды до 1930-х гг. и использовался в качестве свадебного вплоть до 1970-х гг.

Мужской костюм под влиянием социальных преобразований был вытеснен более простыми формами одежды значительно раньше, сохранив лишь основной элемент — вышитую по вороту, груди и манжетам рубаху-«сорочку». И в женском, и в мужском костюме украинских переселенцев Западной Сибири до 1930-х гг. в основном сохранялись крой и специфика отделки обильной яркой вышивкой, привезенные из мест выхода. Изменение костюма украинского населения в сторону нивелировки этнической специфики активизируется с 1930-х гг. под влиянием моды на городские фасоны, а с развитием легкой промышленности и улучшением материального положения сельского населения после тяжелых военных и послевоенных лет одежда фабричного производства полностью вытесняет традиционные формы повседневного, праздничного и свадебного костюма. Однако и сегодня, как свидетельствуют материалы интервьюирования, одежда наряду с языком и пищей является важнейшим признаком при идентификации и самоидентификации.

Таким образом, проведенное исследование показало, что в среде украинского сельского населения обследованных районов Западной Сибири дольше других сфер этническую специфику сохраняли свадебная обрядность, система питания, традиции строительства и убранства жилища.

На историческую память потомков украинцев, их самоидентификацию, сохранность языка и традиций семейно-бытовой сферы оказали влияние время переселения, тип расселения и характер межэтнического взаимодействия. Компактное проживание представителей украинского этноса, их численное преобладание и соседство с немецким и казахским населением в селах Западной Сибири способствовали сохранению идентичности и более длительной сохранности языка и элементов традиционной культуры. Проживание украинцев в среде численно преобладающего русского этноса способствовало более быстрой смене этнической идентичности, а также полной утрате традиционной культуры. Выявленная региональная специфика свидетельствует о большей степени «осибирячивания» украинского населения Омской области по сравнению с потомками украинских переселенцев Алтайского края и обследованных районов Новосибирской области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Материалы интервьюирования

Архив Центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета.
Фонд 1. Материалы историко-этнографических экспедиций¹

• **2008 г. Поспелихинский район, Алтайский край**

Артюхова А. А., 1926 г. р., пос. Гавриловский

Бараненко А. М., 1918 г. р. (из «полтавских»), с. Клепечиха

Власенко Т. Д., 1927 г. р., с. Березовка

Игнатенко Е. М., 1913 г. р. (из «полтавских»), с. Клепечиха

Игнатенко Н. Е., 1930 г. р. (из хохлов), пос. Гавриловский

• **2010 г. Романовский район, Алтайский край**

Гиливеря Д. П., 1939 г. р., с. Дубровино

Гринько В. А., 1925 г. р., пос. Тамбовский

Ещенко А. И., 1939 г. р. (родители — переселенцы конца XIX в. из Полтавской губернии), с. Дубровино

Заказова (Киян) Ф. И., 1917 г. р., украинка (деды и отец с Украины), с. Романово

Ильяшенко М. П., 1935 г. р., украинка (родители переселились с Украины во время Гражданской войны), с. Дубровино

Калашник И. Ф., 1929 г. р., украинец (предки из Полтавской губернии), с. Дубровино

Ковтун М. И., 1917 г. р., украинка (предки — переселенцы из Чернигова), с. Романово

Курашова (Сапсай) Т. Е., 1926 г. р., русская, с. Романово

Опрышко Е. Е., 1917 г. р., «хохлушка», с. Закладное

Рева В. Д., 1940 г. р., украинец, с. Романово

Романченко Р. В., 1935 г. р., «хохлушка» (мать приехала из Харькова), с. Дубровино

Сапа П. Е., 1932 г. р., украинка (родители из «хохлов»), с. Романово

Скубо Л. Н., 1936 г. р., русский (родители — украинцы, переселились из Полтавской губернии, с. Капустино), с. Закладное

Скопа (Шептуля) Л. А., 1936 г. р., с. Казанцево

Ярошенко (Келлер) Н. И., 1935 г. р., немка (родители мужа — «хохлы»), с. Дубровино

¹ Материалы комплексных историко-этнографических экспедиций АлтГПУ (рук. — д-р. ист. наук, проф. Т. К. Щеглова) обозначены в книге как «Материалы ИЭЭ».

• 2011 г. Волчихинский район, Алтайский край

Кострыкина М. С., 1937 г. р., с. Ново-Кормиха

Макеева В. А., 1935 г. р., с. Ново-Кормиха

Петрова Н. П., 1938 г. р., с. Ново-Кормиха

Татьянченко М. П., 1933 г. р., украинка, с. Ново-Кормиха

Усикова А. А., 1929 г. р., с. Ново-Кормиха

• 2012 г. Панкрушихинский район, Алтайский край

Аношенко И. Л., 1931 г. р., «хохол» (родители приехали из Харьковской области в 1909 г.), с. Зятково

Валуйских Д. Г., 1929 г. р., русский, с. Зыково

Грюнова В. М., 1950 г. р., русская (родители приехали на Алтай в 1902 г.), с. Велижанка

Давыденко Н. Д., 1940 г. р., русская (бабушка и дед из «России»), с. Урываево

Кабаненко Н. М., 1929 г. р., русская (отец — «хохол»), пос. Борисовский

Кононенко А. П., 1938 г. р., русский (родители приехали из «России»), с. Зятково

Костюченко В. Т., 1939 г. р., русская (муж — украинец), с. Зятково

Моковозова Г. Г., 1939 г. р. (деды по линии отца и матери из российских — Курская или Рязанская губерния), с. Луковка

Петрухин В. И., 1938 г. р., русский (родители — переселенцы с Украины, из Полтавы), пос. Борисовский

Прочуханова (Кононенко) Н. Г., 1932 г. р. (отец — переселенец из Харьковской губернии), пос. Борисовский

Семенов П. Н., 1931 г. р., с. Урываево

Титов Ю. Ф., 1937 г. р., русский, пос. Борисовский

Титова (Чудновец) З. Д., 1944 г. р., русская (родители — переселенцы с Украины), пос. Борисовский

Трухачева (Осмакова) Т. Е., 1939 г. р. (отец из Полтавы, переселился в годы Столыпинской аграрной реформы), с. Зятково

• 2013 г. Егорьевский район, Алтайский край

Адасик М. И., 1924 г. р., русская (родители — переселенцы с Украины 1900 г.), с. Титовка

Адолина (Калинович) А. М., 1938 г. р., украинка (родители — переселенцы из Полтавской области 1941 г.), с. Титовка

Бесчеремный С. В., 1926 г. р., русский, с. Титовка

Бехтер (Лазуткина) Л. Е., русская (деды из Тамбовской и Курской губерний, родители мужа — «хохлы»), 1939 г. р., с. Сросты

Говорушко В. П., 1933 г. р., русский, с. Титовка

Зоткина (Белоус) М. Е., 1935 г. р., украинка (родители — переселенцы из Полтавской области в 1941 г.), с. Титовка

Калинович (Адасик) Т. В., 1942 г. р., русская (муж — украинец), с. Титовка
 Кирикилица П. И., 1934 г. р. (дед по линии отца — «хохол», из переселенцев из Полтавской губернии), с. Малая Шелковка
 Косьяненко Е. Л., 1925 г. р., украинка (родители — переселенцы из «России»), с. Лебязье
 Солощенко Л. В., 1928 г. р., украинка (родители переселились в 1941 г. из Полтавы), с. Титовка

• **2013 г. Благовещенский район, Алтайский край**

Кошун (Близнюк) Т. Г., 1936 г. р. (предки переселились с Украины в 1909 г.), с. Яготино
 Семенютина (Голик) Т. М., 1931 г. р. (предки — переселенцы из Черниговской губернии, с. Харитоновка, 1909 г.), с. Яготино
 Шкурко (Близнюк) А. Г., 1933 г. р. (предки переселились с Украины в 1909 г.), с. Яготино

• **2014 г. Романовский район, Алтайский край**

Адлер (Сапсай) М. Е., 1946 г. р., русская (предки — переселенцы с Украины), с. Гилев Лог
 Бодряго Н. А., 1966 г. р. (предки по отцовской линии — из Курской губернии, по материнской — из Черниговской губернии), с. Романово
 Буценко (Усачева) Е. Ф., 1934 г. р., русская (муж — украинец), с. Гилев Лог
 Воробьева С. Н., 1973 г. р., русская (муж из «хохлов»), с. Сидоровка
 Гавриленко (Сухих) Е. Д., 1927 г. р., русская, с. Сидоровка
 Иващенко И. И., 1936 г. р., украинец, «хохол» (дед по материнской линии и отец — с Украины), с. Сидоровка
 Корецкий М. А., 1930 г. р. (деды из Черниговской губернии), с. Романово
 Кравченко О. И., 1937 г. р., русская (родители — «хохлы», родилась в с. Ивановка Родинского района АК, муж «из хохлов»), с. Сидоровка
 Кульша (Лихонос) А. Ф., 1939 г. р., «хохлушка», с. Сидоровка
 Петечел Л. К., 1940 г. р., русская, «хохлушка» (отец приехал с родителями из Полтавской губернии, мать — местная, муж украинец — гуцул из Закарпатья), с. Сидоровка
 Сайкина (Сиротенко) М. И., 1924 г. р., украинка (родители приехали с Украины), с. Сидоровка
 Химочкина (Марченко) П. А., 1932 г. р., «хохлушка», с. Гилев Лог
 Юхно Т. В., 1939 г. р., «хохлушка» (деды — переселенцы из Полтавской губернии), с. Романово

Фонд 1. Материалы этнографических экспедиций¹

• **2013 г. Романовский район, Алтайский край**

¹ Материалы этнографических экспедиций участников проекта с целью изучения украинского сельского населения Алтайского края и Новосибирской области

Скрипка И. И., 1978 г. р., русская, «хохлушка», с. Романово

Ковтун М. И., 1917 г. р., украинка (предки - переселенцы из Чернигова), с. Романово

• **2014 г. Кулундинский район, Алтайский край**

Борисенко (Скофенко) Л. А., 1943 г. р., украинка (предки — переселенцы с Украины), с. Кулунда

Глушко (Ляховченко) М. Г., 1939 г. р., украинка (предки переселились с Украины в 1910-е годы), с. Семеновка

Коваленко А. И., 1940 г. р., украинка (предки — переселенцы с Украины. Бабушка — черниговская), с. Кулунда

Котикова (Русанова) Н. М., 1945 г. р., «хохлушка» (предки — переселенцы из Харькова), с. Кулунда

Курилко (Жарикова) В. П., 1939 г. р., русская (дед — поляк, бабушка — украинка из Черниговской губернии), с. Кулунда

Небылица (Путенева) М. А., 1938 г. р., «хохлушка» (предки — переселенцы из Полтавской губернии), с. Константиновка.

Путенева (Крупялко) Т. Я., 1929 г. р. «хохлушка» (деды по линии матери с Украины), с. Константиновка

Рябушенко (Марченко) В. Г., 1941 г. р., украинка, с. Кулунда

Сиденко (Макуха) Н. Г., 1937 г. р., (мать русская, предки по линии отца — с Украины, с. Антоновка), с. Кулунда

Сизова (Крутько) В. В., 1954 г. р. (деды — переселенцы с Украины 1930-х гг.) с. Семеновка

Станкевич (Горина) Т. М., 1938 г. р., русская, с. Кулунда

Юрченко (Гутыра) Л. В., 1935 г. р., русская (предки — переселенцы из Черниговской губернии), с. Семеновка

• **2015 г. Карасукский район, Новосибирская область**

Арендаренко (Кириченко) Е. Я., 1937 г. р., украинка (предки — переселенцы из Полтавской губернии), с. Ирбизино

Ивануха (Аулова) С. Л., 1935 г. р., русская (муж — украинец), с. Ирбизино

Лобанова В. И., 1939 г. р., с. Ирбизино

Невзгодова Е. М., 1929 г. р., с. Белое

Перепончик Т. И., 1927 г. р., украинка (родители — переселенцы с Украины в начале 1940-х гг.), г. Карасук

Сергиенко (Попельшова) М. В., 1937 г. р., с. Ирбизино

Сесик Д. А., 1931 г. р., с. Белое

Стасевский В. П., 1957 г. р., «хохол», с. Ирбизино

(2013–2017 гг.) хранятся в фонде архива ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ и обозначены в тексте монографии как «Материалы ЭЭ».

Степаненко (Порох) М. И., 1927 г. р., украинка (предки — переселенцы из Полтавской губернии), с. Белое
 Толкунова А. А., 1947 г. р., с. Ирбизино
 Ушакова В. Ф., 1936 г. р., с. Ирбизино
 Харченко Е. Н., 1924 г. р. (деды — из Полтавской губернии), с. Ирбизино
 Шуст В. Н., 1931 г. р., украинец (родился в с. Златополь Кулундинского района АК), г. Карасук

• **2017 г. Родинский район, Алтайский край**

Боряк (Моисеенко) Н. Н., 1933 г. р., украинка (предки приехали с Украины), с. Родионо
 Коржова (Могила) У. Ф., 1922 г. р., украинка, (родилась в Черниговской губернии, хутор Моложева. Приехали на Алтай в 1933 г.)
 Ломака (Убийконь) А. Н., 1928 г. р., (предки по линии отца — из Черниговской губернии, по матери — из Полтавской), с. Родионо
 Онофрей П. С., 1931 г. р., украинец, (предки — переселенцы из Полтавской губернии), с. Родионо
 Якутка (Лисненко) Н. Ф., 1930 г. р. (предки из Полтавской губернии), с. Родионо

Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. Фонд I — этнографические материалы

• **Омская область, Павлоградский район. П. 17-1. Л. 74–76, 108. ЭЭ 1981 г. Л. 112–114.**

Лавриненкова П. М., 1926 г. р., украинка, р. п. Павлоградка
 Лесничая А. М., 1926 г. р., украинка, р. п. Павлоградка

• **Полтавский район, Омская область. П. 23-2. Л. 151–152, 154–156, 158, 159, 162–164. ЭЭ 1987 г.**

Курятник М. А., 1904 г. р., украинка, с. Красногорка
 Галинко Е. Ф., 1908 г. р., украинка, с. Красногорка
 Нечепоренко М. И., 1924 г. р., украинка, с. Ольгино
 Нагорная У. М., 1914 г. р., украинка, с. Ольгино
 Хиль А. А., 1913 г. р., украинка, с. Красногорка

• **Калачинский район, Омская область. П. 23-2. Л. 161, 168. ЭЭ 1987 г.**

Чебаненко А. П., 1941 г. р., д. Тургеневка
 Гаврюк А. И., 1914 г. р., с. Сорочино

Материалы этнографических экспедиций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

• **2012 г., Шербакульский район, Омская область**

Горр Е. А., 1935 г. р., русская, с. Максимовка

Демченко Е. И., 1935 г. р., украинка, д. Путиловка
Донцевич А. И., 1946 г. р., украинка, с. Максимовка
Дрык М. М., 1930 г. р., украинка, д. Путиловка
Дудук А. Р., 1930 г. р., украинка, с. Максимовка
Зуев А. И., 1938 г. р., русский, с. Максимовка
Зуева (Усенко) Е. А., 1940 г. р., украинка, с. Максимовка
Какоулин И. Я., 1939 г. р., украинец, с. Максимовка
Косов А. Н., 1952 г. р., русский, с. Максимовка
Кочанова Н. Ф., 1957 г. р., украинка, с. Максимовка
Кузьменко Н. П., 1942 г. р., русский (предки — украинцы), с. Максимовка
Мозерова С. Т., 1951 г. р., русская, с. Максимовка
Нозин К. Н., 1961 г. р., немец, с. Максимовка
Осинцев В. А., 1972 г. р., русский, с. Максимовка
Поливикова В. Г., 1950 г. р., украинка, с. Максимовка
Садковская А. Т., 1934 г. р., с. Максимовка
Скотский Д. А., 1931 г. р., «хохол», с. Максимовка
Терех В. П., 1948 г. р., украинка, с. Максимовка
Усанкин С. Н., 1928 г. р., украинец, с. Максимовка
Усенко А. Н., 1929 г. р., украинец, с. Максимовка
Форот Т. М., 1941 г. р., русская, с. Максимовка
Чернявская Н. Н., 1935 г. р., русская, с. Максимовка
Чернявский А. А., 1938 г. р., украинец, с. Максимовка
Шеленберг Г. П., 1929 г. р., украинка, с. Максимовка

• **2013 г., Одесский район, Омская область**

Бережная Е. Ф., 1926 г. р., украинка, с. Лукьяновка
Гилякова Н. В., 1952 г. р., украинка, с. Лукьяновка
Дейнега В. А., 1957 г. р., украинка, с. Лукьяновка
Евладенко Л. М., 1928 г. р., украинка, с. Желанное
Зайцева Н. К., 1940 г. р., русская, с. Лукьяновка
Касьяненко Н. С., 1952 г. р., украинка, с. Лукьяновка
Копоницкая Г. Д., 1940 г. р., «хохлушка» (отец и мать — из Полтавской губернии), с. Лукьяновка
Котенко Н. К., 1939 г. р., украинка, с. Лукьяновка
Кузьельцова В. Е., 1939 г. р., украинка, с. Лукьяновка
Паршуткина А. Н., 1937 г. р., украинка, с. Лукьяновка
Петрова Н. М., 1957 г. р., русская, с. Лукьяновка
Рыбалко Л. П., 1935 г. р., украинка, с. Лукьяновка
Симон М. Е., 1931 г. р., немка, с. Лукьяновка
Сухомлин Е. Г., 1936 г. р., украинец, с. Лукьяновка

Треус Т. Н., 1937 г. р., русская, с. Лукьяновка

• **2014 г., Горьковский район, Омская область**

Кулик Е. С., 1936 г. р., украинка, с. Октябрьское

Лысенко (Тимчук) Л. В., 1952 г. р., русская (родители — украинцы). с. Октябрьское

• **2017 г., Калачинский район, Омская область**

Литвинюк Л. Д., 1955 г. р., украинка, с. Глуховка

Куцевол Н. Д., 1940 г. р., украинка, д. Тургеневка

Личный архив А. С. Свидовской

Меняйло (Мирко) Н. А., 1938 г. р., украинка (предки по отцу — переселенцы из Гodeцкого района Полтавской губернии, дед по матери — переселенец из Курской губернии, бабушка по матери — коренная сибирячка), с. Романово, Романовский район, Алтайский край. Запись 2016 г.

Коллекции музеев

Алейский историко-краеведческий музей (АК)

Алтайский государственный краеведческий музей, г. Барнаул (АК)

Волчихинский районный краеведческий музей (АК)

Исилькульский историко-краеведческий музей (ОмО)

Историко-краеведческий музей АлтГПУ (АК)

Карасукский краеведческий музей (НСО)

Колыванский краеведческий музей (НСО)

Краеведческий музей средней школы с. Желанное Одесского района (ОмО)

Кулундинский районный краеведческий музей (АК)

Музей Беленской МБОУ СОШ (НСО)

Музей истории, культуры и быта Одесского муниципального района (ОмО)

Музей с. Солоновка Волчихинского района (АК)

Омский государственный историко-краеведческий музей (ОмО)

Романовский районный краеведческий музей (АК)

Русско-украинский музей с. Ирбизино (НСО)

Славгородский городской краеведческий музей (АК)

Топчихинский краеведческий музей (АК)

Хабарский историко-краеведческий музей (АК)

Школьный музей с. Сидоровка Романовского района (АК)

Школьный музей с. Яготино Благовещенского района (АК)

Каталоги музейных коллекций

Жигунова, М. А. Культура восточных славян в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф. М. До-

- стоевского / М. А. Жигунова, И. В. Захарова. — Омск : Изд. дом. «Наука», 2009. — 266 с. — (Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев).
- Материальная культура украинцев в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея : каталог / Омский государственный историко-краеведческий музей, Сибирский филиал Рос. ин-та культурологии; сост. Т. М. Назарцева. — Омск : ОГИК музей, 2004. — 142 с.
- Полотенца восточнославянских народов (русских, украинцев, белорусов) в коллекциях музеев Алтайского края. Каталог / сост. Н. С. Грибанова, И. В. Попова. — Барнаул, 2013. — С. 44.
- Грибанова, Н. С. Этнографическая коллекция «Украинцы» Алтайского краеведческого музея / Н. С. Грибанова, О. С. Мамонтова // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаб. ист. краеведения АлтГПУ (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.). Вып. 9 / под ред. Т. К. Щегловой. — Барнаул : АлтГПУ, 2015. — С. 256–271.

Опубликованные источники

- Всесоюзная перепись населения 1926 г.: Сибирский край, Бурято-Монгольская АССР. — Т. 6. — М. : Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. — 389 с.
- Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. — М. : Наука, 1992. — 256 с.
- Всесоюзная перепись населения 1959 года. Таблица 3, 4. Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336 Д.1566а, 1566б, 1566в [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php; http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php?reg=48; http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php?reg=47 (дата обращения: 02.09.2017).
- Всесоюзная перепись населения 1970 года. Таблица 7с. Распределение населения по национальности, родному и второму языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4014–4101 [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php?reg=47; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php?reg=48 (дата обращения: 02.09.2017).
- Всесоюзная перепись населения 1979 года. Таблица 9с. Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6181–6208 [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php?reg=47; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php?reg=48 (дата обращения: 02.09.2017).
- Всесоюзная перепись населения 1989 года. Таблица 9с. Распределение населения по национальности и родному языку. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 204-232 [Элек-

- тронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=47; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=48 (дата обращения: 02.09.2017).
- Декрет ВЦИК и СНК о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния. 18(31) декабря 1917 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/17-12-18.htm> (дата обращения: 23.11.2016).
- Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. — Т. 4. — Ч. 1. — Барнаул : Терр. орган Федер. службы гос. стат. по Алтайскому краю, 2013. — 206 с.
- Национальный состав населения Алтайского края: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. — Барнаул : п. о. «Полиграфист», 1991. — 145 с.
- Национальный состав постоянного населения районов Омской области в 1979 и 1989 гг. // Национальный состав Омской области (по данным Всесоюзной переписи 1989 г.). — Омск, 1990.
- О погребении и похоронном деле на территории Омской области (с изменениями на 4 февраля 2004 г.): Закон Омской области от 22 декабря 2004 г. № 604-ОЗ; утратил силу с 1 января 2005 г.
- Распределение населения по национальности и родному языку по районам г. Новосибирска и области // Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. — Новосибирск, 1990.
- Распределение постоянного населения районов Омской области по наиболее многочисленным национальностям и родному языку в 1989 году // Национальный состав Омской области (по данным Всесоюзной переписи 1989 года). — Омск, 1990.
- Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области: Население муниципальных районов Омской области и административных округов города Омска по национальности и владению русским языком [Электронный ресурс]. URL: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 25.08.2017).
- Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области: Национальный состав населения муниципальных образований Новосибирской области [Электронный ресурс]. URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 25.08.2017).
- Характеристика населения отдельных национальностей, проживающих на территории Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). — Новосибирск, 1990.

Архивные источники

- Архив администрации Глуховского сельского поселения Калачинского района Омской области. Похозяйственная книга д. Ясная Поляна. 1967–1969 гг. 95 л.
- Архив администрации Максимовского сельского поселения Шербакульского района Омской области. Д. 284. Похозяйственная книга д. Путиловка. 1980–1982 гг. 91 л.
- Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 5. Оп. 4а. История конференций. Д. 3. Бодряго Ю. Традиции в питании жителей с. Романово Романовского района в первой половине XX в. Романово, 2008. Л. 2–22.
- Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 5. Оп. 4а. История конференций. Д. 6. Новоселова В. С. Техника жилищного строительства украинцев с. Семёновка Славгородского района в I половине XX в. Л. 2–28.
- Архивный отдел администрации Одесского района Омской области. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1. Похозяйственные книги с. Бреусовка 1928–1935 гг. 121 л.
- Архивный отдел администрации Калачинского района Омской области. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1. Похозяйственная книга с. Благовещенка. 1928–1931 гг. 147 л.
- Архивный отдел администрации Калачинского района Омской области. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Списки сельских населенных пунктов Калачинского сельсовета 1928 г. 113 л.
- Архивный отдел администрации Калачинского района Омской области. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4. Похозяйственная книга с. Благовещенка, с. Царицыно. 1932–1934 гг. 115 л.
- Архивный отдел администрации Калачинского района Омской области. Ф. 135. Оп. 1. Д. 6. Похозяйственная книга с. Благовещенка. 1935 г. 36 л.
- Архивный отдел администрации Калачинского района Омской области. Ф. 135. Оп. 1. Д. 8. Похозяйственная книга с. Благовещенка, д. Беловка. 1936–1937 гг. 139 л.
- Архивный отдел администрации Калачинского района Омской области. Ф. 135. Оп. 1. Д. 14. Похозяйственная книга с. Благовещенка. 1938–1939 гг. 100 л.
- Архивный отдел администрации Колыванского района НСО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 25. Похозяйственная книга с. Пономаревка. 1952–1954 гг. 24 л.
- Архивный отдел администрации Одесского района Омской области. Ф. 8. Оп. 3. Д. 2. Похозяйственные книги с. Славгородка. 1938–1939 гг. 22 л.
- Архивный отдел администрации Одесского района Омской области. Ф. 8. Оп. 3. Д. 6. Похозяйственные книги с. Одесское. 1938–1939 гг. 50 л.
- Архивный отдел администрации Одесского района Омской области. Ф. 8. Оп. 3. Д. 67. Похозяйственные книги с. Славгородка. 1949–1951 гг. 25 л.
- Архивный отдел администрации Одесского района Омской области. Ф. 9. Оп. 1. Д. 6. Похозяйственная книга с. Лукьяновка Одесского района Омской области. 1936 г. 63 л.

- Государственный архив Алтайского края. Ф. 233. Оп. 1. Д. 402. Анкеты сельскохозяйственной переписи д. Белая Церковь Златополинской волости Барнаульского уезда Томской губернии.
- Государственный архив Алтайского края. Ф. 233. Оп. 1. Д. 867–871. Анкеты сельскохозяйственной переписи с. Ново-Троицкое Родинской волости Барнаульского уезда Томской губернии.
- Государственный архив Алтайского края. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1124–1125. Анкеты сельскохозяйственной переписи с. Беленское Черно-Курьинской волости Барнаульского уезда Томской губернии.
- Государственный архив Томской области. Ф. 239. Оп. 1. Д. 19. Ведомости земского отдела Министерства внутренних дел о движении переселенцев по Томской губернии... 28.05.1895–30.04.1900. 102 л.
- Государственный архив Томской области. Ф. 239. Оп. 16. Д. 189. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи населения 1916 г. Тамаровская волость Мариинского уезда Томской губернии.
- Отдел архивной службы администрации Карасукского района НСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3. Похозяйственные книги с. Белое. 1935 г. 98 л.
- Отдел архивной службы администрации Карасукского района НСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 42а. Похозяйственные книги с. Ирбизино. 1949–1951. 97 л.
- Отдел архивной службы администрации Карасукского района НСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 4. 24 л.; Д. 5. 52 л.; Д. 6. 24 л. Похозяйственные книги с. Ирбизино. 1936 г.
- Отдел архивной службы администрации Карасукского района НСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 60. Похозяйственные книги с. Ирбизино. 1949–1951. 99 л.
- Отдел архивной службы администрации Карасукского района НСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 8. Похозяйственные книги п. Кукарка. 1936 г. 32 л.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 2. Д. 672. Списки переселенческих участков в Тобольской, Томской губерниях и Акмолинской области. 275 л.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 70. Отчет печатный Куломзина Анатолия Николаевича Николаю II о поездке в Сибирь для ознакомления с переселенческим делом. 24.10.1896. 98 л.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 201. Куломзин А. Н. Мемуары А. Н. Куломзина «Пережитое». Моя первая поездка по Сибири. Т. II. Ч. VII. Ч. I. 74 л.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 2. Д. 46. По всеподданнейшему отчету статс-секретаря Куломзина по поездке его в Сибирь в 1896 году. 112 л.
- Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. И417. Оп. 2. Д. 2456. 114 л.

Список литературы

1. Артюх, Л. Ф. Народная кулинария / Л. Ф. Артюх // Украинцы. — М. : Наука, 2000. — С. 242–259.
2. Артюх, Л. Ф. Повседневная, праздничная, обрядовая еда и напитки (система питания украинцев) / Л. Ф. Артюх // Украинская народная кулинария: историко-этнографические достижения. — 1977. — № 3. — С. 123–141.
3. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. — СПб. : Наука, 1993. — 240 с.
4. Безнин, М. А. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах / М. А. Безнин, Т. М. Димони, Л. В. Изюмова. — Вологда: Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. — 141 с.
5. Бережнова, М. Л. Государственная программа переселений в восточные районы СССР 1939–1942 гг.: этнографические аспекты / М. Л. Бережнова // Известия Алтайского государственного университета. — 2008. — № 4/2. — С. 7–16.
6. Бережнова, М. Л. К вопросу о генезисе погребального обряда русских сибиряков / М. Л. Бережнова // Сибирский сборник — 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2: сб. результатов науч. исслед., изложенных на VII Сибирских чтениях, посвящ. памяти Г. Н. Грачевой, прошедших 23–24 октября 2007 г. в МАЭ РАН / отв. ред. Л. Р. Павлинская. — СПб. : МАЭ РАН, 2009. — С. 28–33.
7. Бломквист, Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) / Е. Э. Бломквист // Восточнославянский этнографический сборник: очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. — М. : Изд-во АН СССР, 1956. — Ч. II. — С. 134–457.
8. Бондаренко, Е. Д. Советские сценарии имянаречения: диалог с традицией / Е. Д. Бондаренко // Политическая лингвистика. — 2013. — 4 (46). — С. 166–171.
9. Борисенко, В. К. Свадебные обычаи и обряды / В. К. Борисенко // Украинцы. — М. : Наука, 2000. — С. 291–308.

10. Борисенко, В. К. Семейная обрядность / В. К. Борисенко // Украинцы. — М. : Наука, 2000. — С. 291–307.
11. Брук, С. И. Численность и расселение украинского этноса в XVIII — начале XX в. / С. И. Брук, В. М. Кабузан // СЭ. 1981. — № 5. — С. 15–31.
12. Бузин, В. С. Рождение, вступление в брак и смерть в традиционной южно-русской обрядности (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области): Материалы и исследования / В. С. Бузин. — СПб. : Нестор-История, 2015. — 640 с.
13. Войтюк, Л. Каравайный обряд в Полесье / Л. Войтюк // Народное творчество и этнография. — 2004. — № 3 — С. 76–82.
14. Высоцкая, Л. Свадебный обряд украинских переселенцев / Л. Высоцкая // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 4.: материалы науч.-практ. конф. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2001. — С. 297–299.
15. Высоцкий, В. В. Этнокультурное развитие украинского населения Воронежской губернии в период с 1861 по 1925 год / В. В. Высоцкий // Гуманитарные и социальные науки. — 2011. — № 3. — С. 2–9.
16. Гаврилова, М. В. Трансформация традиционных русских игр в советской педагогике (1920–1930-е гг.) / М. В. Гаврилова // Антропологический форум. — 2013. — № 19 Online. — С. 130–175 [Электронный ресурс]. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019online/gavrilova_m.pdf (дата обращения: 10.08.2017).
17. Гаврилюк, Н. К. Картографирование явлений духовной культуры: (по материалам родильной обрядности украинцев) / Н. К. Гаврилюк. — Киев : Наукова думка, 1981. — 279 с.
18. Гаврилюк, Н. К. Поверья и обряды, связанные с наступлением смерти и подготовкой к похоронам / Н. К. Гаврилюк // Украинцы. — М. : Наука, 2000. — С. 321–324.
19. Гаврилюк, Н. К. Родильная обрядность / Н. К. Гаврилюк // Украинцы. — М. : Наука, 2000. — С. 308–320.
20. Голомянов, А. И. Традиционные детские игры крестьян-переселенцев из Белоруссии / А. И. Голомянов, Е. Ф. Фурсова // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры. — Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. — С. 91–97.
21. Голошубин, И. Из впечатлений сельского священника / И. Голошубин // Омские епархиальные ведомости. — Отдел неофициальный. — 1911. — № 12. — С. 29–41.

22. Голошубин, И. Из впечатлений сельского священника / И. Голошубин // Омские епархиальные ведомости. — 1911. — № 14. — Отдел неофициальный. — С. 18–37.
23. Голошубин, И. Из впечатлений сельского священника / И. Голошубин // Омские епархиальные ведомости. — 1911. — № 15. — Отдел неофициальный. — С. 25–35.
24. Голошубин, И. Из впечатлений сельского священника / И. Голошубин // Омские епархиальные ведомости. — 1911. — № 16. — Отдел неофициальный. — С. 20–35.
25. Голубкова, О. В. Локальная традиция погребального обряда славянского населения юга Западной Сибири в XVII–XX вв.: к вопросу типологии / О. В. Голубкова, С. В. Будаева, Л. В. Крикау // Научный диалог. — Вып. 1. — 2017. — С. 132–133.
26. Грибанова, Н. С. Полотенца русских, украинцев и белорусов Алтая конца XIX — первой четверти XX в. / Н. С. Грибанова // Полотенца восточнославянских народов (русских, украинцев и белорусов). Из собраний музеев Алтайского края: каталог / сост. Н. С. Грибанова и др. — Барнаул, 2013. — С. 4–6.
27. Грибанова, Н. С. Полотенце в культуре русского сельского населения Алтая в конце XIX — начале XXI в. : монография / Н. С. Грибанова. — Барнаул : АлтГПА, 2013. — 256 с.
28. Грибанова, Н. С. Традиции повседневного и праздничного убранства украинской хаты в селах Алтайского края / Н. С. Грибанова // Международный продовольственный форум «Сибирское поле: от освоения целины до продовольственной безопасности страны» / под общ. ред. М. П. Щетинина. — Барнаул : Литера, 2014. — С. 208–211.
29. Грибанова, Н. С. Украинские переселенцы Поспелихинского района: особенности самосознания, материальной и духовной культуры / Н. С. Грибанова // Краеведческие записки. — 2009. — Вып. 8. — С. 71–78.
30. Давиденко, И. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Извлечено из нынешнего народного быта и составлено Николаем Маркевичем / И. Давиденко. — Киев, 1860. — 171 с.
31. Ефремова, Ю. Н. Пища в свадебной обрядности украинцев Омского Прииртышья XX века / Ю. Н. Ефремова // Омский научный вестник. — 2012. — № 4 (111). С. 38–41.
32. Ефремова, Ю. Н. Традиции забоя скота в пищевой культуре украинцев Омского Прииртышья / Ю. Н. Ефремова // Традиционная культура: научный альманах. — 2012. — № 2. — С. 71–76.

33. Жигунова, М. Красный флаг для невесты / М. Жигунова // Родина, 2004. — № 9. — С. 75–80.
34. Жилища переселенцев безлесной части Сибири и Степного края. — СПб. : Изд. Переселен. упр., 1902. — 214 с.
35. Историческая энциклопедия Сибири : [в 3 т.]. Т. 3. С — Я / Ин-т истории. — Новосибирск : Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. — 783 с.
36. Карабулатова, И. С. Территория детства как этнолингвокультурный феномен: обряды, заговоры и колыбельные песни народов Тюменской области / И. С. Карабулатова, Е. Е. Ермакова, Г. И. Зинатулина. — Тюмень, 2005. — С. 47–59.
37. Кара-Васильева, Т. В. Вышивка // Украинцы. — М. : Наука, 2000. — С. 485–498.
38. Коровушкин, Д. Г. Трансформация численности и этнического самосознания переселенческих диаспор в Западной Сибири / Д. Г. Коровушкин // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах / отв. ред. О. Н. Шелегина. — Вып. 2. — Новосибирск: Сибир. науч. изд-во, 2007. — С. 39–89.
39. Коровушкин, Д. Г. Украинцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX — начале XXI века / Коровушкин. — Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. — 247 с.
40. Коротков, А. В. Традиции свадебной обрядности русского населения Алтая (по материалам Баевской этнографической экспедиции / А. В. Коротков, Н. Д. Брусник, А. Е. Бельгибаев // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 7 : материалы VII регион. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию лаб. ист. краеведения. Барнаул, 25–26 нояб. 2010 г. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой, А. Н. Телегина, Н. С. Грибановой. — Барнаул : АлтГПА, 2011. — С. 215–216.
41. Красильников, Ф. С. Украина и украинцы: географическо-этнографические очерки / Ф. С. Красильников. — М.: Лит.-изд. отд. народ. комиссариата по просвещению, 1918. — 55 с.
42. Кремлева, И. А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды / И. А. Кремлева // Русские. — М. : Наука, 1999. — С. 517–532.
43. Кривчик, Ю. В. Похоронная обрядность украинских переселенцев и их потомков в селе Романово в XX в. / Ю. В. Кривчик, А. В. Курило // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 7 : материалы VII регион. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию лаб. ист. краеведения, Барнаул, 25–26 нояб. 2010 г. / под ред. М. А. Демина [и др.]. — Барнаул : АлтГПА, 2011. — С. 217–226.

44. Кривчик, Ю. В. Традиции свадебной обрядности украинских переселенцев села Романово первой половины XX века / Ю. В. Кривчик, Н. Рябчинская // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2009 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 6 : материалы VI регион. науч.-практ. конф., Барнаул, 19–21 ноября 2009 г. / под ред М. А. Демина и др. — Барнаул : АлтГПА, 2009. — С. 113–122.
45. Кривчик, Ю. В. Традиционные календарные праздники украинских переселенцев и их потомков в селе Романово Романовского района в первой половине XX в.: святочный цикл / Ю. В. Кривчик, О. Е. Адарич // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011–2012 гг.: археология, этнография, устная история. Вып. 8 : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Барнаул, 18–19 апреля 2013 г. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул : АлтГПА, 2013. — С. 166–170.
46. Курило, А. В. Похоронная обрядность украинских переселенцев с. Романово Романовского района первой половины XX века / А. В. Курило // Материалы 51-й Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс» : Этнография. — Новосибирск : Изд-во НГУ, 2013. — С. 54–55.
47. Курило, А. В. Современная похоронно-поминальная обрядность украинского населения с. Романово / А. В. Курило // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011–2012 гг.: археология, этнография, устная история. Вып. 8 : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 18–19 апр. 2013 г. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул : АлтГПА, 2013. — С. 182–186.
48. Курманова, С. Р. Пища в свадебной обрядности немецкого населения Западной Сибири / С. Р. Курманова // Омский научный вестник. — 2009. — № 5 (81). — С. 71–74.
49. Курсакова, А. В. Обычаи и обряды, связанные с рождением детей в крестьянской семье (по материалам экспедиций в Солонешенский район) / А. В. Курсакова // Солонешенский район: Очерки истории и культуры / науч. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2004. — С. 281–287.
50. Лаврентьева, Л. С. Социализация девочек в русской деревне / Л. С. Лаврентьева // Мир детства. Традиционная культура народов СССР. — Л., 1991. — С. 27–35.
51. Липин, А. М. Украинские переселенческие поселки на Алтае (конец 80-х — начало 90-х гг. XIX в.) / А. М. Липин // Краеведческие записки. — Барнаул, 1999. — Вып. 3. — С. 139–144.
52. Липинская, В. А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII — начало XX века / В. А. Липинская. — М. : Наука, 1996. — 269 с.

53. Листова, Т. А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX — 20-е годы XX в.) // Русские: семейные и общественный быт. — М., 1989. — С. 142–171.
54. Люля, Н. В. Воспитание девочек в семьях украинских переселенцев Алтайского края в 1920–1940-е годы / Н. В. Люля // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10 : материалы X Междунар. науч.-практ. конф., г. Барнаул, 22–23 апр. 2015 г. / отв. ред М. А. Демина, Т. К. Щеглова. — Барнаул : АлтГПУ, 2015. — С. 127–131.
55. Люля Н. В. Сохранность традиционных элементов свадебной обрядности украинских переселенцев Алтайского округа первой половины XX в. // Ломоносовские чтения на Алтае : сб. науч. ст. междунар. школы-семинара, Барнаул, 5–8 ноября 2013 г. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2013. — С. 884–885.
56. Люля, Н. В. Сохранность семейно-бытовых традиций в среде украинских переселенцев Алтая в 1910–1940-е годы / Н. В. Люля // Международный продовольственный форум «Сибирское поле: от освоения целины до продовольственной безопасности страны» / под ред. М. П. Щетинина. — Барнаул : Литера, 2014. — С. 212–215.
57. Люля, Н. В. Представления об этнокультурных особенностях русского и украинского населения Алтая в конце XIX — первой половине XX в.: по материалам этнографических экспедиций / Н. В. Люля // XII Гумбольдтские чтения: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 27–28 октября 2016 г. — Барнаул : ИП Колмогоров, 2016. — С. 445–450. [Электронный ресурс]. URL: <http://new.elib.altstu.ru/disser/conferenc/2016/27-10-2016.pdf>.
58. Люля, Н. В. Украинские переселенцы Егорьевского района Алтайского края (по полевым материалам исследований в с. Сросты и с. Титовка) / Н. В. Люля, С. Е. Дивнич, П. Е. Мананникова // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 9 : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Павлодар, 15–16 апреля, 2014 г. / под ред Т. Н. Смагулова, М. А. Демина, Т. К. Щегловой, Е. К. Абеуовой. — Павлодар : ПГПИ, 2014. — С. 168–173.
59. Ляшенко, С. А. Свадебная традиция в украинской переселенческой среде (по материалам экспедиции с. Нововознесенка Славгородского района) / С. А. Ляшенко, О. С. Щербакова // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 4 : материалы науч.-практ. конф. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2001. — С. 187–188.

60. Ляшенко, С. А. Свадебный обряд украинских переселенцев Алтая: музыкально-этнографический очерк / С. А. Ляшенко, В. Е. Фомин, О. С. Щербакова. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2002. — 123 с.
61. Марзеев, А. Н. Жилища и санитарный быт сельского населения Украины / А. Н. Марзеев. — Харьков : Научная мысль, 1927. — 195 с.
62. Миненко, Н. А. Вечерки. Старинные забавы русских северян / Н. А. Миненко // Родина. — 2002. Спецвыпуск «Тропой стран полуночных». — С. 97–102.
63. Назарцева, Т. М. Одежда украинцев в этнографической коллекции ОГИК музея / Т. М. Назарцева // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея: историческая литература / сост. П. П. Вибе, Т. М. Назарцева; науч. ред. П. П. Вибе. — №11. — Омск : Омск. гос. ист.-краев. муз., 2005. — С. 118–121.
64. Нам, Е. В. Нить, связывающая миры (к проблеме воплощения идеи всеобщей связи в мифоритуальной традиции сибирского шаманизма) / Е. В. Нам // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2014. — № 3 (26). — С. 134–142.
65. Новикова, Ю. С. Материальная культура украинского населения Омского Прииртышья (по материалам этнографических экспедиций 2012–2013 года) / Ю. С. Новикова, И. В. Чернова // Культурологические исследования в Сибири. — Омск : ООО «Издательский дом „Наука“», 2013. — № 2 (41). — С. 92–97.
66. Новикова, Ю. С. Строительство и архитектура украинских переселенцев Омского Прииртышья / Ю. Н. Новикова // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект : материалы докладов III региональной (IX Всерос. с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, 24–30 марта 2013 г. — Владивосток : Изд. дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. — С. 338–340.
67. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. — 475 с.
68. Пономарев, А. П. Брак и семья / А. П. Пономарев // Украинцы. М. : Наука, 2000. — С. 260–290.
69. Прохорова, Е. А. Сохранность этнической культуры украинского населения Романовского района Алтайского края в XX в. (по полевым материалам 2010, 2013 гг.) / Е. А. Прохорова // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 9 : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Павлодар, 15–16 апр. 2014 г. / под ред. Т. Н. Смагулова, М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Павлодар: ПГПИ, 2014. — С. 211–218.

70. Прохорова, Е. А. Этническая идентификация потомков украинских переселенцев в селах Панкрушихинского района / Е. А. Прохорова // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011–2012 гг.: археология, этнография, устная история. Вып. 8 : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 18–19 апр. 2013 г. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул : АлтГПА, 2013. — С. 218–221.
71. Пушкарева, Н. Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье и перспективы ее ломки в условиях социальной модернизации / Н. Л. Пушкарева // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: материалы междунар. науч. конф. (май 2002 г.) / отв. ред. В. В. Канищев. — Тамбов : Изд-во ТГУ, 2002. — С. 65–83.
72. Свидовская, А. С. Строительство глинобитного жилища потомками украинских переселенцев Романовского района в 1950–1960-е годы (по полевым материалам 2010, 2014 гг.) / А. С. Свидовская // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10 : материалы X Междунар. науч.-практ. конф., г. Барнаул, 22–23 апреля, 2015 г. / отв. ред. М. А. Демин, Т. К. Щеглова. — Барнаул : АлтГПУ, 2015. — С. 164–169.
73. Свидовская, А. С. Адаптация украинских столыпинских переселенцев на Алтае (по материалам полевых этнографических исследований 2011–2015 гг.) / А. С. Свидовская // Материалы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых: Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей / отв. ред. А. В. Константинов, И. И. Разгильдеева и др. — Чита : ЗабГУ, 2016. — С. 268–270.
74. Свидовская, А. С. Сельская усадьба украинских переселенцев в Алтайском крае в 1930-е — 1950-е годы / А. С. Свидовская // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии: материалы LVII Рос. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, г. Сургут, 17–21 апреля 2017 г. / под ред. А. В. Кениг. — Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. — С. 386–388.
75. Сидорская, О. С. Свадебная обрядность украинцев Омской области (1930–2000-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. С. Сидорская. — Омск, 2013. — 33 с.
76. Скубневский, В. А. Население Алтая по материалам переписи 1897 г. / В. А. Скубневский // Компьютер и историческая демография: сб. науч. ст. / под ред. В. Н. Владимирова. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. — С. 41–58. [Электронный ресурс]. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/histdem/3.html> (дата обращения: 01.09.2017).

77. Смирнова, Т. Б. Обычай венчания покойников у немцев Сибири / Т. Б. Смирнова // Этнографическое обозрение. — 2008. — № 5. — С. 133–144.
78. Смирнова, Т. Б. Особенности развития обрядности в диаспоре (на примере свадебных обрядов немцев Сибири) / Т. Б. Смирнова // Известия АлтГУ, 2008. — № 4–2. — С. 169–177.
79. Сорвачева, Ю. И. К вопросу об одном из элементов погребальной обрядности летских коми / Ю. И. Сорвачева // Рябининские чтения-2007. Петрозаводск, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/369.html> (дата обращения: 27.09.2017).
80. Стрельцова, И. В. Женские безрукавки-кирсетки в украинском народном костюме в Приморье: традиции и современность / И. В. Стрельцова // Россия и АТР. — 2014. — № 4 (86). — С. 227–234.
81. Сумцов, Н. Ф. Символика славянских обрядов: Избранные труды / Н. Ф. Сумцов. — М.: Изд. фирма «Восточная литература», РАН, 1996. — 296 с.
82. Ткань. Ритуал. Человек: Традиции ткачества славян Восточной Европы / авт.-сост.: О. В. Лысенко, С. В. Комарова. — СПб.: Астур, 1992. — 48 с.
83. Украинский народ в его прошлом и настоящем : [в 2 т.] / под ред. Ф. К. Волкова [и др.]. Т. 2. Петроград : Тип. т-ва «Общественная Польза», 1916. — С. 361–707.
84. Финько, О. С. Концепт «хлеб» в традиционном свадебном обряде Кубани (на материале станицы Черноерковской) / О. С. Фенько // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». — 2011. — № 3. — С. 86–89.
85. Фурсова, Е. Ф. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX — первой трети XX века (на примере Новосибирской области) / Е. Ф. Фурсова, Л. И. Васеха. — Ч. 1. — Новосибирск : АГРОСИБИРЬ, 2004. — 189 с.
86. Фурсова, Е. Ф. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX — первой трети XX века (на примере Новосибирской области) / Е. Ф. Фурсова, Л. И. Васеха. — Ч. 2. — Новосибирск : АГРОСИБИРЬ, 2005. — 226 с.
87. Фурсова, Е. Ф. Этническая конверсация в традиционной культуре украинских переселенцев Западной Сибири (по материалам народной одежды) / Е. Ф. Фурсова // Славяне в сибирском сообществе. — Новосибирск : Книжица, 2006. — С. 18–28.
88. Фурсова, Е. Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири (конец XIX — первая треть XX века) / Е. Ф. Фурсова. — Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. — 296 с.

89. Чернова, И. В. Отражение семейной обрядности украинцев Омского Прииртышья в визуальных материалах / И. В. Чернова // Творчество в археологическом и этнографическом измерении : сб. науч. тр. — Омск : Изд. дом «Наука», 2013. — С. 329–333.
90. Чернова, И. В. Этнография детства украинского сельского населения Омского Прииртышья / И. В. Чернова // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2014. — № 3(3). — С. 94–100.
91. Чистов, К. В. Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда / К. В. Чистов // Проблемы типологии в этнографии. — М.: Наука, 1979. — С. 223–229.
92. Чижикова, Л. Н. Украинцы. Историко-этнографический очерк традиционно-бытовой культуры / Л. Н. Чижикова // Материалы к серии «Народы и культуры». — Вып. IX. — Кн. I. — М., 1992. — 170 с.
93. Чижикова, Л. Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX–XX века) / Л. Н. Чижикова. — М., 1988. — 253 с.
94. Шангина, И. И. «У кого детей много, тот не забыт у Бога» // Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. — СПб., 2006. — 566 с.
95. Шаповалова, Я. А. Советская свадебная обрядность в 1950–1980-х гг.: традиции и новации / Я. А. Шаповалова // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 11. — С. 354–359.
96. Щеглова, Т. К. Адаптационные возможности крестьянской переселенческой культуры в селах западного степного и лесостепного Алтая: традиции и новации в 1930–1950-е гг.: на примере каркасного жилища / Т. К. Щеглова // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина : материалы Всерос. науч. конф. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. — С. 67–70.
97. Щеглова, Т. К. Использование глины, соломы, чащи, камыша, кольев и других природных материалов в обустройстве сельской усадьбы и быта семья в послевоенной деревне Алтайского края (1940–1950-е) на лесостепных и степных территориях / Т. К. Щеглова // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история. Вып 9 : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Павлодар, 15–16 апреля, 2014 г. / под ред Т. Н. Смагулова, М. А. Демина, Т. К. Щегловой, Е. К. Абеуовой. — Павлодар : ПГПИ, 2014. — С. 258–269.
98. Щеглова, Т. К. Переселенческое жилище на Алтае в первой половине XX века: типология, строительные материалы и строительные традиции (по полевым материалам 1991–2006 гг. / Т. К. Щеглова // Алтайская деревня

- в первой половине XX века : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Н. Разгон, Т. К. Щеглова. — Барнаул, изд-во Алт. ун-та, 2007. — С. 153–163.
99. Щеглова, Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Научные и методические материалы / Т. К. Щеглова. — Барнаул : ООО «АЗБУКА», 2015. — 132 с.
100. Щербакова, О. С. Песенный фольклор украинских переселенцев Алтая [Ноты] : репертуарно-методическое пособие для народно-певческих коллективов / О. С. Щербакова. — Барнаул : ОАО «ИПП «Алтай»», 2012. — 128 с.
101. Щербий, Г. С. Пути развития украинского костюма в XX в. // Украинцы. — М. : Наука, 2000. — С. 223–228.
102. Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии / отв. ред. С. А. Арутюнов. — М. : Наука, 1981. — 255 с.
103. Явнова, Л. А. Символика элементов свадебного обряда русского населения Алтая второй пол. XIX — начала XX вв. / Л. А. Явнова // Гуманитарные науки в Сибири. — 2000. — № 3. — С. 56–59.

Список сокращений

- АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей
АК – Алтайский край
АлтГПУ – Алтайский государственный педагогический университет
ГААК – Государственный архив Алтайского края
ГАТО – Государственный архив Томской области
ЗАГС – запись актов гражданского состояния
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук
ИКМ АлтГПУ – Историко-краеведческий музей Алтайского государственного
педагогического университета
ИЭЭ – историко-этнографическая экспедиция
КРКМ – Кулундинский районный краеведческий музей (АК)
МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного уни-
верситета им. Ф. М. Достоевского
МБОУ СОШ – муниципальное бюджетное образовательное учреждение сред-
няя общеобразовательная школа
Материалы ЭЭ ОмГУ – материалы этнографической экспедиции Омского го-
сударственного университета им. Ф. М. Достоевского
МГОУ – Московский государственный областной университет
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НСО – Новосибирская область
ОГКМ – Омский государственный историко-краеведческий музей
ОмГУ – Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
ОмО – Омская область
ОФ – основной фонд
П. о. – полевая опись
РГАЭ – Российский государственный архив экономики
РГИА – Российский государственный исторический архив
РКМ – Рубцовский краеведческий музей
РРКМ – Романовский районный краеведческий музей (АК)
СНК РСФСР – Совет Народных Комиссаров РСФСР
СЭ – Советская этнография
ТКМ – Топчихинский краеведческий музей (АК)
ТФ ГАТО – Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ – Центр устной истории и этнографии лаборатории исто-
рического краеведения Алтайского государственного педагогического
университета
ШКМ – школьный краеведческий музей
ЭЭ – этнографическая экспедиция

Капра 11. Размещение и численность украинского населения в сельских районах Омской области по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.

Сост. Свидовской А. С. по: Национальный состав постоянного населения районов Омской области в 1979 и 1989 гг. // Национальный состав Омской области (по данным Всесоюзной переписи 1989 года). — Омск, 1990. — С. 16.

Карта 12. Размещение и численность украинского населения в сельских районах Алтайского края по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

Сост. Свидовской А. С. по: Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. — Т. 4. — Ч. 1. — Барнаул : Терр. орган Федер. службы гос. стат. по Алтайскому краю, 2013. — С. 25–59.

Карта 13. Размещение и численность украинского населения в сельских районах Новосибирской области по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.

Сост. Свидовской А. С. по: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области: Национальный состав населения муниципальных образований Новосибирской области [Электронный ресурс]. URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 25.08.2017).

Карта 14. Размещение и численность украинского населения в сельских районах Омской области по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.

Сост. Свидовской А. С. по: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области: Население муниципальных районов Омской области и административных округов города Омска по национальности и владению русским языком [Электронный ресурс]. URL: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 25.08.2017).

Семейные истории переселений

■ **«Вот так и перестали скандалить»**

Родители... приехали с Харьковской области, село Второй Лиман. Тогда еще помещики были, и вот они работали у помещиков, а потом земли ж там мало было, да и Сибирь осваивать стали, вот они своим ходом на своих лошадях добрались оттуда. Примерно проедут километров пятьдесят, остановятся, кормят лошадей, сами кушают. Так они оттуда четыре тысячи километров, так они полмесяца сюда в 1909 г. ехали. И они поселились там, под Логом, и поселок тот назывался Цыганский Лог. Черкасский поселок вперед назывался Цыганский Лог, там и пруд и родники были, безрезки, вода там холодная, как лед. И бригады там были, а в тридцатом году приехал архитектор и убрал оттуда поселок, а почему — неизвестно.

Сибиряки, они вот вперед нас сюда [переселились], вот они и сибиряки, а вот уже наши как переселились. <...> А чалдоны под вид сибиряков, у них язык тоже свой, они живут туда ближе, где тайга, кедры, шишки. Но они нелюдимые: вот если, к примеру, человек сказал «ты придешь ко мне попить воды», она тебе эту кружку наберет, подаст, и эту кружку забросит, она уже с ней не испьет. Вот сибиряки на украинцев говорили: «Эй, иди сюда, хохол». Люди сначала серчали, что у нас, мол, имени нету, мы их, мол, начали воспитывать, нельзя так. Они «хохол, хохол», а мы потом стали отвечать: «Сибиряк, с печки бряк, растянулся, как червяк». А они сердятся, ведь им тоже нехорошо, вот так и перестали скандалить.

Анощенко Иван Лукьянович, 1931 г. р., родители — переселенцы из Харьковской губернии, с. Зяньково, Панкрушихинский район, Алтайский край. Записано в июле 2012 г. Люля Н. В. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ.

■ **«Перво-наперво колодец выкопали»**

...У меня хохлы деды, они приехали с Украины, с Полтавской области, когда был голод. Понимаете что? Они приехали оттудова. <...> Бабка мне рассказывала моя, отцова мать: она была маленькой, и дед был маленьким, пришли они оттудова. И вот в Сростах дом ихний стоит. Они пришли, Кирикилицины. Зашли на кромку бора. Нет, перво-наперво колодец выкопали на кромке бора, чтобы пить. Зашли на кромку, давай лес валить, пеньки корчевать и ставить дом. И вот по сей день стоит ихний дом, сделанный в Сростах. Дед срубил.

И вот сейчас иной раз промелькивается [слово «хохол»]. Слышу я вот иной раз, это редко, редко, редко сильно. А раньше это сильно в обихо-

де было. Не звали украинцем, а «хохлы», «москали», там «пензяки», «тамбовщина».

Кирикилица Павел Иванович, 1934 г. р. прадеды по отцовской линии — переселенцы из Полтавской губернии, по материнской — из Пензенской губернии, с. Малая Шелковка, Егорьевский район, Алтайский край. Записано в июле 2013 г. Грибановой Н. С. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ.

■ **«Они украинцами, получается, были, ну, раз с Украины приехали»**

Вообще по национальности я русский. Это вот, получается, мой дед с Украины с двумя сестрами приехал. По национальности они украинцами, получается, были, ну, раз с Украины приехали. Вот они с Полтавы были, там еще отца сестра осталась, я помню, они ездили туда, не забывали родины. Переселяться все начали, да, вот когда эти нашествия на вольные хлеба были, это вот в 1983 году было столетие Романова, а сто лет назад начали здешние пруды заселять, вот и приехали они в 1883 году. Здесь еще тогда ничего вокруг не было: околки, заросли кругом, Чудские пруды называли. <...> [На Украине] ведь очень тяжело им было, люди оттуда шли кто как мог. У кого есть кого запрягать — запрягали, у кого нет — пешком шли. Если выходили ранней весной, то к первому снегу приходили в Сибирь. Вот приезжали большими семьями, или хозяин приедет, а потом уже все за ним. Вот у нас Фрунзенская улица — здесь в основном с Полтавы селились. Русская улица — там русские селились, они с России были, откуда — не знаю, но они не говорили по-хохлацки, по-русски балакали. Да, они на своем как там разговаривали, так и здесь разговаривают, никакой разницы нет, это уже там, за Полтавскую губернию, чисто украинский язык, а тут они — «хохлы». У нас не чисто украинский язык, бог его знает, перевертыш какой-то, не русский, не украинский — «хохлацкий» он. Мы их — чисто украинцев — и не знали.

<...> Как бабушка разговаривала, так и мы. Мы в школу пошли, нас только там по-русски учили разговаривать, да и то, только где-нибудь заговоришь, все сразу — «хохол», уже чисто на русском ты разговаривать не можешь.

Солод Николай Григорьевич, 1935 г. р., русский, деды — переселенцы из Полтавской губернии, с. Романово, Романовский район, Алтайский край. Записано в июле 2013 г. Прохоровой Е. А. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ.

■ **«Мы же с Украины»**

Мы же с Украины. Жили там, на Украине. Колхоз там был, а потом здесь стали жить. Вроде здесь земель много. Добровольно ехали, там дома наши все поостались. Какие сразу же повернулись, тут пожили — сра-

зу и уехали. [Жили] на Украине, Полтавская область, село Сулымивка называли. Тут земли пустые, а там тесно было! Ну, вот кода война-то началась, перед войной мы приехали.

Как ехали — а эти, ну как, эшелоны: в вагонах везли нас на поезде, потом сюда. Нас привезли и нас сразу поселили [в с. Титовка]. Так вот мама было: «Ой, хорошо, поселили в домик». Оказывается, там живут хозяева, да еще и хозяева не простые. Там жил пимокат. Мы переночевали, а на вторую ночь нас оттуда убрали, перевели в другое место. Мы уже было обрадовались. Мама говорит: «Ой, хорошо, тут будем жить!» Кода разобрались, а там тоже живут люди, и люди такие, ну как сказать, почетные, так нас и оттуда убрали.

На Украине у нас тепло было, а здесь надо было валенки! У нас даже ходить в школу не в чем было. Люди были тут хорошие, помогали нам.

Солощенко Лидия Васильевна, 1928 г. р., переселенцы из Полтавской области 1941 г., с. Титовка, Егорьевский район, Алтайский край. Записано в июле 2013 г. Люля Н. В. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ.

■ «Приехали, а там у него булки белые»

Родители мои жили на Бугу, это на самом краю с Польшей. <...>

В 1926 г. отец пошел ходоком, втроем они собрались, друзья. Доехали поездом до Омской области и пошли пешком по селам. Один остался в Павлоградке, один остался в Русской Поляне, ему понравилось, а отец добрался сюда. Новороссияновка деревушка была, дворов 40, наверное, было. <...> Его принял зажиточный крестьянин Янько, и ему так понравилось. Весной уже с семьей приехал сюда, а было уже пятеро детей у них.

Две недели ехали из Украины до Омска, самому маленькому было два годика, а старшему десять лет. Мама моя всю жизнь вспоминала, как они трудно ехали. <...> Доехали до Омска, они там купили пару лошадей и бричку, детей погрузили, и так они ехали до Новороссияновки. Им дали надел от Новороссияновки два километра, и дали ему 50 десятин земли, так он был на девятом небе. Там-то у него [у отца] на Украине было две десятины, а три сына и каждому надо было отделяться. А шо дать?

Этот же Янько его приютил. Мама все рассказывала: «Приехали, а там у него булки белые, я думала, они только на Пасху таких напекли... (На Украине-то только ржаной ели тогда хлеб.) Пасха прошла, смотрю, а хозяйка снова такой хлеб печет. Я у них спрашиваю: «У вас что, опять Пасха?» Хозяйка говорит, что всегда такой хлеб печем.

<...>

Лидия Михайловна Е., 1935 г. р., с. Желанное, Одесский район, Омская область. Записано в июле 2013 г. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Ф. I — Этнографические материалы.

■ «Месяц ехалы...»

Мы переехали [с родителями] сюда, в Сибирь... в 40-м году. Отец поехал зимою — их восемь человек поехали шукать место. Они нашли за [селом] Хорошим место — село Борисовка была, девять километров от Хорошего. Деревушка небольшая, там было 18 дворов всего, и нас восемь семей приехало, и получилось 24 двора...

<...> Месяц ехалы... собирали еще людэй вездэ... у нас целый эшелон. На станции останоят, пойдут родитэли, принесут какой-то похлебкы... воды набэрэ и шоб коров попоить, кто коров виз, и мы шоб поумывалысь. <...> На товарняку ихалы, одна половина — людэ сидили, а другу половину — везлы коров, гусей, курей, кто шо. <...> Восемь семей нас ихало.

Все семьи было по пятеро, по шестеро детэй у каждого, самые большие таки, которые голодом. <...> Ну мы, например, тато корову продады, только мебель свою вэзлы: койка деревянна, стол дубовый, бочка дубовая...

Перепончик Татьяна Ивановна, 1927 г. р., украинка, родилась в с. Немэрэнци, Ружинский район, Житомирская область, г. Карасук, Карасукский район, Новосибирская область. Записано в августе 2015 г. Люля Н. В. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ.

Семья и семейные взаимоотношения

■ «Так было заведено»

Дед у меня — отцов отец — был сильно строгий. Вот иной раз бегаю по улице, босьяками. Обувки не было, трусишки, рубашонка — всё, а то и рубашонки не было, в одних трусах голышом, босьяками. Вот бегаешь, вот сидят старики, я должен остановиться, поклоняться и поздороваться. Вот так вот! Так было заведено. Однажды прихожу к деду, ничего не зная: «Ну-ка, иди сюда! Ты почему бежал? Там сидит Афанасий Бехтер. Ты с ним не поздоровался». Я говорю: «Деда, я с ним поздоровался». «Ты не остановился. Если еще раз кто скажет мне — я тебе обрываю уши». Всё! Я к деду на месяц отходил. Боюсь, что скажет кто, будет от деда выволочка. Вот так вот.

Кирикилица Павел Иванович, 1934 г. р., прадеды по линии отца — переселенцы из Полтавской губернии, по линии матери — из Пензенской губернии, с. Малая Шелковка, Егорьевский район, Алтайский край. Записано в июле 2013 г. Грибановой Н. С. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ.

■ «Для детей делали колыски на веревках»

Для детей делали колыски на веревках, шоб висели, и их качать можно было. Меня мама часто заставляла брата Мишу укачивать. Помню,

как-то заставила его качать, я тогда маленькая была, а он все не спит и не спит. Я его тада шлеп под низ, он падал на пол деревянный и ну-у-у-у-у кричать. А я тогда: «Мама, мама! Он плачет, а я ничего поделать не могу».

<...> В школу мы ходили в Максимовку — в Путиловке своей не было. Обувачки-то в то время путёвой не было. Поки дойдешь до Максимовки — ноги посбиваешь, плачешь. Да и волков тада по пути много было. У нас же в том краю скотомогильник был. Бывало, идешь в школу, опоздаешь, да и вообще идти неохота, волков страшно. А домой идти рано, еще получишь, что раньше времени домой вернулся. Вот мы приходили и говорили, шо волков забоялись, от и вернулись. Две недели я в максимовскую школу походила, а потом мать сказала дома сидеть, мол, толку больше будэ.

Из игрушек у нас было шо сами сделали: мальчики себе рогатки делали, девочкам со старых рваных вещей. Кто ж нам нормальну-то ткань даст? Драли тряпки да чулки порваты наполняли ими.

Одежду детям сами шили, взрослое перешивали. Девочкам юбки шили, штанишак не было. Я даже когда взрослой была, на комбайне работала, и то штанов не было.

М. М. Д., 1932 г. р., д. Путиловка, Шербакульский район, Омская область. Записано в июле 2012 г. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Ф. I — Этнографические материалы.

■ «Всяко спалы!»

[Жили] в деревянном [доме], хата [называли], да и всё. Две у нас было комнаты и там такая пристройка с саману. Мы только летом там жили, а зимою тут вот в двух хатах жили. Одна была кухня и спальня. Та даже и не кухня, там же тоже койки стояли.

Всяко спалы! Мать с баткой на койке, дед на печке, а там хто в яслях и качке. Мы подставляли стулки и спалы. Трое девчат спалы. Зимой мы вообще в одной хате жили. Все закрывали — холодно, топить нечем было. Навозом — кизяком топили. Вечером соломой в одной хате.

Потом уже построили, где-то жить-то надо: четыре ребенка и трое взрослых, надо где-то спать. Там, в новой хате, стоялы две кровати: одна деревянная и еще одна. Мы втроем спали, дети на койке, а пацанчик маленький был, в качке спал.

Юрченко (Гутыра) Любовь Васильевна, 1935 г. р., деды — переселенцы из Черниговской губернии в годы Столыпинской аграрной реформы, с. Семеновка, Кулундинский район, Алтайский край. Записано в августе 2014 г. Люля Н. В. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ.

■ **«А работы богато, хватало...»**

Еще как заставлялы [работать]. На работу [родители] — як накажутъ: и шоб столкла пшено, ступы деревянны таки булы, и паслену шоб нарвала, и там половать — каждый день поливай. А паслену ведро шоб нарвала. Вот я пиду, мысочку нарву, а качелька у мэнэ была — покачаюся, высыплю ту мысочку в ведро, и вот покачалась на качельке и пишла опять рвать. Мысочку опять нарвала, пришла в ведро высыпала, на качельке покачалась, опять пишла рвать. Заставлялы, и шоб ведро нарвала паслену, да. <...> А если не нарвэшъ — полагають, да и все. <...> «Че ты, наверное, целый день качалась, а паслен не рвала?» ...И полить надо, и пололы — невэлики булы, а робыть заставлялы: они ж с утра и допоздна в стэпу, а приедуть до дому — все туточки. <...> А работы богато, хватало... Так слухалы [родителей]. <...> А они ж приходили темно с работы, шо они тогда сроблять? Корову тикэ сдоють да и все. И корову пригонишь, и корову привяжешь, а доить не доили.

Невзгодова Екатерина Михайловна, 1929 г. р., украинка, деды приехали с Украины, с. Белое, Карасукский район, Новосибирская область. Записано в августе 2015 г. Свидовской А. С. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлмГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ.

Самоидентификация. Язык

■ **«А те как-то не так балакали...»**

И с Полтавы переселялись, приезжали они сюды. Даже разговором отличались: вот черниговцы иначе балакают, те иначе. Черниговцы так балакали, как я сейчас балакаю, по-украински, чисто балакали, так вот, по-хохлацки. А те как-то не так балакали. Вот тогда ведь как: батька приехал, и каждый своих перетягивал — там земли не было, а здесь была. Видно, и черниговцы и полтавцы отдельно жили, потому что, глядишь, говорит: «Вон черниговец идет». Отличались черниговцы и полтавцы, да вот тем же разговором, а так глядишь — такие ж самые люди, нисеки ничем не отличались, а разговор был иначе у их, даж щас не придумаешь. Вот мы — «кружка», а у них уже как-то иначе, а теперечки усе одинаковы.

Я вот родилася вот так, дак я ж теперь не могу язык перевернуть никуда. Вот послушает меня с Украины и засмеется, что я так балакаю. Кому скажи, что я с тобой разговариваю, я вот с тобой балакаю, балакаю и все, а щас же в Романове уже все разговаривают, а я все балакаю. Я и на курсах была, ага-га [смеются], ученики, а преподаватель: «Чтоб я не слушал, что смеялись, она разговаривает по-украински, пусть она так и говорит, а ты по-своему разговаривай, и не смейте смеяться».

Ну, украинец — это «хохол». Вот только украинцы — это и есть Украина, а «хохлы» — они-то чё? И жизни той не видывали.

А еще бывало кацапы — они не по-украински, они приехали, приехали, а чё их кацапами их называют, я сейчас и не знаю. Помню, нам сказали комнату белить, она вон белила, белила, а кацапка: «Вот проклятые „хохлы“, чё придумали — белить да мазать, ты вон ее лёп, а она на тебя шлёп». Кацапы не белили, у кацапов было пол, желтый, желтый такой, всё некрасивый такой был, туту чисто, а та-а-ам... Дом построил, так он и дед, как склали дерево, так оно и живет, ничем не мажут его. Так они и жили — печь склали, так она и... вот такие кацапы были. А теперь вот нема уже таких, и никто не скажет, что вот ты кацапка. Может, кто и родом из кацапов, но теперь уже не узнаешь.

Ковтун Матрена Иосифовна, 1917 г. р., украинка, родители — переселенцы из Черниговской губернии, с. Романово, Романовский район, Алтайский край. Записано в июле 2013 г. Прохоровой Е. А. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ.

■ «Нас всех называли „хохлами“»

Я украинка, мама моя тоже была украинка, дед был поляк. Бабушка тоже была украинка. Она с 1942 года. Отца у меня не было, поэтому общалась я только с родственниками мамы. Все они называли себя украинцами. Я себя украинкой считаю, потому что раньше записывали, вот так меня и записали в документах, наверное, по маме. Я знаю, что у дедушки, дедушка рассказывал, что переписывал, сельский совет, как-то сгорели все полностью документы, и уже всех детей писали «украинцы». Украинцы уже независимо от того, что у деда и мама, и папа чистокровные поляки из Польши. И сам дед был записан «украинец», когда повторный документ получил. <...> Мой дедушка переехал из Киевской губернии, Липовецкий или Липецкий уезд, его родители сначала из Польши туда, а затем на Алтай, вот родители деда в 1888-м переехали, а в 1900-м он родился здесь уже, в Романово. Он родился, когда его отцу было восемьдесят лет.

...Нас всех называли «хохлами», раз переселенцы с Украины. «Хохлы», мне кажется, — это просто простонародное название, люди, которые смешали себя и не знают, на каком языке разговаривать, не могут на чисто русском и не помнят украинский, вот и «хохлы».

Язык у нас вообще смешанный в Романово, ну здесь называется «хохлацкий», ну больше помесь украинского с русским языком. «Хохлацкий» язык, по-моему, ближе к украинскому. <...> Я больше, конечно, на русском говорю; если раньше еще можно было немного, сейчас-то уже нет. Я вот из детства помню, мы жили не в центре села, а на окраине, там все укра-

инцы жили, так что все они общались. <...> Мы долго в семье на украинском разговаривали, и когда даже дедушка умер. Все равно, когда эта волна пошла 90-х, все забывать стали про украинский, все русские становились.

Курило Любовь Александровна, 1975 г. р., украинка, с. Романово, Романовский район, Алтайский край. Записано в июле 2013 г. Прохоровой Е. А. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ.

■ **«Я хохол, а ты кацап»**

В д. Путиловка живут «хохлы» — так украинцев называют. Также в этой деревне живут «кацапы» (русских и белорусов так называют) и «чалдоны» — это русские. Чалдоны живут на севере [Омской области], в урмане.

<...> В деревне Путиловка жила кацапка, которая была замужем за хохлом. Хохлы для жарки лук режут, а кацапка жевала, а потом выплевывала на сковородку. Свекровь-хохлушка ее наругала, чтобы та так больше не делала.

В детстве информанта хохлы и кацапы дразнили друг друга: «Я хохол, а ты — кацап, я насру, а ты — цап»; «Хохлы кашу не варят, галушками заморят».

В д. Максимовка тоже живут «хохлы». Из Максимовки в Путиловку постоянно бегали, поэтому максимовские хохлы прозвали хохлов из Путиловки «манжуры», а жители Путиловки дразнили хохлов из Максимовки «галушками».

Д. М. М., 1930 г. р., д. Путиловка, Шербакульский район, Омская область. Записано в июле 2012 г. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Ф. I — Этнографические материалы.

■ **«Да и мы им тоже говорили, что они джеркочут»**

У меня сын, когда маленький был, мама моя его ласково окликнула: «Иди сюда, кацапчик». Так свекровь моя на нее обиделась. <...> Кацапами мы тех называли, кто из Пензенской области приехал. А вот свекрови не нравилось почему-то. У нас же много их, приезжих, было, и всех по-разному называли. <...> Нас, украинцев, хохлами называют, хотя и хохлы разные бывают, язык очень разный. У нас зять с Западной Украины, они к нам как-то приезжали с семьей, как начнут говорить, мы ничего не понимаем вовсе, и они нас не понимают. Все слово нам повторяли «джеркочут», то есть «непонятно говорят». Да и мы им тоже говорили, что они джеркочут. А еще я, когда в Кустанае работала, со мной в общежитии девочка-украинка жила, она с Украины приехала. Так я ее тоже совсем не понима-

ла. Ну, вот она, например, скажет: «биля хаты». Вроде мы так и не говорим, но понятно ж, что значит «околь хаты». Так и общались...

Х. Т. Н., 1939 г. р., с. Максимовка, Шербакульский район, Омская область. Записано в июле 2012 г. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Ф. I — Этнографические материалы.

■ **«Но у меня корни все-таки взяли»**

Ощущаю я себя русским, потому как всегда русскому учили, а вот бабушка с дедом всегда говорили, вот по-русски, вот по-украински, но оно ведь как в обиходе все это было. А потом, когда становишься взрослее, начинаешь искать свои корни. Многое я узнал новое, чего не прочитал. У меня у бабушки родители переселялись, поэтому знал многое, и в каком русле направлять. Переселялись они — то ли с Чернигова, то ли с Харькова, но, по-моему, с Чернигова. Фотографии даже хранил: там бабушкина мать в парочке стоит. В моем свидетельстве о рождении стояло, что мать украинка, а отец русский. Но оно все выдает эти украинские корни, мы вот даже когда учились в колледже, как-то не обращали на это внимания, а вот мы «гэкали», шокали», как бы непроизвольно: «А хде, а шо». Не всегда, конечно, но кое-где точно проскальзывало. И над нами все смеялись: «О, „хохлы“ приехали». Постепенно мы сами стали себя наблюдать, чтобы не «гэкать» и не «шокать», но куда денешься, корни есть корни. Но зато потом, когда мы сюда приехали работать, нам легче было, мы вот образовывали ансамбль «Вытрэбеньки», смысл слов в песне, может, и не понимали, но зато не надо было переучиваться на «гэканье» и «шоканье», уже слова давались легче.

Язык уже у бабушки был ассимилирован, то есть смесь русского с украинским. Вот русифицирован, ну больше она говорила на русском, но просеивали и украинские слова — «глэчики», в бытовом плане просеивало. Может, скорее это и был украинский язык. Вот старые люди — украинцы, они ведь так юбки и кофты носили, голова у них всегда прикрыта была, а под платком волосы в косу. Вот помню, шишка у нее [бабушки] иногда была, и платок, не знаю насколько традиционно, но подвязывала она его назад. Мой отец еще больше русифицирован, больше, чем я, может, потому что фамилия... да и в паспорте русский, мать — воспитатель детского сада, сильно позволить «хохлить» не могла. Но вот у меня корни все-таки взяли.

Янковский Юрий Леонидович, 1974 г. р., русский, с. Романово, Романовский район, Алтайский край. Записано в июле 2013 г. Прохоровой Е. А. Архив ЦУИ-иЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. I. Материалы ИЭЭ.

Семейная обрядность

■ «Они ж повенчались уже»

Як приедуть, выкупають [невесту]. С церкви приедуть, потом выкупають невесту. Они ж повенчались уже. Выкупають, тапочек с ее снять, пидь стол залезуть! Ой, и украдут невесту! Туфель снять, заховать — выкупае жених водкою. А невесту украдут, як не углядит, не придержит — опеть выкупае!

Як приеде за невестою [жених], тоди уже спивають: «Неси, дядя, за плечами, не лупай очами, выйми гроши из кошель». А девчонки кричат: «Вы не совайте торилку и не дури нас горилкою, наш батько люльки не курит, хай нас зять не дурить». Ой, спивали всяко. [Еще пели]: «Дай мать иголочку и шелкову ниточку, пришей веночек — зятев подарочек».

Бараненко Анастасия Митрофановна, 1917 г. р., родители — переселенцы из Полтавской губернии 1904 г., с. Клепечиха, Поспелихинский район, Алтайский край. Записано в июле 2008 г. Грибановой Н. С. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ.

■ «Шишки» — это булочки такие...»

Сначала засылали сватов в дом невесты. Назначали сватами родственников жениха или его друзей. Обычно это были женатые мужчины, хорошие семьянины. <...> Обязательно определяли время свадьбы, чтоб не когда пост или полевые работы.

<...> Еще перед свадьбой девчата собирались у невесты, украшали елку или березку. Деревце это «гильце» называлось. Сейчас уже такого нет, но в мою молодость еще было.

На свадьбе всегда на лошадях катались, украшали их лентами, колокольчиками. Еще на обеих лошадях по бокам крепили две ленты красные, широкие, на которых белыми буквами писали имена жениха и невесты, чтобы все видели, знали. В тачанке сидели жених, невеста, сват с цветами и «святилка» с букетиком цветов, правил кучер.

Еще перед самой свадьбой, когда гостей собирали, пекли «шишки». «Шишки» — это булочки такие: сначала лепили из теста колобок, а потом сверху на него лепили ленточки тонкие из теста. Получалась по форме шишка. Их обязательно в доме невесты пекли. Из ее родственников выбирали человека, чаще мужчину, которому давали список, и он ходил с этим списком и приглашал гостей, раздавал им шишки, вместо приглашения они были.

До свадьбы еще приданое готовили. У меня мама давала комод, постель, шторы, еще много чего.

<...> Гуляли обычно «как размахнутся», но не меньше трех дней. На второй катали родителей, наряжались как попало. На третий все гости приходили «посуду мыть». Ну, пили, конечно, больше, чем посуду мыли. Обязательно на свадьбу готовили борщ, как наши, путиловские, говорили. В Максимовке его капустняк называют украинцы.

После свадьбы невеста, жена уж, уходила жить в дом мужа.

Анна Тихоновна С., 1934 г. р., д. Путиловка, Шербакульский район, Омская область. Записано в июле 2012 г. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Ф. I – Этнографические материалы.

■ «Недолго веночек на стенке висел»

Свадьбу гуляли три дня. Первый вечер гуляли у невесты, приходили подружки, делали «гильце» — дерево: елку или сосну наряжали бумагой цветной и хлеб на ветки раскладывали, когда фату-венки с невесты снимали, то каждый себе отламывает веточку. Ну, потом, конечно, застолье, регистрация.

Второй день с утра жених на тройке приезжает, она лентами, бубенцами, цветами украшена. Забирает приданое, невесту, после выкупа, сама собой. На третий день те, кто гуляли, собирали курей, их вместе скубили, лапшу варили потом. Наряжались кто как и ходили по улицам. Родителей обязательно катали: и жениха родителей, и невесты, а молодые должны были их выкупить.

Когда венки-то снимали с головы у невесты, то пели особую песню, слов я уж не помню, но начало было такое: «Недолго веночек на стенке висел».

Жених и невеста одевались как могли. Жених в костюме был, а невеста в платье, что покрасившее. На голове у нее венок был из воска: цветочки белые и розовые, а к веночку фата приделана. На груди у жениха и у невесты цветки из воска были.

Тамара Михайловна Ф., 1941 г. р., с. Максимовка, Шербакульский район, Омская область. Записано в июле 2012 г. Архив музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Ф. I – Этнографические материалы.

■ «Вытягивают эти полотенца и вешают на иконах»

Да було [приданое]. Тоди вот как невесту забирают, тоди чемодан — сундуки называлы. У нас есть еще в сенках, в кладовке стоит сундук. Той сундук забирают, туда що там у нее есть складуют и везуть до молодого. Там везуть, той сундук у двери як не лезять, пока бутылку не вынесут. Выпьют, тоди сундук залазе в двери. <...> Як пришла свашка и ее родня [в дом жениха], там тетка или сестра старша вытягивают эти

полотенца и вешают на иконах, на окнах. Так развешивают у молодого, шоб побачили, шо молода богата. У какой штук три-четыре [полотенца]. Як кто коноплий занимался [выращивали и обрабатывали коноплю], так у тий больше.

Игнатенко Екатерина Митрофановна, 1913 г. р., родители — переселенцы из Полтавской губернии 1904 г., с. Клепечиха, Поспелихинский район, Алтайский край. Записано в июле 2008 г. Грибановой Н. С. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ.

■ **«Все замуж торопились, чтобы по хозяйству легче было»**

Я вышла замуж в 1957 году, впервые мы увиделись с будущим мужем... на смотре самодеятельности, заметили друг друга, потом он ушел в армию, мы разъехались, но, видимо, приглянулись друг другу. Через время домой приходят ко мне — говорят, свататься, я говорю, что никто ко мне не сватается; оказывается, это он был.

Особо торжеств не было. Сначала приезжали — закрывались ворота — нужен был выкуп, потом выбирались «дружки» — это как свидетели сейчас. Потом шли в дом от жениха, говорили: «Мы приехали до вас!» Им отвечали: «А чо вы приехали?» — «Телка у вас! А у нас покупатель». Потом шла шуточная торговля — конфетами, рублем и др.

Сватали родственники со стороны жениха, зять сватал моего мужа, старший брат, но обязательно со стороны жениха.

Ещё песни пели:

«Старша без носа, другая — кóса,
А третья без уха — и та песню слуха».

Или:

«Миром, миром, варенички с сыром»

Или:

«Пирожочки в масле — все дружочки прекрасны».

Потом застолье, была сторона невесты и ее родственников и сторона жениха и его родственников. Потом забирают невесту и поют песню.

Платьев, как сейчас, не было, были светлые платья, фату из марли делали — белых платьев не было, я в голубом платье была. На свадьбу одевали веночек из воска с фатой, туда цветочки беленькие и листочки, то есть фата была и цветочки с листьями [бумажными].

Еще одевались в ведьм, медведя, кошку.

Свадьбу гуляли по 2–3 дня. Обязательно венчались в деревне, редко не венчались.

На третий день курей, утят воровали.

Знакомились в клубе — были посиделки, там и девчонки и парни были, но для парней там плата была — дров нарубить или еще что. На посиделках мы вязали, пряли, мальчишки в карты играли, в лото.

Все замуж торопились, чтобы по хозяйству легче было.

А вообще — если кто овдовел, то нельзя было замуж выходить — не принято было.

Котенко Надежда Кузьминична (Ткаченко), 1939 г. р., с. Лукьяновка Одесского района Омской области. Записано в июле 2013 г. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Ф. I — Этнографические материалы.

■ **«Кого угодно кумом можно брать»**

Когда угодно можно нэсти [крестить]. Коли сразу, баба нэсэ его, а коли так, на третий дэнь понэсешь. Маты не ходыть [крестить], бабка идэ, кум, кума идэ. Кто схочэ [быть крестными], вот сестру взять или яко другого. Кого угодно кумом можно брать.

Хлопца без кума не хрестят! Як хлопец, так обязательно кум, а если дивчина, то и кума не будэ, так и похреэстять.

Ковтун Матрена Иосифовна, 1917 г. р., украинка, родители — переселенцы из Черниговской губернии, с. Романово, Романовский район, Алтайский край. Записано в июле 2010 г. Грибановой Н. С. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ.

■ **«До сей поры украинский обряд поддерживали»**

Вот сын у меня проникся украинскими корнями, отличия украинского похоронного обряда [изучает]. Но вот сколько хоронили, то только так. У украинцев хоронили человека на третий день, это точно. Выносили — выходили спиной, калитку не закрывали, пол потом, когда покойника выносили, сразу промывали. Вот эти рушники раздавали. <...> Русские никогда не раздавали, на чем опускали. <...> Рушники вышитые раздавались всем, кто присутствовал. Вода выливалась в нехоженое место. Вот до сей поры, и маму так хоронили, и ее сестру, вот украинский обряд поддерживали. На рушниках узоры птиц, почему-то мне кажется, что цапли, вот просто крестом вышивали.

Курило Любовь Александровна, 1975 г. р., украинка, с. Романово, Романовский район, Алтайский край. Записано в июле 2013 г. Прохоровой Е. А. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ.

Строительство и убранство жилища

■ «Тут боры были... Вот и делали деревянные пятистенники»

<...> Тут боры были: Северный бор, потом Алеутский лесхоз, и вот отсюда на лошадях, на быках возили бревна, и рубили сами, и ставили срубы. <...> Вот и делали деревянные пятистенники, круглые делали, крыли тоже тесом. <...> Дом такой за месяц и уже стоял.

<...> И белили с середины, а с улицы он так и был деревянный. А окон было, кто сколько захочет. Окна были намного меньше этих, и делали ставни, закрывали. И даже в середине штырьки, заштопоряли [ставни] гвоздичком или чем, ну для того, чтобы никто не разбил окно, не залез в избу, ну вот как от воров вроде. А белить... ездили вот такие есть места, вот болота, где солончеватая земля, и вот тоже верхний слой примерно на штык снимали, а там глина белая, и там ее брали сразу, в ванны такие, а домой когда привозили, делали вот такие клубочки, комочки. И вот этот комочек бросят в ведро, размешают, и тогда щетки делали с осоки — свяжут как веник банный, а потом этот конец обрубят, и она делается грубая. Вот этой щеткой и белили. Белили в месяц по разу, или вот, к примеру, весной побелют, и на сенокос побелют, и на седьмое [ноября]. К Троице, к Пасхе белили обязательно.

Аношенко Иван Лукьянович, 1931 г. р., с. Зятьково, Панкрушихинский район, Алтайский край. Записано в июле 2012 г. Люля Н. В. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ.

■ «Зимой жарко, зато летом, в жару, прохладно»

Мы в землянке жили, да и сейчас некоторые живут. Это дом земляной. Стены там делали из дерна — пласта земли, сверху крышу ложили. Сначала посередине толстую палку ложили, крепкую, она из березы была. Потом на нее ложили «слыжй». На слыжах зарубывали ямки, чтобы их закрепить на балке. Слыжи делали из березы или осины. Положить их надо было с одной и с другой стороны. Потом на это все срубали тоненькие такие деревца, как осину. Застилали все поверх слыжей, а по краям оставляли их более длинную часть. После этого шел слой дерна. Дерн-то раньше сверху пахали, ведь ни шифера, ни толи, ни рубероида не было, вот и застилали этим пластом крышу. Потом глину месили и мазали ей все снаружи и внутри. Пол тоже был земляной в землянках, обмазанный глиной.

Крыша-то мазаная протекала: дождь пройдет и все промокнет, приходится подмазывать из избы. Стены-то белили в землянке. Вообще землянки очень теплые были. У нас у... землянка сохранилась, он до сих пор в ней живет, так он говорит: «Я один раз в день зимой печку топлю и дома хожу в одной майке, жарко. Зато летом, в жару, прохладно».

А потом как появился материал, стали строить со стропилами дома, крыши с шифером. К хорошему привыкаешь быстро.

Дудук (Щербань) Анна Рафаиловна, 1930 г. р., с. Максимовка, Шербакульский район, Омская область. Записано в июле 2012 г. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Ф. I – Этнографические материалы.

■ «Печь в доме обязательно делали»

Печь в доме обязательно делали, кирпич выжигали, сами выжигали, вот с красной глины, а вот еще с сырца, вот если его не выжигали, то назывался сырец. Так вот стены выкладывали из сырца, а уже сам под, ну вот эту дугу – из красного кирпича. <...> Печь стояла на земле, на полу ее нельзя ставить, потому что пол – туда-сюда может, а там выкапывали до твердого, и ставили – кирпич выкладывали. У печки делали подпечье. Вперед в этом подпечье куры были, когда холодно. Тогда зимы были ужасно холодные, тогда помногу не держали, зерна мало было, так вот по три, по четыре, по пять, самое большее по десять курей было, а одиннадцатый петух был, и вот их там и держали. Потом каждый день вычищали оттуда, запах ведь нехороший, как только они [куры] переночуют, сразу вычищают, а ближе к весне выгоняли их на улицу

Анощенко Иван Лукьянович, 1931 г. р., с. Зятково, Панкрушихинский район, Алтайский край. Записано в июле 2012 г. Люля Н. В. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. I. Материалы ИЭЭ.

■ «Маруська, ну-ка, шо у тебя некрасивы углы?»

...Вот это пазы называли – бревно ж ложать, он же круглый, и там углубление. Ага, промерззть будэ! Это надо намесить глины и вот это все заляпать, все затереть, а потом же пошпаровать [затереть] – называлось тада, раньше, пошпаровать. <...> Для того чтобы не мерзли окна, для этого тоже месили глину, добавляли соломяки, и вот это обмазывали вокруг окна. Ну, делали, как сказать, как вот эта обшивка.

<...> Ну, уже особенно где девчата есть, дак уже стараются, шоб красивее всех было! Боже упаси! Выляпаешь так, а потом же пошпаруешь, а потом же побелишь глиной. Извести тогда не было. Глиной мы мазали углы, шобы не промерзали. <...> Тут как карьер – желта-желта глина. Вот едем туда, набираем глины, и вот это, где в углах, и зашпаруешь желтой-желтой глиной. Да как же ж так, у меня хуже всех будет! <...> А я, боже упаси, шоб... Только дождь кончился, я уже на лестнице стою, все вот это цескую. Только побелю, на второй день дождь, потом дождя нет. Гуляницкий кажет: «Щас я зроблю вам дождь – пойду щас до Маруськи, нихай билэ, дождь пидэ». Придет: «Маруська, ну-ка шо у тебя некрасивы углы? Ну,

так давай, бэли, дождь же надо». «А ладно, сейчас, дядька Николай». Точно, на второй день дождь. А бывает, уже делаю вот это, и уже дождь идет. Ну, так смеялись все с меня: «Это, — говорит, — Бог дожджа».

Глушко (Ляховченко) Мария Григорьевна, 1938 г. р., украинка, деды — переселенцы в годы Столыпинской аграрной реформы, с. Семеновка, Кулундинский район, Алтайский край. Записано в августе 2014 г. Люля Н. В. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ.

Одежда

■ «Полотняную рубашку себе шила, а она кусается»

Раньше ведь как? Одежду не купишь нигде. Было полотно, его сеют, хоть лен, хоть коноплю, ее собирают, мочут и прядут. И я, бывало, пряла и полотняную рубашку себе шила. «...А... она кусается». Замуж пошла, и свекруха... мне: «А чего ж то ты сорочку не надеваешь?» А я ей: она, говорю, кусается. Ну, говорит, давай я поношу. Ну вот, поносила, постирала, она хоть не так кусаться стала, вот таки и было.

Вот сейчас: как ни буднично, ни празднично, а тади как парочка — праздничная была, шерстяная.

Ковтун Матрена Иосифовна, 1917 г. р., украинка, родители — переселенцы из Черниговской губернии, с. Романово, Романовский район, Алтайский край. Записано в июле 2013 г. Прохоровой Е. А. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ.

■ «Вот эту моду они с Украины привезли, так и ходили»

Вот сразу они украинской одежды придерживались, они вот эти свитки из шерсти делали, да еще из ниток конопляных, вот как «пинджачок», только пониже, расклешенный с оборками, вот как сверху до низу расклешенная. Внизу юбка — тоже широкие носили на поясах. Кофты из полотна шили. <...> Юбки не до пола, но ниже колена точно, выше колена никто тогда не носил, ни старые, ни молодые. Юбки подвязывали поясом, а до пояса еще веревочки были. Вот вместо пуговиц такие деревянные, кобылки называли, прутик возьмут, хорошо выделают, посередине для прихвата сделают, и хорошо было — они из петельки не выпадывали, вот эту моду они с Украины привезли, так и ходили.

Да, конечно, расшивали [сорочки], особенно украинцы этим отличались, вот русские как-то нет, а те сорочки очень красиво делали. Цветочки да такие треугольники вышивали, на груди красиво делали, по вырезу. Вот у мужчин вот такой квадратик сделают, тут такого цвета, тут такого, женщины цветочки красиво крестиком делали. Рукава у украинцев у рубахи длинные были всегда обязательно. Я помню, после войны еще

так точно носили, и на конце рукава обязательно чехлы расшитые были, но это чисто украинский наряд. Юбка по краю расшита была. Русские так не делали.

Вот мать ведь ездила зимой в поле за сеном для скота, ни, никаких штанов у них не было. Вот наверх зимой хоть зипун надеть можно было да осенью керсетку, все равно теплее. Скот держали, всё лучше было, шерсть была. Потом «кухвайки» делать стали, по-русски «фуфайка», по-украински «кухвайка». На ноги сапоги да валенки. Но вот наши бабушки вообще босиком ходили, зимой и летом босиком, вот если только ноги начинали... так они попарят да как отшвабрят. Вот лапти они почему-то не делали, босиком ходили.

Мужики носили рубаху и штаны, шаровары были. Шаровары такие широкие были, на резинках тут и тут. Пояса у мужчин были расшитые. Рубашки у них длинные были, но в брюки их никто никогда не убирал, поясом подвяжут, по вырезу у мужиков тоже расшивали. Это праздничная одежда была, повседневную... кто бы ее там расшивал, так в конопле и ходили. Подпоясывались мужики, я вот помню, в четыре пальца [шириной] видел [пояс], кисточек не было на повседневных поясах, иногда даже не подвязывались, когда в поле ехали.

Солод Николай Григорьевич, 1935 г. р., русский, деды — переселенцы из Полтавской губернии, с. Романово, Романовский район, Алтайский край. Записано в июле 2013 г. Прохоровой Е. А. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ.

Традиции питания и пища

■ **«И сейчас обязательно украинские блюда едим»**

Но вот и сейчас обязательно украинские блюда едим: борщ, пампушки с чесноком, обязательно с маком, что там у нас еще? Но борщ — это обязательно. А борщ вообще русский-то бывает? Они вообще его готовить не умели. Мы-то ведь как? Сало — кусок обязательно чтобы был сваренный, обязательно буряк, без него вообще никак, вот это и есть основа борща. У русских-то как борщ на косточке, у нас нет — обязательно шматок сала должен быть сварен. Варенички обязательно с картошкой всякой: и с толченой, и с рубленой, и чтоб там обязательно обжаренное салко. Ну, кухню мы вот так только и поддерживаем из традиций.

Скрипка Ирина Ивановна, 1978 г. р., «хохлушка», с. Романово, Романовский район, Алтайский край. Записано в июле 2013 г. Прохоровой Е. А. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ.

■ *«Вроде суп обыкновенный, но вкусно!»*

Я вот и сейчас люблю бабушкин, а потом и мама его варить стала, суп, суп именно с галушками. Не знаю почему, обыкновенный суп, вода, картошка и кусочек теста, но вкусно-о! Даже мне не нужно ни рисовые, никакие другие крупы, вот мне нравится с галушками!

Вот я и сам умею борщ украинский готовить, и жена, и ее мать варит борщ. Вот почему-то с детства у меня сложилось... вот я и сейчас чувствую вкус бабушкиного борща — она его делала в печке, в чугуне, но не всегда в чугуне, она и так его делала, в кастрюле. Он всегда отличался! Мне он кажется вкуснее даже, чем у мамы. Мне кажется, я такого борща и не ел [больше]. А может, это просто такие ощущения с детства. Иногда она его и с фасолью варила, они, наверное, какой-то рецепт знали, вкус какой-то другой. Еще пампушки с чесноком. Но мы больше любили с маком, они же сладкие! Мы и сейчас часто пампушки с чесноком делаем. Частенько она [бабушка] делала и суп из пшена — капуста и пшено, на бульоне делали. Ну, вареники делали с картошкой и творогом.

Янковский Юрий Леонидович, 1974 г. р., русский, с. Романово, Романовский район, Алтайский край. Записано в июле 2013 г. Прохоровой Е. А. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ.

Оглавление

Введение	3
--------------------	---

Глава 1

Семья украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX — XX веке: история, структура и социокультурные практики	16
1.1. История и структура семей. Внутрисемейные отношения	16
1.2. Дети и семья	32

Глава 2

Семейная обрядность украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX — XX веке	54
2.1. Родильно-крестильная обрядность	54
2.2. Свадебная обрядность	76
2.3. Похоронно-поминальная обрядность	113

Глава 3

Система жизнеобеспечения украинской семьи в сельских населенных пунктах Западной Сибири (конец XIX — XX век)	135
3.1. Жилище	135
3.2. Одежда	178
3.3. Пища	210
Заключение	254
Список источников	262
Список литературы	273
Список сокращений	284
Примечания	285
Приложение	287

Научное издание

Грибанова Наталья Святославна, Чернова Ирина Валерьевна,
Люля Наталья Викторовна, Свидовская Анастасия Сергеевна

**Семья и семейный быт украинского сельского населения
Западной Сибири в конце XIX – XX веке**

Монография

Корректор – Н. Ю. Ляшко

Верстка, дизайн обложки – Н. Л. Васильева

Подписано в печать 25.10.2017. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

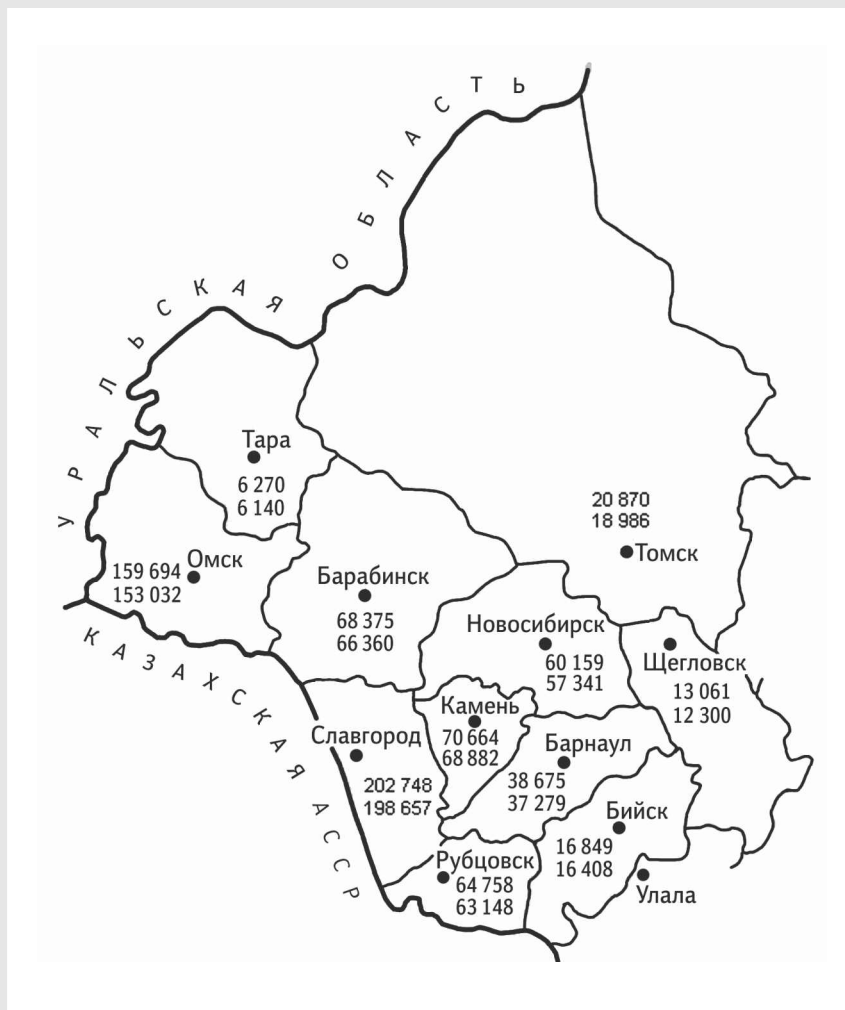
Усл. печ. л. 19,1. Заказ 57. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»

г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98а

тел. 62-91-03, 62-77-25

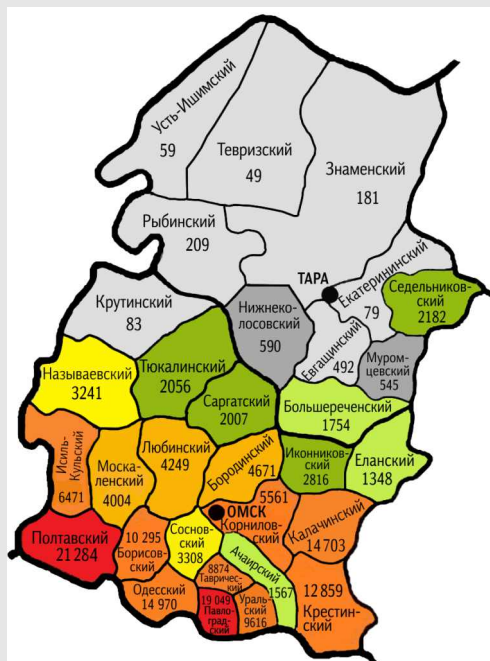
E-mail: azbuka@dsmail.ru

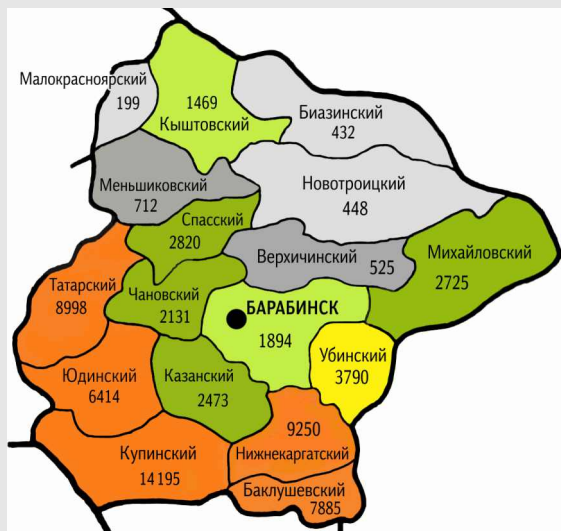
1. Размещение и численность украинского населения (верхнее число — сельское и городское население в сумме, нижнее — сельское население) в юго-западных округах Сибирского края по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.

Сведения об источниках и составители для всех карт — см. примечания на с. 285–286.

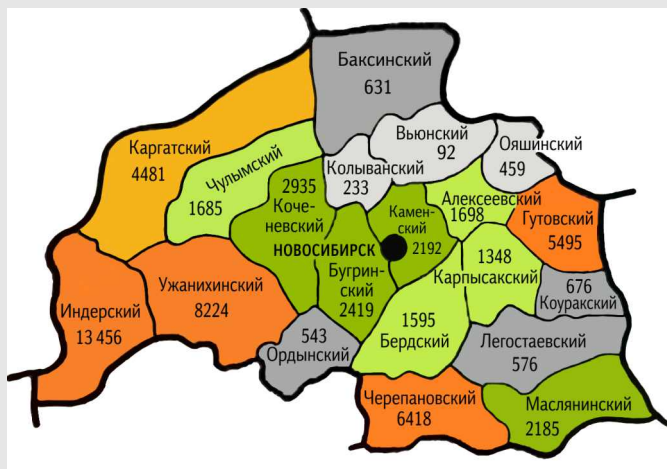
Размещение и численность украинского сельского населения в округах
Сибирского края по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.

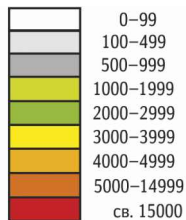
2. Тарский и Омский округ

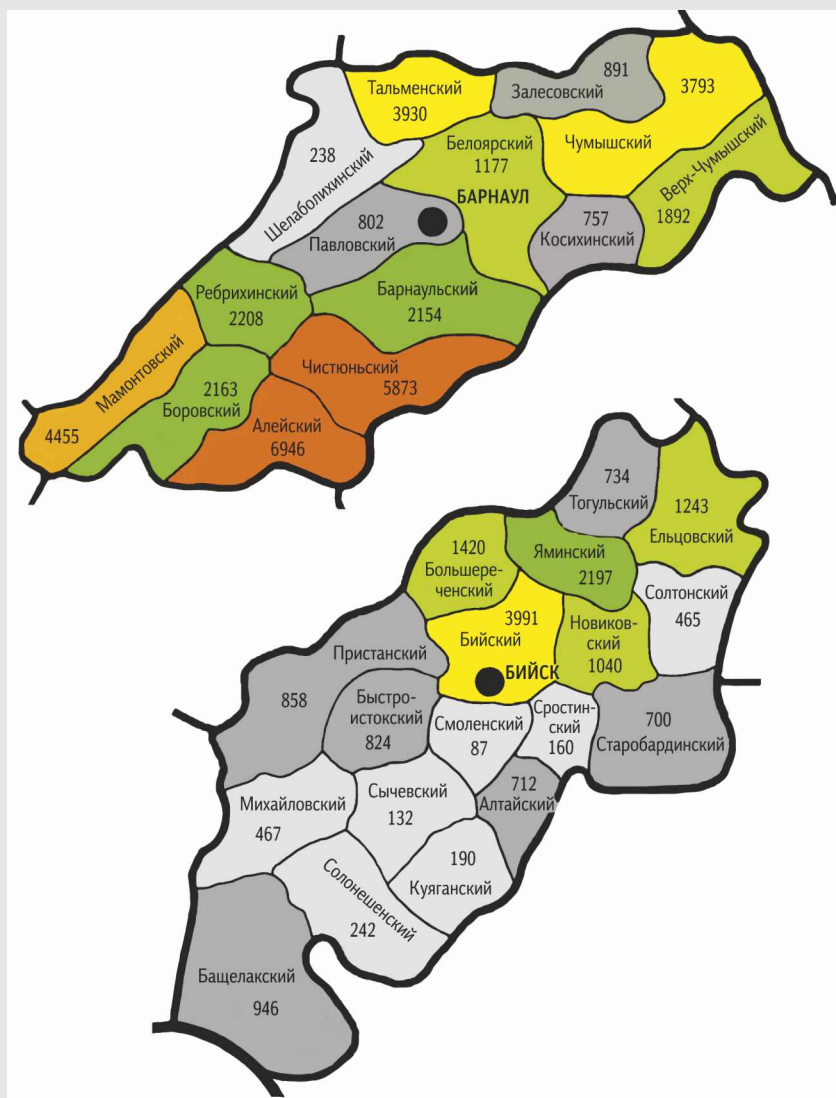

3. Барабинский округ

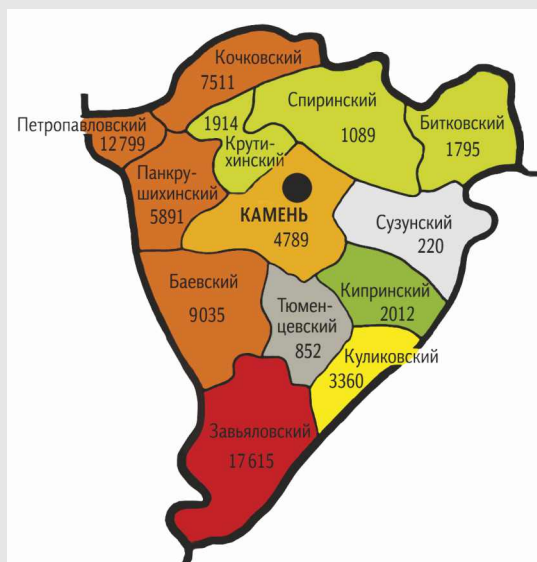

4. Новосибирский округ

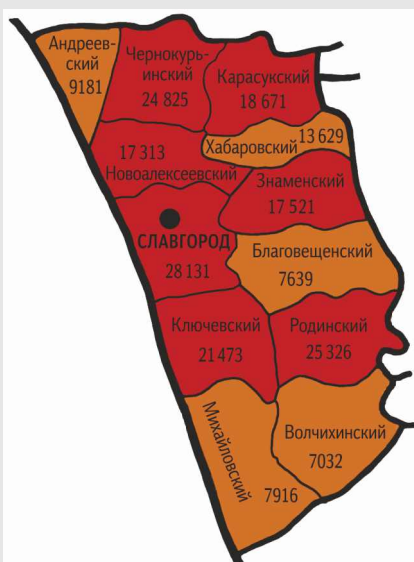

5. Барнаульский и Бийский округа

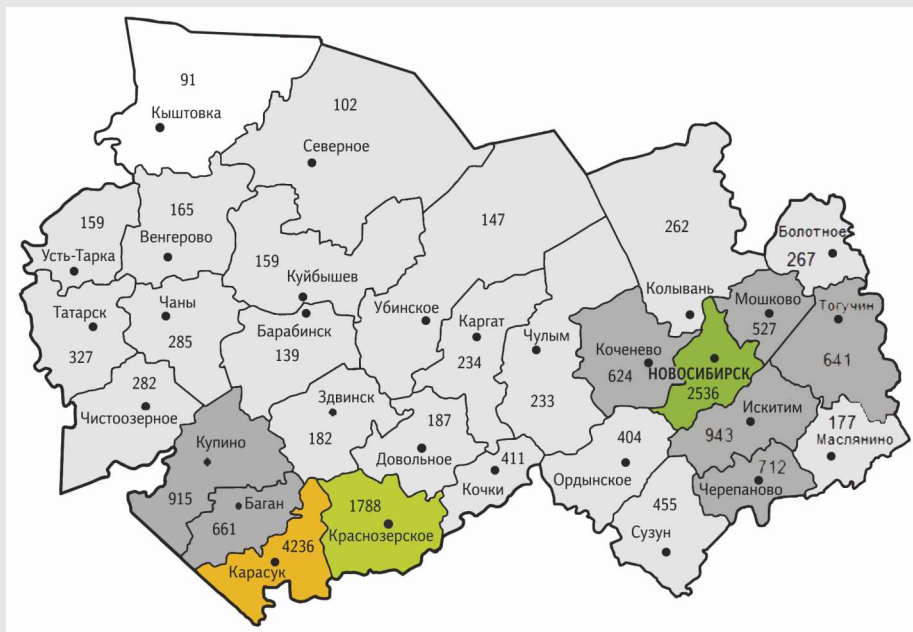
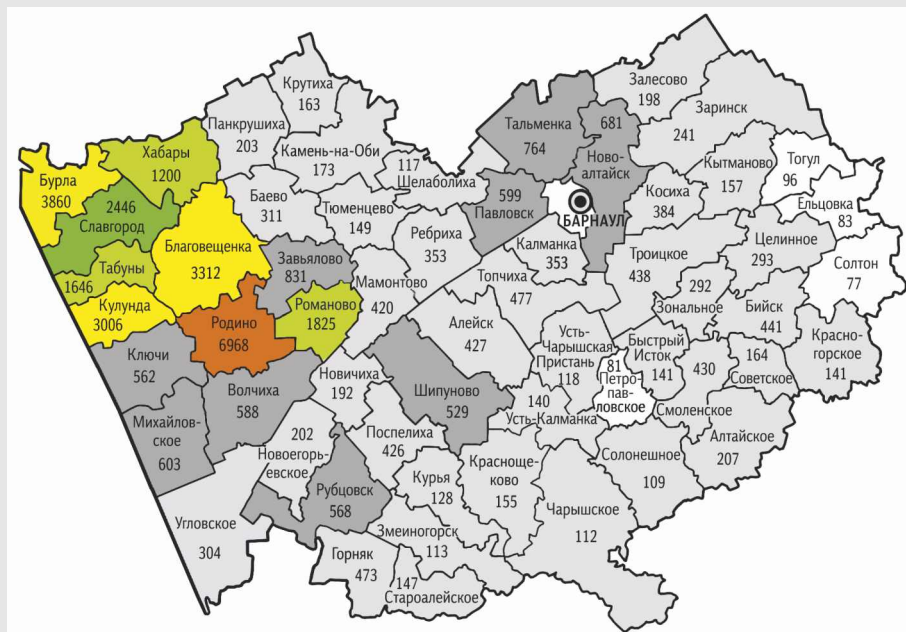
6. Каменский округ

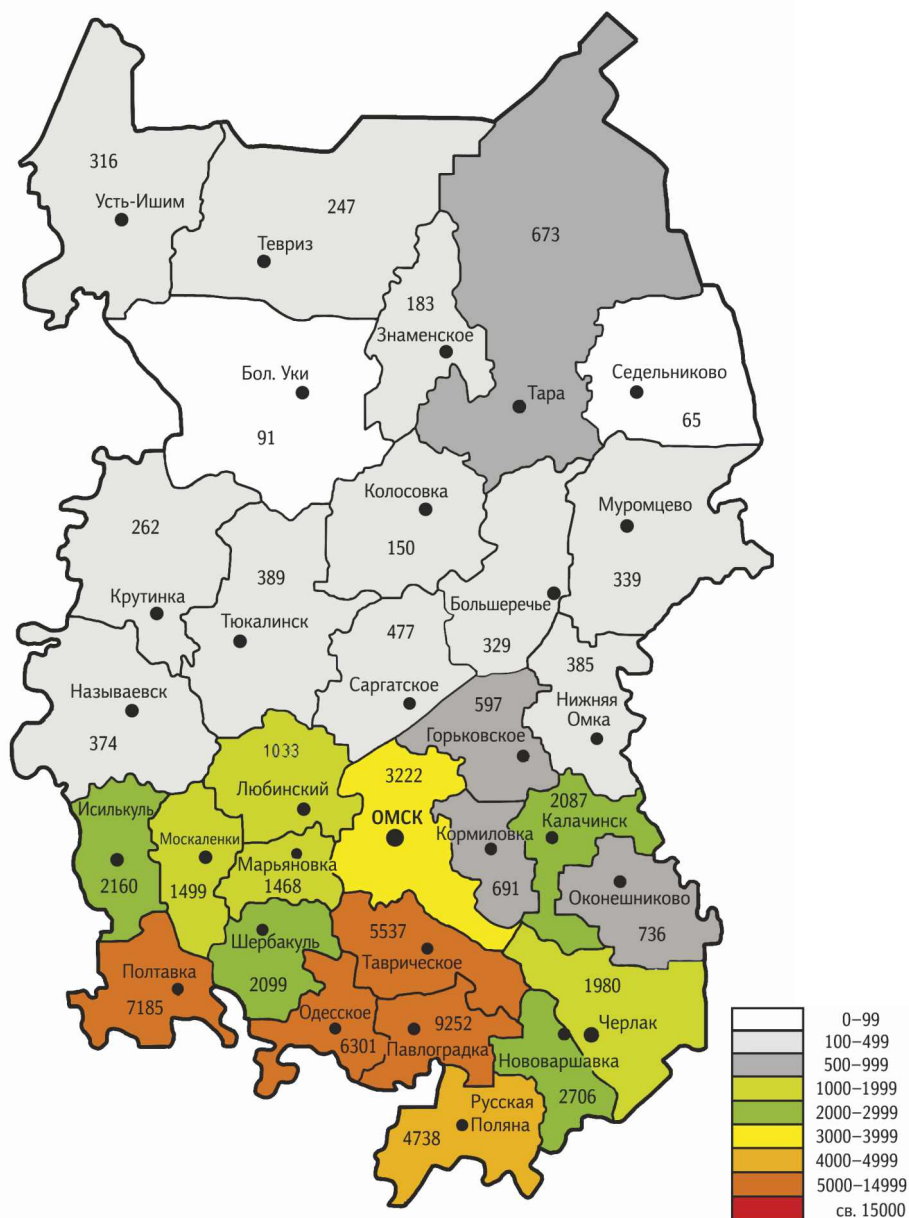

8. Славгородский округ

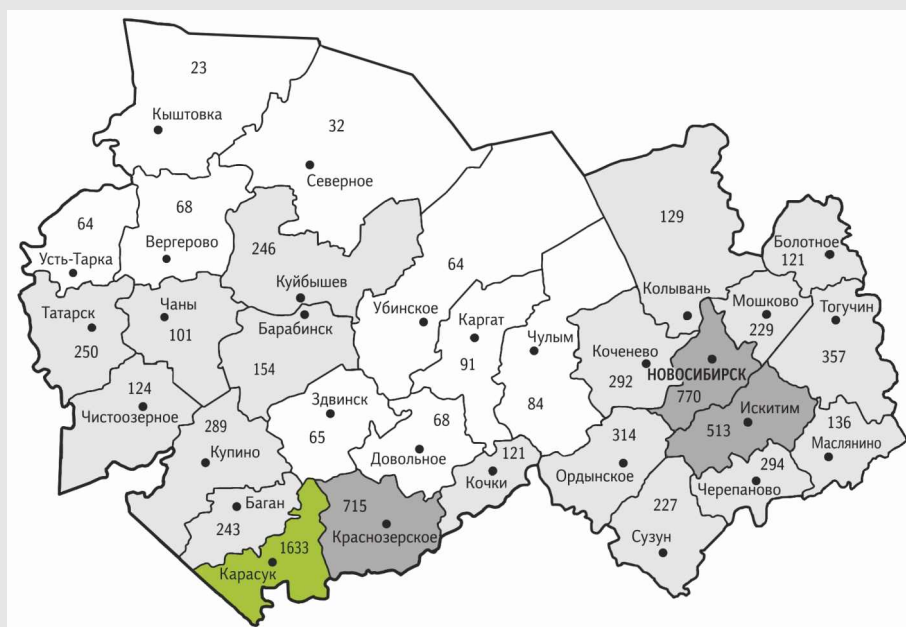
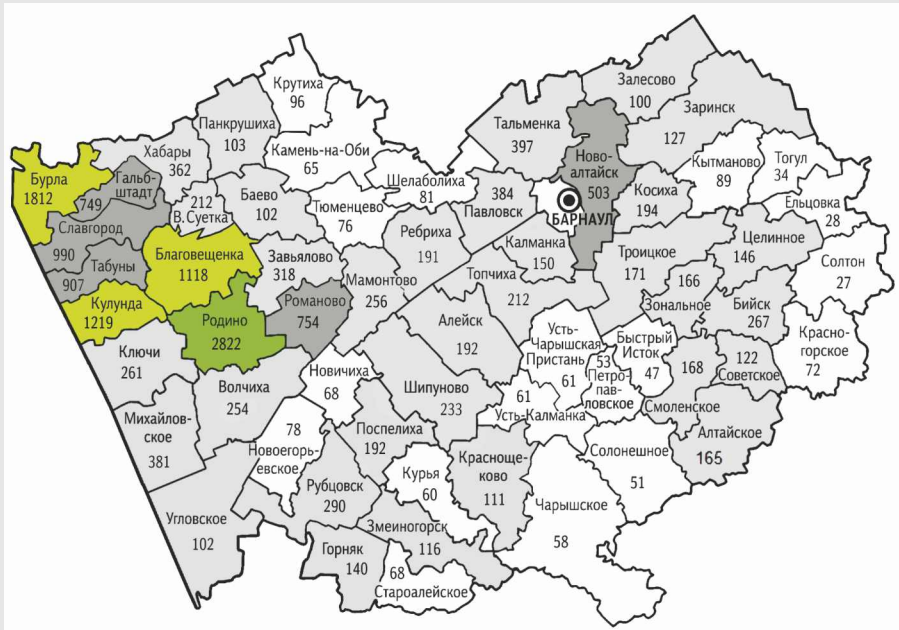

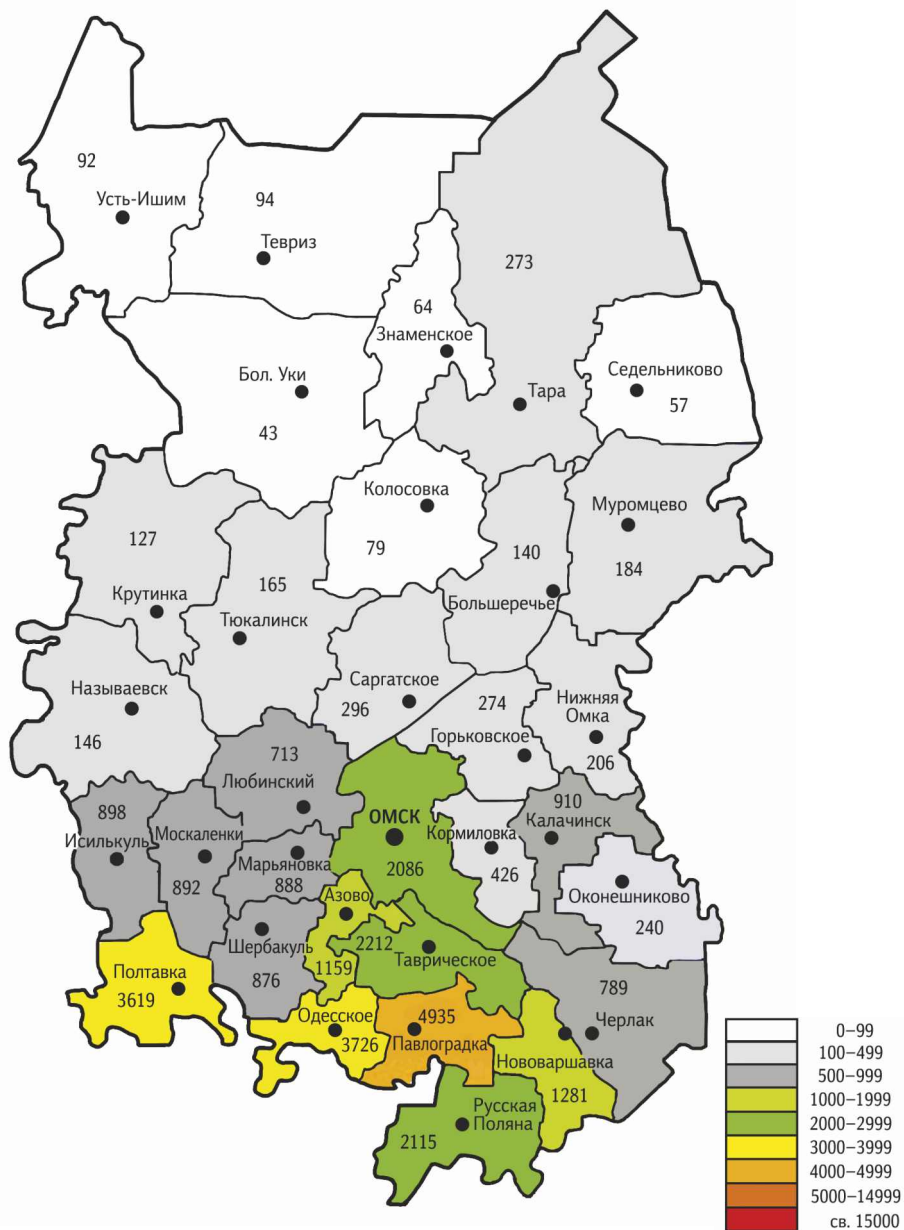
7. Рубцовский округ

11. Размещение и численность украинского населения в сельских районах Омской области по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.

14. Размещение и численность украинского населения в сельских районах Омской области по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

Цв. ил. 1. Рубаха
женская свадебная.
1897 г. Алтайский край.
Заринский район,
с. Староглушенка. АГКМ
ОФ 15550/2 В-3198

Цв. ил. 2. Сорочка женская.
Новосибирская область,
Карасукский район, с. Белое.
Музей Беленской МБОУ СОШ.
Материалы ЭЭ 2015 г.

Цв. ил. 3. Сорочка женская на кокетке. 1920–1930-е гг. Алтайский край, Заринский район, с. Староглушенка. АГКМ ОФ 17331/2 В-7521

Цв. ил. 4. Обработка горловины женской сорочки. Новосибирская область, Карасукский район, с. Белое. Музей Беленской МБОУ СОШ. Материалы ЭЭ 2015 г.

Цв. ил. 5. «Пухли» на рукаве женской сорочки. Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Русско-украинский музей. Материалы ЭЭ 2015 г.

Цв. ил. 6. Вышивка на рукаве женской сорочки. Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Русско-украинский музей. Материалы ЭЭ 2015 г.

Цв. ил. 7. Кофта женская праздничная. 1920-е гг. Алтайский край,
Алтайский район. АГКМ ОФ 15879/3 В-3857

Цв. ил. 8. Юбка. Начало 1920-х гг. Алтайский край, Заринский район,
с. Староглушенка. АГКМ ОФ 15550/4 В-3200

Цв. ил. 9. Юбка.
1930-е гг. Алтайский край,
Родинский район, с. Родино.
АГКМ ОФ 15524/7 В-3126

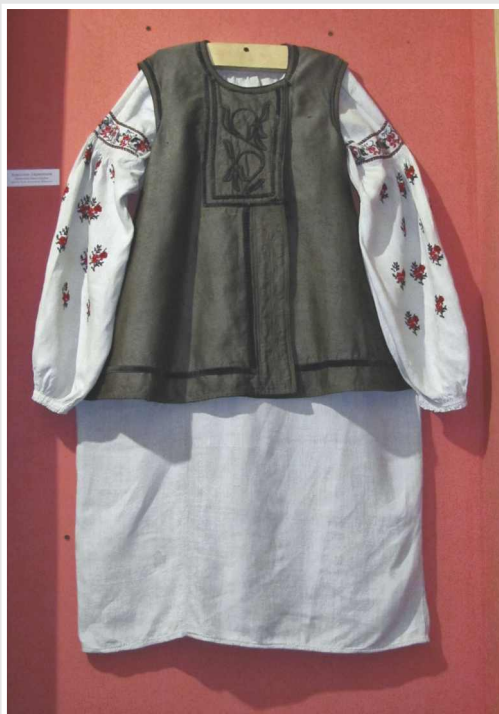

Цв. ил. 10. Передник.
Новосибирская область,
Карасукский район,
с. Белое. Музей Беленской
МБОУ СОШ. Материалы
ЭЭ 2015 г.

Цв. ил. 11. Выступление украинской фольклорной группы «Криница» Кулундинского района Алтайского края в народных костюмах. Материалы ЭЭ 2014 г.

Цв. ил. 12. Сорочка и «керсетка». Алтайский край, Романовский район, с. Романово. РРКМ ОФ 42, 20

Цв. ил. 13. «Керсетка»
Т. М. Семенютиной,
1935 г. р. Алтайский край,
Благовещенский район,
с. Ягодино. Материалы
ИЭЭ 2013 г.

Цв. ил. 14. Сорочка мужская. Алтайский край, Кулундинский район,
с. Кулунда. КРКМ. Материалы ЭЭ 2014 г.

Цв. ил. 15. Фрагмент вышивки мужской сорочки. Алтайский край, Волчихинский район, с. Солоновка. Школьный музей. Материалы ИЭЭ 2011 г.

Цв. ил. 16. Рушник кролевский. Алтайский край, Романовский район, с. Романово. РРКМ ОФ 227. Материалы ИЭЭ 2010 г.

Цв. ил. 17. Украинская хата. Алтайский край, Поспелихинский район, с. Николаевка. Материалы ИЭЭ 2008 г.

Цв. ил. 18. М. И. Степаненко, 1927 г. р., с расписной скрыней, привезенной родителями из Полтавской губернии в конце XIX – XX в. Новосибирская область, Карасукский район, с Белое. Материалы ЭЭ 2015 г.

Цв. ил. 19. Украинский рушник.
Начало XX в. Алтайский край,
Заринский район, с. Новоглушенка.
АГКМ ОФ 18099/1 В-8705

Цв. ил. 20. Украинский рушник.
Привезен из Украинской ССР в 1956 г.
Алтайский край, г. Рубцовск.
РКМ ОФ 20404

Цв. ил. 21. «Божник». Начало XX в. Привезен переселенцами-целинниками из Брянской области. АГКМ ОФ 18340/2 В-9479

Цв. ил. 22. Кролевецкий «божничок» Безнедельной А. А. 1923 г. р.
Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Материалы ИЭЭ
2010 г.

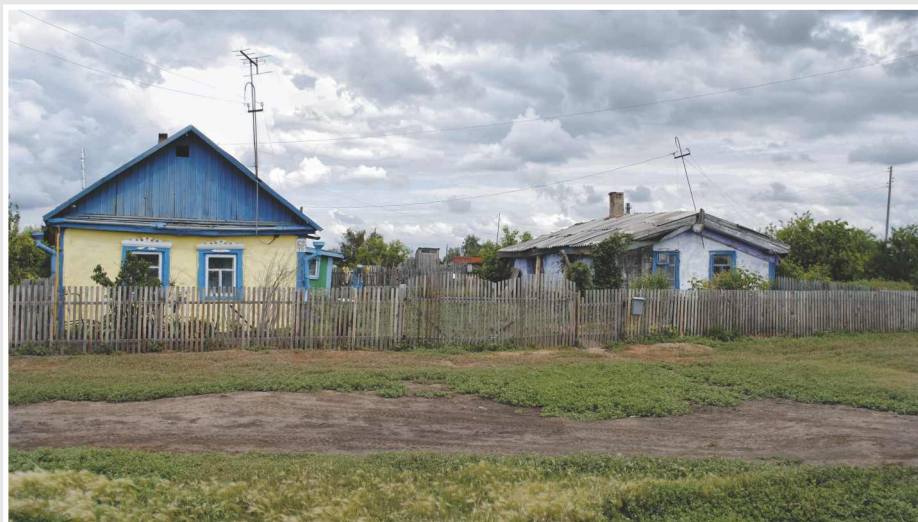

Цв. ил. 24. Свадебный венок в ико-
не. Омская область, Одесский район,
с. Одесское. Экспозиция Музея
истории, культуры и быта Одесско-
го района. Материалы ЭЭ ОмГУ
им. Ф. М. Достоевского, 2013 г.

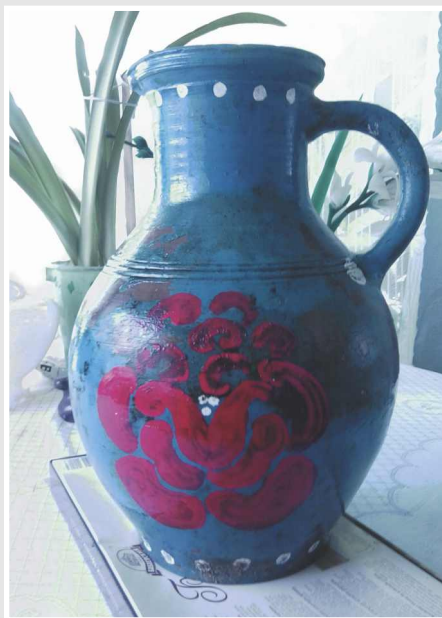
Цв. ил. 23. Крелевецкий рушник.
Алтайский край. Кулундинский район.
с. Кулунда. КРКМ 227.

Цв. ил. 25. Фрагмент экспозиции музея Беленской МБОУ СОШ.
Новосибирская область, Карасукский район, с Белое. Материалы ЭЭ 2015.

Цв. ил. 26. Вид села Лукьяновка. Омская область, Одесский район.
Материалы ЭЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2013 г.

Цв. ил. 27. Кувшин для компота
Косьяненко Е. Л., 1925 г. р.
Алтайский край, Егорьевский
район, с. Лебяжье. Материалы
ИЭЭ 2013 г.

Цв. ил. 28. День села Одесское Омской области. Фонд архивного
отдела администрации Одесского района. Материалы ЭЭ ОмГУ
им. Ф. М. Достоевского, 2013 г.

Цв. ил. 29. Праздничный стол с варениками. День железнодорожника
2014 г. Алтайский край, Кулундинский район, с. Кулунда. Материалы
ЭЭ 2014 г.

В монографии характеризуются динамика численности, семейная структура, семейные отношения и социокультурные практики украинского сельского населения Западной Сибири, рассматриваются изменения важнейших элементов семейного быта (жилища, одежды, пищи) и обрядов жизненного цикла (родильно-крестильного, свадебного, похоронно-поминального) на протяжении конца XIX — XX в., определяется роль семьи в трансляции этнических традиций и сохранении этнического самосознания. Книга написана на материалах, собранных авторами в ходе полевых этнографических исследований на территории Алтайского края, Омской и Новосибирской областей, а также выявленных в музейных и архивных собраниях региона. Работа адресована этнографам, историкам, фольклористам, специалистам в области музейного дела и всем интересующимся культурой восточнославянских народов.